

REPUBLIC OF SOUTH AFRICA

MINISTER OF
EDUCATION

QUALIFICATIONS AUTHORITY

REGISTRATION

Константин Сергеевич Бадигин
Ключи от заколдованного замка

Розе Михайловне Горбуновой.

жене, другу,
посвящаю

От автора

Мне хочется сказать несколько слов о том, как писался роман «Ключи от заколдованного замка». Прежде всего, в романе нет ничего выдуманного — все, что написано, было на самом деле.

О некоторых событиях, освещенных в романе, я отыскал немало публикаций. Например, о последних днях императора Павла нашлось не менее двух десятков. В числе этих публикаций есть сборники рассказов современников, как очевидцев, так и тех, кто был знаком с участниками цареубийства. Однако, как ни странно, но рассказы современников не всегда совпадали в подробностях и создавали путаницу. Я выбрал то, что, на мой взгляд, было наиболее правдоподобным. Записки Саблукова о временах императора Павла и кончине его я взял за основу.

С другой стороны, события в Петербурге, предшествующие созданию Российско-Американской компании, освещены в литературе явно недостаточно.

Зато все, что происходило в Русской Америке в описываемое мною время, ясно представилось по книгам и письмам современников, встречавшихся с правителем Барановым. Это было самое романтическое, но в то же время и драматическое время.

Не совсем ясной для меня фигурой оказался капитан-лейтенант Крузенштерн, упоминаемый в связи с Русской Америкой. Когда я знакомился с многочисленной литературой о плавании кораблей «Надежда» и «Нева», я чувствовал, что все, что говорилось о Крузенштерне, говорилось не до конца.

В русском биографическом словаре Резанов назван начальником кругосветной экспедиции на судах Российско-Американской компании. В этом же словаре Крузенштерн тоже назван начальником той же самой экспедиции. Такое обстоятельство требовало разъяснения. Я затратил немало времени и, как мне представляется, нашел причину этой путаницы. Известный ленинградский ученый-историк А. И. Андреев в свое время занимался этим вопросом. Он справедливо указывал на необходимость использовать все архивные материалы, относящиеся к деятельности Н. П. Резанова и других участников экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева».

Хорошо, что сохранилась рукопись купца Федора Шемелина, участника кругосветной экспедиции, хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е.

Салтыкова-Щедрина. Эта рукопись послужила мне основанием для написания главы, где воспроизведен опрос офицеров корабля «Надежда» в Петропавловске начальником Камчатки генералом Кошелевым.

В моем романе «Ключи от заколдованного замка» нет описания кругосветного плавания компанийских кораблей. Однако я с интересом знакомился со всеми материалами о Резанове, относящимися к плаванию.

Для меня явились большим подспорьем записки приказчика Тараканова о кораблекрушении галиота, принадлежавшего Российско-Американской компании. Описывая события, я на несколько лет сдвинул их по времени, а поэтому изменил имена и название корабля.

Во времена правителя Баранова главная роль принадлежала простым русским людям. Промышленные составляли основную силу русских в Америке.

Исконного помощника русского человека — лошади — в Русской Америке тогда не было. На собаках ездить было нельзя: устойчивого снежного покрова в южных районах не было. Выходило, что единственный способ продвижения у берега и к многочисленным островам были всякого рода лодки.

Русская Америка оставила след в толще народной жизни.

Побывав в Америке, многие русские люди получили прозвище американца или американа. Работая над книгой, я получил Письмо Галины Константиновны Америковой. Она спрашивала, могла ли произойти ее фамилия — Америкова — от ее прадеда, крестьянина, который участвовал в освоении Русской Америки в числе других крестьян из Касимова. По семейным преданиям, фамилия прадеда до поездки в Америку была Муравьев, а после возвращения он стал «американцем», а они — Америковы.

Думаю, что так и произошло. Предок Галины Константиновны Америковой получил новое прозвище, побывав в Русской Америке. Я думаю, что людей с подобными фамилиями в России немало...

Как известно, Баранов взял себе в жены индианку, дочь вождя местного племени. Мне думается, не только ее красота склонила Александра Андреевича к такому важному решению. Он понимал, что брак с индианкой еще больше укрепит его положение среди индейских племен. От брака с индианкой у Баранова были сын и дочь, которых он вырастил и воспитал.

Меня всегда покорял образ простого русского человека Александра Андреевича Баранова, бескорыстного и преданного служителя своей родины.

Наконец, еще один человек оставил заметный след в делах Русской Америки и с полным правом может называться «американцем». Это Николай Петрович Резанов. После смерти Шелихова Резанов сделался главным проводником его идей. Крупный государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук, он хорошо понимал, что для Русской Америки в первую очередь необходимы дешевые сельскохозяйственные товары и рынок для сбыта пушнины. Он ратовал за открытие морского пути из Петербурга на Аляску и за посылку больших кораблей для снабжения и охраны колоний. Предполагалось установить прямые торговые связи с Японией и Китаем.

В 1803 году морская экспедиция на Аляску была отправлена.

Как известно, попытка наладить с Японией торговые отношения окончилась неудачей, и Резанов остался в Русской Америке, чтобы ее «образовать», как он говорил.

К сожалению, в биографии Н. П. Резанова есть досадные пробелы и неясности. Особенно это относится, как мы говорили, к положению его на корабле «Надежда» во время плавания и к отношениям Резанова и Крузенштерна.

Мне думается, что во времена освоения Аляски оседлая жизнь вряд ли была по плечу какому-нибудь европейскому народу, кроме русского. Первые русские поселенцы, сближаясь с аборигенами, перенимали у них много полезного. Носили местную одежду, питались в основном вяленой рыбой, жиром, ягодами и дикими кореньями.

Русские люди относились к аборигенам как к равным, не чуждались их, женились на кадычках и индианках, обзаводились семьями.

Русская Америка в период становления стала заповедным краем, где люди не чувствовали крепостного права, еще существовавшего в России. В освоении Аляски заложен свободный труд русских простых людей. Это одна из ярких страниц из истории России.

Автор

Глава первая. У КОГО ЖЕЛЧЬ ВО РТУ, ТОМУ ВСЕ ГОРЬКО

Император Павел прошел вдоль зелено-белой шеренги кадетов, построенных в новом столовом зале морского шляхетского корпуса. Он сегодня был в хорошем настроении. На улице светило солнце, и лучи его, проходя сквозь стекла окон, накладывали светлые прямоугольники на блестящий паркет. Кадеты были хорошо вымуштрованы, дружно отвечали на вопросы, безошибочно поворачивались и налево и направо по приказу императора.

Неожиданно он остановился и сказал, резко повернувшись к полковнику Логину Ивановичу Кутузову:

— Я весьма доволен вами, генерал-майор!

От радости с полковником, потерявшим надежду на производство в генералы, чуть не сделавшись удар.

— Благодарю вас, ваше величество!

Сегодня император присутствовал на занятиях, остался доволен и двух педагогов за хорошую службу тут же произвел в следующий чин. Ученика-кадета, которого сам спрашивал, произвел в унтер-офицеры. Император попробовал хлеб корпусной выпечки, и он показался ему вкусным.

Павлу Петровичу пришлось по душе перестроенное здание корпуса, а особенно новый столовый зал. Постройка и исправления делались знаменитым архитектором Ф. М. Волковым и были выполнены с большим знанием и вкусом. Не так-то просто сообразить, как из трех домов соорудить фасад корпуса. Волков построил огромный столовый зал длиной в 33 сажени и шириной 20 сажений, без колонн, с висячим потолком. Такой зал был архитектурной редкостью.

Императорский осмотр был весьма поверхностный. Если бы Павел копнул глубже, картина была бы другой. Санитарное состояние корпуса было из рук вон плохим. Чуть не половина кадетов были больны чесоткой. Преподавание велось далеко не на самом высоком уровне. Питались кадеты нелакомо, а нравы учеников и порядки в корпусе не уступали бурсацким. Каждую субботу служители наказывали в дежурной комнате ленивых. Целый день не

прекращались жалобные вопли. Два дюжих барабанщика укладывали виновного на скамью, держали за руки и ноги, а двое других секли розгами так, что кровь текла ручьями. Среди кадетов считалось молодежеством не шелохнуться во время порки. Некоторые скрывали боль и молча, закусив губы, переносили наказание. И в напряженной тишине раздавались зловещий свист лозы и голос офицера, отсчитывающего удары.

Другой мерой воспитания был карцер. Сажали на несколько суток и морили на хлебе и воде. Учителя били учеников линейками по голове и ставили на дресву и горох голыми коленями.

Иногда и кадеты, пользуясь темнотой, расправлялись с жестокими офицерами.

Товарищеское правило — один за всех, все за одного — почиталось среди кадетов нерушимым. Случалось, что уличенного в каком-либо поступке кадета замучивали до изнеможения, добиваясь, чтобы он назвал товарищей, но всегда безуспешно...

На набережной против кадетского корпуса толпился народ. Двадцативесельная галера привезла из Кронштадта полсотни пассажиров, и они рассаживались в коляски и колымаги. Через полчаса набережная опустела. Последними оказались три морских офицера. Усевшись в коляску, запряженную парой вороных, они с грохотом покатали по булыжникам к плавучему мосту через Неву.

Закончив осмотр, из дверей кадетского корпуса вышел император Павел, окруженный блестящей свитой. Дождаясь, пока ему подведут коня, низкорослый и кургузый, в длинном мундире, в ботфортах с широкими голенищами, он стоял в огромной треугольной шляпе, опершись на свою знаменитую палку-берлинку.

Пожалованный Екатериной еще в детском возрасте генерал-адмиралом, Павел, сделавшись императором, не снял с себя это почетное звание, хотя в делах флота не разбирался вовсе и море его укачивало.

Придворный конюх подвел лошадь. Павел, огладив шею своего скакуна, легко вскочил в седло — наездником он был превосходным. Сели в седла и генерал-адъютанты.

Копыта лошадей зацокали по мостовой. У въезда на Невский мост блестящая на солнце золотыми шевронами и аксельбантами кавалькада нагнала коляску морских офицеров.

— Дураки едут, остановить! — услышали офицеры сиплый голос.

Несколько всадников из императорской свиты окружили коляску. Кучер остановил лошадей. Флотские офицеры продолжали сидеть, не понимая, что произошло, и удивляясь обилию генеральских мундиров.

— Что за люди, откуда? — продолжал тот же сиплый голос.

Император Павел подъехал к коляске. Его покрасневшее лицо с вывернутыми ноздрями было отвратительно.

— Почему не выполняете мое повеление, вольнодумцы?!

— Вылезайте, господа, перед вами император! — крикнул кто-то из свиты.

Моряки мигом оказались на мостовой и, вытянувшись, уставили взгляд на императора.

— Не знаете артикула! — хрипел, разбрызгивая слюну, император. — В Сибирь дураков! — Он перенес в детстве серьезную операцию горла, и голос у него был, как говорили некоторые, «гробовой».

— Мы только вчера прибыли из Англии, ваше величество, и нового устава не знаем, — сказал лейтенант Круков, коренастый, с покатыми плечами моряк. Его сильно битое оспой лицо побелело.

— Ваше величество, — сказал, подъехав к императору, генерал фон дер Пален, недавно назначенный петербургским военным губернатором. — Эти флотские офицеры посланы были вашей матушкой императрицей. Вызваны по вашему повелению.

Граф был высок ростом, держался на лошади прямо. Выглядел добродушно, даже весело.

— Наплодила матушка дураков, — уже тише сказал император. — Пусть едут за мной, во дворце разберусь.

Мост проехали шагом. Перебравшись на левый берег Невы, император рванул повод, и породистый конь, привыкший к причудам своего хозяина, вынес его вперед. Справа и слева скакали камер-гусары. Они ехали на таком расстоянии, что головы их лошадей приходились около бедра царской лошади. Сзади остальная свита из генерал-адъютантов и флигель-адъютантов. Позади всех тархтела коляска морских офицеров.

Не напрасно император Павел отозвал из Англии морских офицеров. Пожар французской революции, так его испугавший, перекинулся через пролив Ла-Манш. Матросы королевского флота, угнетенные жестокими порядками, восстали. В апреле прошлого года начались беспорядки на рейде Спитхеда, а в мае вспыхнуло восстание на линейных кораблях в Норе, получившее название великого мятежа. На мачтах трехпалубных семидесятичетырехпушечных кораблей, стоявших на рейде Спитхеда, вместо английского флага под бурные приветственные крики восставших матросов был поднят красный флаг французской революции.

Мятеж в Норе был подавлен правительством ценой больших усилий. Император Павел боялся, что русские моряки заразятся в Англии свободомыслием.

Проехав по Невскому до Казанского собора, Павел повернул к Екатерининскому каналу и въехал на Царицын луг, к большому деревянному оперному дому. Театр был старый и выглядел неопрятно. Объехав три раза вокруг театра, Павел остановился перед главным его входом и крикнул:

— Граф фон дер Пален!

Военный губернатор Петербурга подъехал к императору.

— Чтoб его, сударь, не было! — распорядился Павел, указывая плеткой на театр. — Эта куча хлама намозолила мне глаза. — Пришпорив коня, он поскакал дальше.

О новом театре говорили давно. Обветшалый оперный дом не украшал город. Но император любил внезапно приказов производить впечатление на своих подданных.

Моряки обратили внимание, что прохожие и проезжие избегали встречи с императором. Улицы были пустынные. Как только люди замечали кавалькаду, тотчас сворачивали на другую сторону. Делали это и штатские, а особенно офицеры.

В переулке всадники услышали резкие удары колокола, раздавшиеся из-за забора, не похожие на церковные.

— Что за звон? — закричал император.

— Звонят к обеду у графини Строгановой, ваше величество, — доложил военный губернатор.

— Дура старая, почему обедает в три часа? — разгневался император. — Приказать, чтоб обедала в час!

Один из адъютантов поскакал с приказом к графине Строгановой, а остальные, во главе с императором, двинулись во дворец.

По пути император спросил у незнакомого армейского майора, оказавшего ему все полагавшиеся почести:

— Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев?

— Три, ваше величество!

— А позвольте узнать, господин майор, какие?

— Сегодня — щи, каша да сладкий пирог.

Император повеселел. По его приказу майорскому чину полагался обед из трех блюд.

— Молодец, господин майор, бравый офицер, славный офицер! Считайте себя подполковником.

Адъютанты записали имя, отчество, фамилию очумевшего от радости майора.

У дворцового крыльца император спешил и тут же скрылся за дверью.

— А вы, государи, извольте ехать в Преображенский полк, на ротный двор, и ждите повелений, — сказал военный губернатор фон дер Пален. — Молите бога о благополучном окончании сего прискорбного дела. А теперь познакомимся. — Он вынул записную книжку. — Кто вы? — спросил он у ближайшего к нему офицера.

— Лейтенант флота российского Павел Скавронин, — выступил вперед костлявый и высокий офицер. Он был коротко острижен. Небольшие усики и бакенбарды украшали его лицо.

— А вы?

— Лейтенант Федор Карцов, — выпучив голубые глаза, отрапортовал маленький и полный моряк с густыми рыжими волосами.

— А вы?

— Лейтенант Иван Круков.

— Очень хорошо, господа. Надеюсь, скоро встретимся. — И губернатор поспешил вслед за государем.

Офицеры отпустили коляску, благо до казармы Преображенского полка было недалеко.

— Попали, словно кур в ошип, — тонко пропел Федор Карцов.

— Вот он какой, его величество Павел Первый!

— Вам-то ничего, господа, вы холостяки, — грустно сказал Круков. — А ведь я к жене ехал... Три года не виделись. Она москвичка, моя Леночка.

В Преображенском полку моряки оказались как бы под домашним арестом. Из помещений их никуда не выпускали, но и в карцер не посадили. От офицеров-преображенцев они узнали о многих прискорбных изменениях в столице. После смерти Екатерины гатчинцы устремились в

гвардию, их называли опричниками. Многие возмущались непонятым пристрастием императора к Мальтийскому ордену.

В большой ротной комнате Преображенского полка моряки прочитали вывешенные на стене правила, составленные лично императором. В правилах было сказано, что при встрече с государем на улицах даже дамы должны выходить из экипажей, несмотря на дождь и грязь, и делать глубокий реверанс, статским сбрасывать шинели и по-военному отдавать честь. На улицах не дозволялось произносить слово «курносый» и называть животных «Машкой».

Проходя мимо Зимнего дворца, все горожане должны снимать шапку, несмотря ни на какую погоду, и идти с непокрытой головой, отдавая почести каменному зданию.

С удивлением смотрели моряки на новую флотскую форму. Вместо белых петровских мундиров моряки надевали темно-зеленые, с белым стоячим воротником, скроенные на прусско-голландский манер.

Военные шпагу носили не на боку, как раньше, а сзади. Голову украшала низенькая шляпа, а ноги обуты в ботфорты.

Еще больше удивила процедура причесывания на новый манер. Прибывшего из деревни отставного полковника, призванного императором во дворец, на глазах моряков тут же, во дворе, принялись оболванивать. Остригли спереди, и один из мастеров принялся натирать меловым порошком подстриженные волосы. Потом обернули рогожным кулем, чтобы не выпачкать одежду, и мастер, набрав в рот хлебного квасу, начал опрыскивать ему голову, а после обильно посыпать мукой.

Сделав прическу, полковнику приказали сидеть и ждать, пока на голове образуется клеевая корка. Сзади к волосам привязали железный восьмивершковый прут, чтобы сделать косу согласно артикулу. Букли приставили из войлока, прикрепив их на проволоке, огибавшей череп и державшей войлочные украшения на высоте половины уха.

Через три часа клеевая корка на голове затвердела, и полковнику разъяснили, что теперь он может стоять несколько часов под дождем либо снегом без всякого ущерба для новой прически.

Только через пять дней в Преображенский полк прибыл один из флигель-адъютантов, находившийся в императорской свите в тот памятный день.

— Немедленно во дворец, господа офицеры, — скомандовал он морякам, — император приказал.

Несмотря на то, что дворец был совсем рядом, офицеров повезли в коляске командира полка.

Дворец был похож на казарму. На плацу маршировали солдаты. Беспреданно входили и выходили офицеры с повелениями и приказами. Отовсюду раздавался назойливый топот сапог и позванивание шпор.

Адмирал Кушелев встретил моряков у подъезда и объявил, что император хочет их видеть немедленно. Он отвел их во внутренние покои дворца и велел ждать в большой продолговатой комнате среди военных всякого звания, одетых в странные, невиданные мундиры.

— Я вам окажу поддержку, — шепнул адмирал недоумевающим офицерам.

Наконец раскрылись высокие резные двери. В приемную вошел император, в мундире и с тростью в руках, и, твердо вышагивая, направился к морякам.

— Вы не хотите мне служить?... Вы желаете служить аглицкому королю? Вы якобинцы! Я разрушу ваши идеи... Уволить в отставку... В Сибирь!

Павел Петрович был явно не в себе и даже замахнулся берлинкой на лейтенантов.

— Мы русские, ваше величество, — твердо ответил лейтенант Круков, — и, кроме русского мундира, другой мундир не наденем!

Адмирал Кушелев приблизился к императору и стал ему что-то тихо говорить. Император будто немного успокоился.

— Уволить в отставку без мундира и орденов, — отрывисто приказал он, — отправить на Аляску. Говорят, там и ворону ваших костей не сыскать.

Адъютанты вывели перепуганных моряков из приемной. У окна в одном из коридоров они рассказали о причине столь сильного гнева императора.

Оказывается, вернувшийся вместе с ними из Англии лейтенант Акимов, поэт и вообще человек восторженный, поразился происшедшими в России переменами. Ему казалось, что все перевернуто вверх дном.

Он обратил внимание на Исаакиевский собор, который достраивали кирпичом, тогда как нижняя его часть, сделанная в царствование императрицы Екатерины, была мраморной. И поэт, под впечатлением всего увиденного, написал четверостишие:

Се памятник двух царств

Обоим столь приличный.

На мраморном низу

Воздвигнут верх кирпичный.

Ночью лейтенант Акимов отправился к собору и прикрепил бумагу со стихами к одной из его стен.

Павел Петрович был страшно разгневан и приказал строго наказать поэта. Акимов исчез из Петербурга, и только в царствование Александра, когда все ссыльные были возвращены, родные узнали о его участи.

Через час полицейские тройки лихо покатали в Сибирь разжалованных моряков. Им предстоял долгий путь. Император Павел по совету адмирала Кушелева приказал отправить «провинившихся» в Русскую Америку.

На углу Садовой и Невского тройки едва не сшибли переходившего улицу статского советника Николая Петровича Резанова. Под ноги ему упал конверт.

«Прошу переслать письмо в Москву, — прочитал на конверте Резанов. — Улица Ильинка, собственный дом купца Толстоухина, госпоже Елене Петровне Круковой».

Николай Петрович сразу все понял. Стремительный характер императора и его чрезмерная придирчивость и строгость приводили к тому, что за ничтожные недосмотры и ошибки офицеры отсылались в другие полки, а то и в Сибирь прямо из дворца. У гвардейских офицеров вошло в обычай класть за пазуху несколько сот рублей, чтобы не остаться без

денег в случае внезапной ссылки.

Николай Петрович был опытным государственным деятелем, он начал службу при Екатерине и недавно был определен обер-прокурором в Первый департамент Сената.

Краткая история его такова: бывший офицер лейб-гвардии Измайловского полка Резанов честолюбив и беден. Призвания к военной службе не чувствовал. Его не прельщала разгульная жизнь гвардейских офицеров. Знакомство с поэтом Державиным склонило к литературе, он полюбил поэзию. Державин приблизил его к себе и познакомил с некоторыми русскими сочинителями, в том числе с Иваном Дмитриевым.

Заручившись поддержкой Державина, Николай Петрович решил попробовать свои силы на штатской службе и вышел в отставку в чине капитана. Он стал быстро продвигаться по служебной лестнице, и через несколько лет Державин, будучи статс-секретарем для доклада государыне по сенатским делам, взял Резанова к себе на должность правителя канцелярии. После ухода Державина в Сенат Николай Петрович некоторое время был докладчиком у императрицы Екатерины.

Когда знаменитый мореплаватель Григорий Шелихов приехал в Петербург хлопотать о своих американских делах, Резанов по просьбе своего отца провел ходатайство Шелихова через Сенат и доложил императрице в благоприятном для Шелихова свете. Так началось знакомство Шелихова и Резанова.

По повелению императрицы в Иркутск должен был выехать нарочный от двора и привезти о делах Шелихова обстоятельное донесение в Петербург.

Личным посланцем Екатерины оказался Резанов.

Злые языки утверждали, будто последний фаворит императрицы Екатерины, Платон Зубов, проревновал приглянувшегося императрице умного, красивого Резанова и поспешил отправить его подальше от столицы.

По приезду в Иркутск Резанов был обласкан Шелиховым. Купец посвятил Николая Петровича во все свои планы. А скромность и красота его старшей дочери крепко привязали тридцатилетнего чиновника к дому Шелиховых. Вскоре Анна стала его женой.

В первый же год супружества, в 1795 году, совсем неожиданно Григорий Иванович умер, и тогда Резанов, кроме семейных обязанностей, взял на себя и исполнение заветов своего тестя.

Но сейчас мысли Резанова были далеки от Русской Америки. Последние дни Петербург был взбудоражен падением фрейлины Нелидовой, дамы сердца императора Павла. Это был настоящий дворцовый переворот, повлекший за собой удаление от двора многих лиц, державшихся благодаря ее влиянию на императора. Поговаривали, что опала Нелидовой была связана с доносом царедворца Кутайсова, от которого Павел узнал, что фрейлина получила в прошлом году от английского посла Витворта триста тысяч рублей за одобрение торгового договора... Иные утверждали, что взятка пустое дело, а виной всему Анна Петровна Лопухина, новое увлечение Павла Петровича, назначенная недавно камер-фрейлиной. Ее отец, Петр Васильевич Лопухин, неожиданно для всех получил должность генерал-прокурора Сената. Должность весьма высокая. Обладавший властью генерал-прокурора был правой рукой императора.

Опальная фрейлина Елена Нелидова поняла, что не сможет бороться с более молодой соперницей, и предпочла удалиться.

Царедворцы принялись топить приближенных Нелидовой, выслуживаться тайными доносами,

возбуждая недоверчивость государя.

Разобраться в создавшейся обстановке было не просто, и Николай Петрович решил выждать.

После встречи с полицейскими тройками он шел не торопясь, обдумывая — в который раз — все обстоятельства дворцовых событий. Вернувшись домой, Резанов распорядился отправить подброшенное письмо с первой почтой, отходившей в Москву по понедельникам и четвергам, и уселся за обеденный стол.

Неожиданно в передней появился полицейский офицер, посланный графом фон дер Паленом.

— Генерал-губернатор вас ждет завтра ровно в десять, ваше превосходительство, — сказал полицейский.

Резанов почти не знал нового генерал-губернатора. Год назад этот умный и решительный человек был несправедливо отстранен от своей должности и оскорблен императором. В своем новом капризе Павел приблизил генерала и назначил его губернатором Петербурга.

На следующий день Резанов в десять часов вошел в кабинет военного губернатора.

Его приветливо встретил высокий генерал с проседью на висках. Он показался Резанову добродушным и воспитанным человеком.

— Удивляетесь, почему затруднил вас вызовом?

— Да, решительно не могу догадаться.

— Я хотел поговорить с вами о порядках прохождения дел в Первом департаменте. Император поручил мне выяснить некоторые обстоятельства. Вы — обер-прокурор. Я не ошибся? Конечно, наш разговор будет носить конфиденциальный характер. — Генерал во время разговора не выпускал изо рта дымящуюся трубку.

Резанов молча наклонил голову.

Разговор закончился быстро, в какие-нибудь полчаса. Николай Петрович дал обстоятельный ответ на все вопросы генерала и обмолвился, что хочет пойти в отставку.

— Вы произвели на меня весьма хорошее впечатление, ваше превосходительство, — сказал фон дер Пален. — Пока я генерал-губернатор, в отставке вам не бывать. Умные люди нужны государству, тем более в такое время. Может быть, у вас есть затруднения? Буду счастлив вам помочь.

Резанов подумал и откровенно рассказал о делах купеческих компаний в Русской Америке, о значении, которое может иметь Америка для Русского государства.

— Гм... Все, что я услышал, ваше превосходительство, интересно и важно для России. Я буду вам помогать. На кого из вельмож вы можете рассчитывать в настоящее время? Говорите откровенно, не стесняйтесь.

— Граф Николай Петрович Румянцев, президент коммерц-коллегии, сенатор, главный директор государственного заемного банка.

— Знаю, знаю. Прекрасный, умный человек. Ну, а еще?

— Адмирал Мордвинов... Тайный советник Державин. И все, пожалуй.

— Что ж, на первый случай довольно. Считайте и меня в вашем активе.

— Очень благодарен, ваше превосходительство. — Резанов встал и крепко пожал руку генералу. — Ваша помощь бесценна. Предстоит борьба с конкурентами, которые считают, что в Америке все нужно оставить в первозданном виде. Они, наверное, предпримут шаги во дворце.

— Попробую спасти вас от конкурентов, ваше превосходительство, — улыбнулся фон дер Пален. — Однако сейчас меня беспокоит другое. Россия находится на рубеже больших событий. По-видимому, краткая мирная передышка окончилась.

— Неужели война, ваше превосходительство?!

— Будем называть друг друга по имени-отчеству, милейший Николай Петрович, вы согласны? Да, война, причем война непонятная, вовсе России не нужная. Можно быть с вами откровенным?

— Буду рад, Петр Алексеевич.

— Император Павел Петрович считает, что он должен восстановить опрокинутые французской революцией троны и престолы. Мы вошли в европейскую коалицию, направленную против республиканской Франции, совершенно бескорыстно, чтобы покарать державу, в которой, как сказал император, развратные правила и буйственное воспаление рассудка попрали закон божий и повиновение установленным властям...

Фон Пален приостановился и посмотрел на Резанова.

— Я вас внимательно слушаю, Петр Алексеевич.

— Пожалуйста, стакан лафита, Николай Петрович. — Губернатор подвинул Резанову бутылку вина и бокал. — Австрия и Англия приложили все силы, чтобы втянуть Россию в войну против французского «богомерзкого» правления и выманить наши войска за границу. О-о, они умеют загребать жар чужими руками... Что же касается защиты монархических престолов, война с идеями?! Да стоит ли проливать за это русскую кровь? Конечно, успехи французских войск в Европе способствуют быстрому распространению революционных идей, но я считаю, что России это почти не коснулось и воевать нам не пристало.

— Я с вами согласен, Петр Алексеевич, — поддакнул Резанов.

— Но это еще не все. Недавно нам стало известно, что французская эскадра, направляясь к берегам Египта, захватила остров Мальту вместе с хорошо укрепленной крепостью Ла-Валлеттой. В Египте французы высадили корпус под командованием генерала Бонапарта. Египет принадлежит туркам, а остров Мальта Мальтийскому ордену святого Иоанна Иерусалимского.

— Не вижу ущерба России. Наоборот, нанесен удар Оттоманской империи, нашему исконному врагу.

— Ущерб России нет... Но предсказываю вам, — фон дер Пален поднял палец, — остров Мальта окажет зловещее влияние на русскую политику!

— Но почему?!

— Вы забыли одно обстоятельство. Сочувствие цесаревича Павла рыцарским традициям Мальтийского ордена воскресло со страшной силой в самодержавном императоре. Недавно его величество принял титул покровителя ордена. Многие считали, что это невинная забава, нечто вроде потешного гатчинского войска, и все закончится раздачей мальтийских крестов.

Однако новая императорская забава не пройдет для России бесследно. В самое ближайшее время вы сможете убедиться в правоте моих слов.

— Не дай бог, если ваши слова оправдаются. — Резанов допил свой бокал, собеседники немного помолчали. — Я услышал вчера новость и не знаю, Петр Алексеевич, верить ли?

— Что за новость, Николай Петрович?

— Мне сказали, что тело покойного князя Потемкина вынута из гроба и выброшено...

— А... Вот в чем дело! Доля правды здесь есть. Однако говорю конфиденциально, Николай Петрович: императору стало известно, что тело покойного князя доныне еще не предано земле, а содержится в склепе под церковью и от людей бывает посещаемо... Находя сие непристойным, государь высочайше соизволил, дабы тело без дальнейшей огласки в том же склепе было погребено в особо сделанной яме, а сам склеп засыпан землей и сглажен так, как бы его никогда и не бывало.

— Но для чего это сделано? — вырвалось у Резанова.

— Не могу знать... Вчера я получил новое повеление императора. Памятник, сооруженный Екатериною в Херсоне князю Потемкину, он приказал разрушить. В указе разъяснялось, что подданный, управление которого было столь порочным, не мог заслужить подобной чести.

— Боже мой! Такова благодарность России своему герою...

— Нет, не России, только лишь императора. — Граф Пален посмотрел на своего гостя и вздохнул. — Не кажется ли вам, дорогой Николай Петрович, что императорскую власть для пользы России следует укоротить? Расширить права Сената, сделать из него что-нибудь вроде английского парламента?

— Вы говорите о конституции, Петр Алексеевич? Если так, то могу заверить, что конституция при императоре Павле вещь совершенно несбыточная.

— Конечно, добровольно он не согласится, — добродушно сказал граф Пален. — Но ведь можно заставить...

— Не вижу никакой возможности к свершению сего дела, Петр Алексеевич. — Резанов очень удивился речам генерал-губернатора. И даже растерялся, хотя виду не подал.

— Стакан лафиту, дорогой Николай Петрович, прошу... — Губернатор налил Резанову еще красного вина. — Вы правы, конечно, дело весьма трудное... — Он встал и несколько раз прошелся по кабинету, заложив правую руку за борт мундира.

Разговор перешел на другую тему.

— Великий князь Константин Павлович, — сказал, приостановившись, губернатор, — опять подшутил над своей августейшей супругой. Он назначил в ее спальню взвод гвардейских барабанщиков. По его сигналу барабанщики стали бить утреннюю зорю. Великая княгиня, слабая и больная, спросонок так испугалась, что чуть было тут же, на месте, не умерла.

— Невероятно!

Прощаясь с Резановым, губернатор проводил его до передней.

— Обращайтесь ко мне тотчас же, как будет надобность, — сказал он, — и верьте, что обрели нового друга.

Когда великий магистр Мальтийского ордена Гомпеш сдал французам без всякого сопротивления остров Мальту, а сам удалился в Триест, гнев покровителя ордена императора Павла был безмерен. Он обнародовал грозный манифест. Петербургское собрание мальтийских кавалеров протестовало против сдачи Мальты, объявило Гомпеша лишенным достоинства великого магистра и предоставило судьбу ордена на волю императора Павла.

Император назначил две тысячи гренадеров под начальством генерал-майора князя Волконского в гарнизон Мальтийской крепости. Отряд спешно выехал, чтобы погрузиться на корабли эскадры адмирала Ушакова, готовящегося выйти в Средиземное море.

Недавно эскадра вице-адмирала Ушакова прибыла в Константинополь. Адмирал был радушно встречен жителями столицы. Турецкое правительство оказало ему неограниченное доверие. Султан в знак особого благоволения подарил Ушакову золотую табакерку и для раздачи нижним чинам две тысячи червонцев. Снабжение всем необходимым, а главное, продовольствием турецкие власти приняли на себя.

Турки узнали о совместном походе с удивлением. Оттоманская империя на протяжении веков была заклятым врагом России. И вот теперь русский флот выступил в ее защиту.

На эскадру вице-адмирала Ушакова, состоявшую из шести кораблей, семи фрегатов и трех бригов, кроме двух тысяч гренадеров, предназначенных для гарнизона крепости, погрузилась еще одна тысяча семьсот человек сухопутного войска для десанта.

В Дарданеллах под его командование вошла турецкая эскадра из четырех кораблей, шести фрегатов и гребной отряд из десяти канонерских лодок.

На Средиземном море обстановка была сложная. Французский флот, доставивший Наполеона с армией в Египет, совсем недавно был разбит английским адмиралом Нельсоном при Абукире.

Король сардинский, итальянские владения которого были захвачены французами, находился на острове Сардиния. Король неаполитанский жил в городе Палермо, охраняемый английскими военными кораблями. На острове Мальта французский гарнизон держался в крепости Ла-Валлетта, блокируемой англо-португальским флотом.

Англичане накрепко заперли испанский флот, скрывавшийся в Кадиксе. Французский флот, окруженный морскими силами англичан, находился в Бресте.

Вице-адмирал Ушаков получил от императора приказ освободить от французов Ионические острова, изгнать французов при содействии англичан из Южной Италии и восстановить там королевскую власть.

Глава вторая. «МОРСКИЕ, СЕВЕРНОГО ОКЕАНА, ВОЯЖИРЫ»

28 июля вскоре после полудня в Павловскую гавань на острове Кадьяк¹ прибыл небольшой отряд из тридцати байдарок. Охотники высадились на высокий каменистый берег, где расположилось селение. В Воскресенской деревянной церкви отпевали покойника, из ее открытых дверей раздавалось печальное пение. Тоненько позванивал церковный колокол.

Крестясь и кланяясь, черноволосые, стриженные в кружок кадьякцы и русские во главе с Иваном Кусковым направились к дому правителя Баранова.

На кухне правителя топилась огромная печь, было жарко, Баранов выпил несколько чашек чая из кипящего самовара и совсем разомлел. Он снял с себя меховую рубаху и остался в русской полотняной косоворотке. Парик он тоже снял и положил на стол. Баранову за пятьдесят. Он небольшого роста, сухощав и подвижен. Лицо выразительное, глаза голубые, ласковые. Он совсем лыс, только сзади немного сивых волос, будто приклеенных к голому черепу.

У крыльца залапали собаки. Баранов не повернул головы.

— Александр Андреевич, — сказал плечистый промышленный², появившийся в дверях. — Передовщик Иван Кусков просит тебя на крыльцо.

— Пусть войдет в дом, — отозвался Баранов, утирая пот большим полотенцем. — Что там стряслось? Он забеспокоился, но не показал виду... Партия Ивана Кускова должна промышлять бобра в Чугачской губе.³

В дверях показался высокий и носатый Иван Кусков. Он был очень молод, но деловит и упорен. Баранов любил его и верил ему. Александр Андреевич сразу понял, что передовщик устал. Под глазами черные круги, нос заострился. В огромных руках он мял свою меховую шапку.

— Садись, Ваня, попей чайку.

Кусков бросил шапку на пол.

— Не время чаи распивать, Александр Андреевич... Лебедевский мореход и приказчик Григорий Коновалов много наших байдарок захватил, ограбил сухие запасы, а тех кадьякцев, что не захотели на него работать, забил до смерти. наших промышленных грозит смерти предать. Говорит, я-де отучу вас в Чугачскую губу плавать. Никаких законов для него нету. Мне, говорит, токмо в Енисейске с долгами рассчитаться да дело свое открыть, а на прочее мне наплевать. Жительствовать я здесь, на Аляске, не собираюсь, и диких мне жалеть нечего...

— Сколько у него русских промышленных?

— Да более шестидесяти наберется.

— А лебедевский передовщик Петр Коломин, как он?

— Петр Коломин не захотел подчиниться Коновалову и очень его осуждает... Тойон Григорий Рассказчик просил тебе передать, что жизни для его народа не стало. Коновалов в аманаты жен ихних хватает. Чугачи к нам в праздник ехали, у нас их дети в аманатах, а коноваловские их силком к себе увели.

Баранов изменился в лице. Непонятно, по какой причине вытер руки о чайное полотенце, висевшее через плечо. Он почувствовал опасность, нависшую над промыслами. Ведь все происходило на глазах туземцев и не могло не озлобить их против русских.

— Григорий Рассказчик просил тебя, Александр Андреевич, приехать. Без тебя, говорит, худо будет...

— Иди отдыхай, — сказал Баранов. — Я все подготовлю. Всех соберу, кто ружье в руках может держать.

Через три дня Баранов приготовился к походу. Небольшая, но удобная к управлению галера «Ольга» с парусами и веслами была вооружена пушками, снятыми с павловских укреплений. В трюме находился изрядный запас пороха, сотня чугунных ядер и товары для торговли с

индейцами. Галеру сопровождали две большие байдары с русскими промышленными и сто кадыякских двойных байдарок. Из двухсот широколицых и широкоплечих кадыякцев сорок пять были вооружены ружьями.

Байдары и байдарки — не одно и то же. Байдара русской постройки гораздо вместительнее, может взять на борт двести пудов груза и девять промышленных. Обшивкой ей служат толстые сивучьи шкуры. Длинной байдара обычно десять шагов. Шла она на веслах, но могла ходить и под парусом.

В пути Баранов подробно расспросил всех, кто знал, где расположено селение Коновалова и как оно защищено, крепки ли там постройки.

Однако Александр Андреевич рисковал. У Коновалова в отряде около сотни русских — смелых и хорошо вооруженных людей. И с тридцатью промышленными соваться в логово злобного зверя было опасно. Но Александр Андреевич рассчитывал на удачу. Ему везло, он всегда одерживал победы, и за ним на Аляске утвердилась слава непобедимого, могучего человека.

Двое суток добирались до острова Цукли, ветер был попутный, и всю дорогу шли под парусом. Александр Андреевич вел галеру сам. Он мог проложить курс, взять пеленг. Обладая хорошим глазомером, он точно определял расстояние до берега. И зрительная память у него была отличная — очертания берегов он запоминал с первого раза.

Открылась южная оконечность острова Цукли, холмистая, поросшая лесом. Александр Андреевич опознал мыс по скале с двумя вершинами, торчавшей у самого берега. Он разглядывал берег, сбив на затылок войлочную шапку и прикрыв ладонью глаза.

Целых двадцать часов шли под берегом острова. Миновали много бухт и приметных мысов. Повсюду зеленели леса. Промышленные видели бурых медведей, топтавших на прогалинах.

Галера плавно покачивалась. Она то проваливалась куда-то вниз, то поднималась над волнами. От береговых скал глухо доносился грохот океанского прибоя.

У гористого острова Хтагелюк к галере подошла большая лодка с индейцами. Было раннее утро. Погода пасмурная, моросил дождь, с гор напалз синеватый туман. За мысом зыбь прекратилась, и галера шла спокойнее, чуть переваливаясь с борта на борт.

— Это я, Григорий, — раздался голос с индейской лодки. — Мне нужен нанук Баранов.

— Я здесь.

Григорий Рассказчик мигом взобрался на борт галеры.

Александр Андреевич принял вождя чугачского племени ласково, обнял и посадил с собой.

— Спаси нас, нанук, — сказал вождь, — и дружба наша станет вечной. Я верю тебе, как и прежде. В знак великого доверия привез тебе в аманаты свою дочь.

— Спасибо, Григорий. Постараюсь помочь. Но что сделал тебе Коновалов?

— О-о, он захватил многих жен нашего племени, убивает и увечит людей. Он грабит наши запасы и страхом хочет заставить повиноваться.

— Я научу его быть вежливым, — твердо сказал Баранов. — Покажи, стало быть, где засел этот разбойник.

Правитель взглянул на дочь вождя. Она была очень красива. Черноволосая, с большими глазами и маленьким, чуть с горбинкой, носом.

Открылся залив Чугач. Александр Андреевич приставил к глазу подзорную трубу. Горы со снеговыми вершинами обступили залив со всех сторон. В расселинах гор лежат вековые льды. Есть и лес, он растет кое-где на горах и падах. Ель и лиственница, ольха и березняк попадаются на глаза. В низинах растут кустарники...

Галера «Ольга» приблизилась к острову, сплошь заросшему лесом, и вошла в глубокий заливчик. В подзорную трубу Баранов видел два деревянных дома на мыске, окруженных бревенчатым забором. На высоком помосте стояли две чугунные пушки.

Галера подходила все ближе. Пушки, а их по четыре с каждого борта, готовы к стрельбе. Сотня кадьякских байдарок сгрудилась возле «Ольги», ожидая сигнала Баранова.

— Ванюша! — обернулся Александр Андреевич к Кускову. — Возьми четырех мужиков да подойди на байдарке к коноваловским хоромам. Смело входи в дом и скажи, что Баранов здесь. Ежели хотят по-хорошему обойтись, пусть своего атамана в железа закуют да приведут ко мне. А похотят заодно с ним быть, пусть на Баранова не пеняют.

— Слушаюсь, Александр Андреевич, сделаю.

Кускова ни на миг не смутила мысль, что приказание Баранова выполнить не так-то просто.

— Иди не мешкая. — Баранов расцеловался с Кусковым. — Бог тебе в помощь. Не спугни только атамана, тихо действуй, по-суворовски.

Байдарка — а на ней пятеро барановских мужиков вместе с Иваном Кусковым — сорвалась с места. До крепости оставалось немного. Суденышко, шурша днищем, ткнулось в берег, и пятеро промышленных ворвались в дом.

— Нут-ка, давай таперя и мы подгребем, — распорядился Баранов, не выпуская подзорной трубы из рук.

Когда галера подошла на пушечный выстрел, Баранов приказал выстрелить по одному из домов, стоявших за изгородью.

От крыши полетели деревянные обломки. Из избы стали выбегать поднятые с постелей промышленные.

— Что вы за люди, что вам надо? — кричали перепуганные лебедевцы.

— Я правитель Баранов, представляю на Аляске российскую власть. Законом приказываю преступника Григория Коновалова заковать в наручники и привести ко мне на галеру. Даю пятнадцать минут. А к сроку Коновалов не будет закован, объявляю всех вас преступниками.

— Ежели приведем Коновалова, промышлять нам будет дозволено? — спросил кто-то с берега.

— Промышлять вам позволяю, — ответил Баранов.

Люди бросились в дом, где была пробита крыша. Изнутри слышались выстрелы. Несколько человек выбежали к пушкам и стали заряжать, другие их отогнали. Промышленных, верных Коновалову, оказалось мало. Еще раздалось несколько выстрелов. Из дверей выволокли высокого человека с пшеничными волосами, перепачканными кровью. На глазах у всех ему на руки надели железные браслеты. Коновалов старался ногами ушибить врагов. Поняв бесполезность сопротивления, он застонал и повалился на землю.

— Приведите его на галеру! — крикнул Баранов.

Коновалова подняли, подхватили под руки и поволокли на судно.

— Разбойник, как мог ты опозорить русское имя! — сказал Баранов, когда Коновалова поставили перед ним.

— Самозванец! — закричал Коновалов. — Я выведу тебя на чистую воду! Я покажу, как лживить на честных людей. Ты у меня насидишься в охотском остроге.

— Ах, так!.. Видит бог, я не хотел этого. Но раз ты меня пугаешь, Коновалов, я должен показать, что не боюсь твоих угроз. Я бесчиновный и простой гражданин отечества и признаю законы. Портнов и Сапожников, дать ему сто линьков, пусть успокоится, а опосля запереть в трюме.

Несмотря на угрозы и вопли Коновалова, мера, указанная Барановым, была выдана полностью. Сто линьков — это не так уж много, но и не мало. Присмирившего передовщика с окровавленной спиной спустили в трюм, за перегородку, уложили на рогожу и закрыли на засов.

— Великий нанук Баранов, — сказал вождь Григорий. — Я расскажу всем о твоём подвиге. Все племена, живущие по берегу и островам до самых теплых мест, узнают о твоей силе. — Он низко поклонился. — Ты железный человек.

На галере собрались промышленные и благодарили Баранова.

После чарки вина Петр Коломин с лебедевскими промышленными погрузился на байдары и отошел к новому месту промысла. Однако многие остались промыслять с Барановым.

На ужин Александр Андреевич пригласил вождя чугачей и его родственников.

Русские и индейцы поклялись, что законы дружбы впредь будут соблюдаться строго.

— Сколько лет твоей дочери? — неожиданно спросил Баранов.

— В этом году исполнилось пятнадцать, — ответил Григорий. — У меня есть еще три дочери и два сына, — с гордостью добавил он.

Александр Андреевич долго сидел молча.

— Григорий, ты великий вождь чугачей и хороший человек. Мне понравилась твоя дочь, и я хочу жениться на ней. Я дам тебе за нее две сотни одеял и много разной утвари.

Вождь чугачей не сразу поверил в свое счастье. Породниться с таким человеком, как Баранов, было бы лестно каждому великому вождю. Получить двести одеял за дочь тоже неплохо. Но обычай требовал не показывать радости.

— Я согласен, — сказал Григорий, свысока посмотрев на родственников. — Бери дочь за две сотни одеял.

— Что я должен сделать, — спросил Баранов, — чтобы было все, как должно быть, когда у вождя берут в жены дочь?

— Надо угостить родственников, сделать подарки и всем объявить, что ты хочешь взять в жены мою дочь.

— Завтра приезжайте все в этот дом, — показал Александр Андреевич на коноваловские строения. — Буду угощать...

— Нет, завтра собрать родичей нельзя, дай сроку три дня.

— Хорошо, — согласился Баранов, — через три дня жду тебя. И дочь тогда привезешь.

Индейцы-чугачи, живущие в окрестностях Чугачского залива, принадлежат к одному племени с кадьякцами. Но по внешности они были близки к якутатским колошам⁵. Наложили отпечаток многолетние родственные связи.

Вождь Григорий был высокого роста, плечист и осанист. Большие черные глаза спокойно смотрели на окружающий мир. Он был в меру самоуверен и свято чтит дружбу. Как и прочие чугачи, перенявшие многие обычаи колошей, он с детства был приучен своими родителями к терпению и стойко переносил всякие лишения. Он купался в жестокий мороз, мог долгое время переносить холод почти без всякой одежды, с одним шерстяным одеялом, накинутым на плечи. Ради хвастовства, чтобы показать храбрость, мог отрезать себе палец, не моргнув глазом.

По-своему он был честен и мудр.

Вождь Григорий устал от бесконечных войн, ведущихся не только с соседними алеутскими и эскимосскими племенами, но и между своими. Закон кровавой мести — око за око, зуб за зуб — был главным и исполнялся неукоснительно. За обиду отвечали обидой, за рану раной, за смерть смертью.

После победы над Коноваловым Александр Андреевич успокоился. Хотя в разных местах побережья еще промышляли артели других компаний, но они были малосильны и опасности не представляли. Баранов мог теперь единовластно управлять Аляской по своему усмотрению и по своим законам.

Почему Баранов решил взять в жены туземную девушку? Не только красота ее клонила Баранова к такому важному решению. Политические виды, несомненно, играли не меньшую роль. Баранов понимал, что такой брак еще больше укрепит его положение среди туземных племен, во владениях которых ему приходилось действовать. «Если даже половина колошских родов после женитьбы станут ко мне дружественны, я выиграю многое, — думал он. — Мы находимся еще только у входа в места, обильные морскими бобрами. От индейцев, живущих на юге, зависит многое».

Весь следующий день прошел в трудах и заботах. Утром Александр Андреевич выехал осмотреть небольшой лесок, найденный в одном из разлогов Чугачской губы. Промышленные утверждали, что деревья в том лесу пригодны для постройки судов. Деревья оказались и впрямь пригодными для членов корабельных и для обшивки. Встретилось и твердое яблоневое дерево, из которого делали шкивы и блоки. Это очень обрадовало правителя.

По пути Баранов осмотрел устье бурливой речки, впадавшей в залив. Здесь промышленные нашли много кусков каменного угля...

Целый день небо хмурилось, собирался дождь. Промозглый ветер проникал сквозь одежду и заставлял людей, зябко поеживаясь, ускорять шаги.

Вернулись в лагерь к шести часам вечера. От усталости Баранов не чувствовал под собой ног. Он к пище не притронулся и, напившись, по обыкновению, горячего чаю, повалился спать. Засыпая, Александр Андреевич успел сказать Кускову:

— Поставь дозорных. По два пусть стоят.

Кусков, не теряя времени, тут же вышел из дома. Сыпался нудный аляскинский дождь. Он стучал по тесовой крыше, шлепал по лужам, вздувая пузыри. Во время такого дождя на душе

делается тоскливо и неприятно.

Могучая океанская зыбь, залитая белой кружевной пеной, шла и шла от юго-востока. Накатываясь на скалистые берега, она с грохотом разбивалась. Несмолкаемый грохочущий гул прибоя был главной особенностью прибрежного края Аляски.

В двух десятках шагов от домика промышленных, где расположился Баранов, раскинули свой табор кадьякцы. Они давно забрались под байдарки и спали крепким сном. Сегодня и у них был праздник, они встретились со своими родственниками, освобожденными из цепких рук Коновалова. Назначив дозорных из русских промышленных, Кусков направился в теплый дом, и вскоре его прерывистый, с раскатами храп влился в общий хор спящих.

Наступила ночь, глубокая и мрачная, без одной звездочки. Океан по-прежнему грохотал в прибрежных скалах. Около полуночи раздался отчаянный вопль. Закричал кадьякский охотник, внезапно во сне пораженный копьем. Почти одновременно раздались выстрелы дозорных. Индейцы в темноте близко подползли к лагерю и принялись колотить и резать спящих. Русские бросились к оружию и в темноте отражали нападающих. Неожиданным неприятелем оказались якутатские индейцы. Они были в воинских доспехах. Деревянные латы, обвитые китовыми жилами, хорошо отражали удары копий и ножей. Лица прикрыты устрашающими деревянными масками, изображавшими морды медведей и волков. На головах высокие и крепкие деревянные шапки.

На многих воинах поверх деревянных лат наброшены претолстые лосиные плащи, не пробиваемые ружейными пулями. В темноте одетые в доспехи индейцы казались сказочными, страшными чудовищами.

— Заряжай! Стреляй! Не пугайся! — раздавались приказы Александра Андреевича.

Он сам в первых рядах руководил боем. Какой-то индеец, бросив копье, попал ему в грудь. Но стальная кольчуга спасла правителя.

Индейцы, повинаясь громкому голосу вождя, дружно вели атаку. Число русских было невелико, промышленные ослабели, но сражались отчаянно, понимая, что помощи ждать им неоткуда.

Колоши, встретив упорное сопротивление и непрерывный огонь из ружей, отступили, хотя на каждого русского приходилось пять неприятелей. Не помогла колошам и внезапность нападения на лагерь.

Бой длился три часа. Колоши отступили, оставив своих убитых. Промышленные захватили пять раненых. Их привели к правителю. В избе чадно горел фитиль в глиняной чашке с китовым жиром. Баранов сидел на табуретке. Он долго рассматривал доспехи на индейцах и даже потрогал их руками.

— Почему напали якутатские колоши на русских? — нарушил молчание правитель. — Ведь между нами не было войны. Я не знал, что ваш вождь коварен, как женщина.

— Великий вождь Илхаки хотел расквитаться с чугачами за прошлые обиды, — сказал рослый индеец, придерживая раненую руку. — Мы ошиблись, не знали, что здесь русские.

— Но почему вы не остановили бой, опознав, кто перед вами?

— Честь воина нам не позволила убежать с поля боя. Ты, великий нанук, мог подумать, что мы испугались.

Баранов подумал, что действительно могла произойти ошибка.

— Вы храбрые воины, — сказал он пленникам, — я не сержусь на вас. Идите к великому вождю якутатов и скажите, что правитель Баранов ждет его. Если правда, что он ошибся, я не буду мстить.

— Ты отпустишь нас? — У индейца сверкнули глаза. — Но ведь это я ударил тебя. Смотри, вот сломанное копье.

— Я вижу, ты привык говорить только правду. Это хорошо. Но за ошибку я не буду мстить. Идите, вы свободны.

Воины молча поклонились и направились к выходу.

— Возьмите байдарку, она осталась на берегу, — вдогонку бросил Баранов.

Правитель горячо поблагодарил всех промышленников:

— Спасибо, молодцы. А теперь отдохнем до утра, колоши больше сюда не вернутся.

Баранов ходил к кадьякам и тоже поблагодарил их. Охотники дружно сражались с индейцами, и среди них оказалось двенадцать убитых. Русские потеряли троих.

Позавтракали тюленьим жиром с раздавленными ягодами шимши.

— Хороша толкуша, — опорожнив большую чашу, сказал Александр Андреевич, — бодрит, как чарка рому, только в голову не бросается.

Наступил день свадьбы. Вечером приехал к Баранову вождь Григорий Рассказчик вместе с женами, невестой и родственниками. Приехал дедушка невесты по матери, индеец с бронзовым лицом и седыми волосами, падающими на плечи. Александр Андреевич встретил каждого гостя с чашей вина и с подарком. Когда невеста, индианка Ана, склонив голову, подошла к Баранову, он спросил ее:

— Ты согласна быть моей женой?

— Согласна, — тихо ответила девушка. Ей лестно было выйти замуж за властного правителя.

Ана была в праздничном платье. Осанка и все движения ее были изящны и полны достоинства.

Баранов знал, что выдать замуж индианку против воли было нелегким делом, и был доволен ответом.

Александр Андреевич накинул на голову невесты цветастый платок и подарил ей маленькие бриллиантовые сережки.

— Ты будешь называться Анна Григорьевна, — сказал он. — Анна — это твое имя, а Григорьевна по батюшке.

Две сотни красных, зеленых и синих одеял получил отец невесты, вождь Григорий. Это хорошая цена. Пятьдесят одеял получила мать невесты. По двадцать шерстяных одеял получили остальные родственники. Все были довольны и благодарны Баранову.

Одеяла в быту индейцев считались очень нужной вещью. Их употребляли не только во время сна. Это была повседневная одежда. На праздники и собрания индейцы тоже приходили, закутавшись в одеяла.

За столом было вдоволь толкуши из сырой рыбы, ягод и китового жира в глиняных чашках,

прокисшие головы лососевых рыб и юкола, плавающая в жиру. Самым лакомым блюдом был молодой, откормленный на сочных травах горный баран. Его по всем правилам приготовили кадьякцы, как и остальные блюда.

Александр Андреевич щедро угощал всех вином и бражкой. За столом царило веселье.

— Женившись на моей дочери, ты, великий нанук, будешь в родстве со многими тлинкитскими поколениями, — говорил довольный почетом, разомлевший от вина Григорий. — Моя жена родом из волчьего племени, а у нее есть родственники из вороньих людей. Чем больше родственников будет у тебя, тем больше славы.

— Рад, очень рад, — ответил Баранов. — И хочу, чтобы все мои родственники жили в мире.

Начались песни и пляски. Чугачи любили повеселиться. В доме стало так шумно, что даже грохот океанского прибоя не мог прорваться в уши гостей.

В разгар веселья промышленный привел к Баранову воина якутатских колошей. Он был в полном воинском снаряжении, деревянную маску держал в руках.

— Великий нанук, меня послал вождь Илхаки. Он хочет говорить с тобой.

— Сколько с ним воинов?

— Двадцать.

— Он может прийти и привести в мой лагерь только десять воинов. Остальные пусть остаются на берегу. Скажи, что я сегодня женился на дочери вождя чугачей Григория.

Через полчаса послышалась громкая воинственная песнь. Это вождь Илхаки и его воины подходили к дому Баранова. Закончив песню, воины пустились в пляс. Едва закончив пляску, они положили своего вождя на меховой плащ и внесли в дом. Десять барановских кадьякцев встречали колошского вождя и помогали его нести.

Встреча произошла мирно. Вождь Илхаки принес извинения в непреднамеренном нападении и преподнес правителю подарок — превосходно выделанный лук и стрелы. Баранов простил его, обласкал, одарил тремя связками зеленых бус.

— Я рад, что ты стал моим родственником, — сказал Илхаки и улыбнулся, показывая все свои зубы. — Мать твоей жены и моя жена двоюродные сестры.

— И я рад, что мы станем большими друзьями.

— Теперь у тебя будет много родственников среди колошских вождей, — добавил Илхаки, — мы часто будем приезжать к тебе в гости.

— Двери моего дома всегда открыты.

— Ты великий и умный человек, нанук, — сказал вождь, — я никогда не буду воевать против тебя.

— Но ты должен примириться с вождем чугачей, Илхаки.

Илхаки опустил глаза и долго не отвечал.

— На моей свадьбе не должно быть врагов, ты слышишь, Илхаки?

Вожди закурили трубки, все вокруг затянулось облаком дыма.

— Хорошо, но пусть Григорий первым протянет мне руку.

— Григорий, подай руку вождю якутатов.

Вождь чугачей поклонился. Вождь якутатов ответил на поклон и прижал к сердцу протянутую руку. Мир был заключен.

Вместе с правителем они выпили по большому ковшу пенистой браги и захмелели. Илхаки решил показать свое искусство и долго вытанцовывал и притоптывал ногами. Когда он свалился от усталости, на круг вышел Григорий. Он всеми силами старался перецеголять вождя Илхаки, вертелся во все стороны, потрясал кулаками, дико вращал глазами и что-то кричал на разные голоса.

Наконец и правитель решил себя показать. Он пошел плясать вприсядку, а два промышленных без отдыха били по струнам балалаек.

Танец правителя пришелся по душе колошам, они громкими криками выражали свое одобрение. Обычно женихи у индейцев в танцах не участвуют, но сильным и богатым все разрешается.

Ранним утром, когда ковш Большой Медведицы повернулся на запад и малые звезды бледнели и сделались невидимыми, вождь Илхаки покинул лагерь правителя. Вслед за ним ушел и Григорий Рассказчик.

Лагерь затих. Высокий и носатый Иван Кусков расставил вокруг лагеря дозорных, а когда вернулся в дом, там все уже спали.

Ровно в шесть утра Александр Андреевич позавтракал с артелью и приказал готовиться к отъезду на Кадьяк. Охотники принялись грузить на галеру купленные у индейцев меха.

— Иван Александрович, — сказал Баранов, — продолжай промысел. Коновалова я отправлю в Охотск, мешать он тебе не будет. Лебедевских промышленных, ежели к нам попросятся, принимай. С колошами живи в мире, даром ни клочка шерсти! За все плати сколько положено.

— Слушаю, Александр Андреевич.

— Отряди четырех русских корабельный лес рубить, пусть подсыхает. На будущий год два корабля здесь построю.

— Где прикажешь морского бобра промышлять?

Баранов подумал.

— Спустись на юг. У ситкинских колошей попробуй. По проливам тамо зверя несощитимо. Однако смотри в оба. Ежели все пойдет по-хорошему, буду на ситкинском острове город ставить.

В полдень галера «Ольга» была готова к походу. Перед тем как выбрать якорь и поставить парус, промышленные пошли проститься с товарищами, убитыми в бою и похороненными на острове. Окружив могилу, сняв шапки, они запели сибирскую похоронную:

Спите, други, под землю

Сон спокоен и глубок.

Ни с напастью, ни с бедою

Не знаком ваш уголок.
Мать, сыра земля, — защита
Вам от снега, от дождя.
Ею ваша грудь закрыта
От стрелы и от ножа.
И не встретят ваши очи
Взгляд кровавый палачей,
И над мраком бурной ночи
Не подкрадется злодей.
Спите, други, под землею
Сон спокоен и глубок.
Ни с напастью, ни с бедою
Не знаком ваш уголок.

Прогрели прощальные выстрелы. Промышленные надели шапки. Великий океан гремел, ударяя в скалы. Все новые и новые волны наступали на каменистые берега.

Попрощавшись с товарищами, промышленные вернулись на галеру, выбрали якорь, подняли парус и, сильно загребая веслами, вышли навстречу кипящим волнам.

На острове Нучек осталось двести байдарок с охотниками-кадьяками и одиннадцать русских промышленных во главе с Иваном Кусковым.

Глава третья. «САМОДЕРЖАВСТВО ЕСТЬ НАИПРОТИВНЕЙШЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ЕСТЕСТВУ СОСТОЯНИЕ»

Император Павел долго не мог решиться на письмо фельдмаршалу Суворову. Он вспоминал прошлый приезд старого солдата, его чудачества перед строем на Дворцовой площади. Суворов подсмеивался над окружающими, отворачивался от проходивших взводов. Осмеивал новые правила службы, обмундирование, снаряжение в присутствии государя. Садясь в карету, он долго не мог пролезть в дверцу, ему якобы мешала прицепленная сзади сабля. Один раз он с серьезным видом усаживался в карету четверть часа. А его дерзкие забавы со шляпой?..

Но больше всего император был разгневан поговоркой старого фельдмаршала, передававшейся из уст в уста: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не пруссак, а природный русак».

«Я лучше прусского великого короля, — говорил Суворов, — я милостию божьей баталий не проигрывал. Русские прусских всегда бивали. Что ж тут перенять? Это-де невозможно. А прежде того я буду в сырой земле».

Примечательно, что и для Пруссии стали анахронизмом сохранявшиеся в Гатчине и ставшие теперь всероссийскими фридриховские армейские порядки. Приезжавшие из Берлина офицеры удивлялись, глядя на плац-парады и упражнения императорских гвардейцев.

Но слава Суворова была слишком велика, и императору, несмотря на все его самодурство, не по силам было расправиться со стариком.

Желание насолить французам в конце концов пересилило, и Павел Петрович, отбросив сомнения, сел за письменный столик из грушевого дерева, стоявший возле постели в спальне.

«Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоящем желании венского двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идут. Итак, посему и при теперешних обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

Получив приказ Павла, Суворов не промедлил и часу и удивил императора быстротой своего приезда.

На всех станциях Суворова приветствовали офицеры.

Государь лично осмотрел для него Шепелевский дворец, откуда были вынесены часы и зеркала. Тюфяки заменены свежим сеном и соломой.

На следующий день по приезде Суворова, когда стали готовиться к разводу, государь спросил у Андрея Ивановича Горчакова:

— А где дядюшка твой остановился? Позови его к разводу.

Горчаков нашел Суворова с трудом. На приказ императора тот ответил:

— Ты, Андрей, ничего не понимаешь. В чем я поеду?

— Александр Васильевич, император карету за вами прислал.

— Поезжай к государю, — сказал тогда Суворов, — и доложи ему, что я не знаю, в чем мне ехать.

Недоумение Александра Васильевича можно было понять. Он был отчислен из армии без права носить мундир.

Князь Горчаков передал слова Суворова императору.

— Он прав... А этот дурак, — Павел показал на Оболянинова, — мне не напомнил. Прикажи тотчас же изготовить указ: отставной от службы фельдмаршал Суворов-Рымникский вновь принимается со всей выслугой.

На приеме Павел возложил на Суворова мальтийский крест, а полководец, в знак благодарности падая перед императором на колени, закричал:

— Ох, как здесь склизко! Господи, спаси царя!

Павел ответил:

— Иди спасай царей!

Придворные бросились поднимать старика, но тот быстро вскочил, перевернулся на одной ноге и сказал с довольным видом:

— Эх, взяли! — Встал сам.

На другой день государь показывал Суворову на вахт-параде учение батальона Преображенского полка. Восхищаясь прекрасной выучкой гвардейцев, он захотел узнать мнение великого полководца.

— Как вы, Александр Васильевич, находите наше учение?

— Помилуй бог! Хорошо, прекрасно, ваше величество, да тихо вперед подаются.

Тогда царь вдруг сказал:

— Ну, Александр Васильевич, командуйте по-вашему. — И, обратясь к фронту, прибавил: — Слушать команду фельдмаршала!

Суворов тут же побежал вдоль фронта и, увидев своих старых солдат, закричал:

— А есть еще мои товарищи здесь? — И затем скомандовал: — Ружье наперевес, за мной, в штыки, ура!

И побежал вперед.

Все, как один, крикнули «ура» и пустились к Адмиралтейству, в то время окруженному рвами. Через десять минут гренадеры перевалили через рвы, опрокинули все палисады, взобрались на бастионы и подняли туда Суворова. Держа в одной руке развевающееся знамя, при громких криках «ура» Суворов, поздравляя государя с победой, снял левой рукой шляпу.

Павел стоял безмолвный. Он был разгневан, но снова сдержал себя.

Новый «аракчеевский» устав вносил строгую и безусловную точность. Всему были положены определенные рамки, переступать которые не осмеливались даже генерал-фельдмаршалы. И вот Суворов на глазах у всех нарушил строгие правила. На этот раз император вынужден был не заметить его «чужачество». А ведь, собственно говоря, за неподчинение новому уставу Суворов и сидел в опале в своем селе Кончанском.

Сразу после парада Суворов выехал из Петербурга в Вену.

На следующий день дождь, поливавший всю неделю улицы и площади Петербурга, вдруг перестал, тучи разошлись, показалось солнце. Павел Петрович проснулся в хорошем настроении. Плац-парад начался ровно в одиннадцать часов и шел без всяких неполадок. Император улыбался во время парада, что бывало с ним крайне редко. Вспомнился вчерашний вечер у Анны Петровны Лопухиной. Как она мила и обаятельна! Он сравнивал грациозную, черноволосую Лопухину с отяжелевшей и постной императрицей... «Пожалуй, разрешу танцевать вальс во дворце. Аннушка так просит об этом!»

После обеда император был обрадован вестями. От вице-адмирала Ушакова прибыл гонец. Осада крепости Корфу окончилась полной победой. Крепость капитулировала. Несмотря на сильное сопротивление французского гарнизона, насчитывающего более трех тысяч человек, он не выдержал яростных атак русских моряков. Многие нижние чины и офицеры пали смертью храбрых. Много матросов погибло от болезней и плохого питания.

Суворов, узнав о победах вице-адмирала Ушакова, высоко оценил подвиги русских моряков.

Он воскликнул:

— Великий Петр наш жив! Что он по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: «Природа произвела Россию только одну — она соперниц не имеет», — то и теперь мы видим. Ура русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: «Зачем же не был я при Корфу хотя мичманом?»

В те дни он принял в Вероне командование над русскими и австрийскими войсками.

При движении наших кораблей вдоль итальянских берегов приверженцы неаполитанского короля, ободренные успехами Суворова в Северной Италии, восставали, уничтожали республиканское правление, восстанавливали власть короля и присоединялись к русским войскам. Воля императора Павла выполнялась неукоснительно. Хотя мало кто понимал, во имя чего идет война.

9 июня взят Неаполь. После взятия города русскими на неаполитанском рейде появился английский адмирал Нельсон⁷ и с ним неаполитанский король, прибывший из Сицилии. В Неаполе адмирал Нельсон прославился жестокой расправой над республиканцами.

По просьбе Англии русская эскадра адмирала Карцева, прибывшая с Балтики, и отряд вице-адмирала Пустошкина оставлены для крейсерства в Средиземном море. Русские моряки должны были нападать на французские корабли, если они отважатся покинуть Египет.

Во многих сражениях против французского флота участвовал лейтенант Макар Иванович Ратманов. За храбрость он был награжден орденом Анны 2-й степени. В 1788 году шестнадцатилетним юношей Ратманов закончил Морской корпус мичманом. Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, с которыми читателю предстоит встретиться, были его однокашниками.

В Италии Суворов одерживал победу за победой. Он разбил генерала Моро на реке Адде и занял город Милан. 7 июля Суворов разбил генерала Макдональда и 4 августа — генерала Шуберта при Нови. Вся Северная Италия была очищена от французов.

В конце августа Суворов получил приказание начать поход в Швейцарию. Освобожденная Италия передавалась в руки австрийцев. Предписание из Вены, утвержденное императором Павлом, предусматривало поход суворовских войск через Альпы в Швейцарию, на соединение с войсками генерала Римского-Корсакова.

Суворов считал разработанный австрийским штабом план предательством.

Без всякой подготовки начался беспримерный поход армии Суворова через Альпы. Надо было спешить на выручку генералу Римскому-Корсакову, покинутому австрийскими войсками. В непрерывных боях с французами среди скал и ущелий русская армия двигалась вперед. Многие солдаты погибали от вражеских пуль, а иные замерзали на вершинах гор.

24 сентября после трехкратного штурма русские взяли неприступный заслон французов у Сен-Готарда, а вскоре произошел знаменитый бой у Чертова моста. Вся местность была покрыта трупами русских солдат, но Чертов мост был взят.

Именитый курский купец Иван Ларионович Голиков долго сидел в приемной князя Лопухина. Ставленник канцлера Безбородки и отец государевой любовницы Петр Васильевич Лопухин был далеко не глупым человеком, обладал проницательностью и умел разбираться в людях. Но он не совестился искажать истину, когда это было выгодно. Большой поклонник прекрасного пола, он нередко нуждался в деньгах и умел изобретать остроумные способы их приобретения. Происходил Лопухин из древнего, обедневшего дворянского рода.

В приемной, кроме Голикова, дожидались еще несколько человек, на вид все чиновные и важные господа.

Голиков благообразен. Худое лицо с густыми нависшими бровями, жидкая седая бородка и длинные, по плечи, белые волосы делали его похожим на святого с древней иконы. И хотя он был высок ростом и сухоробр, и недавно исполнилось ему семьдесят пять, и ходил он с палкой, годы не согнули его. Только вот глаза подводили. Они были вспухшие и не переставая слезились.

Несмотря на преклонный возраст, купец продолжал умножать свои капиталы и не очень разбирался в средствах, когда дело касалось выгоды. Конечно, с годами он стал осторожнее. Ссылка в Иркутск за злоупотребление по винному откупу его кое-чему научила. Со смертью Григория Шелихова он помышлял вовсе отстранить вдову Наталью Алексеевну от прибылей с американских промыслов.

Наконец пришел черед Голикова. Лакей торжественно пригласил его в кабинет.

Иван Ларионович от долгого ожидания упал духом и не знал, как начать разговор. Кабинет князя давил на него своей роскошью, да и сам князь, кавалер многих орденов, с голубой лентой через плечо, выглядел весьма представительно и неприступно.

— Кто таков? — спросил Петр Васильевич, взглянув на сибирскую поддевку и лаковые сапожки гармошкой.

— Именитый курский купец Голиков, ваша светлость.

— Голиков! — Князь стал вспоминать: — Голиков... постой, постой, да ведь ты много томов написал, «Деяния Петра Великого» называются, бумагомаратель...

— Это не я написал, ваша светлость.

— Но ведь и тот Голиков — именитый курский купец.

— Так точно, ваша светлость. Иван Иванович Голиков.

— Значит, родственники?

— Родственники, ваша светлость.

Петр Васильевич несколько раз прошелся по комнате. Он думал о подарке для своей приятельницы. Сегодня она празднует свои именины. Князь был невысокого роста, с крупным носом, редкими седыми волосами, розовым, как у младенца, лицом.

— Ну, садись, — сказал князь, перестав ходить и усевшись в мягкое кресло. — Говори, с чем пришел?

— На купеческую вдову Шелихову с жалобой, ваша светлость.

— Постой, постой, недавно госпожа Шелихова всемилостивейше пожалована в дворянское Российской империи достоинство, с правом продолжать торговлю на первоначальных основах. Так я говорю?

— Так, ваша светлость. — Голиков вынул платок и утер набежавшие слезы.

— Запомни, она теперь госпожа Наталья Шелихова. И чего же ты хочешь?

— Теперешняя объединенная компания только одна ширма для купцов Шелиховых. Они хотят владеть всеми меховыми промыслами в Америке, а другим купцам ходу не давать.

— Зачем же так? — Князь Лопухин переложил бумаги у себя на столе. — Вот ваше сочинение: «Во имя всевышнего бога лета тысяча семьсот девяносто осьмого, августа в третий день, американской и иркутской коммерческой компании компаньоны, приняв в предмет государственную пользу, старанием именитых граждан Рыльского, Шелихова и курского Голикова...» Твое здесь имя проставлено?

— Мое, ваша светлость.

Лопухин перелистал несколько страниц, мелко исписанных.

— Тут еще пункт в параграфе третьем: «Поелику соединение компаний наших последовало от единодушного общего согласия и в намерении о том, чтобы общими силами российскую коммерцию в Северном, Северо-Восточном и Тихом морях умножить, усовершенствовать и учинить навсегда прочную, то быть по силе договоров и постановлений наших обоим нашим компаниям на вечные времена соединенными под названием Соединенной американской компании». Видишь как — на вечные времена! А ты хочешь, и года не прождав, растоптать?!

— Князь грозно посмотрел на Голикова.

— Ваша светлость, так я для пользы отечеству стараюсь. Не справится простым купцам со всеми делами. Мы губернатора коронного хотим на тот великий край. Пусть там царская власть, как и во всей России.

— А как промышлять зверя будете?

— Как раньше промышляли, когда компании не было, так и будем промышлять, ваша светлость... Всяк купец себе хозяин.

Лопухин мельком просмотрел весь соединительный акт.

— Ничего не понимаю. Здесь все написано вразумительно, и я не вижу причины...

— Ваша светлость, мы, купцы Голиковы, приглашаем вас стать нашим пайщиком. От дохода промысла вы будете получать десять суховых паев.

Неожиданное предложение удивило князя. Он долго молчал.

Голиков не раз вынимал платок и вытирал глаза. Слезы одолели его.

— Что значит сухой пай?

— Полный пай, ваша светлость.

— Сколько же мне придется на десять паев?

— Двадцать тысяч в год, ваша светлость.

— Двадцать тысяч! Неужели так много?

— В этом году, ваша светлость, мы продали десять тысяч морских бобров по сто рублей шкурка да сто тысяч котиков по пять рублей, хвостов бобровых по восемь рублей. И за другие меха получено немало. Выручили на меховой торговле в Кяхте около двух миллионов.

Петр Васильевич теперь удивился по-настоящему.

— И другие так промышляют?

— Некоторые так, другие меньше.

Купец Голиков внимательно посмотрел на князя и несколько приободрился.

А Петр Васильевич читал письмо Натальи Шелиховой. Она писала: «Каждое промысловое судно принадлежит особенному хозяину, который и не думал щадить ни алеутов, ни зверей, приносящих ему богатство. Они не думают о будущем. Мой покойный супруг Григорий Шелихов предвидел истребление зверей и предложил всех купцов соединить в одно общество, чтобы управлять им по предложенному плану». «Что мне какие-то алеуты или звери? Больше их будет на свете или меньше... — подумал Петр Васильевич. — Двадцать тысяч на земле не валяются».

— У тебя есть проект?

— Так точно, ваша светлость.

Иван Ларионович извлек из кармана поддевки сложенные трубочкой несколько листиков бумаги.

— Примите, ваша светлость.

Князь бросил бумаги на стол.

— Не уезжай из Петербурга. Через месяц наведайся.

Иван Ларионович возликовал и осмелился поцеловать пухлую руку князя, унизанную перстнями.

— Ваша светлость, премного благодарим. По гроб жизни обязаны вашей светлости, — кланялся он. — Не откажите принять на память. — Купец вытащил из кармана перстень с большим алмазом.

— Спасибо, братец, на память возьму, перстень мне нравится.

И подумал: «Три тыщи перстень стоит, порадую сегодня Машеньку».

Выйдя из княжьего дома, Голиков забрался на дрожки и приказал кучеру везти его в трактир. В это же время человек с печальным морщинистым лицом, на углу ожидавший купца, перебежал улицу, неуклюже влез в седло и рысью пустил свою лошадь за купеческими дрожками.

Усевшись за стол в знакомом трактире, Иван Ларионович заказал обильный обед и послал кучера за своим поверенным.

Человек с печальным лицом, закинув поводья своего коня за коновязь, тоже вошел в трактир и занял место поблизости от купца Голикова.

Поверенный Ивана Ларионовича считался в Петербурге солидным правоведом, имел собственную контору у Гостиного двора. Он не заставил себя ждать. Вскоре половой подвел к столу купца небольшого человечка в очках, похожего на чиновника мелкого пошиба.

— Как поживаете, дорогой Иван Ларионович?

— Вашими молитвами, Петр Федорович.

— Есть что-нибудь новенькое?

— Ключнул его светлость.

— Рассказывайте, рассказывайте, мой друг, — заторопил стряпчий.

— Сначала выпьем по махонькой, закусим чем бог послал.

Знакомцы некоторое время молчали. Петр Федорович основательно навалился на еду. Иван Ларионович только делал вид, будто ест. Последнее время он питался исключительно жидкой кашей и теплым молоком, в котором размешивал яичный желток.

— Значит, клюнул князек! Хе-хе... — Стряпчий дожеввал кусок мясного пирога и запил квасом.

— Позвольте спросить, какова приманка?

— Двадцать тысяч, — вздохнул купец. — Дай бог, если все по-прежнему станет и я свои промыслы верну — двадцать тысяч мне просто тьфу, плюнуть и растереть.

— Неужто, Иван Ларионович? Двадцать тысяч деньги большие.

— Его светлость за эти деньги мне промыслы вернет. Как ты думаешь, Петр Федорович, сумеет князек кашу сварить?

— Сварит. Ежели самому трудно, дочь попросит. Она-то запросто. Говорят, император по ее слову и в печку полезет. — Петр Федорович подмигнул купцу и выпил еще рюмку крепкой водки.

Человек с печальным лицом старался не пропустить ни одного слова. От усердия он сопел, раскрыв рот и вытянув шею. А услышав, что было нужно, расплатился с половым, вышел из трактира и снова взгромоздился на свою лошадку.

И часа не прошло, как он докладывал обо всем, что видел и слышал, военному губернатору Палену.

Петр Алексеевич слушал и делал пометки в записную книжку в красном сафьяновом переплете, куда вносились дела особой важности. Когда доносчик ушел, граф Пален задумался, задымил трубкой.

Перепрыгнуть через Лопухина, генерал-прокурора Сената, было трудно. Должность у него высокая, и ее даже трудно сравнить с какой-нибудь другой. Разве только с первым министром в европейских странах. «Если Лопухин получил взятку, он будет стоять за купца Голикова. Но я хочу поддержать Николая Петровича Резанова. Значит, Лопухин должен получить сильный удар».

Граф Пален не жалел Лопухина. Уж слишком обласкал его император за скромные достоинства дочери. Пожалован князем Российской империи, дарован титулом светлости, староством Корсуни, портретом государя, бриллиантовыми знаками ордена святого Андрея Первозванного и ордена святого Иоанна Иерусалимского.

И все это не по заслугам, а по единому благоволению. Граф Пален знал, какую роль во всем этом играла Анна Петровна Лопухина, но он знал и то, что император Павел не терпел взяточничества и расправлялся с виновными самым жестоким образом.

Однако докладывать императору о князе Лопухине Петр Алексеевич не хотел. Ему пришла мысль рассказать о взятке графу Кутайсову, бывшему камердинеру и брэдобрю императора.

Кутайсов был тщеславен и до удивления неразборчив в средствах. Он никогда не упускал случая открыть императору что-нибудь порочащее высокого сановника, зная, что император всегда оценит такое откровение.

При ближайшей встрече в Зимнем дворце граф Пален отозвал Кутайсова к высокому окну Белой залы. Царский любимец был в немецком кафтане, обильно напудрен, с буклями и

косой по артикулу.

— Иван Павлович, послушайте интересную новость.

Кутайсов наострил уши...

— Какая гадость! — вскричал он, выслушав. — Князь ведет лабазные интриги с купцами! Вы уверены в этом, ваше превосходительство?

— Совершенно уверен, Иван Павлович, источник самый надежный. — Генерал-губернатор выпустил несколько клубов дыма из своей неразлучной трубки...

— О-о-о! — В черных, навывкате глазах Кутайсова зажглись огоньки. Он причмокнул толстыми губами. — Я вам очень благодарен, граф, за интересную новость. Если у вас будет необходимость в моих услугах, я всегда готов.

Кутайсов раскланялся и мгновенно исчез в толпе придворных. Постельный советник императора был зол на генерал-прокурора. Обольщенный царскими милостями, Лопухин вознамерился устранить некоторых лиц из царского окружения и заменить их своими ставленниками. И Кутайсова он решил отпихнуть от престола.

Прошло три дня. Генерал-прокурор Лопухин в кабинете Зимнего дворца докладывал императору. Беседа протекала на редкость спокойно. Император без возражения согласился со всеми его предложениями.

— Осталось одно дело, ваше величество. — Петр Васильевич вынул из портфеля бумагу, написанную крупным, очень разборчивым почерком.

— Что это у тебя? — император указал сухим пальцем.

— Небольшое дело, ваше величество. — Лопухин закашлялся. — Проект именитого купца Голикова и других иркутских купцов.

— Чего хотят купцы?

— Повеления вашего величества на коронную власть в Русской Америке. Монополия в промыслах купцам вредна, они хотят губернатора. Ваша матушка императрица Екатерина не терпела монополий... — Вспомнив, что император был всегда не согласен со своей матерью, Лопухин прикусил губу.

— Купец Голиков хочет назначения в Америку моего губернатора? — медленно сказал Павел, не спуская выпученных глаз с князя.

— Так точно, ваше величество.

— Вот ты какой заступник!.. — Павел продолжал пристально смотреть на Лопухина. Стараясь укротить закипавший гнев, он несколько раз повторял про себя: «Он отец Аннушки, он отец Аннушки». Однако не сдержался и хрипло крикнул: — Генерал-прокурор, а сам взятки берешь!

— Ваше величество, ваше величество, — залепетал Лопухин. — Я не виновен. — Он сильно побледнел и, словно защищаясь от удара, втянул голову в плечи.

— Вон! — закричал император. — Взятчик, вон! — Безобразное лицо императора покраснело, исказилось.

Петр Васильевич, проклиная в душе купца Голикова, выбежал из кабинета. Он понимал, что

впереди опала. Может быть, это будет завтра, может, через неделю...

Глава четвертая. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Ровно в полдень коляска Николая Петровича Резанова остановилась на набережной у недавно отстроенного особняка. Граф фон дер Пален ждал гостя. Дубовые двери растворились, огромного роста лакей помог Резанову раздеться и повел его к хозяину.

В передней широкоплечий и плотный губернатор Петербурга, в блестящем мундире, с аксельбантами и шпагой, встретил Николая Петровича, дружески с ним поздоровался и, взяв под руку, повел в свой кабинет. Генерал, как всегда, был подтянут и вежлив.

Сквозь заплывшие от дождя окна Резанов видел темные, неласковые воды взбудораженной Невы и галеру, идущую под веслами поперек течения. Две недели шел дождь, ветер не утихал, и вода в реке поднялась высоко. Петербуржцы поговаривали о наводнении. И в душе обер-прокурора было пасмурно. Дела компании вперед не двигались, со всех сторон шли тревожные вести. Происки купцов Голикова и Киселева давали свои плоды.

— Не угодно ли бокал лафиту? — баском сказал хозяин, когда они уселись в мягкие кресла у жарко пылавшего камина. — Вам надо прогреться. Погода стоит отвратительная. Положите ноги на решетку.

Лакей подал бутылку красного вина и удалился.

Камин в кабинете губернатора огромный, словно в средневековом орденом замке. Огонь, пожирая сухие березовые поленья, разгорался все жарче. На полированных стенах вспыхивали и гасли огромные блики. На каминной полке красовалась знаменитая коллекция курительных трубок.

— Ну, рассказывайте, мой друг. — Граф налил в бокал вина и взялся за свою трубку.

Николай Петрович потер по привычке виски пальцами. Посмотрел на стены, увешанные холодным и огнестрельным оружием.

— Беспокоят дела компании, Петр Алексеевич. Мне стало известно, что один из наших конкурентов, купец Киселев, доставил в Петербург трех алеутских тойонов.

— Тойонов. Позвольте, мой друг, а что это, собственно, значит?

— Тойон — вождь или старшина рода.

— Почему мне не доложили об их прибытии в столицу? Если это американцы...

Военный губернатор Петербурга граф Пален держал в своих руках ключи от всех государственных дел. В столице никто не мог предпринять чего-либо без его ведома.

— Наверное, их представили как-нибудь иначе. Это жители Алеутских островов, но не Американского материка. Они приехали с жалобой на наследников Шелихова.

— Дальше?

— С ними приехал иеромонах Макарий, член православной миссии, крестивший этих тойонов, весьма вздорный человек. Он тоже куплен купцом Киселевым...

Граф фон дер Пален молчал.

— Этот иеромонах добился встречи с духовником императора Исидором Петровичем Петровым.

— Император знает об этих тойонах? Если не знает, мы сегодня же повернем их обратно. — Губернатор взял щипцами уголек из камина и разжег трубку.

— Мне сказали, что император знает о приезде алеутов и даже назначил им аудиенцию.

— Значит, вы думаете, мой друг, что они будут жаловаться императору?

— Несомненно. Купец Киселев только для этого привез их в Петербург.

— На что тойоны будут жаловаться? — Пален усиленно курил, окутываясь клубами дыма.

— Плохое обращение шелиховской компании, много работы. Старая песня, ваше превосходительство. Пока американские меховые промыслы не в одних руках, конкуренты будут всячески вредить друг другу. Печально, что иноземцы не сидят сложа руки. Пользуясь борьбой русских промысловых компаний, англичане, республиканские купцы усилили разбойные набеги за пушниной. Положение в Русской Америке угрожающее. Мы можем лишиться всех наших преимуществ.

— Черт бы забрал ваших купчишек! Действительно, дело плохо. — Граф Пален казался озабоченным.

— Петр Алексеевич, русские купцы совершили великий подвиг, обрели для России новые земли. Настало время, когда государство должно вмешаться в дела компании, помочь первопроходцам. Вспомните, ваше превосходительство, Ост-Индскую компанию...

— Я понимаю... Что ж, это справедливо. Но вы скажите мне честно, мой друг, не будет ли больше пользы — отстранить вовсе купцов от управления делами и взять все в свои руки? Назначить губернатора всех новых земель в Америке.

— Ваше превосходительство, это начало конца. Содержание этого отдаленного края ляжет тяжелым бременем на государственную казну. Военное или гражданское начальство может тех полудиких утратить, привести их в противное им размышление и разорить торговлю — единственный корень будущих польз государственных. Хочу напомнить, что доставка каждого пуда продовольственного или иного груза только в Охотск стоит больше десяти рублей. А ведь весь груз надо доставить еще на тысячи верст морем. Нужны корабли. Каждая стычка между русскими и английскими купцами может превратиться в международное событие. Русскому правительству понадобятся солдаты и военный флот... И самое главное, перенесение наших законов на местных жителей может озлобить их и привести в мятежное состояние. Вспомните, сколько стоит Испании и Португалии содержание колоний.

— Довольно, мой друг, я понял. Если ваша объединенная компания получит монополию, то все расходы она возьмет на себя?

— Несомненно. В этом достоинство проекта шелиховских наследников. Компания будет строить корабли, доставлять необходимый груз, строить крепости и охранять новые земли. А самое главное, ваше превосходительство, только коммерция может смягчить нравы диких. Она постепенно и нечувствительно приучит их к земледелию и ремеслам. И исподволь направит к образу мыслей россиян, полагающих свое благо в монархическом правлении.

— Отлично, мой друг, все это важные обстоятельства.

— Компания не допустит, — продолжал Резанов, — иноземцев — завистников наших успехов

— заглядывать в Русскую Америку. При нынешних европейских беспокойствах, ваше сиятельство, иноземцы могут совратить полудиких, как людей легковверных, вдохнуть в них дух республиканский.

— Прекрасный довод, Николай Петрович. Последние дни император озабочен положением дел на Камчатке. Этот отдаленнейший и обширнейший кряж нашей земли беззащитен от посягательств англичан или испанцев. — Граф Пален запыхтел трубкой. — Всего несколько десятков казаков охраняют Камчатку, нет укрепленных мест. Скажу вам конфиденциально, Николай Петрович, решено направить из Иркутска в Охотск батальон солдат под командованием полковника Сомова. Оттуда войска перевезут морем в Петропавловск и еще куда надо. По представлению иркутского губернатора, содержание войска обойдется баснословно дорого. Вряд ли посильно правительству взять на свою шею защиту еще более отдаленных мест. Император, несомненно, прислушается к нашим словам.

— И еще, Петр Алексеевич. Будучи наследником, его величество Павел Петрович весьма благоволил к Григорию Шелихову.

— Интересно! — Пален снова задымил.

— В письмах к Григорию Шелихову наследник престола благодарит за некоторые известия... Вот эти письма.

Губернатор сразу узнал почерк императора. Письма были короткими, всего по несколько строк.

— Превосходно, Николай Петрович. В наших делах этим письмам нет цены.

Фон дер Пален вынул из кармана книжку в красном сафьяновом переплете и записал несколько строчек.

— Я готов взять под защиту интересы наследников Шелихова, — сказал он и спрятал записную книжку. — Кое-что я уже предпринял.

— Ваше сиятельство, прошу прощения, я забыл захватить сотню лучших якутских соболей, присланных вам госпожой Шелиховой. Они находятся в коляске. Не сочтите за труд послать за ними вашего человека.

— Дорогой Николай Петрович, — услышал Резанов из клубов дыма, — я с детства ненавижу взяточников... Россия стонет от этих извергов рода человеческого. Берут взятки даже те, кому надлежит забота о благе государства. Если хотите видеть во мне искреннего друга, никогда не...

— Простите великодушно, Петр Алексеевич, забудьте мою ошибку. Поверьте, я хотел одарить вас по просьбе директоров иркутской компании. Мне приятно видеть честного человека. В наше время это такая редкость.

— Император пытается вывести взяточников. Он наказывает одного, а остаются тысячи. Я полагаю, необходимы другие меры.

— Какие, Петр Алексеевич?

— Нужен парламент. Гарантия для народа.

— Какие могут быть гарантии для народа, находящегося в рабстве? — с горечью сказал Резанов. Он вспомнил, что и в прошлый раз губернатор говорил о парламенте, и это показалось ему странным.

— Читали ли вы, Николай Петрович, сочинение господина Радищева?

— Да. — Этот вопрос еще больше смутил Резанова.

Из разговора Резанов понял, что граф Пален человек незаурядный. «Не изощрен образованием, но умен и самобытен», — подумал он.

...В ноябрьские дни император Павел получил неприятные вести от фельдмаршала Суворова. Полководец писал о ловушке, устроенной ему австрийцами. Он вынужден был вести свою армию в горах по пастушьим тропам.

Император отложил бумаги в сторону и взглянул на генерала Зайцева, прискакавшего с вестями от Суворова.

— Расскажи, что там вытворял Суворов. Наверное, был смешон со своими дурацкими выходками?

Император, ранее осыпавший Суворова высокими наградами, неожиданно изменил свое отношение.

— Ваше величество, фельдмаршал Суворов великий герой, он сделал невозможное.

— Суворов проиграл сражение.

— Ваше величество, он одержал самую великую победу за всю историю войн, и слава русского народа будет бессмертна.

— Надоело слушать победные реляции, когда войска Римского-Корсакова разбиты наголову. — Павлу была далеко безразлична слава русского солдата. — Доложите, как было.

— Когда изнуренные переходом войска узнали о победе французов, фельдмаршал собрал своих генералов. «Теперь мы среди гор, — сказал он, — окружены неприятелем, превосходящим в силах. Что предпринять нам? Идти вперед к Швицу невозможно. У Массены шестьдесят тысяч войск, у нас нет и двадцати... Мы без провианта, патронов, без артиллерии. Одна только надежда на бога да на храбрых моих солдат». — «Войско готово следовать за вами всюду», — сказал один из генералов. Остальные поддержали. — «Мы русские, мы все одолеем», — услышали все твердые слова Суворова. Переход через снеговой хребет был решен. Каждый неосторожный шаг стоил жизни, лошади и солдаты то и дело срывались в пропасти. Но солдаты прошли через хребет, и вместе с ними шел непобедимый старик... Простите, ваше величество, мне тяжело говорить.

Генералы в блестящих мундирах, окружавшие императора, переглянулись.

— В Муттенской долине Суворов узнал, что в тот день, когда мы брали Чертов мост, французский генерал Массена разбил армию Римского-Корсакова... Измена, ваше величество.

— Скажи, что там Суворов говорил про меня? Осмеивал перед солдатами? Мне писали про его дерзкие слова.

— Не слышал, ваше величество.

— Мне вконец надоел этот петрушка. Он никогда не будет командовать русскими войсками.

Ничего больше не сказав, Павел круто повернулся на каблуках и, припечатывая шаг, направился в столовую комнату, где августейшее семейство ждало его к полуденному чаю.

Сказать ему было нечего. Подвиги русских солдат не привели к разгрому противника, но не потому, что французы были непобедимы, вовсе нет. Не было согласия в лагере союзников. Англия хотела воспользоваться ослаблением французов и расширить свои колонии. Австрия добивалась изгнания французов из Италии. Император Павел защищал какую-то высшую справедливость и кичился своей бескорыстностью.

В конце ноября произошло еще одно событие огромной важности. Император Павел, покровитель Мальтийского ордена, соизволил принять достоинство великого магистра. В Белом зале Зимнего дворца произошла церемония возведения в сан женатого самозваного и схизматического магистра.

Все кавалеры российских орденов были расставлены в парадных костюмах, император сидел на троне. Ему были торжественно поднесены регалии: специально изготовленная корона, орденское знамя, кинжал веры и большая печать.

Из всех собравшихся для выборов нового великого магистра только двое имели право голоса. Но это нисколько не смущало императора Павла. За сдачу укреплений и всего острова Мальты французам бывший великий магистр Гомпеш и все его приверженцы без объяснений с их стороны были объявлены изменниками и лиходеями.

На это новое заведение повелено было из государственной казны отпускать ежегодно 216 тысяч рублей. Сумма по тем временам огромная. Если бы правитель Русской Америки Баранов получал такие деньги от правительства, то через пять лет он обладал бы многими прекрасными кораблями. Защита владений и перевозка необходимых грузов его бы не тревожили. Он мог построить образцовую больницу, оборудовать ее всем необходимым и содержать отличного лекаря. Наверное, Баранов создал бы навигационную школу и на его кораблях служили бы туземные штурманы. Много можно сделать на такие деньги...

Приняв звание магистра, император забросил все остальные дела и ревностно стал заниматься потерявшим политическое значение орденом. Отвоевать столицу острова Мальты Ла-Валлетту стало главным в политике Русского государства.

«Вообще никогда еще умоисступление не достигало таких размеров и не проявляло столько незаконных и комических сторон, — писал один из участников этих событий. — Император, видимо опустившись, попирает законы, приличие и благоразумие».

Время шло. В назначенный день алеутских тойонов с острова Уналашки привезли во дворец. Теперь их было двое, третий простудился и недавно умер. Они долго сидели в приемной, забавляясь своим отражением в огромных зеркалах. Придворные посматривали на них с опаской.

Высокие белые с позолотой двери наконец открылись. Великие князья Александр и Константин, в мундирах своих полков, с золотыми аксельбантами, вышли первыми и встали по сторонам двери. Александр справа, а Константин слева.

Из дверей вышел император, за ним генерал-адъютанты, советники. Император был в форме конногвардейского полка. В сапогах со шпорами, с тростью-берлинкой в руке, он шел церемониальным шагом, словно на параде.

Алеуты расprostерлись на полу, не смея взглянуть на императора.

— Поднять, — распорядился Павел.

Несколько человек из свиты бросились к алеутам и поставили их на ноги. Император некоторое время с любопытством их рассматривал.

— Как зовут? — он указал пальцем.

— Николай Луканин, ваше императорское величество, — внятно сказал тойон.

— А тебя? — император ткнул в сторону другого.

— Никифор Свињин, ваше императорское величество.

Павел с недоумением посмотрел на свою свиту. Фамилии, имена русские, говорят по-русски, а на русских не похожи.

— Ваше величество... — К императору подошел его духовник отец Петр. — Это алеуты. Они крещены в православие. Наша духовная миссия делает доброе дело.

Император внимательно рассматривал алеутов. Они были в своем праздничном наряде. Парки из топорковых шкур украшены козьей шерстью и узенькими ремешками, выкроенными из котиковой шкуры. На головах деревянные шляпы с навесом вперед, украшенные бусами и толстыми сивучьими усами. Лица благообразные, с несколько выступающими скулами. Волосы черные, прямые. Борода едва заметна. Ноги босые.

— Из чего сшита одежда? — спросил государь. — Перья какие-то!

— Из птичьих перьев, ваше величество.

— Зачем из птичьих перьев, что за причина?

— При нашей мокрой погоде одно спасение, ваше величество.

— А почему без сапог? — присмотревшись к босым ногам тойонов, продолжал Павел.

— Ваше императорское величество, мы у себя на островах по камням и зимой и летом ходим. Никакие сапоги не выдержат. А здесь почему не ходить, земля мягкая.

— У них натура такая, — опять вступился духовник, видя, что императору не нравятся босые ноги, — трудно к сапогам привыкают.

— Приказать, чтобы все сапоги надевали, — сказал император. — Без сапог из них плохие солдаты.

— Никак невозможно, ваше величество, — сказал Никифор Свињин, — несподручно нам в сапогах. Прими от нас подарок своей женке. Лучшие наши мастерицы делали.

Тойон взял с пола свернутую женскую парку и быстро развернул ее перед глазами императора. Парка была действительно нарядная, сделанная из котиковых шкур, с белыми поперечинами из козьей шерсти. От воротника спускались почти до колен длинные нити с нанизным бисером вперемешку с синими и красными бусами.

— Спасибо за подарок, — сказал император. — Возьмите, — кивнул он.

Кто-то из свиты подхватил и унес парку.

— О чем просите меня, добрые люди? — спросил император. — Говорите, не бойтесь.

Военный губернатор фон дер Пален, стоявший в группе царедворцев, приблизился к императору.

Тойоны встали на колени.

— Заступись, ваше императорское величество, — сказал Никифор Свињин. — Притесняют нас шелиховские приказчики. Мало платят за бобровые и прочие шкуры, а работать заставляют много.

— Обычная жалоба, ваше величество, — тихо сказал фон дер Пален. — Все хотят поменьше работать, побольше получать. Они получают от шелиховской компании полсотни рублей серебром и больше в год. Наш рязанский крестьянин был бы рад такому заработку.

— Плохо кормят, ваше императорское величество, — напирал Свињин. — Народу нашего много мрет. Ты бы посадил к нам на острова своего губернатора, пусть бы купцов поприжал. А купец Киселев — тот не в пример лучше против шелиховских-то.

— Велик ли народ ваш?

— Велик. Мы на многих островах живем, ваше императорское величество. Тысячи две будет. Раньше, когда купцов Шелиховых не было, еще больше народу было.

— А едите что?

— Китовый жир для нас первое дело, ваше императорское величество. Будто для русских хлеб. Ну и юколу едим.

— Юколу?

— Вяленая рыба так у нас прозывается.

— А хлеб едите?

— И хлеб едим, когда есть, ваше императорское величество, — однако его и русским не хватает.

— А еще что едите?

— Коренья и травы, рыбу свежую, когда есть.

— А это что? — спросил Павел, показав на стрелу длиной фута в четыре и дощечку, лежавшую у ног Николая Луканина. И дощечка и стрела окрашены в красный цвет.

— Этим мы зверя промышляем, ваше величество.

— Как же вы это делаете?

— Разрешите показать, ваше императорское величество? Пусть вон там, на стене, кто-нибудь шапку свою повесит.

— Повесьте шапку, — приказал император.

Шапку повесили, расстояние шагов пятьдесят.

Николай Луканин поставил стрелу на доску, придерживая ее пальцами левой руки, замахнулся доской и сильным рывком кинул стрелу. Она попала в шляпу, пробила ее и пригвоздила к деревянной панели.

— Великолепно, — сказал Павел.

— Примите в подарок, ваше величество, — поклонился Николай Луканин, подавая Павлу свое оружие. — Стрела сделана из особого крепкого дерева и прослужит долго. А ты уж помоги в нашем деле.

В свите кто-то засмеялся.

Император обернулся и строго посмотрел на приближенных.

— Коммерция — важное дело для государства, — сухо сказал он. — Я прикажу иркутскому губернатору разобраться. Того, кто виноват, пусть накажет... Только бы коммерции не в убыток. А этих, алеутов, одеть по обычаю, дать им по сто рублей. И сапоги дать, пусть носят. Отправить домой на острова за мой счет.

Аудиенция закончилась, адъютанты вывели из приемной алеутов.

Через час Иван Павлович Кутайсов ожидал императора у потайного входа во дворец. У графа была редкая судьба: из пленного турчонка, взятого под Кутаиси, он превратился сначала в царского брдобрея, а затем, сделавшись помощником императора в любовных утехах, получил графское достоинство и высокую придворную должность. Вскоре сын графа Кутайсова женился на сестре Анны Лопухиной, что еще больше укрепило положение Ивана Павловича.

Наконец император вышел, закутанный в орденский плащ, как и Кутайсов, который тоже любил похождения и в этом не отставал от своего господина. Они отправлялись обыкновенно вдвоем, якобы сохраняя инкогнито. Лакей и кучер были одеты в красные ливреи. Было строгое приказание от полиции петербуржцам не узнавать императора.

На набережной Невы стоял дворец княгини Анны Петровны Лопухиной, а по соседству с дворцом дом французской артистки Шевалье, подруги Кутайсова. Император и Кутайсов, оглядываясь по сторонам, как заговорщики, сели в стоявшую у подъезда карету.

В недавнюю поездку в Москву император увидел двадцатитрехлетнюю девицу Анну Петровну Лопухину и влюбился в нее. Анна Петровна была невысока ростом, черноволосая, с превосходными зубами и прелестным ртом. Сложением она похвастаться не могла, не украшал ее и небольшой вздернутый нос. Но император влюбился страстно и был склонен проливать свои милости на всех ее родственников. Как мы знаем, отец — Петр Васильевич Лопухин — был вызван в Петербург и назначен генерал-прокурором Сената, жена его возведена в статс-дамы, а сама Лопухина — в фрейлины.

Путь ко дворцу Лопухиной был недолог. Карета остановилась у незаметной дубовой двери высокого дома. Император выпрыгнул из кареты и быстро открыл дверь своим ключом. Когда он вошел в дом, граф Кутайсов поехал дальше.

Император поднялся по крутой каменной лестнице и открыл еще одну дверь, которая вела в маленькую прихожую, — отсюда был вход в комнаты княгини. Анна Петровна ждала Павла и встретила его радостно.

— Павлушка, милый!

— Аннушка!

Никто бы не узнал раздражительного, требовавшего беспрекословного повиновения и быстро приходящего в ярость императора. Он был нежен и внимателен, старался предупредить каждое ее желание.

Собираясь к Лопухиной, Павел долго одевался, изучал перед зеркалом, как войти, кланяться... В те дни, когда Лопухина была с ним ласкова, Павел был доволен и каждого попадавшего навстречу осыпал милостями. Но зато лучше было не попадаться на глаза государю после неласкового приема Лопухиной.

После первых объятий они сели за накрытый стол.

Когда император налил в бокалы шампанское, Лопухина сказала:

— Сделай для меня милость, Павлушка.

— Какую, моя любимая?

— Награди бедного офицера.

— Как его фамилия?

— Лопухин.

— Не родственник ли он князю Петру Васильевичу?

— Родственник. Двоюродный племянник.

— Его чин? — Лицо императора сделалось важным, строгим.

— Штабс-капитан.

— Жалую его во флигель-адъютанты. Есть ли у него состояние?

— Никакого.

— Дарю пятьсот душ и жалую его в генерал-адъютанты. Ты довольна?

— Благодарю тебя, Павлушка. — И Лопухина поцеловала императора.

Анна Петровна была добра и не способна ни желать, ни делать кому-нибудь злое. Однако она была недалекого ума и не получила должного воспитания. Влияние ее на государя проявлялось только в раздаче милостей. Но сегодня было иначе.

— Еще прошу твоей милости, Павлушка.

— Поцелуй меня, Аннушка.

Лопухина стремительно расцеловала императора.

— А теперь говори, какую хочешь от меня милость?

Лопухина вынула маленькую записочку, спрятанную на груди, и, медленно шевеля губами, прочитала:

— «Не давай привилегий купцам Шелиховым. Назначь в Америку губернатора, как в прочих областях. Пусть там все купцы одинаково промышляют...»

Император был удивлен. До сего дня Лопухина ни во внешнюю, ни во внутреннюю политику не вмешивалась. Он боготворил Анну Петровну, однако ее просьба заставила императора задуматься.

— Граф Петр Алексеевич только вчера докладывал мне об Аляске и просил сделать как раз обратное, — помолчав, сказал он. — Утверждал, что, если уравнивать американский край с прочими областями России, понадобится много денег... А деньги мне нужны на другое. Я воюю на суше и на море.

Лопухина надула пухлые губки.

— Я подумаю, Аннушка... Но почему ты просишь именно это?

— Купец Голиков умолял меня, Павлушка. Он говорил, что пользы России заставили его просить. Он подарил мне целую коляску прекрасных американских мехов.

— Купец Голиков... Зачем ты якшаешься с мужиками, Аннушка? Я всеми силами споспешествую торговле. Ее цветущее состояние и всевозможное распространение — первое мое попечение. Но прежде всего надо иметь политическое рассуждение... — Император посмотрел на погрусневшую Лопухину. — Я подумаю, Аннушка, поцелуй меня еще...

Император взял из ее рук записку и стал читать:

— «Нужно между тем, сколько для ограждения коренных жителей от обид промышленных, — читал он написанное четким, писарским почерком, — сколько и для того, чтобы образовать нравы жителей и приуготовить их к повиновению и принятию законов, учредить в Америке вид коронного в том краю управления...»

Император вздохнул, свернул записку вдвое, еще вдвое и положил на стол.

Елена Петровна догнала своего мужа, Ивана Степановича Крукова, в Тобольске. Здесь полицейские сделали небольшую передышку. Осенью дорога до Тобольска была грязная, ухабистая, ехали медленно и очень устали. Но грязь никого не удивляла. Даже дороги между столицами и подъездные пути к Петербургу, проходившие по местам лесистым и болотистым, были выложены бревнами, поднимавшимися в дождливое время и плясавшими под колесами. О сибирских дорогах и говорить нечего.

Круковы встретились в плохонькой монастырской гостинице. Оставшись вдвоем, всю ночь проговорили о том, что их ждет впереди и как поступать дальше.

— Я с тобой поеду хоть на край света, — сказала Елена Петровна. Она плакала и смеялась, все еще не веря, что встретила мужа.

— Если считать краем света край Восточного полушария, то тебе действительно придется туда ехать и даже дальше, — пошутил Круков. — Как сказал адмирал Кушелев, фельдъегерь везет письмо иркутскому генерал-губернатору с приказанием отправить нас в Америку.

— Ну и пускай. Я тебя никогда не покину. Всюду пойду за тобой.

— Спасибо, Леночка, спасибо.

В тобольских амбарах лежали товары для промысловой компании Шелиховых. Здесь мореходы увидели адмиралтейские якоря, распиленные на четыре части, астрономические инструменты, пеньковые тросы, гвозди. Много провианта и мелочные товары для меновой торговли с американскими народами.

Мореходы узнали, что у компании имеются свои корабли для перевозки грузов по многочисленным островам, это обрадовало Ивана Степановича Крукова и его товарищей, они стали смотреть на будущее не с такой безнадежностью, как раньше.

В середине октября сильные морозы исправили дорогу, и в последних числах полицейские тройки, перепряженные в сани, по льду переехали Иртыш. Хуже обстояло дело с переправкой через Обь: она еще не замерзла и пришлось переправляться на лодках. Собственно, торопиться было некуда, и полицейские это понимали, но слишком велика сила императорского указа и слишком страшен был Павел.

Остальные реки пересекали с удобствами, по крепкому льду. И прибыли бы в Иркутск еще в конце ноября, если бы не болезнь морехода Павла Скавренина. Больше месяца пришлось провести в небольшом селении, в деревянной избушке.

Глава пятая. «Я ВАМ, УСМОТРЯ ПОЛЕЗНОЕ, ПОМОГАТЬ БУДУ»

Только 9 декабря 1798 года опальные офицеры прибыли в город Иркутск, самый большой и важный город Сибири. Полицейские оставили своих подопечных под ответственность губернатора и, не теряя времени, выехали обратно в Петербург.

На второй день господин тайный советник и губернатор Нагель принял Крукова, Скавронины и Карцова, говорил с ними весьма милостиво. Он сообщил, что адмирал Кушелев просил без промедления направить их в Русскую Америку.

— Адмирал обещал позаботиться о вас и в удобную минуту испросить прощения у нашего милостивого монарха, — сказал губернатор. — Отдохните в Иркутске, и мы отправим вас дальше. Если все будет хорошо, летом увидите столицу Русской Америки — Кадьяк. Я напишу рекомендательное письмо Баранову.

— Кто такой Баранов, ваше превосходительство?

— Александр Андреевич Баранов — главный правитель шелиховской компании. Отличнейший человек, сильный и мужественный, а главное, умный. Любит мореходов, ибо понимает, что на них основано благополучие компании. Жалованье вам будут платить двойное против казны.

Губернатор был рад видеть новых людей. Он подробно расспрашивал о порядках в Англии и о том, что они видели в Петербурге, а сам рассказывал об американских делах.

— Время не терпит, — горячился губернатор. — На Аляске могут объявиться новые хозяева. Я писал в коммерц-коллегию о своих соображениях и надеюсь, что скоро должен последовать надлежащий акт. На Аляске, господа, каждый русский, преданный интересам родины, может сделать много полезного... В прошлом году я был почтен собственноручным письмом императора Павла, господа! Он весьма похвально отозвался о моих скромных трудах. Письмо небольшое, послушайте.

Мореходы с готовностью согласились.

— Я вас познакомлю, господа, — продолжал губернатор, выслушав комплименты мореходов, — с госпожой Натальей Алексеевной Шелиховой. Весьма примечательная дама и ваша теперешняя хозяйка. Вместе со своим мужем она отважилась на опасное путешествие по американским островам. Больше трех лет ей пришлось переносить великие невзгоды... И Григория Ивановича Шелихова грех не помянуть. Он был не только удачливый купец, но и крупный политик. Скажу больше, он был прозорливым государственным деятелем. — Губернатор вынул из кармана берестяную тавлинку и с наслаждением втянул в ноздри мясистого носа добрую понюшку табака. — Встарь на Москве табачникам, таким, как я, носы резали, — прочихавшись, утерев нос синим платком, усмехнулся губернатор. — Итак, господа, желаю вам успеха в дальних странствованиях, а я вам, усмотря полезное, помогать буду.

Следующий день был воскресенье 12 декабря. В губернаторском доме торжественно отмечалось рождение великого князя Александра Павловича. Чиновники вились в мундирах темно-зеленого цвета с белыми суконными воротничками и обшлагами. Медные пуговицы с губернским гербом — зверь «бобра» с соболем в зубах. Женщины в нарядных дорогих платьях, изрядно нарумяненные и набеленные.

После обильного ужина с застольными речами и здравницами в честь великого князя начались увеселения: песни и танцы.

Мореходы впервые увидели иркутский танец «восьмерку». Восемь пар танцующих встали в круг и под бодрящую музыку принялись выделывать замысловатые повороты и фигуры. Начинала первая пара, за ней по порядку все остальные. К танцу присоединялись все новые и новые пары, и казалось, веселью не будет конца и края. Танец «восьмерка» очень продолжительный, и все танцующие взмокли от пота и едва держались на ногах.

После танцев хор любителей народного пения порадовал гостей губернатора новой песней:

Не кручинься, не печалься,

Удалая голова.

Все на этом белом свете

Пустьяки и трын-трава.

Жизни горькой, жизни сладкой

Дни, недели и года

Протекают, пробегают,

Как проточная вода.

Счастье, радость,

Грусть, невзгода

Быстрым вихрем пролетят... —

заливался хор. Все собравшиеся в парадной зале стали подпевать и притопывать в такт.

Вечер в губернаторском доме закончился далеко за полночь. Гости разъезжались на тройках, парах, а кто и четвериком. Мороз стоял крепкий. Потрескивали бревенчатые домишки.

До закрытия зимней иркутской ярмарки осталось два дня. В понедельник совершились последние сделки, а на улицах все еще царило оживление.

Утром мальчишка-посыльный принес мореходам приглашение от Натальи Алексеевны Шелиховой отобедать у нее дома.

В полдень следующего дня Круковы и Скавронин, тепло одевшись, вышли на улицу. Под ногами приятно поскрипывал снег. Воздух был тих и приятен, из труб деревянных домов тянулись вверх, в голубое небо, сизые дымки. По дороге часто встречались сани и возки, приспособленные для дальних зимних поездок. Теплый лошадиный навоз, оставленный на снегу, дружно расклевывали воробьи...

На вид Иркутск был обычным русским городом, живущим по законам и порядкам Российской империи. Трезвонили колокола в церквах, лаяли у ворот злые собаки. На каждой улице шла торговля в больших и малых купеческих лавках.

Но если копнуть поглубже, сколько людского горя и горьких слез можно бы увидеть почти под каждой крышей!

Губернатор Иркутска был всемогущим вельможей и руководствовался в своей деятельности произволом вместо закона. За подкуп, за взятку можно было выиграть любое дело, черное представить белым. Советники губернского правления — губернский прокурор, председатель суда, губернский архитектор и землемер — и остальные чиновники более низкого ранга творили все, что хотели, и покрывали друг друга. Все их помыслы были направлены к тому, чтобы разбогатеть, обдирая ремесленников, крестьян, купцов и даже воров и бродяг.

Недаром по России ходило кем-то сочиненное злое четверостишие:

Всякую добычу надо разделить,

Себя не обидеть, других не забыть.

Кто так жить умеет, с голоду не помрет,

А сухая ложка всегда рот дерет.

На самом верху стоял губернатор, ставленник императора, доверенный человек. Трудно, очень трудно найти правду в отдаленном городе Иркутске, если под Москвой и под самым Петербургом на глазах у царя происходили возмутительные события...

Навстречу мореходам, поднимая снежную пыль, пронеслись, звеня бубенцами, три тройки. Лошади украшены лентами и лисьими хвостами. Ямщики в овчинных шубах, крытых синим сукном.

Круков увидел на первой тройке двух черноволосых людей с покрасневшими лицами. Они были без шапок и что-то кричали, размахивая руками; их черные волосы развевались, как гривы.

— Кто эти люди? — спросил он у прохожего.

— Новокрещенные с Алеутских островов. Его величество император Павел изволили в Петербурге принять сих новокрещенных и беседовать с ними. Из рук императора алеуты получили подарки. Иркутское купечество зазывает их в гости... И дня трезвыми не были. Купцов-то, гильдейцев, полтыщи в Иркутске, и каждый за честь почитает царских гостей принять...

— Как зовут их, знаете?

— Как не знать! Весь город знает. Одного Николаем Луканиным кличут, а другой — Никифор Свинын.

У крепко сбитого особняка под железной крышей, окрашенной в зеленый цвет, мореходы остановились.

Дом был большой, на десяток горниц. В двух горницах была контора, в остальных жила вдова Шелихова и ее старшая дочь Авдотья, недавно вышедшая замуж за купца и компаньона Михаила Матвеевича Булдакова.

Наталья Алексеевна познакомила мореходов со всем своим семейством. Крукову понравился

Булдаков, тяжеловатый на вид, но с добрыми и веселыми глазами. Он был в темно-зеленом бархатном халате на манер старинной боярской шубы, опушенной соболями.

Мореходы вкусно пообедали. Обед был постный. Рыба подавалась к столу во всех видах.

— Господа, — сказала Наталья Алексеевна, когда обед был закончен и гости собирались играть в карты. — Вам, мореходам, предстоят великие и славные дела. Вы должны воедино соединить далеко расположенные части Русской Америки. Сегодня это наша беда. Судите сами... От нашей главной конторы в Иркутске только до Якутска 2583 версты, до Кяхты, где идет основная торговля компании, 523 версты, до Охотска 3602, до Камчатки 7022 версты и до Кадьяка ровно 10 тысяч верст.

— Целая империя, — поддакнул Круков.

— Если вы сумеете быстрее перевозить грузы, а главное, не топить корабли или, скажем, топить не так часто, как это делают теперь, вы дадите возможность компании обратить свои капиталы на другие нужды колонии. Сейчас время насаждать. Время исторгать саженное еще не пришло. Как жаль, что умер Григорий Иванович. Он мог бы все вам рассказать лучше меня...

— Вы замечательно все сказали, Наталья Алексеевна, понятнее, чем иной адмирал, — вступился Павел Скавронин.

Епископ Иоасаф в ожидании летнего пути в Охотск жил в просторном доме иркутского владыки. Глава православной миссии прибыл в Иркутск из далеких американских владений и в ноябре с поспешностью был посвящен в епископы.

Сегодня у владыки банный день. Утром хлебник Кирилл пек ржаной хлеб, и русская печь, занимавшая половину поварни, жарко прокалилась. Владыка любил париться в русской печи и считал, что лучшей бани не придумаешь. Однако архиепископ был стар и первого печного жара не выносил. Первым полез в печь новопосвященный Иоасаф, человек совсем молодой и здоровый.

С тех пор как отец Иоасаф забрался на солому, устилавшую под русской печи, прошло довольно времени. Хлебник стал думать, не случилось ли чего с епископом. В такой жаркой бане редко кто мог выдержать и четверть часа.

Но вот заслонка с грохотом упала, из устья вырвался пар, и отец Иоасаф стал медленно выползать из печи. Огромное тело его с прилипшими березовыми листьями было багровым, волосы поднялись. Пекарь распахнул дверь во двор, и епископ с ревом устремился как был, наг и бос, на морозный воздух. Усевшись в сугроб, он стал натираться снегом.

После бани пропотевшие и умиротворенные святые отцы сидели в столовой за круглым столом из душистого кедрового дерева и пили крепкий чай с медом и целебной брусничной настойкой.

— Вчера, отец Иоасаф, из Петербурга от преосвященного митрополита получено конфиденциальное письмо, — сказал владыка после четвертой чашки. — Касательно американской миссии... — Он положил в рот ложку меда и сощурил глазки. — Милостивейший император Павел не изволил прислушаться к речам его высокопреосвященства митрополита. Правитель Баранов не будет смещен. Чуешь, отец Иоасаф?

— Великая новость, ваше преосвященство. — Кадьякский епископ произносил слова громко и басовито, точно стрелял из пушки.

— Выходит, так. Придется тебе, отец Иоасаф, покориться и не писать писем с жалобами. Делу не поможешь, а себя подведешь.

Владыка был худ, щеделушен и лыс. Сзади и немного на висках седые локоны падали по плечам. Жидкая борода едва прикрывала подбородок.

— Значит, опять жить впроголодь?

— Ты ныне епископ, лицо высокое. Баранов не посмеет тебя обидеть. Да еще и акционер. Пятнадцать акций тебе компаньоны отвалили.

— Он живет с индианкой, язычницей, — не выдержал отец Иоасаф. — Двое детей, погряз в блуде.

— Ему все простили. Пусть Баранов пишет прошение о разводе. Поддержи, говорю наперед. Развод ему дадут, а тебе он будет благодарен. — Иркутский владыка говорил тихим, тонким голоском, но все знали, что послушаться его нельзя: расправлялся он с ослушниками жестоко.

Отец Иоасаф задумался. Он по-прежнему не мог взять в толк, почему уцелел Баранов. Все его письма с жалобами иркутский владыка переправлял в Петербург преосвященному митрополиту. Отец Иоасаф писал, что Баранов утесняет православную миссию, морит монахов голодом, что он обворовывает компанию, подозрительно якшается с иноземцами и, наконец, допускает французские вольности в колониях. Всего этого вполне достаточно, думал он, чтобы за казенный счет привезти Баранова в Петербург и с пристрастием допрашивать в тайной экспедиции. И все же его не тронули.

— Знамо ли вашему высокопреосвященству, кто отстоял Баранова? — снова загудел отец Иоасаф.

— Как не знать... Статский советник Николай Петрович Резанов, он же обер-прокурор, зятек покойного Григория Шелихова. Тот Резанов, что вашу православную миссию из Петербурга в Иркутск привез. Твой давний знакомый.

Услышанные от архиепископа новости омрачили радость отца Иоасафа. Полученный епископский сан уже не казался ему столь высоким и всесильным...

Разговор святые отцы затянули до позднего вечера.

Мореходы рождество провели невесело. Опять заболел костлявый и высокий Павел Скавронин и через три дня помер. Доктор сказал — горячка, умер от простуды.

Еще через десять дней, встретив Новый год в доме у гостеприимной хозяйки Шелиховой, мореходы выехали в Якутск. Наталья Алексеевна дала им на дорогу несколько мешков замороженных пельменей и десятка с два кругляков из крепких, как камень, мясных щей.

Путешественников никто не торопил, и они могли прожить в Иркутске еще полгода. Но Иван Круков и Федор Карцов, да и Елена Ивановна хотели поскорее добраться до места своего нового местожительства. Им говорили, что раньше конца июня ни одно судно не выйдет из Охотска на Кадьяк, но все напрасно.

До ближайшей пристани на реке Лене дорога была превосходна. Однако по реке до города Олекмы пришлось ехать по торосистому льду, и возки часто ломались. От Олекмы до Якутска везли якутские лошади, непривычные к упряжке в санях, и поэтому ехали медленно. В Якутск мореходы прибыли в начале февраля. Старая деревянная крепость, построенная в прошлом веке, еще стояла, однако стены в некоторых местах обветшали и обвалились. В городе три каменные церкви и казенный каменный дом. Остальные дома деревянные, построенные на старый русский образец. Между деревянными домами торчали якутские юрты.

Лейтенант Федор Карцов и Круковы поселились в гостеприимном доме начальника почты.

Обычно из Якутска в Охотск зимой, по причине глубокого снега, возят только почту. Но мореходы твердо решили ехать, не дожидаясь весны. Но и не торопились. Отдыхали, набирались сил, готовились к зимнему путешествию. Шили меховую одежду, запасали провизию на два месяца.

В середине февраля, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, Круковы и Федор Карцов отправились в путь на верховых. Их сопровождали проводники-якуты с вьючными лошадьми.

От Якутска до реки Алдана около четырехсот верст. Дорога шла через якутские улусы, ровными местами, кое-где попадались перелески из березняка и лиственницы. Этот участок дороги проехали без неприятных происшествий и задержек.

Ночевали путники в юртах у якутских старост. Мореходов везде принимали ласково и гостеприимно.

— Пожалуйста, пожалуйста, — встречали старосты на пороге своей юрты и спешили помочь сойти с лошадей, вели в дом, где тотчас разжигали большой огонь.

На стол якуты ставили все, что было в доме. Угощали вареным, жареным и сырым мясом, строганиной из замороженной рыбы или молодым жеребенком. Поили напитком, приготовленным из кислого коровьего молока. Хлеба у якутов не было, его доставали мореходы из своих дорожных мешков.

18 марта мореходы остановились в последнем якутском селении, у отставного казака. Отсюда на четыреста верст шли необитаемые места, и до реки Оймькона перемены лошадям не было. Хозяин предупредил об опасностях пути. Но мореходы твердо решили продолжать путешествие. Елена Ивановна заметно уставала от верховой езды, однако и она не хотела думать об отступлении.

Действительно, зимняя дорога была трудна. Каждый день от утра до вечера мореходы сидели в седлах, а ночи проводили, зарывшись в снегу. Стужа жестокая, морозы все время держались за сорок градусов. Есть приходилось все мороженным, а согревались чаем. Вот тут мореходы поняли, что такое карымский чай. Заварив в медном котле плитку толченого кирпичного чая, Иван Круков бросал туда кусок замороженного молока, щепоть соли и несколько ложек муки, поджаренной на сливочном масле, заготовленной впрок еще в Якутске. Огненный напиток пили из деревянной посуды. Несколько чашек карымского чая быстро приводили в чувство окоченевшего человека.

Когда проезжали невысокий горный хребет Атбас, якутские проводники совершили старинный обряд, принесли жертву какому-то богу. Они выдернули из хвостов лошадей по пучку волос и повесили на сучки деревьев, на которых красовалось немало таких же приношений.

Лошади совсем отощали, питаясь блеклой травой, которую доставали копытами из-под снега. Путь продолжался две недели.

Но когда мореходы отогревались в юрте писаря оймьконских старшин, они узнали, что впереди их ждет кое-что похуже. Снега впереди были такие глубокие, что лошади идти не могли. Но приказ иркутского губернатора имел непререкаемую силу. Писарь послал нарочных за оленями, которых не останавливали глубокие снега. Оленьи тунгусы со своими животными кочевали недалеко в гористых местах.

Пока ждали тунгусов, мореходы отдохнули и отдышались. Каждый день наслаждались горячими обедами и ужинами, приготовленными русской хозяйкой. Пошли в ход и пельмени, подаренные Шелиховой. В доме гостеприимного писаря путники прожили две недели. В

начале апреля нарочные возвратились и привезли с собой две тунгусских семьи и тридцать оленей.

Мореходы и сами ехали верхом на оленях и запасы навьючили на замечательных животных. Оленье седло невысоко, без стремян и подпруг, лежит на передних лопатках. С большим трудом путники удерживались на нем, пока привыкли. Ехали по известной только тунгусам дороге через леса, горы и тундру. Ночевали в круглых юртах, было тепло, но зато и дымно, так как костер разводили в жилище. Заметно ослабел рыжий лейтенант Федор Карцов. Он едва держался в седле. На привале молча валился на шкуры и долго лежал с открытыми глазами.

Через десять дней выехали через разлог между гор на реку Охоту, а дальше дорога шла по льду. Наконец мореходы достигли реки Арки. Здесь жили пешие тунгусы. От этих мест мореходы пересели на собачьи нарты и в первых числах мая прибыли в Охотск. Карцов сильно недомогал и остался лежать в доме почтового смотрителя.

— Сколько дней вы были в пути? — спросил начальник Охотского порта у Ивана Степановича.

— Если считать из Петербурга, семь месяцев и четырнадцать дней, а из Иркутска — пять месяцев.

Начальник покачал головой.

— И ваша жена перенесла путешествие?! На вид она такая маленькая и хрупкая.

— Я люблю мужа и ради него перенесу все, — гордо отвечала госпожа Крукова.

Через неделю умер мореход Федор Карцов. Его похоронили на местном кладбище. Отпевал поп охотской церкви со всем причтом.

Время шло быстро. В Охотске Круковы познакомились с Николаем Коробицыным — приказчиком иркутского купца Михаила Булдакова. Он наблюдал за сооружением и погрузкой новопостроенного корабля «Св. Николай». Больше ста компанейских служителей находились под его командой. На «Св. Николай» грузили провиант, одежду, ткани и другие товары, необходимые в колониях.

У галечной косы вмерз в лед фрегат «Феникс». В прошлом году на нем прибыл в Охотск архимандрит Иоасаф, вызванный в Иркутск по высочайшему повелению. Фрегатом командовал обрусевший англичанин Джеймс Шильдс, из подпоручиков оренбургского полка, изрядно знающий мореходное дело. Может быть, он обучался в навигационной школе в Иркутске, но об этом никто не знал. Фрегат «Феникс», первенец судостроения в Русской Америке, был построен в 1794 году трудами и заботами правителя Баранова. Конечно, в полном смысле фрегатом он называться не мог, но все же имел три мачты с прямым вооружением и восемь чугунных пушек. Он поднимал около 11 тысяч пудов разного груза и сотню пассажиров.

Плотник Фома Терентьев, строивший фрегат, понимал толк в убранстве корабля. Впереди, под бушпритом, он поставил вырезанного им из твердого дерева монаха, склонившего голову над раскрытым Евангелием. А на корме красовался российский герб.

Что же касается скорости, главной особенности фрегатов, то здесь у «Феникса» многого не хватало. Над водой он сидел сравнительно высоко и не мог нести всех фрегатских парусов. Даже Шильдс, по чертежам которого строился фрегат, не мог выжать из парусника больше девяти узлов в попутный ветер.

Иван Степанович Круков навел капитана «Феникса». Это был рыжий мужчина, весь в разноцветной татуировке. По-русски он говорил неправильно и был очень обрадован английской речью Степана Крукова. Он долго тряс ему руку.

— Очень рад, очень рад. Не выпить ли нам по маленькому стаканчику? У меня есть ром. Называйте меня Яков Егорович, меня все так зовут в колонии. Сам правитель Баранов меня так называет, — с гордостью сказал англичанин.

За стаканчиком рома Круков спросил капитана:

— Что за человек этот Баранов?

— О-о-о... Баранов — это чудо. Он умнее самого умного министра. Клянусь, это так. Александр Андреевич не знает страха и пользуется большим доверием всех, кто у него работает. Баранов любит свою родину, а это большое дело. Его уважают даже краснокожие. О, да! Верьте мне, Баранов великий человек. Он хочет в школе учить своих индейцев. Это немного смешно. Он смотрит на них не так, как англичане. О-о... Я знаю, как относятся к индейцам на другом берегу Америки... Только благодаря его находчивости мы построили этот замечательный корабль «Феникс», на котором можно без опасений плыть вокруг света...

Круков не думал, что ему придется иметь дело с индейцами, и слушал вполуха.

С наступлением теплых дней пришел небольшой парусник, принадлежащий вдове Шелиховой, — «Доброе предприятие св. Александры», находившийся у острова Атхи, где мореходы промыслили морских котиков. Командовал парусником подштурман Козлов.

Сто три тысячи котиковых шкурок оказалось в трюме парусника. Иван Степанович впервые увидел моржовые клыки, добытые на острове Атхе, и шкурки песцов, голубые и белые. В трюме парусника оказалось более тысячи шкурок морского бобра и столько же бобровых хвостов. На «Фениксе» и на «Добром предприятии св. Александры» объединенная компания получила мехов больше чем на миллион рублей. После сортировки и упаковки вторые сорта сухим путем отправят в город Кяхту на китайской границе. А все самое лучшее пойдет в Санкт-Петербург.

Круков вникал во все подробности компанейских дел. Он был человеком умным и сразу понял, что быть просто мореходом, без знаний всех тонкостей промысла, невозможно. Он удивился, с каким пренебрежением подштурман Козлов смотрит на приказчиков, внимательно разглядывавших шкурки.

— Мое дело — карты, компас и астрономия, — говорил он. — Шкурками пусть мужики занимаются, а я пачкать рук не стану... Платят купцы хорошо, что правда, то правда. Я три года пробыл на промыслах и на заработанные деньги могу десять лет без нужды прожить в России.

Наступил день отхода. На борту парусника «Доброе предприятие св. Александры» находилось около трех-тысяч пудов разнообразных товаров. Он вез инструменты, необходимые для постройки кораблей, гвозди, железные полосы, медные листы, немного продовольствия. На палубе лежали два адмиралтейских якоря, сваренные в кузницах Охотска.

Ивана Степановича Крукова и его супругу подштурман Козлов устроил в маленькой душной каютке на корме корабля.

Перед самым отходом в Охотск прибыла иркутская почта, и Круковы узнали, что алеутские тойоны Николай Луканин и Никифор Свињин умерли еще в марте месяце. Они не выдержали

обильных угощений иркутских купцов. Непрерывное трехмесячное пьянство могло свалить кого угодно.

В самый канун июня, после напутственного молебна, подштурман Козлов, дождавшись полной воды, вышел из порта. Плавание до Курильских островов было благоприятным, льдов не встречали, но на вторые сутки, по выходе из Курильского пролива, ночью внезапно умер Козлов, изрядно выпивший в порту, а других мореходов среди промышленных не было.

Рано утром Ивана Степановича разбудило многоголосое пение. Он вышел на палубу и удивился. Промышленные, не зная, на какой курс ставить паруса после перемены ветра, решили отдаться на волю всемогущего бога. Стали служить акафист божьей матери и угодникам Николаю-чудотворцу и Зосиме и Саввату, соловецким чудотворцам. По окончании службы иконы вынесли на палубу, прикладывались к ним и просили со слезами помощи. Решили идти по ветру.

Но тут вышел Иван Степанович и объявил, что он мореход. Промышленные обрадовались и решили, что кораблем командовать должен Круков.

Парусник «Доброе предприятие св. Александры» благополучно прибыл на Кадьяк, в Павловскую гавань. Правитель Баранов горячо поблагодарил Крукова и без промедления назначил его капитаном на галиот «Варфоломей и Варнава», отход которого задерживался из-за отсутствия на службе компании человека, знающего навигационные науки.

Глава шестая. ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ БЫЛ ПЕРВЫМ И ЗЛЕЙШИМ СЕБЕ ВРАГОМ

Император Павел Петрович сидел за любимым письменным столом грушевого дерева, углубившись в чтение. Раннее утро. В бронзовом подсвечнике ярко горят свечи.

Окна домов в первой адмиралтейской части почти все были темными, только в доме вице-канцлера, что напротив Зимнего дворца, ярко освещены. Виден свет и в других домах, где находятся департаменты, коллегии и канцелярии.

Часы с изображением богини Венеры отбили шесть. С последним ударом дверь в кабинет императора приоткрылась.

— Ваше императорское величество, генерал-лейтенант Ростопчин прибыл с докладом.

Император Павел поднял голову.

— Пусть войдет, — раздался его сиплый голос.

Вошел генерал Ростопчин и низко поклонился. У него обильно присаленная голова и на ногах блестящие кожаные сапоги выше колен.

— Манифест готов?

— Готов, ваше величество.

— Читайте.

Ростопчин вынул из папки лист бумаги, исписанный мелкими четкими буквами.

— «Восприяв с союзниками нашими намерение искоренить незаконное правление, во Франции существующее, восстали на оное всеми силами. Бог сниспослал благодать свою на

ополчение наше, ознаменуя до самого сего дня все подвиги наши успехами...»

— Буду и впредь противиться неистовой французской республике, угрожающей истреблением закона и благонравия, — неожиданно оборвал чтение император. Он смотрел на Ростопчина большими мутными глазами, в которых зажигался гнев. — Вы слышите, генерал, я ваш император, я ваш закон! — почти кричал Павел, ударяя себя в грудь.

— Так точно, ваше величество! — отступив на шаг, рявкнул Ростопчин. — Вы наш император!

— Читайте дальше, генерал, — успокоился Павел.

Но Ростопчин успел прочитать всего несколько строк.

— Русские привыкли видеть на престоле юбку вместо мундира, — неожиданно произнес император.

Ростопчин остановил чтение, но, увидев, что император уже все сказал, продолжал:

— «...отослав пребывающего гишпанского поверенного в делах Ониса. Теперь же, узнав, что и наш поверенный в делах в положенный срок принужден был выехать из владений короля гишпанского, принимая сие за оскорбление величества нашего, объявляю ему войну, повелевая во всех портах империи нашей наложить секвестр и конфисковать все купеческие гишпанские суда, в оных находящиеся, и послать всем начальникам сухопутных и морских сил наших повеление поступать неприязненно везде и со всеми подданными короля гишпанского...»

Павел помолчал. Взял перо, обмакнул в чернила.

— Давай сюда.

Ростопчин торопливо подал манифест.

Павел повернулся к иконе, перекрестился и подписал, разбрызгивая чернила.

— Приказываю: Севастополь именовать впредь Ахтиарой⁹.

— Слушаю, ваше величество.

— Приказываю перлюстрировать все письма на имя великой княгини Елизаветы Алексеевны, — положив перо, сказал Павел.

— Будет сделано, ваше величество, — записывая приказание императора в особую тетрадь, отозвался Ростопчин.

— Надоел мне князь Чарторыйский, услать бы его подальше.

Ростопчин молчал.

— Гофмейстера князя Чарторыйского послать министром к королю сардинскому, — повысил голос император, — немедленно.

— В какую страну, ваше величество?

Король сардинский был лишен своего королевства и путешествовал по Европе.

— Пусть едет в Италию. Где-нибудь да разыщет... Все, генерал, я вас не задерживаю.

«Разве можно с таким государем найти правильную государственную систему? — подумал Ростопчин, выходя из царского кабинета. После смерти Безбородки Федор Васильевич принял бразды правления в департаменте иностранных дел. — Он хочет все сделать сам, требует, чтобы его повеления исполнялись немедленно, и не терпит никаких противоречий своей воле. Разубедить его почти невозможно и разубеждать опасно. Политика Павла преследует только одну цель — заявить, что новое царствование представляет собой отрицание предыдущего».

Однако сам Федор Васильевич не являлся мыслящим, преданным вельможей, а многие говорили, что и моральные добродетели его были весьма сомнительны. У него всегда два лица: одно напоказ, другое само по себе. И первое видоизменялось, смотря по обстоятельствам...

Часы в кабинете императора отбили семь ударов. Двери слева от стола открылись. Вошел великий князь Александр Павлович. Чувствовал он себя весьма прескверно. Страх перед отцом мучил его каждое утро и каждый вечер. Подгибались и дрожали ноги, кружилась голова. Положение ухудшалось и тем, что великий князь был основательно глуховат и очень близорук.

Подав рапорт, Александр Павлович застыл на месте, ожидая вопросов августейшего отца. Отчет давался в мельчайших подробностях... Все, что относилось к петербургскому гарнизону, по всем караулам города и даже все сведения о конных патрулях, разъезжавших в Петербурге и его окрестностях.

Однако на этот раз все обошлось. Голову императора занимали другие мысли.

— Иди, — сказал он, — и чтобы впредь везде был порядок. В рапортах пиши не только имена патрульных солдат, но и клички лошадей. Все может быть... Поздравляю, ведь у тебя вчера родилась дочь.

— Да, ваше величество, бог благословил...

Александр Павлович с чувством поцеловал руку родителя и, не желая испытывать судьбу, немедленно удалился.

Павлу целовали руку, преклонив одно колено. Однако если при Екатерине это было почти символично, то император должен был слышать, как стучалось колено об пол, и чувствовать поцелуй...

Перед императором появился его духовник, член Правительствующего сената и святой Анны первой степени кавалер Исидор Петрович Петров.

— Посмотри, отче, видишь? — спросил Павел, указав пальцем на противоположный угол.

— Не вижу, ваше величество.

— Облачение для церковной службы разве не видишь?

Теперь только духовник обратил внимание на развешанное у стены тканное золотом священнослужительское облачение.

— Вижу, ваше величество, но зачем оно здесь?

— Хочу служить обедню.

— Обедню? — Духовник подумал, что ослышался.

— Разве, как глава русской церкви, я не могу служить обедню? — недовольно сказал император.

— Я этого не сказал, — вывернулся Исидор Петрович Петров. — Но канон православной церкви запрещает священникам совершать святые таинства, если они женаты на второй жене¹⁰.

Император оказался огорченным. Но против канонов православной церкви спорить не стал.

— Возьми себе облачение, отче, — сказал он. — Тебе пригодится. Небось таких риз раньше не нашивал.

— Спасибо, спасибо... Вы не забыли, ваше величество, — спохватился духовник, — графиня Ливен пожалует к вам с новорожденной княгиней ровно в восемь, так как изволили приказать.

— Помню, помню, — ворчливо отозвался император и посмотрел на часы.

Дверь во внутренние покои снова открылась, в кабинет вошла статс-дама графиня Ливен. Она бережно держала в руках кружевной сверток.

— Ваше величество, посмотрите на внучку. Дочь Александра и Елизаветы.

Император двумя пальцами приподнял кружево.

— Сударыня, возможно ли, чтобы у мужа блондина и жены блондинки родился черненький младенец? — после долгого созерцания сказал Павел и поднял свои оловянные глаза на графиню.

— Государь, бог всемогущ...

— Да, да, бог все может, — ответил император. — Передайте великой княгине мои поздравления и подарок.

Павел Петрович взял со стола золотой браслет, украшенный бриллиантами, и положил его на кружевной сверток в руках статс-дамы.

— Как вы добры, ваше величество, великая княгиня будет очень рада.

Император махнул рукой. Графиня поклонилась и тотчас унесла новорожденную.

Девочка родилась в несчастливый день. Прожила она совсем недолго. Доктора даже не могли определить болезнь.

Великий князь Александр Павлович, выйдя из отцовского кабинета, столкнулся со своим другом князем Чарторыйским.

— Прощайте, ваше высочество, — сказал князь. — Я покидаю Россию.

— Не может быть! Зачем?

— Только что граф Ростопчин передал мне повеление императора о немедленном выезде в Италию, искать сардинского короля. Буду при нем министром.

На глазах Александра Павловича показались слезы. Он понял, что это камень в его огород. Императору с недавних пор претила дружба сына с князем Чарторыйским.

— Пойдемте, князь, вон туда, к окошку. У меня есть еще несколько минут до плац-парада.

Поговорим... Мой отец совсем потерял разум. Он захотел все преобразовать, все решительно. Все перевернуть вверх дном в государстве. Вы знаете о всех безрассудствах, совершенных отцом за последнее время. Их невозможно перечислить. Полнейшая неопытность в делах, строгость, лишенная малейшей справедливости. Я говорил вам раньше, что хочу покинуть родину. Но теперь думаю иначе. Если придет и мой черед царствовать, я постараюсь даровать стране свободу. Я клянусь... сам совершить революцию и передать власть представителям нации.

Великий князь всхлипнул и, вынув платок, стал утирать слезы.

— Успокойтесь, ваше высочество. Не привлекайте внимания любопытствующих... Я уверен, что все повернется к лучшему. Могу посоветовать: не подавайте повода к подозрениям. Прощайте, ваше высочество.

Великий князь обнял Адама Чарторыйского. Они поцеловались.

— Вы уезжаете, счастливчик. А нам остаются вахт-парады и маневры. И сейчас мне на парад. Бог знает, как он пройдет. И я ничего не могу сделать для вас.

— Не печальтесь. Берегите себя. — Адам Чарторыйский знал, что великий князь смертельно боялся отца и не смел ему прекословить. Нелегко было наследнику жить и служить. Он поминутно думал только об одном: как бы лучшим образом удовлетворить требования своего строгого родителя. А император, заметив слабость своего сына, относился к нему грубо, без всякого уважения.

На следующий день во дворце распространилась невероятная новость. Генерал-прокурор князь Лопухин, осыпанный со всех сторон императорскими милостями, уходит в отставку.

— Значит, малиновый цвет линяет?! — недоумевали придворные.

— Император нашел себе новую даму сердца.

— Нет, император по-прежнему боготворит Анну Петровну, — сообщали более осведомленные. — Только вчера она получила новый подарок, какой-то особенный бриллиант желтого цвета.

— Михайловский замок приказано окрасить в цвет ее перчаток.

— Но почему уходит ее отец?

— Разве у хорошей фаворитки не может быть отца, плохо угождающего императору?

Слухи подтвердились. Князь Лопухин ушел в отставку, на его место назначен А. А. Беклешев. Почему ушел князь Лопухин, осталось неясным. Многие были склонны считать, что дела князя пошатнулись после смерти его покровителя канцлера Безбородки.

Последним докладом графа Палена у императора были дела объединенной американской компании. После ухода князя Лопухина коммерц-коллегия поддержала проект, подготовленный госпожой Шелиховой и наследниками.

Павел Петрович прочитал вслух первый параграф правил: «Учреждаемой компании для промыслов на матерой земле Северо-Восточного моря, по праву открытия России принадлежащих, именоваться под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американскою компаниею».

— Далеко, ох, далеко! — пробормотал он, взглянув на карту.

— Ваше величество, вы когда-то весьма благоволили к основателю сей компании купцу Григорию Шелихову... Вы тогда еще были наследником.

— Шелихов, купец Шелихов, напомните мне, генерал.

Генерал-губернатор Пален положил перед императором письма Григория Шелихова.

— Помню, теперь помню, — оживился император. — Я писал их еще в Гатчине. Да, да... Но ведь он умер?..

— Остались наследники, ваше величество.

Император вновь взял проект и быстро пробежал глазами по строчкам.

— Написано хорошо.

— Посмотрите еще один документ... Привилегии, высочайше пожалованные компании.

— Читал, согласен, — отозвался Павел и посмотрел на военного губернатора выпуклыми глазами. — Что еще?

— Вы знаете, ваше величество, что сказала ваша матушка по поводу русских прав в Америке? — спросил Пален.

— Что она сказала? — насторожился император.

— Она не поверила сибирскому купцу Шелихову. Ее величество изволили сказать: «Многое распространение в Тихом море не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое».

Император пожал плечами, усмехнулся:

— Вот видите, женский ум. Теперь всем ясно противное, даже простым мужикам. Дайте я подпишу бумаги.

И император вывел витиевато: «Быть посему».

— Ваше величество, подпишите еще одно письмо. Надо пресечь вредные замашки аглицких промышленников на придержащие Россией берега Северной Америки, — сказал губернатор.

Император согласился без единого слова.

Граф Пален собрал со стола подписанные бумаги и почтительно отступил к двери.

Император задумался. «Бедная Аннушка, — размышлял он, — я обманул тебя. Но это дело большое. Оно больше того, что может позволить мое сердце. Не печалься, Аннушка... Я подарю тебе вальс. Я разрешу танцевать его во дворце. Ты ведь так любишь вертеться под музыку».

Мысль разрешить танцевать вальс утешила императора. Он развеселился.

«Сегодня вечером она будет танцевать вальс», — окончательно решил он.

Бал во дворце начался ровно в семь. Через тридцать минут император в парадном мундире, с неразлучной палкой в руках пробирался среди танцующих, разыскивая Лопухину. Он увидел ее отдыхающей после танца. За стулом Анны Петровны стоял кавалергард Давыдов, щеголеватый и ловкий молодой офицер.

Император, испытывая приступ ревности, подошел к кавалергарду, но тот, увлекшись разговором с Лопухиной, не заметил государя.

Павел Петрович ударил Давыдова палкой по ноге. Но офицер, полагая, что с ним шутит кто-нибудь из друзей; а палки носили все офицеры, не обернулся, продолжая разговор с Лопухиной. Удар повторился, и тогда, обернувшись, Давыдов увидел разгневанное лицо императора.

— Как вы смеете, сударь, стоять спиной к великим княжнам!

Давыдов обернулся и, увидев, что великие княжны стоят не позади его, а впереди, и поняв истинную причину гнева, позволил себе улыбнуться. Эта улыбка решила его судьбу.

— В Сибирь! — закричал Павел Петрович. — Разжаловать в солдаты.

Давыдова тотчас увели.

Лопухина встала на колени перед императором.

— Ваше величество, умоляю, простите кавалергарда. Меня все возненавидят, если я стану приносить несчастье людям. Простите, ваше величество.

— Вернуть кавалергарда. Пусть возвращается во дворец в прежнем чине. Но приказываю ему весь вечер улыбаться... А вас, сударыня, приглашаю на танец. Пусть оркестр играет вальс. — Он поднял Лопухину и закружился с нею в танце.

На следующий день после бала военный губернатор Пален был очень удивлен полученными от императора приказами.

«Господин генерал от кавалерии граф фон дер Пален, — писал император, — отставленного от службы и от всех должностей бывшего мануфактур-коллегии президента Саблукова повелеваю вам выслать из Санкт-Петербурга. Пребываю вам благосклонным... Павел».

«Не могу понять, — думал Пален. — Саблукова император весьма уважал. Его сын, полковник-кавалергард, не раз был отмечен при дворе. Но что делать?»

Граф Пален тут же направил к Саблукову генерал-майора Лисаневича — объявить волю императора.

Александр Александрович Саблуков в это время лежал в постели. Лицо его было багрово, и он едва сознавал, что вокруг него происходит. В спальне находился его сын, вызванный по случаю болезни отца.

Генерал Лисаневич два раза окликнул больного.

Саблуков очнулся с трудом.

— Кто вы такой, что вам нужно?

— Я Лисаневич, обер-полицмейстер. Узнаете ли вы меня?

— Ах, это вы! Я очень болен, что вам нужно?

— Вот вам приказ от императора.

Посол графа Палена предупредительно развернул бумагу.

— Господи, да что же я сделал?! — воскликнул больной.

— Я ничего не знаю, — произнес Лисаневич, — кроме того, что я должен выслать вас из Петербурга.

— Но вы видите, любезный друг, в каком я положении.

— Этому горю помочь не могу: я должен повиноваться. Я оставлю у вас в доме полицейского, чтобы засвидетельствовать ваш отъезд, а сам немедленно отправлюсь к графу Палену и расскажу о вашей болезни. Вам же советую отправить к нему сына.

Лицо Саблукова-старшего из багрового стало белым. Сын обрадовался, он опасался, что с отцом может приключиться апоплексический удар.

Жена Александра Александровича велела приготовить к отъезду карету, так как знала, что император неумолим в своих капризах. Было решено перевезти больного на дачу в нескольких верстах от столицы.

Саблуков-младший тут же поскакал к графу Палену. Петр Алексеевич был очень привязан к семейству Саблуковых, и у полковника была надежда, что он поможет опальному.

— Вот так история! — встретил Пален полковника. — Хотите стакан лафита?

— Мне лафита не нужно, оставьте моего отца на месте. Он болен.

— Это невозможно. — Петр Алексеевич задымил трубкой. — Скажите вашему батюшке, он знает, как я его люблю, но сделать ничего не могу. Если нам и суждено убраться к черту, то пока его очередь. Пусть он во что бы то ни стало выедет из города, а затем мы посмотрим, что можно сделать... Но за что его выслали?

— Ни я, ни мой отец об этом понятия не имеем.

Полковник Саблуков, пожав руку Палену, уехал.

Вернувшись домой, он увидел, что все готово к отъезду отца. Постель была устроена в карете. Больной лежал в меховой одежде. Через три часа после получения приказа Саблуков-старший проезжал городскую заставу. Полицейский, все время находившийся в доме Саблуковых, доложил об отъезде Александра Александровича графу Палену.

Вина Саблукова заключалась в том, что он доложил императору о невозможности выполнения его приказа окрашивать все сукна на военные мундиры в совершенно одинаковый цвет. Точнее, он только сообщил мнение фабрикантов.

Темно-зеленая краска готовилась из особых минеральных веществ, которые быстро оседали на дне котлов, а поэтому трудно было приготовить сразу большое количество сукна одинакового оттенка.

Саблуков написал императору письмо с выражением отчаяния и просьбой о помиловании. Некоторые вельможи вступились за президента мануфактур-коллегии и доказали его полную невиновность.

Саблуков был возвращен в Петербург и восстановлен в должности. Был он человеком в Петербурге известным и уважаемым, и многие порицали императора.

...Время шло своим чередом. После обнародования императорского манифеста испанский поверенный в делах выехал из России. Уехал в Италию граф Чарторыйский.

Царский любимец граф Аракчеев в эти тревожные дни был особенно деятелен. Он неистовствовал на строевых учениях, вырывал у рядовых усы, плевал в лицо, бил нещадно.

Офицерам грубил и награждал их пощечинами.

От ретивого гатчинца русское воинство избавилось по счастливому случаю. Произошло это так.

В артиллерийском арсенале хранилась старинная колесница для артиллерийского штандарта, обитая бархатом с золотыми кистями и галуном.

Забравшийся через решетку солдат обрезал кисти и галун и унес их. Стоявший при арсенале караул не заметил кражи.

Граф Аракчеев, инспектор всей артиллерии, должен был немедленно донести императору об этом событии. Однако он находился в большом затруднении. Дело в том, что родной его брат, генерал-майор Андрей Аракчеев, командовал батальоном, от которого стоял караул при арсенале во время кражи. Не придумав ничего более удобного, граф Аракчеев донес государю, что во время кражи караул был от генерал-майора Вильде. Император повелел немедленно отставить Вильде от службы. Однако невинно пострадавший Вильде обратился к помощи графа Кутайсова, который и открыл императору истину.

В тот же день ничего не подозревающий Аракчеев прибыл во дворец.

Увидев его, император приказал адъютанту:

— Передайте Аракчееву, пусть едет домой.

Так произошла последняя опала графа Аракчеева, несомненно сыгравшая в жизни императора Павла трагическую роль. 1 октября 1799 года последовал высочайший приказ об отставке инспектора артиллерии.

А ведь совсем недавно барон Аракчеев был пожалован в графское достоинство, новый герб Аракчеева украсился девизом, собственноручно написанным императором: «Без лести предан». * * *

Девятого ноября 1799 года Наполеон Бонапарт, возвратившись из Египта, захватил власть в свои руки и стал единодержавным властителем Франции.

Раздраженный поведением союзников-австрийцев, оставивших Суворова на произвол судьбы в Швейцарии, и англичан, покинувших русский корпус в Голландии, император Павел отозвал свои войска в Россию. Павел был оскорблен в своих лучших чувствах. Он действительно хотел наказать Францию за революцию и бескорыстно возвратить троны их бывшим владельцам. Но Австрия и Англия заботились только о себе.

Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, Наполеон сделал попытку сблизиться с русским императором.

Стоявший во главе иностранной коллегии граф Ростопчин стал понемногу склонять Павла Петровича к союзу с первым консулом Франции.

— Я ничего гнуснее правил аглицкого министерства не знаю, — говорил он государю, — а у людей вошло в привычку повторять: «Честен, как агличанин». Сие забыть надо. Ваше величество, агличане хотят сделать вас орудием своей губительной политики, умоляю, не верьте им.

Русская столица наполнилась всевозможными слухами. Иностранные дипломаты заволновались. Павел снизошел к просьбе датского посла Розенкранца, в Зимнем дворце состоялась беседа.

— Ваше величество, — спросил посол, — чем вызван поворот в вашей политике?

— Моя политика остается неизменной, — ответил император, — она связана со справедливостью. Долгое время я полагал, что справедливость находится на стороне противников Франции, правительство которой угрожало всем державам... — Павел строго посмотрел на посла. — Теперь во Франции в скором времени возродится король, если не по имени, то, по крайней мере, по существу, что изменяет положение дел. Я понял, что справедливость не на стороне австрийцев.

— Что вы можете сказать, ваше величество, относительно Англии?

— То же самое: справедливость сегодня не на стороне Англии. Я склоняюсь единственно к справедливости, а не к правительству какой-либо нации. Те, кто иначе судит о моей политике, несомненно, ошибаются.

— Спасибо, ваше величество, мне теперь все ясно.

...Английский посол Чарльз Витворт, находящийся при русском дворе более десяти лет, зачастил в дом к своей хорошей знакомой, Ольге Александровне Жеребцовой, сестре опального князя Платона Зубова. В ее доме собиралась столичная знать. Здесь можно было узнать дворцовые сплетни и много полезных новостей.

Ольга Александровна была хороша собой. Высокая, белокурая, с черными бровями и большими глазами. Особенно привлекали мужчин ее полные пунцовые губы.

Ее муж, камергер Александр Александрович Жеребцов, происходил из старинного дворянского рода, но способностями не обладал. Он не стеснял жену свою, не обращал внимания на ее знакомство с Чарльзом Витвортом, хотя многие намекали о рогах, украшавших его голову. Отношения Чарльза Витворта к Жеребцовой выходили за рамки легкого увлечения. Ольга Александровна страстно полюбила англичанина.

На вечерах в доме Жеребцовой на Английской набережной подавалось отменное угощение. За пиры расплачивался английский посол из своего неистощимого кошелька. Он не считал приличным пользоваться гостеприимством камергера Жеребцова.

Император Павел постоянно путал карты русской дипломатии, его сумасбродство переходило всякие границы. Вмешательство в личную жизнь дворянства, аресты, ссылки в отдаленные места военных и штатских вошли в обычай. Вся знать очутилась на положении крепостных крестьян. Неограниченный император-помещик творил что хотел. Но чувство собственного достоинства русского дворянства, подогретое царствованием Екатерины, было на высоком уровне и не позволяло целовать бьющую руку царя, как бывало при Иване Грозном или Петре.

Среди посещающих дом Ольги Александровны Жеребцовой был и военный губернатор граф Пален.

С царствованием Павла возобновилась деятельность немецкой партии, которая пользовалась большим влиянием в Петербурге. Граф Федор Головкин, церемониймейстер при высочайшем дворе, так характеризует эту партию: «Как только началось новое царствование, появилась партия, существовавшая в России уже давно и располагавшая большим влиянием, о чем, несмотря на чутье русских в интригах, лишь немногие имели ясное понятие. Эта партия, связанная со двором многими нитями, что, однако, мало показывалось там, и в этом, вероятно, заключалась причина, почему ее так мало замечали и никто о ней не говорил. Я назову ее „немецкой партией“. Она родилась еще при Петре Первом из желания руководить цивилизацией и состояла в последующее царствование из лиц разных национальностей, разных чинов и разного пола, образовавших молча союз против всех

остальных. При Петре Первом столпами этой партии были: Лефорт, Остерман и несколько адмиралов, позднее Миних, Бирон, великий канцлер Головкин и его сыновья и др. При Екатерине, как это ни странно, во главе ее стояли сначала братья Орловы, а потом генерал Бауер. При воцарении Павла эта партия опять вошла в силу, и нижеследующий список ее членов дает лучшее понятие о ней, чем все, что я мог бы сказать.

Сама императрица, граф Пален, граф Панин, граф Петр Головкин, обер-егермейстер барон Кампенгаузен, барон Гревениц, г-жа Ливен и другие. В числе этих лиц было немало таких, которые никогда не видели друг друга и никогда не беседовали между собой, — у них не было общего плана действия, ни совещаний для обсуждения такового, но они на слово верили друг другу и составляли как бы одну секту. Опасность, грозящая одному, приводила в движение других, а многие даже не подозревали, до какой степени они принадлежат к этой партии, и вдохновлялись ею. Не знаю, удалось ли мне передать ясно мою мысль о немецкой партии в России, но внимательный наблюдатель ее не пропустит, и существование ее нельзя отрицать, хотя на это и нет явных доказательств»¹¹. Императора Павла все больше и больше склоняли к мысли, что он обманут коварными англичанами. Но он все еще чего-то дождался. Ему казалось, что все обойдется и англичане выполнят свои обещания.

Во дворце все шло по-старому. Каждый день приносил неожиданные милости и опалы, о причинах коих никто не мог догадаться. Между тем причины были столь же просты, сколь неразумны. В предыдущее царствование Павел отмечал у себя все события, не зная их происхождения, а также всех участвующих в них лиц, с рассуждениями о том, что ему казалось правильным и более подходящим. Граф Федор Головкин, церемониймейстер царского дворца, писал об этом так: «Эта коллекция справок возросла неимоверно, и когда император скучал или когда ему нечего было делать, он запирался у себя и просматривал ее. При этом он сразу вспоминал события и лица, забытые им давно, что и побуждало его награждать или карать людей за действия, которые сами авторы успели позабыть».

Глава седьмая. ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА ПОЛУШКА, ДА РУБЛЬ ПЕРЕВОЗ

В июле 1799 года в Охотск из Иркутска приехал преосвященный епископ Иоасаф со свитой и богатой церковной утварью. Он был торжественно встречен населением Охотска. В первый же день епископ узнал, какие товары погружены на «Феникс» для Русской Америки. Он вызвал к себе компанейского приказчика Федота Лазарева и велел ему открыть книги.

— «Муки две тысячи двести пудов, — читал Лазарев, — крупы пшенной восемьсот пудов, солонины две тысячи пудов, чаю шанхайского двести ящиков, сахара леденцового двести пудов. Табака листового сто пудов, мыло серое — сто пудов, свечи сальные — двадцать пудов, свечи стеариновые — пять пудов, порох, свинец, дробь...»

— Ладно, а маслице топленое есть ли? — гудел епископ. — Рыбьего жиру я не приемлю.

— Есть и масло русское в бочках.

— А кофею взять не забыл?

— Есть и кофий.

— А еще что есть?

— Котлы железные и чугунные, бусы, бисер. Топоры, кожи подошвенные и сапоги.

— А водочка есть ли?

— И водочка есть французская, и ром первостатейный, правитель для себя заказал, и коньяк.

— Хорошо, молодец. Позаботился исправно. Иди себе.

Федот Лазарев закрыл трюмную книгу и отправился смотреть, как идет погрузка, так ли все укладывается на судно, как надо: тяжелое внизу, легкое наверху. Не пустые ли бочки кладут? Здешние люди балованные, крадут, где плохо лежит. Он спустился по скобяному трапу, обошел трюм, поговорил со старовояжными промышленными, как идет груз, и отправился на берег.

— Здравствуй, Фома Терентьевич. — Федот Лазарев заглянул в большой амбар, где хранился провиант.

— Здравствуй, ежели не шутишь, — ответил его дружок. — Всю ночь сегодня не спал: крышу чинил. Дожди заливают.

— Н-да, работенка! Все стены в щелях, а крыша в дырах.

— Мы ждем не дождемся, Федор Петрович, когда город в другое место переведут. Говорят, в Иркутске давно решили, а наши все тянут да тянут. Разве на косе долго удержишься? Что ни год, она меньше делается.

— Место неважное.

Приказчик посмотрел на городок, вытянувшийся по галечной косе. Сотня обывательских домов, крепость, обнесенная палисадом, и шесть складов... Несколько казенных домов и деревянная церковь.

— Тесно в городе, — продолжал чиновник. — Простой человек уж как жметя! На квадратной сажени по шесть, по восемь мужиков живут. Дорого все. Аржаная мука и та десять рублей пуд. Вот и гляди, как тут без воровства проживешь. Надо тебе ишо чего-нибудь? — закончил он свои жалобы.

— Да уж будь милостив, отпусти сорочинского пшена пудиков двести для святых старцев.

— Рад услужить хорошему человеку. Цена охотская.

Друзья быстро договорились, и приказчик поставил свои знаки на купленных мешках.

Потом Фома Терентьевич пригласил перекусить, и знакомцы расположились в маленькой конторке, отгороженной тесовыми досками. Хозяин положил на стол жареного дикого гуся. Ели только что выпеченный хлеб, намазав на него красную лососевую икру. За едой Фома Терентьевич, забыв прежние жалобы, без усталости расхваливал Охотск...

Знаменитый русский город стоит на самом устье двух рек — Охоты и Кухтуя. Полтора века назад первые русские мореходы начали знакомиться с таинственным бурным и великим Охотским морем, и с того времени Охотск повидал много славных русских людей, выходящих на небольших суденышках в далекие плавания. Много открытий, совершенных за эти годы, записаны в корабельные книги, хранящиеся в архивах порта.

...Рыжему капитану Шильдсу надоел Охотск. Всю долгую студеную зиму он простоял у галечной косы, и за семь месяцев его матросы протоптали на льду заметную тропинку.

Небольшая каюта, где сидел капитан, заменяла ему штурманскую рубку. На столе лежала карта. В массивном железном поставце горела свеча. С левой стороны от входа висел на деревянном гвозде дождевой плащ. Справа виднелась открытая дверь в совсем маленькую

каморку. В ней деревянная койка с высокими бортами, чтобы не вывалиться в штормовую погоду. Полка с астрономическими и навигационными книгами, ящик с октаном. В углу медный умывальник. Небольшой шкаф врезан в стену каюты.

Капитан Шильдс относился к морякам, для которых судно было родным домом, а морская служба мила и приятна. Ни волны, ни ураганы его не пугали. Жизнь, полная опасности и приключений, привлекала его. Он любил море, как свое детище. Яков Егорович крепко стоял на ногах в любую погоду и хорошо знал свое дело. Он не только покорял морскую стихию, но и записывал все примечательное на море. Такие люди плавают на судах, пока терпит здоровье, и не помышляют о других почестях на берегу. Другое дело те, кто идет на море ради выгоды, полагая море необходимым злом. Такой моряк считает не только годы, но и дни окончания морской службы. Хороший шторм для него тягостное испытание, которое он с трудом переносит. Он не привыкает к качке и не умеет крепко стоять на палубе во время шторма. Такому мореходу не по плечу изучать море или наносить на карту новые берега. Горе экипажу, если командир мечтает о том, как бы поскорее закончить свою морскую службу и уйти на берег.

Капитан Шильдс никуда не хотел уходить со своего судна.

Всю зиму толстушка вдовушка, с которой его познакомили друзья, уговаривала его уйти с корабля на берег. Да куда там! Хоть и нравилась вдовушка, но Яков Егорович считал дни, оставшиеся до выхода в море.

Вернувшись из Иркутска, святитель Иоасаф и на этот раз остановился в Охотске. От воздаваемых почестей у новоиспеченного епископа кружилась голова. Городская церковь дребезжит своими колокольцами, когда он входит в нее или покидает. Комендант порта дал три выстрела из пушки, когда он вступил в город, — совсем, правда, некстати, а из одного лишь чиновничества. Все низко кланяются, во всем ему угождают.

Нет-нет да и появится тщеславная мысль в голове у святого отца Иоасафа: «Вот ужо приеду на Кадьяк, посмотрю, как передо мной на коленях правитель Баранов будет ползать. Теперь я, коли что, тихо говорить не буду. Попляшет у меня правитель». Эти мысли часто приходили в голову епископа и тешили его.

Только собаки не обращали внимания на новое преосвященство. Здешние жители держали животных для зимней езды по одной, а то и по две упряжки. Собачий лай несносен для новоприезжих... И чайки раздражали епископа. Морские белокрылые птицы не переставая кружились над домиками и резкими вскрикиваниями дополняли собачий концерт.

Сегодня епископ обедал у священника охотской церкви, а на завтра откусать, чем бог послал, кланялся комендант. За комендантом просил чести городской лекарь, потом богатый купец Шубин и еще, и еще... Все почтенные граждане Охотска считали за честь видеть у себя святого отца. И везде епископ отзывался о правителе Баранове с некоторым пренебрежением.

Через три дня после приезда епископа в Охотске появились солдаты. Прибыл батальон полковника Сомова. Охотский комендант получил извещение еще зимой, но подготовиться не успел, и солдаты расселились в полотняных палатках поблизости от города. Предполагалось две роты отправить в Нижнекамчатск, одну в Петропавловскую гавань и одну оставить в Охотске.

По императорскому повелению солдаты прибыли для охраны дальневосточных берегов России.

А еще через неделю в Охотск прибыл капитан-лейтенант Иван Бухарин с командой в сто человек морских служителей. Морякам дан приказ перевезти солдат в места назначения. За

успешный переезд из Якутска в Охотск капитан-лейтенант Бухарин получил звание капитана 2 ранга, а между тем он заставил своих матросов от Якутска прогуляться пешком и десяток тысяч рублей экономии положил себе в карман. Конечно, все охотские чиновники воровали и брали взятки там, где доставали руки, жалкое содержание заставляло их жить за счет обывателя. Но капитан Бухарин был выдающимся в своем роде человеком. В течение короткого времени он получил известность как деспот, вор и взяточник.

На следующий день по прибытии морских служителей Иван Бухарин, осмотрев суда, стоявшие в порту, предложил Шильдсу перевозить войска на Камчатку, и Яков Егорович понял, что надо уходить из Охотска. Встревоженный, он обратился к епископу:

— Ваше преосвященство, фрегат готов к плаванию. Завтра в полдень я выхожу в море.

— Почему так скоро? — Отцу Иоасафу не очень хотелось отправляться в путешествие по бурным волнам.

— Не надо терять погоду.

— Так, утром мы отслужим напутственный молебен.

— Хорошо, ваше преосвященство. — Мореход, как всегда, был краток.

Выйдя на улицу, Яков Егорович долго стоял, оборотясь лицом к морю. День был пасмурный. Спокойное море едва шевелилось у отлогого берега. Шильдс приглядывался к туманным далям, стараясь угадать свою судьбу... Многие мореходы выходили из Охотска, надеясь на благополучное плавание, но часто море разбивало их надежды, и они никогда не возвращались в свой порт.

Всю ночь в просторной корчме купца Шубина пели песни и веселились новобранцы Российско-Американской компании. Там справлялась «отвальная». В Америку на «Фениксе» собрались отплыть сорок два человека, законтрактованных компанейскими приказчиками. Люди бывалые, прошедшие, как говорят, сквозь огонь, воду и медные трубы. Но были среди них и новички, которых старовояжные презрительно называли хазарами. В контракте говорилось, что правитель вправе заставить промышленных работать, кем ему будет угодно, а если к тому придет необходимость, то и с оружием в руках сражаться за интересы компании.

Но все это должно быть позже, а сейчас новобранцы пьют и веселятся напропалую.

Несколько суток плавания прошли при хорошей погоде и попутном ветре. Но как обычно бывает в этих местах, при подходе к Курильским островам надвинулся густой туман. Наступила гнетущая тишина. Впередсмотрящие дальше бушприта и кливеров ничего не видели.

Капитан Егор Яковлевич Шильдс отлично разбирался в картах, но плавание в дальневосточных водах требовало особого навыка и знаний, а их-то у капитана не доставало.

Преосвященный епископ Иоасаф поднялся на шканцы и встал рядом с капитаном. Несмотря на пышную каштановую бороду, он выглядел совсем молодым. Иоасаф посмотрел направо и налево и вздохнул.

— Господин капитан, острова совсем близко.

— Откуда вы знаете, ваше преосвященство?

— Мне сказал Петр Ниточкин, — гудел Иоасаф. — Он из старовояжных. Шесть лет работал передовщиком...

— Ну, если так, пусть Ниточкин подойдет ко мне.

— Петр Ниточкин, к капитану! — крикнул вахтенный.

— Петр Ниточкин, к капитану! — повторил кто-то на палубе.

Голоса, придавленные туманом, доносились глухо.

Петр Ниточкин лихо взобрался на шканцы.

— Почему ты считаешь, что остров близко? — спросил Шильдс.

— Потому что туман сырой, ваше благородие.

— Хм, сырой туман. Ты прав, влаги много. Но этого недостаточно.

— Вблизи острова туман лежит низкой полосой. Пошлите на мачту человека, он увидит берег... Понюхайте, ваше благородие, с берега сивучиной несет.

— О-о, если ты прав, получишь от меня стакан рому.

— Рад стараться, ваше благородие.

— Эй, вахтенный, на грот-мачту!

Матрос подбежал к мачте и стал взбираться по вантам. Все повернули головы. Даже нижний парус утопал в тумане, и матрос сразу перестал быть видимым.

Егор Яковлевич с сомнением покачал головой.

— Прямо по курсу вижу остров! — закричал матрос. — Пролив лежит правее. Вижу ясное небо!

— Слезай, — скомандовал Яков Шильдс и пошел к мачте.

Вахтенный мгновенно очутился на палубе. Капитан, медленно перебирая ногами по выбленкам, полез наверх.

— Право, — раздалась его команда, — еще немного право. (Матросы бросились к парусам.) Так держать!

Спустившись вниз, капитан Шильдс долго возился в штурманской рубке, сверяясь с записями в тетради. Потом стал мерить циркулем по карте. Что-то у него не сходилось.

— Господин капитан, — сказал стоявший возле рулевого Петр Ниточкин, — не беспокойтесь. На пятнадцати саженьях здесь водоросли. Они, почитай, вокруг всех островов растут. Сейчас им самое время... И тумана не будет, — добавил старовойжный.

Природа словно прислушивалась к словам Ниточкина. Прошли еще считанные минуты, и туман сразу разошелся, как растаял.

— Ну и молодец! — сказал капитан. — Перед обедом получишь ром, заработал... А как по-твоему, пролив безопасен, камней нет?

— Камней нет, ваше благородие.

Словам Ниточкина доверяли. Все вздохнули свободнее. Утреннее солнце освещало высокую гору, отлого спускавшуюся к берегу. А берег был совсем близко. Виднелись низкие утесы и

каменные россыпи. На камнях лежали сивучи. Огромная залежка простиралась на несколько верст. Вскоре капитан Шильдс увидел водоросли, а в проливе, почти через всю ширину его, белую полосу бурунов.

— Что это? — всполошился капитан. — Там камни!

— Это сулой, ваше благородие, прилив на отлив находит. Держите посередине.

Ветер, дующий в корму с правого борта, усилился. Капитан повернул на середину пролива. Несмотря на уверения Ниточкина, он с опаской поглядывал на белые пенистые барашки.

Когда вошли в сулой, судно затрясло, закачало. Ход сбавился, но не надолго. Выйдя из пролива, капитан Шильдс проложил курс на север, вдоль берегов Камчатки.

Тихий океан встретил мореплавателей приветливо. Подняв все паруса, фрегат, плавно покачиваясь, быстро шел вперед, оставляя за кормой каждый час по девять миль.

Яков Егорович снова почувствовал себя мореходом. Вдали от островов и каменистых скал ему было спокойнее.

В кубрике, на носу фрегата, расположились промышленные, исполнявшие должности матросов. Служба на паруснике считалась легким делом по сравнению с другими работами, выполняемыми русскими промышленными. Да и еда, если корабль не задерживался в плавании, была несравненно лучше, чем на американском берегу. Матросы ели солонину, хлеб и овощи.

Прошло три недели после выхода «Феникса» из Охотского порта. День был превосходный. Горизонт чист. Вдали с правого борта различались синие тени Командорских островов. Корабль пересекал Бобровое море¹². Попутный ветер без усталости надувал паруса. В такую погоду и на руле стоять легко, и с парусом работы мало. На пути часто встречались морские бобры, резвившиеся на воде. Летали чайки и другие птицы.

Епископ Иоасаф и иеромонах Макарий пили в каюте крепкий сладкий чай, размачивая в нем сдобные булочки, преподнесенные в дар иркутскими купчихами. Нужно сказать, что приношений для американской духовной миссии было много. Все жалели бедных монахов, забравшихся на край света. Епископ вез для братии крупчатую муку, много чая самого высокого качества, сахар, церковное красное вино и даже два бочонка засахаренного меда.

Маленький и худой иеромонах Макарий, что по указке купца Киселева возил алеутов в Петербург, уж который раз рассказывал про свое путешествие. Все же ему удалось посетить Валаамский монастырь, где приняли монашеский постриг и он, и сам преосвященный епископ Иоасаф. Макарий рассказывал про монашескую братию. Многие умерли, много пришло новых. Рассказал он об исцелении падучей болезнью у иконы божьего угодника, о чудесном спасении двух рыбаков в бурю на Ладожском озере.

— Я монахам о нашем острове Кадьяке и об алеутах рассказывал. Все рты поразевали. Завидуют нам. Многие спрашивали, как в миссию попасть.

— Отца Феодора видел?

— Видел, ваше преосвященство... Простудой скорбен.

— А отца Сафрония?

— Умер он.

— А отца Мелентия?

— Видел. Про тебя, ваше преосвященство, спрашивал, шибко завидует.

Епископ усмехнулся и крякнул.

Беседа затянулась. Отец Иоасаф расспрашивал о монастыре и своих бывших однокашниках, а иероманах Макарий рассказывал все новые и новые подробности.

Наконец епископ потянулся, зевнул, перекрестив рот, и стал поглядывать на койку с мягкой периной.

— Дай бы бог вернуться на свой остров Кадьяк, — сказал он. — А ты, отец Макарий, всегда помни: тебя иркутский архиепископ хотел за самовольство сана лишить, а я заступился.

— Премного благодарен, ваше преосвященство. — Макарий поцеловал крупную, мясистую руку епископа.

Наступили сорок третьи сутки со дня выхода из Охотска. Фрегат благополучно прошел пролив Унимак и направил свой бег вдоль берегов Америки.

Тихий океан встретил сильным ветром. Бриг повалило с борта на борт. Что-то заскрипело, застонало в корпусе. Монахи услышали зычный голос капитана. Над головами послышался топот ног, словно по палубе промчался табун диких лошадей.

— Спаси, господи, и помилуй, — перекрестился Иоасаф.

Ветер был крепкий, но попутный, и «Феникс», накренившись на правый борт, шел со скоростью девяти миль в час.

Среди промышленных и пассажиров царило оживление: еще два-три дня — и корабль должен встать на якорь в Павловской гавани. Для сокращения времени капитан Шильдс не заходил на Уналашку, и вода почти на исходе.

В день святого Василия Блаженного архиепископ Иоасаф совершил богослужение, молил бога о благополучном завершении плавания. Ночью переменялся ветер и стал южным. Перед утром налег туман. Петр Ниточкин, промышлявший в этих местах бобра, снова сунулся было со своим советом.

— Ежели ентот ветер крепко к берегу прижимает, — сказал он капитану, — отвернуть бы на три румба.

На этот раз капитан Шильдс был уверен в своем счислении.

— Ты что, еще рому захотел? — ответил он. — Хватит с тебя и обычной чарки. Здесь я и без тебя справлюсь.

Наступил еще один день. Время клонилось к обеду. На фрегате запахло чем-то вкусным. И вдруг совсем неожиданно «Феникс» коснулся дна рулем. Тремя ударами руль сбросило с петель и оторвало напрочь.

Измерили глубину, она оказалась четырнадцать футов. Яков Егорович отдал два якоря, но фрегат дрейфовал по ветру.

— Где мы? — выбежал на шканцы архиепископ. — Что случилось? — Его громкий голос был едва слышен в завываниях ветра.

— Я бы дорого дал, чтобы знать, где мы, — ответил капитан.

В это время «Феникс» сильно ударился днищем. Потом еще раз... С каждым ударом у отца

Иоасафа замирало сердце.

— Мы можем погибнуть, — сказал он.

— Об этом рано говорить. Надо спастись.

— Но что же делать?

— Обрубить стены! — скомандовал капитан.

Плотник подошел к нему с топором.

— Приложите руку, ваше благородие Яков Егорыч!

На мгновение капитан взял в руки топор.

— Рубить стены! — повторил он.

— В трюмах появилась вода, — доложил запыхавшийся трюмный матрос.

— Всем свободным откачивать воду.

От сильной качки и нескольких мощных ударов о камни вода стала быстро проникать в судно, и насосы не успевали откачивать. Удары участились. Фрегат бился о грунт с такой силой, что едва можно было стоять на ногах.

Но вот еще один страшный удар.

— На носу обшивные доски вышли из шпунтов, и вода протекает внутрь. В трюме слышно, как струится вода, — доложил подштурман.

Люди работали изо всех сил. И все же уровень воды в трюме увеличивался. Зыбь становилась все выше.

Но еще хуже оказалась бортовая качка. Фрегат развернуло лагом к волне и жестоко бросало с борта на борт. Набежавшей волной смыло за борт двух рулевых матросов, старовойжного Шишкова, случившегося на шканцах иеромонаха Стефана.

В маленькой каютке компанейского приказчика Лазарева оказался иеромонах Макарий. Он пришел выпросить у приказчика флягу церковного красного вина для угощения братии на Кадьяке.

Когда фрегат валило с борта на борт, гость и хозяин метались то вправо, то влево. Они пытались выползти вверх, но не смогли. Сильный удар волны, и вода через люк захлестнула каюту. Рухнули переборки, изломалась мебель. В обломках, захлебываясь в соленой воде, носились из стороны в сторону Федот Лазарев и иеромонах Макарий.

Еще один удар. Палуба в каюте капитана вздыбилась. На корабле уже никто не думал о спасении. Оцепеневшие от страха и холода мореходы держались, кто за что мог. Многие, стоя на коленях, молились богу. Епископ Иоасаф обнял мачту одной рукой, в другой руке он держал крест. Мокрые волосы залепили его лицо.

Капитан решил на последнее средство. «Судно не спасем, так пусть спасутся хотя бы люди», — подумал он и велел перерубить натянутые, как струна, якорные канаты и распустить грот и фок. Паруса наполнились ветром сразу, корабль двинулся и пошел к берегу, стуча о каменистое дно. Неуправляемое шествие его было ужасным, он стал игрушкой свирепого ветра. От днища отрывались обшивные доски и позади всплывали на поверхность.

И вдруг стало тихо: корабль попал на глубокое место.

— Отдать якорь! — бодро прозвучала команда Шильдса. Он решил еще раз попытаться спасти корабль.

Отдали запасной якорь, и он задержал дрейф корабля.

— Теперь все зависит от вас, мои товарищи и друзья, — сказал капитан. — Половина людей должна откачивать воду. Половина — приводить корабль в порядок.

Закипела работа. У людей появилась надежда, и они работали не покладая рук. Через двенадцать часов каторжного труда удалось уменьшить поступление воды, и насосы стали справляться с откачкой.

К рассвету туман разошелся и открыл взорам людей небо, покрытое угрюмыми облаками.

— Земля! — послышался радостный крик. — Вот она!

Мореходы уверовали в спасение. В трех милях чернел высокий утесистый берег. Волны с глухим шумом разбивались о камни. Вся надежда на якорь. Если фрегат удержится и его не выбросит на камни, люди останутся живы...

Но судьба готовила иное. Ветер крепчал, волны становились выше и круче. Все туже натягивался якорный канат.

И вдруг страшный вопль:

— Канат, смотрите...

Фрегат снова повлекло на берег. Капитан Яков Шильдс, ухватившись за совершенно бесполезный штурвал, ждал страшного конца. И он наступил. Первый удар «Феникс» выдержал, но следующая волна с такой силой ударила его о камни, что он сразу разломился по всем частям и превратился в кучу обломков.

«Спасите! Спасите! Спасите!» — раздавалось со всех сторон. Потом человеческие голоса умолкли. Пронзительно кричали чайки. Океан продолжал шуметь, ударяя могучими волнами о берег.

Глава восьмая. «ЕСЛИ МЫ НЕ УКРЕПИМСЯ НА СИТКЕ, ВСЕМУ ДЕЛУ КОНЕЦ»

Галерой командовал самолично правитель Баранов, она шла под парусом. Ветер был попутный, и гребцы отдыхали. Когда на юго-востоке показался гористый остров, у Александра Андреевича радостно забило сердце: наконец-то осуществляется заветная мечта!

— Василий Григорьевич, встань за руль.

Приказчик Медведников перехватил правило, а Александр Андреевич принялся разглядывать в подзорную трубу проплывающие мимо лесистые берега. Время от времени он что-то записывал в толстую конторскую книгу, с которой не расставался в походах. Баранов поглядывал и в компас и на самодельную карту, с которой тоже никогда не расставался.

Галера шла у берега большого гористого острова, протянувшегося к югу на двадцать миль. Он сплошь зарос лесом, только вершины гор казались облысевшими. Вдоль высоких берегов чернели базальтовые островки и скалы. По белым бурунам угадывались подводные камни.

Густые заросли водорослей вытягивали длинные зеленые листья по течению. Через час на юге острова показалась высокая красноватая гора с плоской вершиной. Склоны ее изрезаны глубокими оврагами, в которых лежал снег. Ни хижины на берегу, ни дымка от костра. Пустынно.

— Я думаю, в душе каждого русского человека заложена любовь к морю, — вглядываясь в далекие берега, сказал Баранов. — Океаны и моря не страшат нас — наоборот, влекут к себе. Надо любить и этот дикий край, где судьба каждого в его руках. Не то в Иркутске, — продолжал он. — Там человек под пятой у пьяного чиновника, который токмо и может, что брать взятки и чинить перья.

— И я тако же думаю, — отозвался Медведников. — Земля здесь свободная, губернаторов нет. Каждый себя человеком понимает... Муторно иной раз в непогоду, бурлит море, качает. Ну, думаешь, последний день твой пришел. А когда распогодится, отишает, глаз от моря не оторвешь...

Попутный ветер продолжал надувать единственный парус галеры. Правитель постиг премудрости судовождения в прибрежном плавании. А парус на галере был прост в обращении. Если необходимо, он вместе с реем опускался на палубу, как у поморов на северных морях.

Галера «Ольга» поравнялась с южным мысом острова, и Александр Андреевич повернул на восток. Через час красноватая гора с плоской вершиной была у него по левую руку.

Перед глазами мореходов открылся остров Ситка. Берега пролива высокие, крутые. На пути один за другим возникали низкие, лесистые острова. В проливе море тихое, галера перестала валиться с борта на борт. На палубу из трюма выползли дети поселенцев, послышался смех и веселые восклицания. Вышла полнотелая, высокая жена Медведникова Орина и стала разглядывать зеленые острова.

Вечером 7 июля 1799 года «Святая Ольга» прилепилась к берегу неподалеку от одинокой базальтовой скалы, на которой виднелись индейские бараборы¹³.

— Место сие водно, рыбно и травно, — осмотревшись, сказал Александр Андреевич. — Одобряю.

Тревожно закаркали вороны, поднявшись в несчетном числе с деревьев. Черный медведь, ловивший в реке горбушу, услышав голоса людей, оставил свое занятие и побрел к лесу.

— Посмотрите, ребята, — правитель ткнул пальцем на карту, — вот где мы. Здесь и поставим крепость. Она укрепит владения русских на берегах Америки. Отсюда мы будем двигаться дальше. — Баранов показал на устье реки Колумбии. — Ситка — это русский ключ от заколдованного замка. Русские хозяева здесь по праву, и я встану крепко.

Правитель был бесстрашный и вместе с тем прозорливый человек, глядевший далеко вперед. А самое главное, он был не корыстолюбив и не искал для себя наживы. Может быть, поэтому он был неудачливым купцом и его часто обманывали свои же товарищи. В Русской Америке Баранов был таким же самородком, как Ломоносов в науке и Кулибин в технике. Он нашел правильный способ освоения огромных земель с самыми ничтожными средствами. Если бы современные ему губернаторы были похожи на него, простому народу жилось бы намного легче и земля русская богатела и благоустраивалась бы гораздо скорее.

На следующий день, расположившись на берегу, промышленные начали рубку лесов и постройку крепости. Погода на Ситке показалась правителю хуже, чем на Кадьяке. Каждый день шли дожди, и по ночам было холодно.

В первый же ясный день Александр Андреевич, взяв с собой двух промышленных, направился в лес.

Чаще всего встречалась ель, некоторые деревья достигали изрядной высоты и росли прямо. Словом, лес был годен для судостроения. Росли и другие деревья: сосна, лиственница и пахучее хвойное дерево, которое русские называли душмяным. Попадалась ольха, ива и много всевозможных кустарников, некоторые с длинными колючками.

Стоило углубиться в лес на десяток сажень, и он делался непролазным. Стволы упавших деревьев лежали буквально на каждом шагу. Некоторые совсем сгнили, и ноги проваливались сквозь древесину. На сгнивших деревьях росли новые зеленые побеги. Словом, все перепуталось и переплелось. Александра Андреевича удивил местный мох. Он покрывал землю слоем толщиной в четверть, а местами и в две четверти.

В пути людей изводили комары, они жалили беспощадно. Особенно свирепствовал гнус, наподобие мелкой беловатой мушки.

Четыре часа прогулки через кустарник и древесные заторы выбили правителя из сил. Тяжко дыша, он уселся на поваленное дерево.

— Ну-ка, Плотников, разожги костер.

Костер стал разгораться. Абросим Плотников положил на огонь охапку ветвей душмяного дерева. Пахучий дым отогнал комаров. Подогрели на огне взятую из крепости лососину, вскипятили чайник.

За едой и разговорами время прошло незаметно. Вечером изменился ветер и навалил с моря густого тумана. Лесная чащоба сделалась непроходимой. Пришлось остаться у костра. Ночевали в лесу неуютно. Костер обогревал мало. Плотников надрал большие куски коры с упавших деревьев, ими укрылись. Ночью сильно похолодало и пала обильная роса. Туман разошелся только к полудню.

— Будем строить фрегаты не хуже «Феникса», — были первые слова Александра Андреевича по возвращении в крепость.

— А у меня плохие вести, — отозвался Медведников. — Вчера после вашего ухода пришли два бостонских брига и на наших глазах стали торговать с колошами. Много бобров взяли за ружья и порох.

— Откуда знаешь?

— Анфиса, крещеная колошка, вызнала.

Александр Андреевич бросился к своей галере. Тридцать минут провозился, пока приготовил ее к походу.

— Поднять флаг! — скомандовал правитель. — Весла на воду!

Но бостонские брига не стали дожидаться подхода барановской галеры. Увидев русский флаг, они снялись с якоря и двинулись к выходу из гавани.

— Чует кошка, чье мясо съела, — сказал, вернувшись, правитель. — Не дадим торговать иноземцам... Я решил, Василий Григорьевич, фрегат здесь заложить. Леса достаточно. Срубим сейчас. До весны пролежит — и в дело. У меня чертежи «Феникса» с собой. Сумеешь фрегат построить?

— Велика ли премудрость по чертежам! Построю, Александр Андреевич. Вот только дерево

здешнее мне не показалось: дряблое, воды в древесине много и смолы вовсе нет.

— Дерево плохое, однако нам корабли больше хлеба нужны. У меня задумка: пошлю свои фрегаты либо в Бостон, либо в Петербург за товарами. Прикажи завтра лес валить. Для рангоута и мачт руби деревья, что растут на камнях. А яблочное дерево пойдет на шкивы и блоки.

— Сделаю.

На следующий день появились колошские вожди. Их интересовало, что здесь делают русские. Они приехали, как всегда, с танцами и песнями. Правитель принял гостей с почетом, угостил, одарил богатыми подарками.

Индейцы отнеслись к русским радушно, обещали привозить корма в обмен на топоры, бусы и бисер и показать места, где бобры водились в изобилии. Правитель решил головной отряд кадьяцев отпустить на промысел. Для ловли рыбы на Ситке осталось пятьдесят байдарок.

В сентябре пришел из Павловской гавани пакетбот «Орел» под командованием подпоручика Талина. Он привез пушки, материалы для постройки крепости и большой запас разнообразных товаров. К великой радости Баранова, рогатый скот и свиньи, отправленные на Ситку для разведения, прибыли в целости и сохранности.

Выгружали груз медленно. Подпоручик Талин всячески противодействовал разгрузке, запрещая матросам работать. Будучи человеком вздорного нрава и воспитания дворянского, он приказы правителя не выполнял, ссылаясь на его купеческое звание.

Положение Александра Андреевича было тяжелым. Отстранить Талина от должности он не мог — других судоводителей у него не было. Приходилось терпеть и вступать в переговоры.

После выгрузки трюмы «Орла» промышленные заполнили бобровыми шкурами, и Талин получил строгий приказ отвезти их прямым путем на Кадьяк.

Строительство продолжалось. На берегу появился бревенчатый амбар, в который сложили привезенные на судах кормовые припасы и товары. Вскоре построили парную баню, а потом и дом для начальника поселения. В новом доме Баранов немного отогрелся и отошел душой.

В декабре и январе часто наносило грозовые тучи. Грохотал гром, страшные молнии рассекали небо. Крепких морозов не было, залив не замерзал, оставался чистым всю зиму.

В апреле закончили и двухэтажную казарму с двумя сторожевыми будками по углам и с большим погребом для провианта.

Колошские вожди не забывали правителя Баранова. Их всегда принимали с почетом, угощали, им дарили одеяла, сукна и разные нужные вещицы. Но когда индейцы увидели воздвигнутые русскими крепостные стены, отношение их изменилось и поселщикам приходилось до поры до времени терпеть вызывающее поведение вождей, особенно тех, кто приезжал из дальних мест, с восточного берега острова.

— Почему за бобра только один аршин даешь? — говорили Медведникову вожди хуцновских поселений. — Агличане пять дают. За четыре бобра ружье с патронами предлагают, а у тебя ружей вовсе нет! Наверное, твой царь беднее?

— Агличане говорят, чтобы мы вас гнали с острова.

— Приходите, как агличане, на кораблях, зачем вам здесь дома строить?

— Агличане говорят, чтобы мы вам вовсе бобров не продавали, тогда они еще дороже будут

платить.

— У агличан и аршин больше.

— Наслышан я, как агличане с вами торгуют, — не выдержал Медведников. — Захватят аманатов, закуют в кандалы и держат, пока вы им бобров не привезете.

— Василий Иванович, — увещевал Баранов, — не заводись с колошами. Когда увидят, что мы крепко стоим, сами придут, поклонятся.

Но вот работы пришли к концу. Вокруг казармы выстроен двухрядный крепостной забор из девятисаженных бревен. Поставлены крепкие, тяжелые ворота. По верхнему этажу казармы возникла галерея с перилами и резными балясинами.

По поводу окончания постройки казармы Баранов разрешил маленькую пирушку. На этой пирушке он первый раз спел свою песню:

Ум российский промыслы затеял,
Людей вольных по морям рассеял
Места познавати, выгоды искати,
Отечеству в пользу, в монаршую честь.
Бог всеильный нам здесь помогает,
Русскую отвагу всюду подкрепляет,
Только обозрели, вскоре обселили
Полосу важну земли матерой.

Подошел праздник пасхи. Все отдыхали. Собравшимся в казармах промышленным правитель читал Евангелие. Разговелись свежим ржаным хлебом. На третий день святой недели Александр Андреевич по примеру Шелихова приказал зарыть возле приметной скалы железную доску с надписью: «Земля Российского владения»,

Открытие новой крепости правитель решил ознаменовать торжественным шествием вокруг поднятого на высокой жерди русского флага. Крепость была названа именем архистратига Михаила. На торжество правитель пригласил ситкинских вождей. За ними была послана толмачка-индианка, Анфиса, живущая у промышленных.

Русские промышленные и кадьякцы выстроились на площади. Посреди стояли люди с мушкетами. Баранов обнажил голову. В это время подняли русский флаг. Раздались крики «ура», загремели пушки и мушкеты.

Вожди приехали на торжество с многочисленной свитой.

Племянник ситкинского вождя, Котлеан, стоял неподалеку, внимательно наблюдал за всеми действиями в крепости. Он вырядился в английский фризковый капот и шапку из черных лисиц с хвостом наверху.

Праздник был омрачен весьма неприятным событием. Приехавшие с дальних селений

колоши жестоко избили и ограбили посланную русскими индианку. Злые озорники передали Баранову, что они снимут скальп у каждого, кто посмеет приблизиться к их бараборе.

Правитель Баранов понимал, что не должен показывать индейцам свою слабость. В то же время он не мог поступить строго. Сил у него было явно недостаточно. Но не заметить избиение толмачки Баранов не мог.

На другой день правитель вооружил галеру «Ольгу» и с двумя десятками промышленных направился в селение, где жили оскорбители.

С барабанным боем сошли на берег русские мореходы. Бесстрашно вошли они в селение и строем прошли через многолюдную толпу индейцев, вооруженных ружьями. Впереди выступал Александр Андреевич. Это был марш на острие ножа.

Толпа колошей, насчитывающая более трехсот человек, молча расступилась, пропуская мореходов. Может быть, удары барабанов подействовали на колошей или мужество небольшого отряда русских покорило их, но воины не сделали ни одного выстрела. Баранов отметил, что индейцы были в военном наряде. Под шерстяными плащами надеты куяки, а волосы смазаны жиром и посыпаны орлиным пухом.

Пройдя через толпу к бараборе провинившихся колошей, отряд остановился. С борта «Ольги» прозвучали два пушечных залпа. Из бараборы никто не выходил. Двое русских вошли в жилище и увидели только стариков. Остальные разбежались.

Александр Андреевич был доволен, что все обошлось без кровопролития. Выстрелы с «Ольги» были сделаны для устрашения, а не для боя.

— Позовите ко мне главного вождя Скаутлельта, — приказал Баранов обступившим его индейским воинам и, облокотясь о ружье, стал спокойно ждать.

— Что хочет мой друг Баранов? — спросил Скаутлельт, не мешкая подошедший на зов правителя.

— Мне передавали, что храбрецы из этой бараборы хвалились снять мой скальп. Так ли это?

— Да, это сказал мой племянник Котлеан.

— Передайте ему подарок. — И Баранов снял свой черный парик. Голый череп сверкнул на солнце.

Индейские воины воскликнули: «Ко-ко-ко!» — что означало крайнее изумление. Вождь Скаутлельт отказался взять парик у Баранова.

— Поступок Котлеана мы признаем подлым и дерзким, — сказал вождь. — Однако он молод и глуп. Прости его, Баранов.

— Хорошо, мы останемся друзьями, Скаутлельт, но в залог дружеского обхождения вы дадите мне трех аманатов.

— Мы согласны.

Правитель Баранов церемонно простился с главным вождем Скаутлельтом и пошел к своему судну. За ним с барабанным боем двинулись промышленные.

— Вот аманаты, правитель, — сказал с низким поклоном индейский воин, подведя к Баранову трех молодых колошей. — Это родственники вождя Акилкака.

— Хорошо, я доволен...

К Баранову подошли еще несколько воинов. Они несли свертки, бочонки и ящики.

— Прими в подарок от великого вождя Скаутлельта.

Когда все промышленные взошли на галеру, а индейцы погрузили подарки, Александр Андреевич багром отпихнул судно от берега на глубокое место.

Всего несколько дней назад в крепости стучали топоры и визжали пилы. Не покладая рук работали русские промышленные. Правитель Баранов сам обтесывал листовничные стволы и помогал укладывать матицу под крышу главного здания. Сейчас все тихо. Слышно, как перекликаются дозорные на крепостных башнях. Вечером и утром барабаны отбивают зорю...

И днем и ночью доносился с дальних островов неумолкаемый гул прибоя. Океан напоминал о себе.

В крепости началась обычная жизнь. Индейцы приходили обменивать шкуры морского бобра и других зверей на бусы, топоры и одеяла. Приносили сухую кетовую икру и сушеных лососей.

Барабора, построенная для торговли с индейцами, была вынесена за стены крепости. Она состояла из обширных сеней, где собирались индейцы, и склада, разделенных бревенчатой стеной. В склад был особый вход сбоку бараборы, а для торговли в стене сделано окошечко.

Приказчик Савва Толоконников раскладывал по полкам товары. Больше всего здесь было шерстяных одеял, топоров, железных ведер, бус и бисера. И табака было много, и чая предостаточно. Над окошком для памяти Толоконников повесил ценник на шкуры. На ценнике рукой правителя Баранова была приписка: «Колошам за шкуры платить в три раза дороже, чем прочим туземцам».

Александр Андреевич на свой страх и риск повысил цены. Торговля бостонцев и англичан с индейцами невольно породила конкуренцию, и Баранов повысил цены так, чтобы иностранцам покупать меха было невыгодно.

Для компании наценка была не слишком обременительна. Бобры, например, обменивались на китайском рынке в Кяхте на два ящика чая, а за десять котиков давали один ящик. При продаже в России один ящик чая давал чистой прибыли от ста пятидесяти до ста восьмидесяти рублей.

Компания не платила деньгами за шкуры, а выдавала нужные индейцам товары по «охотской» цене, с прибавкой за провоз из Охотска до колоний.

Последняя неделя прошла в переговорах. Три ситкинских вождя — Скаутлельт, Каухкан и Скаатагеч — не выходили из дома правителя Баранова.

Несколько дней разговоры велись о пустяках и до главного не доходило. Индейцы пили ром и крепкий, сладкий чай.

— Я пришел сюда жить, а не просто торговать, — сказал правитель, когда настал шестой день. — Я выполняю волю властелина, который поручил мне построить крепость на острове и склады для товаров. Мы будем торговать и помогать своим друзьям колошам против врагов. Я слышал, что купцы на иноземных кораблях причиняли людям зло, русские больше не позволят обижать вас. Поэтому я прошу вождей продать мне эту землю.

Лица вождей оставались совершенно неподвижными во время перевода барановских слов.

Что думали в это время вожди? Вряд ли они могли предположить, что кто-нибудь приехавший из далеких земель за морями может войти в их жизнь, сложившуюся веками, и нарушить родовой порядок. Им нравился Баранов, гостеприимный старик с румяными щеками, призывавший к дружбе и обещавший защиту от коварных врагов. Они верили, что существует великий властелин, от имени которого он говорит.

— А ты не будешь крестить наш народ и отнимать у нас жен? — спросил вождь Каухкан, человек с короткой бородкой и с длинными волосами, завязанными на затылке в пучок. — Мы слышали, так делал русский жрец у северных людей. Он оставил у мужчины только одну жену, а остальных отдавал тем, у кого не было ни одной. Он говорил, что большой бог, там, на небе, запрещает держать много жен. А мужчины нашего племени любят жирную и обильную пищу, много жен и хорошую пляску. — И Каухкан уставился на Баранова черными, навывкате глазами.

— Я буду крестить только тех, кто попросит, — сердито ответил Александр Андреевич. — И считать жен не буду. — Его всегда раздражало зло, когда он вспоминал про поступок усердного миссионера.

— Ну, а рабы, оставишь нам рабов? — допытывался Каухкан.

Этот вопрос был сложнее. Компания запрещала рабовладение. Бывшие кадьякские невольники работали на компанейских промыслах и получали жалованье. Но Баранов понимал, что индейцы не отдадут без отчаянного сопротивления своих невольников. Колоши были рабовладельцами с давних времен, и от рабов зависело благосостояние индейской семьи. Без рабов не обходился ни один индеец. Они выполняли самые тяжелые и неприятные работы. Хозяин или воевал или ходил на промысел за морским зверем. Обладание рабами считалось почетным делом, и по количеству рабов судили о знатности и богатстве индейца. Раб никогда не ел вместе со своим господином. Индейцы бросали пищу своим рабам, как собакам. Иногда рабы ничего не ели по два-три дня. Рабы не имели своей собственности. Они не могли вступить в брак со свободными и женились только на рабынях, а рабыни могли быть женами рабов и только наложницами своего господина. Дети рабов были рабами. Раб был вещью, которую можно продать, подарить или уничтожить.

«Помещики, — думал Баранов, — настоящие помещики-крепостники. Но пока пусть будет все как было. Не мне, со слабыми силами, нарушать стародавние обычаи».

— Рабы останутся у прежних хозяев, — перестал колебаться правитель. — Даю слово.

— Хорошо сказал Баранов, — закивали головами вожди.

— Я хочу креститься, — неожиданно попросил Скаутлельт. — Ты окрестишь меня. Я слышал, у чугачей есть твои крестники.

— Подумай до завтра. Если и завтра ты захочешь стать христианином, я окрещу. Но помни: смыть крест я не могу, даже если ты попросишь об этом.

Баранов не очень был склонен к миссионерской деятельности. Но в данном случае он усматривал прямую выгоду.

— О-о! — воскликнул Скаутлельт. — Но я все равно согласен.

— Смыть крест сможет наш мудрый жрец, — вмешался Каухкан, — стоит лишь принести хорошую жертву.

Переговоры закончились подписанием документа о продаже индейцами острова Ситки русским. Это был второй договор, заключенный с вождями. Особенно покладистым был

Скаутлельт. Он горячо уговаривал своих соплеменников продать землю.

— Сколько времени наш друг пробудет на острове? — спросил Скаутлельт. — Мы хотим, чтобы ты был подольше.

— Еще месяц. Мы не раз увидимся.

Индейцы получили орленые серебряные медали, как друзья русского государства, и с гордостью навесили их на себя.

14 апреля вождь Скаутлельт был крещен в православную веру и наречен Михаилом. 15 апреля колоши уехали домой на своей вместительной лодке, увозя богатые подарки своим женам.

Но Баранову не удалось пробыть еще месяц в Архангельской крепости. Его тревожили дела на Кадьяке. 20 апреля галера «Ольга» была готова к длительному плаванию.

Накануне у Баранова и Медведникова состоялась важная беседа. Правитель усердно наставлял нового начальника крепости, как держать себя с индейцами.

— Обходись, Василий, без крику и грубости и, сколь можно, человеколюбивее, вежливее и благосклоннее... И не только ты, но и всем промышленным прикажи так поступать. Ничего не бери у колошей даром. Щедро награждай вождей, если они заслужили. Они наши соседи и новые русские подданные¹⁴.

— Как можно, Александр Андреевич, людей забижать...

— Ладно, знаю тебя... И кадьякцев содержи благопристойно и в случаях нужных помогай кормами, когда погоды самим упромыслить не позволят. Имей обо всех человеколюбивое сострадание и присмотр. Никому не давай обижать и обременять без нужды трудами. Понял меня, Василий?

— Как не понять? Понял. Ты, как отец Иоасаф, проповедуешь.

— И крепость береги, — не обратив внимания на замечание приказчика, продолжал Баранов, — не дай бог, ежели что с крепостью случится. Не удержаться нам тогда на Ситке.

Баранов был очень настойчив и долго внушал Василию Григорьевичу, что надо сделать в крепости.

— Пушки большие и будошные к действию утверди накрепко клиньями, — говорил Баранов.

— Заколоти клинья молотком и веревкой еще перевяжи. А лафеты, чтоб не могли далеко кататься, укрепи в противоположной стене упорным станком, в какой бы лафет уперся при выстреле. Да смотри, чтобы тот станок не у самого лежал лафета, а вершков на шесть подалее. Пороху клади в пушку третью часть против веса ядра... Промышленных обучи огневому делу... Спрашивай строго.

В конце концов Александр Андреевич замучился сам и замучил Медведникова.

— Иди спать, наставление завтра получишь письменно, велел Нахвостову перебелить, — сказал на прощание правитель и, погасив свечу, завалился спать.

В полдень галера отошла от берега, а через четверть часа ее единственный парус скрылся за одним из многочисленных ближних островов.

Ночью шел проливной дождь и стало по-осеннему холодно. Новоселы затопили печи. Утром тучи разошлись, показалось солнце. Только вершина горы Эджкомб все еще была покрыта

облаками.

От дремучего ситкинского леса по-прежнему несло холодом, сыростью и тлением. Начальник нового поселения приказчик Василий Медведников не давал никому сидеть сложа руки. Больше сотни кадьякцев отправились в проливы за морским бобром. С ними пошли четверо русских. Промысел оказался удачным.

Сольвычегодец Семен Шишкин привез живого бобра. Разнежившийся на берегу зверь сам дался в руки.

Зверь добродушно смотрел на собравшихся ребятишек небольшими подслеповатыми глазами, шевелил жесткими белыми усами, свисавшими с верхней губы.

Это был знаменитый морской бобер, за которым русские промышленные люди, преодолевая жестокие лишения на суше и на море, шли до самой Аляски.

Зверь был главной приманкой Российско-Американской компании. Русские, обогнув берега Аляскинского залива, устремлялись на юг в поисках новых обиталищ бобра. Шкура его ценилась дорого и могла обогатить удачливого человека. Ничего общего с речным бобром у него не было. Это был хищник, связавший свою жизнь с морем, и правильнее его называть каланом. Но у русских промышленных он был известен как морской бобер. Интересно, что подкожного жира, как у других морских млекопитающих, у калана нет. И от холода его защищает прекрасный густой мех. Хвост у него мохнатый, а не гладкий, как у речного бобра.

В крепости жизнь шла своим чередом. Четыре старовояжных перебирали боевые припасы, укладывали их в нижнее отделение под башнями. Несколько человек возились с огородами. Они вскопали десять грядок и посеяли морковь, репу, лук, посадили капусту и картофель. Здесь хозяйничал старовояжный Абросим Плотников, московский крестьянин, любивший ковыряться в земле. Кроме огорода, Медведников поручил ему ухаживать за скотом.

У ворот крепости два меднолицых индейца, в парках, одетых на голое тело, и босые, продавали мясо дикого барана ямана. Яманину быстро раскупили, уплачивая индейцам нитками нанизного бисера.

Еще двое мужиков готовили кору ситкинского кипариса для крыши кузницы, все еще не законченной. Кора прекрасно предохраняла дома от дождей. Остальные работали на крепостных помостах, устанавливая против амбразур двадцатифунтовые пушки.

Женщины устраивались в кажиме¹⁵. Возле них возились ребятишки, их веселые голоса отзывались радостью в сердцах промышленных.

Глава девятая. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ, ИЛИ ЦАРСТВО ВЛАСТИ, СИЛЫ И СТРАХА

Первого февраля 1800 года император Павел встал раньше обычного. В пять часов утра он в мундире и ботфортах сидел за письменным столом. Император всю ночь не спал. Вчера ему стало известно о дерзких словах английского посла Чарльза Витворта по поводу острова Мальты. На вечере у госпожи Жеребцовой посол сказал, что если англичане возьмут в свои руки орденскую крепость, то императору Павлу не видать Мальты, как своих ушей. Он удивился, зачем России нужен этот остров в далеком Средиземном море, и говорил, что император разыгрывает дурацкую комедию с Мальтийским орденом. Император считает себя главой православной церкви, он отец многочисленного семейства, тогда как основа ордена безбрачие и латинство.

Этого Павел Петрович простить не мог. После того как он с большой поспешностью провозгласил себя гроссмейстером Мальтийского ордена, всякая держава, которая осмелилась бы присвоить себе орденское достоинство в ущерб прав нового великого магистра, могла рассчитывать только на непримиримую вражду со стороны императора Павла.

Злополучный остров Мальта вопреки здравому смыслу приобрел для России зловещее значение.

— Я вам покажу Мальту, господа агличане! — не сдержавшись, крикнул император. Вскочив с кресла, он выхватил шпагу и воинственным выпадом разорвал занавески на окне. — Посмотрим, как вы посмеете не отдать мою Мальту!

За окнами дворца темнота. Арестанты при свете факелов расчищали от снега Дворцовую площадь. Всю ночь над городом гуляла пурга, и всюду были глубокие сугробы.

Император вложил шпагу в ножны. Он хотел погреть озябшие руки у камина, но подумал, что солдат должен быть выносливым и терпеливым, и не стал этого делать.

Усевшись снова в кресло и пододвинув к себе подсвечник, Павел Петрович стал писать.

«Генералу от инфантерии графу Воронцову¹⁶.

Имея давно уже причину быть недовольным поведением кавалера Витворта, в теперешних обстоятельствах, когда нужны между государствами мир и согласие, дабы избежать от неприятных следствий, какие могут произойти от пребывания при моем дворе лживых министров, желаю, дабы кавалер Витворт был отдален... — Император, обратив взор на портрет Георга Третьего, короля Великобритании, висевший над камином, прикусил верхушку белого гусиного пера. — ...отдален, о чем вы, сообщая английскому министерству, требуйте назначения другого министра, и коль скоро выбор впоследствии, то мне о сем дайте знать».

Как всегда, ровно в шесть в кабинет вошел петербургский военный губернатор граф Пален, потом генерал Ростопчин. Закончив дела, император ездил верхом на прогулку с графом Иваном Кутайсовым, а в одиннадцать часов его величество изволили выйти к разводу на Дворцовой площади, при котором присутствовали и государи великие князья.

После развода был молебен в дворцовой церкви. Во время литургии, при пении каноника, его императорское величество сошел со своего места, соизволил прикладываться ко святым иконам спасителя и богоматери, у которых лампы отводили обер-камергер Строганов и камергер граф Салтыков.

Восьмого февраля 1800 года был уволен от занимаемой должности и вовсе от службы генерал-прокурор Сената Беклешев. Он мало уважал требования угодных Павлу людей и часто бывал с ними в размолвке.

Выбирая нового генерал-прокурора, император прибегнул к своему любимому способу. Написав на бумажке имена намеченных кандидатов, он свернул их и положил под образом, помолился и, перемешав, вынул одну. На ней стояло: «Петр Хрисанфович Обольянинов». Верный «указанию свыше», Павел назначил Обольянинова генерал-прокурором.

Вызвав своего любимца из передней, он обнял его и сказал:

— Ты да я, я да ты будем все дела решать.

В тот же день при дворе была торжественно отпразднована свадьба камер-фрейлины Анны Петровны Лопухиной с князем генерал-адъютантом Павлом Гавриловичем Гагариным.

Лопухина была названа статс-дамой и получила в подарок Екатеринбург в вечное и потомственное владение.

Видясь ежедневно с Анной Петровной Лопухиной, император почитал ее своим другом и привык к ее обществу. После свадьбы император продолжал по-прежнему посещать княгиню Гагарину.

Императрица Мария Федоровна едва сдерживала себя от ярости. Она всей душой ненавидела соперницу. Основания были серьезные. При дворе появились слухи, что в Михайловском замке для княгини Гагариной отделивают покои рядом с покоями императора.

Однако вмешиваться в дела императора Мария Федоровна боялась. В 1798 году императрица попыталась воспрепятствовать приезду Анны Петровны в Петербург и написала ей угрожающее письмо. Попытка закончилась неудачей: письмо Марии Федоровны доставили императору, и он, войдя в ярость, жестоко обошелся со своей августейшей супругой. * * *

Николая Петровича Резанова заботы окружили со всех сторон. Он понимал, что только самые сильные средства могут спасти компанию от распада. Привилегии, утвержденные императором в прошлом году, можно назвать только первыми шагами. Николай Петрович согласился стать уполномоченным компании в Петербурге потому, что знал: никто другой не может сдвинуть дело с мертвой точки.

По указу императора Павла на статского советника Резанова возлагалось «...во всем пространстве данной ему доверенности и высочайше дарованных нами привилегий ходатайствовать по делам компании во всем, что к пользе и сохранению общего доверия относиться может».

Николай Петрович был наделен высокими правами, и в его лице Российско-Американская компания приобрела умного и стойкого защитника ее интересов.

Еще в конце прошлого года Резанов просил приехать в Петербург для важных переговоров свояка, главного директора компании Михаила Матвеевича Булдакова. И вот, наконец, вчера Резанов получил из Москвы депешу: Михаил Матвеевич приезжает в столицу днем 8 марта.

«Может быть, он уже приехал», — думал Резанов, торопясь домой на Малую Морскую улицу.

Подымаясь вверх по Почтовой, он увидел ехавшего навстречу императора и с ним ненавистного графа Кутайсова. Желая избежать опасности, Резанов укрылся за деревянным забором, окружавшим Исаакиевскую церковь. Он ни в чем не чувствовал себя виноватым. Но разве нужно быть виноватым, чтобы разгневать императора!

У подъезда своего дома на Малой Морской Николай Петрович увидел возок, запряженный парой серых лошадок. Булдаков в огромном бараньем тулупе с мохнатым воротником, обутый в серые валенки, стоял на крыльце.

— Николай Петрович!

— Михаил Матвеевич!

Своими обнялись и расцеловались.

— Точно подгадал! — смеялся Булдаков. — Будто чувствовал! И пяти минут не прошло, как приехал, только-только из саней.

Накормив гостя домашним обедом, Резанов пригласил его в кабинет. Горничная подала кофе, бутылку коньяка.

Свояки закурили сигары. Михаил Матвеевич курил первый раз и смешил Резанова. От крепкой сигары у Булдакова выступили слезы.

— Рассказывай, что слышно в Иркутске.

— Баранов укрепился на Ситке. Вернее, приступил к постройке крепости. Назвал ее именем архистратига Михаила. В прошлом году у острова было добыто две тысячи бобровых шкур и приобретено в Якутате триста...

— Превосходное начало, — отозвался Резанов. — Если променять бобров на чай и продать чай в Петербурге, можно заработать около миллиона.

— Ты прав... Александр Андреевич считает, что агличане стремятся к занятию тамошних мест. Французский переворот и война мешают осуществить эти планы. Иностранные корабельщики с завистью смотрят на успехи наших промыслов.

— Теперь сие не страшно. Компания находится под высочайшим покровительством русского императора... А что, — помолчав, сказал Резанов, — по-прежнему в директорате нет мира?

Михаил Матвеевич махнул рукой.

— Нет мира! Недавно Мыльников и его сторонники вовсе отстранили меня от дел, забрали контору в свои руки и не показывали мне производства дел. Пришлось объявить военному губернатору.

— Ты бы внушил им, Михаил Матвеевич, что ныне директора суть почтенные люди в государстве. И если они хотят, чтобы стулья под ними были крепкими, пусть прекращают тяжбы и ябеды и пекутся о пользах государственных.

— Внушал. Не приемлют.

— В чем же дело?

Булдаков ответил не сразу.

— Многие не согласны с новым уставом. Широко, дескать, мы ворота открыли. На что, говорят, нам благородные дворяне. Капиталу они не прибавят, а нос в дела совать будут. По-прежнему твердят: «Кто сколько имеет акций, тот столько и голосов в собрании и советах должен иметь». А если так, Николай Петрович, трудно нам будет. Прочие недовольны тем, что дотацию не утвердил государь: расходы, дескать, большие... Так многие говорят, а думают иначе... Думают: ежели без компании, каждый по себе, доходы будут больше, и о пользах государственных не пекутся вовсе...

— Слушай, Михаил Матвеевич. Я придумал, каким образом можно изменить обстановку в компании, и, если ты меня поддержишь, буду хлопотать через генерал-прокурора Обольянинова.

— Что ты придумал?

— Перевести правление Российско-Американской компании в столицу, — торжественно сказал Резанов. — А в Иркутске оставить лишь главную контору. Если правление будет здесь, мы все возьмем в свои руки.

— Согласен. Поддерживаю и денег дам. В Петербурге иркутским купцам не разгуляться. Мигом приструнят. Хлопочи. Слово мое твердое.

Булдаков налил в маленькие рюмочки душистого коньяка.

— За успех нашего дела и пользы отечеству.

Свояки выпили коньяк, прихлебнули кофе.

— Но это не все. Я хочу осуществить замысел Григория Ивановича: направить в наши американские владения большие корабли из Петербурга. Надо открыть морскую дорогу. По морю доставка тяжелых грузов обойдется значительно дешевле.

— Во сколько пуд груза морем обойдется? — живо откликнулся Булдаков.

— Пока не подсчитывал.

— А зачем говоришь, дешевле. А может, и дороже встанет. Надо каждую копейку подсчитать и доказать, что сие предприятие прибыльно, иначе акционеры не согласятся. Подготовь все расчеты, и я за тебя горой... Послушай, Николай Петрович, — прервал свои рассуждения Булдаков, — к твоему дому кто-то подъехал.

Резанов посмотрел в окно. У крыльца стояла карета, запряженная четвериком.

— Его превосходительство генерал-губернатор фон дер Пален, — услышал Николай Петрович голос своего камердинера и поспешил в переднюю. Гость был почтенный.

В нескольких кварталах от собственного дома Резанова, в особняк госпожи Жеребцовой, съезжались гости.

— Господин Витворт, кавалер ордена Бани, чрезвычайный и полномочный министр Великобритании, — доложил слуга.

Английский посол, пользуясь правом старого друга, приехал раньше всех. Часы только что отбили восемь.

Ольга Александровна встретила его с заплаканными глазами.

— Что с вами, моя дорогая? — спросил посол, целуя руки.

— Я беспокоюсь о моих ближних. Сегодня получила письмо от Платона.

— Что с ним?

— Платон страдает в изгнании. Ведь он так еще молод!

— Будем надеяться на лучшее. Муж дома?

— Нет, он сегодня ужинает в Аглицком клубе.

— Я так рад видеть вас, моя богиня.

Ольга Александровна отменно красива. Недавно ей исполнилось тридцать четыре года. Высокая, статная, золотистые волосы, словно корона, украшают ее голову. На ней атласное платье, шея без всяких украшений. Чарльз Витворт давний и верный ее поклонник и сегодня сделал ей приятный подарок. Поцеловав еще раз пахнущую французской помадой руку, он, словно невзначай, надел на свободный палец золотое кольцо с огромным бриллиантом. Еще полчаса посланник разговаривал с мадам Жеребцовой, уединившись в малой гостиной.

— Его императорского величества лейб-медик и тайный советник сэра Самуэль Роджерсон, — дошел до них голос слуги.

В гостиной появился высокий и очень худой шотландец с маленьким багровым лицом. Игра в

карты была его страстью. Он сразу стал осматриваться по сторонам, разыскивая карточный стол.

Вслед за ним пришел вице-канцлер граф Никита Петрович Панин, надменный джентльмен с узким лицом, похожий на англичанина и внешностью и характером.

Появился командир Преображенского полка генерал Степан Александрович Талызин, а с ним два молодых гвардейских полковника.

Последним приехал военный губернатор Пален. Он привез с собой статского советника Резанова.

— Николай Петрович, — представил граф Пален хозяйке обер-прокурора Сената. — Очень древнего дворянского рода... Недавно царским указом назначен «главноначальствующим» Российско-Американской компании. Он хорошо играет в карты.

Граф Пален знал, что в доме Жеребцовой должен произойти серьезный разговор, об этом он узнал сегодня утром из письма хозяйки. Знал он, что разговор пойдет о судьбе императора Павла. Поэтому он прихватил с собой Николая Петровича Резанова. В карете, на пути к особняку Жеребцовых, губернатор стал настойчиво внушать ему о своем желании, как он говорил, обрезать пышный монархический хвост императора Павла. Но Николай Петрович оказался недогадливым, и Пален понял, что он не хочет быть замешанным в заговор. «Пусть тогда играет в карты», — решил он.

— О-о, — сказал Роджерсон, — мы сегодня будем играть в вист.

— Я слышала о ваших отважных мореходах и мечтаю побывать в Русской Америке, — сказала Жеребцова, подавая маленькую руку для поцелуя. — Вы нас пригласите в свои владения.

— Конечно, мадам, мы будем всегда рады...

— Вы были на Аляске? Ваше превосходительство, расскажите, что вы там видели, — попросил подошедший посол Витворт.

— К сожалению, еще не был. И вряд ли мне придется вскоре отважиться на столь далекое путешествие.

— Очень жаль, я надеялся узнать что-нибудь интересное из первых рук.

— Дорогой Николай Петрович, я забыла представить посла Великобритании при русском дворе сэра Чарльза Витворта.

— Я вижу, посол его величества чем-то недоволен. Чем именно, позвольте спросить, — вмешался Роджерсон.

— Русским не по плечу Северо-Западная Америка, — продолжал Витворт, не обращая ни малейшего внимания на Роджерсона. — Сначала надо научиться строить корабли. То, что стоит в якорях в пределах Кронштадского рейда, едва держится на тихой воде. С таким флотом, как у вас, Англия никогда не смогла бы удержать Ост-Индские колонии¹⁷. А Западная Америка находится еще дальше.

— Но вспомните, господин посол, восточные купеческие походы на кораблях, построенных в Охотске или на Аляске. Открыто и обследовано много островов и большая полоса берега. Даже капитан Джеймс Кук удивился величию совершенных русскими моряками подвигов в столь суровых морях. Русские земли в Америке. Это много значит, господин посол.

— Русские плохо обращаются с народами, живущими в Америке, — пробурчал Чарльз Витворт. — Мне рассказывали наши капитаны, побывавшие в тех землях, что русские купцы принуждают туземцев насильно продавать звериные шкуры и заставляют даже работать. Русское правительство должно запретить своим купцам торговать в Америке.

— И разрешить торговлю аглицким купцам... — Резанов засмеялся. — Нет, ваше превосходительство, мы справимся сами.

Гости вместе с хозяйкой Ольгой Александровной окружили спорящих. Их слушали с интересом.

— Значит, ваше превосходительство, вы оправдываете жестокости ваших купцов с туземным населением? — спросил посол.

— Нет, я их не оправдываю. И я не слышал о жестокостях. — Резанов на мгновение умолк. — Однако, господин посол, чем вы объясните великий мятеж матросов королевского флота в Норе? Мне известно, что восстание вызвано жестокими порядками... Так ли это? Насильственная вербовка матросов порождает много недовольных...

— Наша доблестная морская пехота быстро справилась с бунтовщиками, — буркнул посол. — Прекращение насильственной вербовки обескровило бы королевский флот. А нам для защиты своих берегов необходимо много кораблей.

Николай Петрович усмехнулся. Стрела попала в цель.

— Господин посол, — продолжал Резанов. — Вы ведь знаете, что в России рабство, помещик чинит суд и расправу над своими крестьянами. Он продает их, как лошадь или корову. Людям, воспитанным на таком отношении к человеку, можно бы простить кое-что... Но как ваша просвещенная нация, гордящаяся свободой своих граждан, может вести позорную торговлю неграми? Ведь на черной торговле создано величие Англии. Возник морской флот. Негров покупают за безделушки, отрывают их от родных и близких, вывозят в чужие земли и выгодно продают в рабство. Самое главное, их вовсе не считают людьми. А война с индейцами в Северной Америке? Ведь там...

— Довольно, мой дорогой генерал, — добродушно сказал Чарльз Витворт. — Я вижу, вас не переспоришь. В одном прошу мне верить: если Россия ввяжется в войну с Англией, то вряд ли она удержит за собой земли, приобретенные в Америке. Давайте поговорим о другом... Вот лейб-медик Роджерсон нам расскажет анекдот из дворцовой жизни. Более сведущего в придворных сплетнях человека я не знаю.

— Я думаю, война с Англией вредна не только купцам Российско-Американской компании, — не выдержал Никита Панин. — Война нанесет ущерб нашей внешней торговле. Это так. Но главное, война нарушит материальное благополучие дворянства. Русский дворянин обеспечен верными доходами со своих поместий, отпуская за море хлеб, корабельный лес, пеньку и все остальное...

— Господа! Прошу отужинать чем бог послал, — прервала Панина Ольга Александровна.

После ужина лейб-медик ухватил за локоть обер-прокурора Резанова.

— Мы играем в карты, ваше превосходительство, и вот наши компаньоны, — он указал на молодых гвардейских полковников.

— А мы, господа, поболтаем в маленькой гостиной, — пригласила Ольга Александровна.

Английский посол, вице-канцлер Панин, генерал Талызин и военный губернатор Пален направились вслед за хозяйкой. Непроницаемое лицо вице-канцлера на прямом, как палка,

туловище возвышалось над остальными головами.

— Вы слышали, господа? — начала хозяйка, посадив гостей в кресла возле низенького столика. — Наш император запретил ввоз из-за границы книг, откуда бы они ни происходили, и даже музыку, нотные партитуры.

— Уму непостижимо, — отозвался граф Панин. — Но император всегда косо смотрел на книги. Я воспитывался с ним вместе. Мы ведь друзья детства, — с горечью добавил он. — Я помню, он мальчишкой говаривал: «Куда книг-то много, ежели все взять, сколько ни есть их, а все пишут да пишут...» Жестокости усилились. Недавно наказали кнутом полковника Грузинова, вольно отозвавшегося об императоре. Эзекуция началась при восходе солнца, а закончилась в два часа пополудни. Три палача буквально выбились из сил.

— Боже, какой ужас, он смеет так наказывать дворян? Что же с бедным полковником?

— Разумеется, несчастный умер!

— Императрица Екатерина разрешила нам подписываться «всепопданнейший» вместо «раб», как было при прежних царях. А ее сын хочет снова сделать нас рабами.

— Я отказываюсь понимать нашего императора.

— А самое главное, господа, — крутые повороты во внешней политике. Они приведут Россию к гибели. Вместо того чтобы благоприятствовать Русскому государству, внешняя политика направлена только на удовлетворение тщеславных замыслов императора. — Никита Петрович говорил, как всегда, медленно и был непоколебим в своем мнении.

— Но разве никто не может объяснить императору, в какое тяжелое положение он ставит государство и всех нас? — волновалась Ольга Александровна.

— Увы! — отозвался вице-канцлер. — Всякая попытка оканчивается ссылкой в Сибирь тех, кто посмеет сказать противное слово.

— Император Павел сумасшедший, — вдруг сказал английский посол. — Ему место в лечебнице...

Вице-канцлер Панин и военный губернатор Пален потупили взоры.

— Ах, дорогой сэръ Витворт, вы так определенны в своих суждениях, — вступилась Ольга Александровна. — Может, это и не так страшно.

— Я уверен в том, что говорю. Он и раньше был ненормален. Но с тех пор как вступил на престол, психическое расстройство императора значительно усилилось. В этом, именно в этом кроется роковая причина многого, что случилось, и та же причина вызовет новые сумасбродные выходки, которые придется оплакивать... Сумасшедший с бритвой.

— В чем же спасение России? Что мы можем сделать? — поднял голову граф Пален. — Скажите нам, ваше высокопревосходительство.

— Я знаю, что надо сделать. Но мое положение посла его величества короля Великобритании заставляет молчать. Повторяю, что все пороки русского императора происходят только от расстроенного ума.

— Нужен регент... Заболевшего монарха отстранить от власти, над ним поставить Александра, — обычным своим тоном сказал вице-канцлер. — Уверен, господа, что могу говорить прямо, надеюсь на вас.

— Да, конечно, милый Никита Петрович, — тотчас отозвалась хозяйка. — Но ради бога, не говорите так громко.

— Конечно, совсем не просто лишить власти неограниченного монарха, но, сдается, это необходимо... Вы, Петр Алексеевич, — обернулся вице-канцлер к графу Палену, — должны подумать. В ваших руках многое. Вас поддержат.

Генерал-губернатор воспринял такое неожиданное и весьма рискованное предложение спокойно. Испросив согласия хозяйки, он набил табаком свою трубку, разжег ее от стоявшей на камине свечи.

— Я возьмусь за такое дело только при одном условии, — сказал генерал, выпустив облако дыма.

— Догадываюсь, Петр Алексеевич. Но хочу слышать от вас. На каких условиях вы считаете возможным лишить императора Павла власти?

Собеседники сдвинули кресла и сблизили головы.

— Это возможно в том случае, если наследник и великий князь Александр Петрович даст свое согласие.

— Я так и думал... Но будьте уверены, его высочество согласие даст.

— Сомневаюсь, — фыркнул генерал Талызин. — Он трус.

— Когда стоит вопрос о жизни и смерти?!

— Я не совсем понимаю, говорите.

— Император Павел хочет жениться третий раз.

— На княгине Гагариной, конечно, — вмешалась в разговор хозяйка. — Как это похоже на него!

— И поэтому он собирается круто повернуть семейное колесо. Ее величество постричь и спрятать в Архангельске, наследника — в Шлиссельбург, великого князя Константина — в Петропавловскую крепость, великих княжон — по монастырям отдаленнейшим...

— Александр Павлович об этом знает? — оживился граф Пален.

— Догадывается.

— Но как вам стало известно? — опять вмешалась хозяйка.

— Такой вопрос может задать только хорошенькая женщина... Но скажите, разве могут быть во дворце тайны?

— Что я услышал сегодня, очень походит на то, что хотел совершить папаша императора, император Петр Третий, — сказал английский посол. — Если бы удалась его затея, Россия не увидела бы ни Екатерины, ни Павла.

— Теперь, Петр Алексеевич, после того как я открыл карты, сомнений у вас нет?

— Сомнений нет, но есть трудности.

— Начинайте, и трудности исчезнут.

— Начинать одному? Это невозможно.

Пален был не один, но открывать свои карты он не хотел.

— Надо найти верных людей.

— Были бы мои братья в Петербурге, с их помощью все гвардейское офицерство было бы с нами, — воскликнула Ольга Александровна.

— Ольга Александровна, вы правы, и я дам хороший совет. Пусть ваш брат Платон Александрович напишет письмо Кутайсову и попросит руки его дочери. И надо ему дать понять, что этот брак состоится после того, как князь будет вызван ко дворцу и получит назначение, равное его заслугам. То же он должен сказать и о своих братьях. Уверен, что тщеславный царедворец клюнет на такую приманку и сделает все возможное.

— Я одобряю план Никиты Петровича. Этот турецкий выродок Кутайсов умеет влезать в душу императора и добиваться своего.

— Скажите, господа, откуда взялась Лопухина? — неожиданно спросил английский посол. — Ведь бывший генерал-прокурор Лопухин получил княжеское достоинство из рук императора.

— Я вас понимаю, господин посол, — сразу отозвался Никита Петрович Панин. — Но с этой стороны выбор императора безупречен. Лопухины принадлежат к старому русскому дворянству. Из рода Лопухиных была первая супруга Петра Великого, Евдокия.

— О-о... А скажите, дорогой граф, как вы смотрите на сближение России с Францией?

— Я не согласен с императором. На сближение с Францией я смотрю с ужасом и отвращением...

За карточным столом ожесточенно сражались лейб-медик Роджерсон, Николай Петрович Резанов и два молодых гвардейских полковника.

Глава десятая. ЗАГОВОР ВАЛААМСКИХ СТАРЦЕВ

Правитель Баранов вернулся на Кадык поздно вечером. От дозорных он узнал, что фрегат «Феникс» еще не вернулся из Охотска. Что-то кольнуло в груди. Но Баранов отогнал дурные предчувствия. В домике его светился огонек. Жена Анна Григорьевна встретила слезами:

— Боюсь я черных попов, Александр Андреевич. Без тебя не раз ко мне захаживали. Говорили, в грехе живу. Сыну нехорошо пророчили. Говорили, чтобы я ушла от тебя. Бог ваш, там, наверху, сердитый, не любит твою Анну. — Индианка прижалась к мужу.

Едва сдерживая гнев, Александр Андреевич слушал ее слова. Он, как умел, успокоил жену, посмотрел на спящих детишек и решил все дела отложить на завтра.

— Я была совсем одинока, — рассказывала Анна Григорьевна, — каждый день выходила на берег и смотрела, не покажется ли на море твоя галера. Ты один у меня во всем свете.

Всю ночь северо-западный ветер завывал за стенами дома. Шумел океан. Под утро, еще было темно, правитель проснулся и не мог больше уснуть.

Нехорошо как-то вышло со святыми отцами, думалось ему. Сначала он радостно встретил приехавшую православную миссию, ждал, что монахи займутся воспитанием кадыкцев и

креолов, будут хорошими помощниками в освоении новых земель. А вышло иначе. Монахи забросили школу и ревностно принялись приводить туземцев в христианскую веру, совсем не думали о духовном воспитании. Они часто вмешивались в дела правителя, приходили к его жене, пугали.

Анна хочет стать христианкой, но монахи объявили ее недостойной крещения... Разве это справедливо — вмешиваться в супружескую жизнь?..

Александр Андреевич потихоньку встал с постели и, стараясь не шуметь, разжег в кухне печку. Когда в трубе загудело, поставил на огонь чайник. Вскоре чайник запел тоненьким голоском.

Ровно в шесть часов кто-то постучался, и правитель открыл дверь. В кухню вошел, едва не задев за притолоку шапкой, Иван Александрович Кусков. Они долго обнимали друг друга и похлопывали по плечу. Кусков все больше и больше располагал к себе Баранова.

— Прости, Александр Андреевич, что не встретил. У ближних кадьякцев был, только вернулся.

Высокий, худой Кусков уселся и налил чаю в большую китайскую чашку.

— Ну, Александр Андреевич, дела у нас — хуже не придумаешь, — сказал он, опорожнив две чашки терпкого, душистого чая и вынув трубку.

— Какие дела?

— Попы черные да чиновный сброд нас, купцов, хотят от дел отстранить и самим торговать бобрами.

— Шутишь, Иван!

— Какие тут шутки! Подпоручик Талин колобродит, три дня назад приказчика Кулешова плетью высек. Приказчик водки не давал.

— Кулешов сказал, что по моему приказу?

— Говорил, а его благородие подпоручик выразился тако: я, дескать, самого Баранова высеку, если надо. Нечего нам с купчишками хороводы водить! Водку самоуправством взял и выпил.

Баранов вскочил со стула и, прихрамывая на правую ногу, стал шагать по комнате.

— Шлют нам из Охотска, что им негоже, — заговорил он, продолжая ходить. — За наши деньги мы самых лучших штурманов можем нанять, а нам шлют пьяниц и невежд. Сколько людей на бобровом промысле из последних сил работают! А если подсчитать, сколько за бобров людей погибло! А такой вот подпоручик одним махом все загубит.

— Судно погибло — полбеды. Подпоручик против тебя, Александр Андреевич, монахов настраивает. Монахи, никого не теснясь, послали во все места предписания, чтобы кадьякские племена съезжались в Павловскую для верноподданнической присяги. На острове шесть тысяч живет. Ежели здесь соберутся, от голода мятеж начнут. У них толмач Семен Прянишников, что на исповеди кадьякцам переводит, зловредный человек. Через него к островитянам все пошло. А главное — корысть, все бобром хотят торговать.

— Вот черные дьяволы! Свои святительские дела забросили, а в компанейские нос суют!

— Они говорят, мы-де люди казенные, нам указа здесь нет.

— Неужто они нам все порушат?

Баранов опустил на стул и долго сидел молча. На глазах его выступили скупые слезы.

— Дальше послушай, Александр Андреевич.

— Чем еще порадуешь?

— Приходили на байдаре Киселевские промышленные.

— Зачем?

— Были у монаха Германа. Говорили ему, будто в прошлом году алеутских тойонов император Павел Петрович во дворце своем принял. Они на тебя, Александр Андреевич, жаловались: ты-де американцев притесняешь. Будто не разрешаешь крестить и венчать, ну и все такое прочее. Монахи должны кадьякам про то рассказать.

— Иеромонах Макарий у императора был?

— Того не знаю.

— Вона откуда ветер! Свой купец, Киселев, утопить хочет.

— Ежели алеуты самому императору жаловались, так худо будет?

— Всяко бывает. Однако я на господ акционеров надеюсь. Не дадут они худому быть.

Правитель знал, что Киселев не захотел входить в объединенную компанию, продолжал промышленя на свой страх и риск и всем, чем мог, вредил компании. Он знал, что иеромонах Макарий вместе с алеутами выехал на лебедевском корабле в Охотск, однако он не думал, что дело пойдет так далеко.

— Надо попам отпор дать, да чтоб неповадно было.

— Приказывай, Александр Андреевич, сделаем. Людей у тебя верных много.

Баранов прикинул и так и сяк.

— Перво-наперво надо упредить по всем селениям кадьякским, чтобы люди сюда не приезжали. Пошли передовщиков и старовояжных башковитых. Для тойонов подарки пусть возьмут, табуку побольше... Ватагу возле себя собери, вооружи, днем и ночью держи наготове. А я тем временем пронюхаю, чем здесь пахнет.

Трубка у Ивана Кускова давно потухла. Он выбил ее и спрятал в карман.

— Я пошел, Александр Андреевич.

Правитель, подумав немного, послал нарочного за подпоручиком Талиным.

Через час с шумом распахнулась дверь. Подпоручик Талин, покачиваясь от выпитой водки, остановился на пороге. Он был небольшого роста, с черной, лохматой шевелюрой, маленькими усиками и утиным носом. Ноги кривые, колесом, ходил он переваливаясь, и промышленные звали его Коляской. Голос у подпоручика был плаксивый. Он был тщеславным и глупым человеком.

— Прошу садиться, ваше благородие, — пригласил Баранов.

Подпоручик плюхнулся в подставленный стул.

— Ну-с, господин купец?

— Господин подпоручик, — вежливо сказал Баранов, — будьте добры представить мне шканечный журнал галиота «Орел» и другие потребные документы для разбора кораблекрушения.

Талин покраснел, напыжился.

— Я не обязан отчитываться перед простым мужиком. Ты купец, а купец есть не что иное, как простой мужик. Я представлю документы в адмиралтейств-коллегию.

— Вы, господин подпоручик, служащий компании, — сдержал себя Баранов. — Вы разби́ли галиот «Орел». На нем акционеры потеряли мехов на двадцать две тысячи рублей. Прибавьте стоимость судна с вооружением и якорями. Я вправе требовать у вас объяснения.

— Я подпоручик, а ты кто? — с издевкой отозвался Талин. — Это я могу спрашивать объяснения. Звание твое подлое, имеешь ли ты право отчеством зваться?

Правитель счел разумным закончить разговор.

— Хорошо, о ваших действиях я доложу директорам компании.

— Мне наплевать, а ты, полупочтенный, отпускай мне товары по требованию, как положено. Иначе я разломаю магазин.

— Вы злоупотребляете ромом, господин подпоручик. Вряд ли мы сможем доверить вам новое судно.

— Ты смеешь делать мне замечания, купчишка несчастный! Поплатишься за это! — Подпоручик схватился за палаш, висевший у пояса.

Баранов встал из-за стола. Несмотря на малый рост вид у него был внушительный, и подпоручик, не выпуская палаша из рук, выкатился из комнаты.

Несколько дней правитель был в неустанных заботах. В кабинете все время толпились люди. К нему приходили ветераны промышленные, десять лет разделявшие с правителем все тяготы в далекой Америке, преданные ему компанейские приказчики и верные кадьякцы.

Александр Андреевич разобрался во всем. Видимыми зачинщиками были три человека: Прянишников, подпоручик Талин и иеромонах Афанасий. Через толмача Прянишникова заговорщики знали все, что творилось не только в ближайших, но и в далеких кадьякских поселениях. Они обсуждали каждый шаг байдарщиков и промышленных и всегда находили много худого. Через толмача распускались по селениям слухи о предстоящих грозных событиях.

Тайной пружиной заговора был затворник монах Герман. Он не выходил из своей кельи даже в церковь, опасаясь мирских соблазнов. Но помыслами проникал в душу каждому. Он знал все, что творилось вокруг. В этом ему помогали кадьякцы-школьники, святые отцы, а иногда и промышленные. Деятельным помощником в тайных делах был толмач Семен Прянишников. Монах Герман обладал острым, предприимчивым умом и умел настроить отца Афанасия и Прянишникова на свой лад.

Александр Андреевич думал и о выгодах, какие мог получить затворник в случае успеха заговора. Но в голову ничего не приходило. Питался отец Герман скудно. Ел вареную рыбу, пил чай. К чаю ему давался кусочек хлеба. Большого он не требовал.

Целыми днями монах читал привезенные с собой книги и много писал. Бумагу и жир на

освещение компания ему выдавала безотказно.

Старцы и чиновники вместе собрались в церкви. С ними, как всегда, толмач Семен Прянишников. Это его архимандрит Иоасаф хотел сделать белым священником. Все были взволнованы.

— Баранов душит наши постановления, — говорил грузный, с набрякшими подглазниками иеромонах Афанасий. — Он сорвал присягу императору. Его люди запретили народу съезжаться к божьему храму. Он готовит промысел за бобрами, за птицами и иным зверем. Все остается как прежде.

— Мы не намерены терпеть больше, — пропел тенорком иеродьякон Нектарий. — Почему мы должны питаться гнилой юколой? Нет ни хлеба, ни молока. Мы беднее церковной мыши... Но как полагаете вы, господа чиновники?

— Мы смотрим тако, — неуверенно ответил компанейский бухгалтер Требухов, лысый, с большими седыми бакенбардами. — Дать кадьякцам волю в промыслах, как у них исстари велось. Кому захотели, тому и промысел свой продают. В сих дальних местах обретаться, терпеть нужду и не приобрести капитала — да быть этого не может!

— Я первый буду бобров покупать, — сказал Афанасий.

— И я, — поддержал Нектарий.

— Так, так, правильно, святые отцы, — отозвался толмач Семен Прянишников. — За три-то года, ежели по-вашему, отсель с большими капиталами можно выехать... За требы бобровыми шкурами брать: повенчал — две шкуры, похоронил — опять две шкуры.

— Кто же от бобров откажется? — вступился в разговор содержатель компанейского магазина Ипполит Березкин.

Разговоров было много. Однако никто из собравшихся не мог сказать, что надо делать, как справиться с правителем Барановым.

— Святые отцы, — раздался слабенький голос монаха Феодора, — не попросить ли нам совета отца Германа?

— И то правда, тебе, отец Афанасий, идти. Пусть советует, а мы здесь подождем.

Отец Афанасий, подобрав затрепанный подол рясы, перешел двор и постучался в маленькую, как курятник, избушку.

Дверь открыл сам отец Герман. В комнате было смрадно. В плошке с китовым жиром чадил фитиль. У Афанасия с непривычки сперло в груди.

— Посоветоваться хочу, отец Герман.

— Говори. — Заметив любопытный взгляд Афанасия, затворник накрыл Евангелием лежавшую перед ним исписанную угловатыми буквами бумагу.

— Что делать? Баранов приехал и все по-своему воротит.

Отец Герман помолчал, расчесывая пальцами густую бороду.

— Надо требовать присягу императору. Баранов запретил присягу?

— Запретил.

— Так я и думал. Здесь он найдет свою погибель. Мы его наречем изменником государю.

— Баранов — правитель от компании.

— Он простой мужик. Купец. Мы, казенные люди и чиновники, власть должны иметь. А Баранов — мужик, так ему и в глаза сказать. В церкви, ежели он раньше чиновника ко кресту подойдет, отдернуть крест и стыдить. Толмач Прянишников пусть мутит кадьякцев, призывает к присяге. Тогда мы правы будем. И еще... — Бледное, курносое лицо Германа порозовело. — Не давать кадьякцам выйти на промысел. Ежели мы промысел сорвем, кто Баранова правителем оставит?

— Ох, боюсь я, отец Герман. Не подождать ли нам епископа Иоасафа?

— Иоасаф сюда не прибудет. Мы и об его делах дали знать в Санкт-Петербург. Прождете царствие небесное. Первосвященником будет у нас отец Макарий. Он никому обиды не спустит... А кадьякцы за вами пойдут, не сомневайтесь.

— Спасибо, отец Герман, пойду про твои советы скажу, обсудим с чиновниками. Не надо ли тебе чего? Может, молочка в чай али сахарцу?

— Обойдусь, иди с богом. — Герман выпустил отца Афанасия, закрыл за ним дверь, наложил запоры.

Наступил вечер. Погода по-прежнему сырая, накрапывал холодный дождь. На башнях перекликались дозорные. Тоскливо завывали собаки. Приглушенно, словно из-за стены, доносился шум морского прибоя.

В доме правителя гости. Приказчик Ванюшкин, мореход господин Подгаж, несколько старовояжных промышленных, соратников Баранова, после обеда собрались попить чайку. Говорили о том и о сем.

Вдруг распахнулась дверь и в комнату ворвались иеромонах Афанасий, переводчик Семен Прянишников и подпоручик Талин.

— Что вы здесь решаете? — закричал подпоручик.

— Да вот думаем, когда партию за птицами направить, — ответил Баранов.

— Без нас вы не смеете такие дела решать.

— Да почему же? Я здешний правитель.

— У нас предписание правительства. Без нас не смеете решать. За нас епископ Иоасаф встанет.

— К присяге всех кадьякцев привести требуем, как усердные подданные его величества императора Павла Первого.

— Этого сделать сейчас нельзя, — спокойно сказал Баранов. — Кормов у нас на складах почти нет. С собой островитяне ничего не привезут — у самих с кормами плохо. Да и не в обычае у них со своим кормом ехать. И будет здесь голод и всякое неустройство.

— Изменник государю нашему! — крикнул Афанасий и указал на Баранова длинным пальцем. — Вот погоди, казенная экспедиция сюда прибудет и ужотко в твоих поганых делах разберется!

— Где у вас предписание? — сказал оскорбленный Баранов, он едва сдерживал себя. —

Если есть, я ему подчинюсь.

— Ты сам должен знать, что все верноподданные должны присягать, и островитяне в том числе... Изменник! А до того, что отец Иоасаф к присяге не приводил, нам дела нет.

— Греховодник, бесстыжий! — сказал Афанасий. — Тебе и в церковь по духовному регламенту входа нет. У тебя жена невенчанная, язычница, от нее дети. Не дадим тебе в церковь ходить!

— По какому праву? — возмутился Александр Андреевич. — Нет в нашем государстве таких законов.

— Есть божеский закон. — Афанасий показал пальцем на потолок.

— Не бывать этому.

Надувшись, как индюк, Афанасий стал ругаться грязными словами.

— Прошу вас, господа, оставить мой дом, — приказал Баранов. — Ваших угроз я не боюсь.

— Мы тебя и прочих изменников, кои противоречат присяге, кнутом накажем и в кандалы закуем. — Подпоручик Талин топнул ногой. — А если ко мне на корабль пожалуешь, я тебя к мачте привяжу.

Александр Андреевич мигнул промышленным.

— Просим, господа, по-хорошему, — сказал шестифутовый Иван Кусков. Сделав скорбное лицо, он взял под руку ретивого подпоручика и вывел за дверь. — И тебя, святой отец, просим, и тебя, господин Семен Прянишников.

Как будет с промыслом? В большом напряжении жил Александр Андреевич в последние дни. Льстивые речи бездельных попов быстро разнеслись по кадьякским селениям. Приехавшие в Павловскую гавань пятеро тойонов не пришли к Баранову, как раньше, а направились прямо к переводчику Семену Прянишникову. От Прянишникова они явились к Баранову и ехать на промыслы отказались.

Положение на Кадьяке еще больше осложнилось.

Баранов понимал, что, если слух об отказе кадьякских тойонов идти на промысел разнесется по иным местам — Кенаю, Чугачам, Якутату и Ситке, — несомненно последуют кровавые события. Могут погибнуть все русские люди. Прекратятся промыслы... Трудно будет и в пятьдесят лет исправить все, что произойдет...

И Баранов принял решительные меры. Был взят под стражу один из самых злонамеренных и упрямых тойонов. Приказчик Михаил Кондаков объехал весь остров Кадьяк. Он призывал людей идти на промыслы и одаривал вождей и почетных мужиков табаком и прочими нужными товарами.

Наступало воскресенье, обычно все павловские жители дружно посещали церковные службы. Однако два дня назад попы запретили Александру Андреевичу приходить в церковь. Об этом знали многие русские и кадьякцы. Афанасий кричал на весь поселок. Не прийти в церковь — значит признать победу мятежников. И в то же время Баранов сознавал, что власть церкви — грозная власть. Ночью правитель принял решение. Он пойдет слушать заутреню, делая вид, будто между ним и монахами ничего не произошло.

Поднявшись еще затемно, он приоделся. В церковь вошел в новом сюртуке и в начищенных до блеска сапогах. У дверей купил свечу за рубль. В маленькой бревенчатой церкви было

тесно и душно. Гнусавым голосом что-то неразборчиво читал дьякон. Александр Андреевич прошел сквозь толпу и встал впереди, на своем обычном месте. Он перекрестился не больше двух раз, как открылись царские ворота и огромный и волосатый иеромонах Афанасий в праздничном облачении вышел из алтаря.

— Слава тебе, показавшему нам свет, — торжественно произнес иеромонах. Повернувшись, он встретился взглядом с правителем. Глаза его гневно сверкнули. Не сказав больше ни слова, Афанасий вошел в алтарь, закрыв за собой дверь.

В церкви наступила тишина. Служба прекратилась. Правитель не сразу сообразил, что делать. Но природный ум, как всегда, выручил. Выждав несколько минут, Баранов обратился к стоявшим в церкви:

— Господа! Видно, службы больше не будет. Пойдемте домой. — И первым вышел из церкви. За ним вышли все, кто был у заутрени.

Монахи словно взбесились. Подоткнув полы ряса и засучив рукава, словно приготавливаясь к кулачному бою, они бегали то в казарму, то в дом к Баранову, называя его бунтовщиком, изменником и даже разбойником. Кричали, что Баранов будет бит кнутом и сослан на каторгу.

Александр Андреевич не выдержал, вышел на крыльцо и, когда попы с кулаками стали к нему подступать, сказал:

— Вот что, святые отцы, покуролесили — довольно. Если я еще раз услышу от вас поносительства — обгорожу заплотом. Никуда, кроме церкви и треб, выпускать не буду. А самых злобных из вас отправлю в Уналашку к Ларионову.

— Мы служить в церкви не будем! — грозил Афанасий, видя, что продолжать буйство опасно. — Просидите до приезда святителя Иоасафа без бога...

«И это надежная опора отдаленного края...» — с горечью думал правитель. Он и прежде косо смотрел на слишком великое усердие валаамских старцев. Вместо того чтобы давать образование кадьякцам в школе и самим изучать туземные языки, монахи ограничивались повальным крещением...

Новопредставленные христиане оставались со всеми своими привычками в такой же темноте, как и были. Они не могли слушать даже проповеди, так как большинство не знали русского языка. Исповедовать приходилось через переводчика. А вместе с тем христианское учение было несовместимо со многими понятиями этих народов и могло быть усвоено только постепенно. Святые отцы не разбирались в тонкостях и требовали от новокрещеных точного исполнения всех церковных правил.

На первых шагах духовной миссии сопутствовал успех. Но вскоре начались неудачи. Число новокрещеных не только не возрастало, но даже стало уменьшаться.

Православная миссия на Аляске в последующие годы принесла ощутимую пользу в воспитании и образовании алеутов, кадьякцев и индейцев. Некоторые деятели русской православной церкви оставили заметный след в изучении Аляски. Иван Евсеевич Вениаминов (Иннокентий) — священник на Алеутских островах и Аляске — написал замечательную работу по географии и этнографии и все свои силы отдавал просвещению алеутов. Но в описываемые времена деятельность миссии была далека от совершенства...

Придя домой, Александр Андреевич уселся за стол, достал лист бумаги. «Дорогой приятель, старинный и нынешний сосед!..» — писал он Емельяну Григорьевичу Ларионову, правителю острова Уналашки. На полных четырех страницах Баранов рассказал о событиях на Кадьяке

и поделился своими предположениям о гибели фрегата «Феникс».

Александр Андреевич все еще ждал епископа Иоасафа. Сердечные отношения у них не сложились, но все же отец Иоасаф был умным человеком и в конце концов с ним можно было договориться. До слуха Баранова доходили нелестные суждения Иоасафа о его нравственности и деловых качествах. Но правитель в трудах и заботах мало обращал на них внимания. Самое главное, Иоасаф умел держать в руках своих строптивых подчиненных.

Но бесповоротно правитель поверил в гибель фрегата, когда с острова Еврашьечего ему сообщили о корабельных обломках, выброшенных на берег. Это были двери с нижней подборкой, сделанные из чугачской лиственницы, и часть бушприта. Море выбросило на остров и несколько ящиков восковых свечей.

Прошел еще месяц. Неожиданно в Павловскую гавань вошло первое судно Соединенных Американских Штатов «Энтепрайз». Республиканец шел из Бостона вокруг мыса Горн долгих пять месяцев. Он останавливался на три дня у Сандвичевых островов и два дня провел на ситкинском рейде. Капитан Джемс Скотт доставил Баранову донесение из крепости архистратига Михаила. В крепости все благополучно. За время отсутствия Баранова Медведникову удалось упродыслить более трех тысяч бобровых шкур.

Просматривая письмо в капитанской каюте, Александр Андреевич с удовольствием прихлебывал ароматный кофе из маленькой чашечки.

— Господин Баранов, — предложил капитан Скотт. — У меня большой выбор товаров. У вас много пушнины, давайте произведем обмен.

— Это невозможно. По нашим правилам все приобретенные меха должны делиться между компанией и промышленными.

— Жаль, очень жаль, господин Баранов. У меня есть мука, кофе, чай и отличная солонина. Есть ром, вино. И для торговли с туземцами полный набор товаров.

После долгого разговора Александр Андреевич решил продать только две тысячи чернобурых лисиц, так как морских бобров американец ценил очень дешево.

— Вы знаете, господин Баранов, война в Европе продолжается, — закончив сделку, сказал капитан. — Я слышал, что Испания, действуя соединенно с Францией, намерена вооружить фрегат и послать в ваши колонии. Купите у меня полсотни хороших ружей и восемь пушек. Уверю вас, они могут пригодиться.

Американец простоял в гавани две недели. Он заменил загнившую в бочонках воду водой из родника, просушил паруса. Баранов снабдил его самой лучшей рыбой.

Попрощавшись с гостеприимным хозяином, Джемс Скотт вышел из гавани, троекратно выпалив из пушек. Крепость ему ответила.

Совсем еще недавно республиканцы¹⁸ воевали с англичанами.

Российское правительство, хотя весьма деликатно и осторожно, но все-таки помогало республиканцам в трудные дни их борьбы за свободу и независимость.

А сейчас, после одержанной победы, американцы переживали бурный подъем торговли и мореплавания. Европейские войны разоряли европейских купцов и судовладельцев, но несли процветание и невиданные ранее барыши американцам.

Граница Соединенных Штатов простиралась от Атлантического океана до реки Миссисипи и от Канады до Карибского моря. К востоку от Миссисипи располагались необозримые земли,

которые еще предстояло заселить. Американцы-республиканцы пока еще не могли притязать на земли, расположенные по соседству с Русской Аляской, слишком далеко они отстояли.

Глава одиннадцатая. Я НЕ ТОГДА БОЮСЬ, КОГДА РОПЩУТ, НО КОГДА МОЛЧАТ

В Стрельне коляску генералиссимуса, где он лежал больной, обложенный перинами, встречали многие петербуржцы.

20 апреля поздно вечером Суворов въехал в Петербург через воздвигнутые в его честь триумфальные ворота. Он чувствовал себя очень плохо и, не заезжая в Зимний дворец, где его ждал император, остановился у своего племянника, графа Хвостова.

— Опять глупая выходка старика! — сказал разгневанный Павел. — Извольте, князь, — обратился он к Петру Ивановичу Багратиону, — немедленно навестить Суворова, поздравьте с приездом и узнайте, настолько ли он болен, что не мог прибыть к своему государю.

Александр Васильевич лежал в постели, часто впадая в беспамятство. Доктора терли ему виски и давали нюхать разные снадобья.

Две недели Суворов боролся со смертью. По временам сознание возвращалось к нему. Он старался крепиться, вставая с постели. Однако опять наступало ухудшение. Врачи потеряли всякую надежду. 5 мая генералиссимус, чувствуя приближение смерти, призвал своего духовника и простился со всеми, кто его окружал. Ночью начался бред. Последними словами Суворова были: «Генуя... Сражение... Вперед!»

6 мая старый солдат и великий полководец перестал дышать. Видать, все силы пришлось отдать Александру Васильевичу на ожесточенные бои с французами, занимавшими неприступные позиции в Альпах, на невиданный переход через покрытые снегом вершины.

На другой день дом, где скончался Суворов, обступили толпы народа. Здесь были не только петербуржцы, но и приехавшие из других мест. Нескончаемой лентой проходили провожающие в траурную залу, к дубовому гробу Александра Васильевича.

Трое суток прощались русские люди с усопшим полководцем.

В свой последний путь Александр Васильевич вышел солнечным утром 9 мая. Впереди выступало духовенство столицы. Далеко раздавалось церковное пение. За гробом, низко склонив голову, со слезами на глазах шел поэт Державин.

Несметное множество народа шло за печальной колесницей. Позади двигались войска со знаменами, обвитыми черными лентами. Три армейских гарнизонных батальона. Гвардия не присутствовала под предлогом усталости солдат после парада.

Барабаны глухо отбивали похоронный марш. Шествие замыкали артиллерийские орудия, тяжело гроыхавшие по мостовой. Пушки везли черные лошади.

Император Павел не счел нужным проститься с народным героем. Полные воинские почести генералиссимусу при погребении не были оказаны.

Император выехал с небольшой свитой на угол Невского и Садовой, где ждал печальную процессию. Когда гроб полководца поравнялся с ним, его величество снял шляпу и сказал громко:

— Так проходит слава мира сего.

За спиной императора раздался громкий плач. Плакал генерал-майор Зайцев, участник последних походов Суворова. Все ждали грозы. Но Павел, обернувшись, похвалил Зайцева за искренность.

Наследник, великий князь Александр, сказал в этот день:

— Государю завидно было, что князь Суворов приобрел такую славу, а не он сам. От сего в нем родилась зависть и ненависть ко всем, служившим в сей знаменитой кампании.

Обряд отпевания в лавре совершал митрополит Амвросий. Отдавая последнюю честь, загремели суворовские пушки, раздались оружейные залпы.

Как того хотел Александр Васильевич, на каменной плите, покрывшей его могилу, было начертано всего три слова: «Здесь лежит Суворов».

27 мая 1800 года император Павел повелел английскому послу Чарльзу Витворту покинуть Петербург.

Император гневался все больше и больше. Вскоре по его приказу возникли две новые армии — одна в Литве и другая на Волыни. Начальниками этих армий он назначил генерала графа фон дер Палена и генерала Михаила Голенищева-Кутузова.

21 июля 1800 года англичане остановили караван датских торговых судов. Торговые суда конвоировал военный фрегат. Англичане потребовали осмотра. Капитан фрегата отказал, заявив, что на судах нет контрабанды. Получив отказ, англичане открыли по датским судам огонь, продолжавшийся двадцать пять минут.

Своему послу в Петербурге Розенкранцу датское правительство в срочном порядке предложило осведомиться, в какой степени можно рассчитывать на помощь России, если Великобритания откажется дать удовлетворение.

Посол Розенкранц, как можно предположить, получил необходимые заверения.

В это время все еще продолжалась осада Мальтийской крепости объединенными эскадрами Англии, Португалии и Неаполя. Французский генерал Вобуа укрылся в крепости Ла-Валлетте. Крепость считалась неприступной, но недостаток провианта давал себя знать. Не хватало дров для выпечки хлеба — ломали старые корабли. Когда скудного пайка осталось на восемь дней, генерал Вобуа сдал крепость.

Это произошло 5 сентября 1800 года.

Англичане, заботясь о своих выгодах, конечно, забыли договор, по которому остров Мальта возвращался Мальтийскому ордену.

Убедившись в вероломстве английского правительства, великий гроссмейстер император Павел немедленно приступил к отмщению. Он не ограничился выходом из коалиции, но образовал совместно с Пруссией, Швецией и Данией новый союз, дабы объединенными силами противоборствовать морским силам Англии.

Указом от 23 октября 1800 года он наложил арест на суда и имущество англичан.

Английские магазины в Петербурге были опечатаны, английские купцы были обязаны представить опись своего имущества и капиталов и дать ручательство в том, что до нового указа они не будут заниматься торговлей.

Английские суда, находящиеся в Кронштадте, были задержаны. Сто английских капитанов и больше тысячи матросов были вывезены из Кронштадта и разосланы по внутренним городам России.

19 ноября последовало повеление, запрещающее английским судам входить в российские порты, а 22 ноября русским гражданам повелевалось приостановить уплату долгов англичанам.

5 декабря в Портсмуте был задержан русский корабль «Благонамеренный». Английское правительство в отместку наложило арест на все русские суда, находившиеся в портах. Через несколько дней англичане стали захватывать корабли, принадлежавшие союзу четырех, где бы они ни находились. В течение нескольких недель были взяты в плен четыре сотни союзных кораблей.

Первый консул Бонапарт воспользовался созданным положением. Получив неожиданную помощь в борьбе с Англией, он вернул Павлу без выкупа заново обмундированных и вооруженных на французские средства русских пленных. Он обещал вернуть Пьемонт сардинскому королю, восстановить папу в его правах, признать за русским царем титул гроссмейстера Мальтийского ордена и право собственности на Мальту.

Предупредительность Бонапарта обольстила Павла.

Через русского посла Колычева Павел Петрович предложил первому консулу принять титул короля с правом наследовать корону, «дабы искоренить революционные начала, вооружившие против французов всю Европу». Он велел повесить в своем дворце портрет консула и публично пил вино за его здоровье. * * *

В кабинете императора находились несколько человек военных: генерал граф Ростопчин, военный губернатор граф Пален, генерал-прокурор Оболянинов и адмирал Кушелев. Управляющий делами Военной коллегии двадцатипятилетний генерал-адъютант граф Ливен был болен и находился у себя дома.

Обсуждался совершенно секретный проект императора, собиравшегося жестоко отомстить Англии за вероломство.

— Изгнать агличан из Индостана безвозвратно, — говорил император, после каждого слова пристукивая по столу. — Освободить эти прекрасные страны от агличского ига. Открыть новые пути промышленности и торговле просвещенных европейских стран, в особенности Франции. Такова цель экспедиции, достойной покрыть бессмертной славой первый год девятнадцатого столетия и главы тех правительств, которыми задумано это полезное и славное предприятие.

— Какие державы должны принять участие, ваше величество? — спросил граф Ростопчин.

— Французская республика и император российский — они отправят на берега Инда соединенную армию в семьдесят тысяч человек. Император германский пропустит французские войска через свои владения, — ответил Павел.

— Ваше величество, сколько времени должен занять поход до Индии? — задал вопрос адмирал Кушелев.

Павел заглянул в свои бумаги.

— На поход от берегов Дуная до берегов Инда французская армия употребит четыре месяца. Но я принимаю полных пять месяцев. Таким образом, если армия выступит в начале мая будущего года, они придут к месту своего назначения в конце сентября.

— Каким путем сие исполнится, ваше величество? — опять спросил Кушелев. — Только ли сушей или водой?

— Половина пути водой, половина сушей. Лошади могут быть закуплены между Доном и Волгою у казаков и калмыков, они водятся там в несметном количестве. И цена этим лошадям умереннее, нежели в другом месте.

— Причина создания великой экспедиции, ваше величество? — подал голос граф Ростопчин.

— Разве вы туги на ухо, граф? Я не знал... — вспыхнул Павел. — Мы окажем помощь народам Индии. Они стенают ныне в ужасном угнетении, злосчастии и рабстве. Мы вместе с Францией хотим освободить их от аглицкого рабства.

— А что скажут властители стран, через которые союзные армии будут следовать?

— У нас благородная цель. Наши комиссары объяснят это всем властителям. Союзная армия не будет взимать контрибуции, все потребное будет закупаться за деньги по обоюдному согласию. Их обычаи, собственность, женщины будут уважены. Несомненно, что ханы и прочие мелкие князьки беспрепятственно пропустят армию через свои владения... Впрочем, они слабы, чтобы оказать нашим армиям мало-мальски значительное сопротивление.

— Благодарю вас, ваше величество, — поклонился Ростопчин.

— Как ваше величество полагает начать движение войска? — спросил граф Пален. — В каком порядке?

— По прибытии первой французской дивизии в Астробад первая русская дивизия тронется в поход. Прочие дивизии союзной армии последуют одна за другой, на дистанции друг от друга от пяти до шести лье. Сообщение между ними будет поддерживаться отрядами казаков. — Император снова заглянул в свои записи. — Авангард будет состоять из корпуса казаков от четырех до пяти тысяч человек, смешанного с регулярной кавалерией. За корпусом последуют понтоны. Этот авангард, наводя мосты через реки, будет защищать их от нападения неприятеля и охранять армию при необходимости. Приведа все в порядок, нельзя сомневаться в успехе предприятия. Но главным образом он будет зависеть от смышленности, усердия и храбрости начальников.

— Как смотрит на предприятие Бонапарт, ваше величество? — опять спросил граф Пален.

— Федор Васильевич, прошу вас ответить, — обернулся император к Ростопчину.

— Бонапарт согласен с предприятием его величества. Возникли некоторые сомнения в безопасности следования в Черном море его армии. Не потревожит ли их аглицкий адмирал Кейт, который, узнав об экспедиции, вступит в Черное море, чтобы уничтожить...

— Если господину Кейту, — вмешался император, — будет угодно пройти через Дарданеллы и турки этому не воспротивятся, воспротивится этому император Павел, для этого у него есть средства.

— Так, ваше величество, — поклонился Ростопчин. — Бонапарт выражал сомнение в согласии султана пропустить вниз по Дунаю французскую армию. Не воспротивится ли султан ее отплытию из порта, находящегося в зависимости от империи Оттоманской?

— Чушь! — Лицо Павла побагровело. — Султан сделает все, что мне угодно. Русские морские силы заставят диван уважать мою волю.

— Замечания Бонапарта несущественны, — вздохнув, закончил Ростопчин сообщение. — Его величество совершенно прав. Единственно разумный довод французов — долгота пути, но и

это не должно служить поводом к сомнениям. Франция и русские армии жаждут славы, они храбры, терпеливы, неутомимы, их мужество и благоразумие военачальников победят любые препятствия.

— Итак, господа, надо готовить экспедицию. Прошу все продумать как возможно лучше. Через месяц я снова соберу вас и тогда строго спрошу за каждое упущение... Кому я повелел защищать Кронштадт от англичан? — закончил император, нахмутив брови.

— Контр-адмиралу Чичагову, ваше величество. Он ждет приказаний в приемной.

— Позвать.

Адмирал Кушелев вышел из кабинета и вернулся вместе с Павлом Васильевичем Чичаговым. В прошлом году адмирал Чичагов за строптивый нрав был арестован и сидел по приказу императора в Петропавловской крепости.

— Англичане хотят мне объявить войну, — сказал Павел, не предложив Чичагову кресла. — И министр Пит будет управлять войной. Но вы, адмирал, знаете, что Пит пьяница?

— Я не считаю, ваше величество, что о нем так думают, по крайней мере, в Англии. Но я слышал, что он за обедом выпивает бутылку портвейна.

— Вот видите. Он пьет бутылку портвейна, а я пью маленькую рюмку малаги, и только потому, что того требует мой желудок... И этот пьяница Пит хочет со мной воевать.

— Куда ему, ваше величество, против вас! — сказал граф Пален, со значением посмотрев на Чичагова. — После бутылки портвейна Пит целый день ходит под мухой.

— Ха-ха... Он под мухой, куда ему! — повеселел император. — А теперь, господа, я хочу сказать несколько слов о защите Кронштадта, если англичане придут к нам.

И государь предложил свой план защиты Кронштадта.

— Превосходно, ваше величество, — поддакнул императору фон дер Пален, хотя присутствующие решительно не понимали мыслей императора.

— Что же вы скажете на все это? Я вам позволяю говорить откровенно. Вы, адмирал, — обратился он к Чичагову.

Чичагов хотел объяснить настоящее положение. Кронштадт утопал в непролазной грязи. Крепостные валы представляли собой развалины, пушки со ржавчиной. Гарнизон — только подобие войска. В общем, все находилось в запущенном состоянии. Адмирал знал, что еще не приступлено к постройке морских батарей, что требовало много времени, но, по счастью, государь вышел из комнаты.

— Я немедля вернусь, господа, — сказал он. — Прошу подождать.

Пользуясь удобной минутой, граф Пален шепнул Павлу Васильевичу:

— Ради бога, мой милый адмирал, образумьтесь. Я уважаю ваше намерение, но здесь можно говорить только «да» или «очень хорошо». Иначе вы рискуете навлечь на себя новое неудовольствие, без того чтобы это к чему-нибудь послужило.

— Я вас слушаю, адмирал, — сказал император, возвратившись и сев на свой стул.

— Я ничего не могу сказать против вашего плана, ваше величество, — покривил душой Чичагов. — Думаю, что если англичане посмеют войти в залив, то никак уж не выйдут.

— Превосходно, вы можете быть свободны, адмирал... Он исправился, тюрьма принесла ему пользу, — добавил Павел, когда за Павлом Васильевичем закрылась дверь. — А теперь, господа, прошу отобедать со мной.

Император встал.

Участники секретного совещания оживились и вслед за Павлом стали выходить из кабинета.

Прошло еще несколько осенних холодных дней. В день святого архистратига Михаила, 8 ноября 1800 года, происходило торжественное освящение Михайловского замка¹⁹.

Шествие из Зимнего дворца — как витиевато свидетельствует камер-фурьерский журнал 1800 года — мимо войск, расставленных шпалерами, и при громе пушек началось в три четверти десятого часа утра. Император Павел и великие князья следовали верхом, а императрица Мария Федоровна, великие княжны и придворные дамы — в парадных каретах. По совершении обряда освящения церкви их императорское величество изволили в половине часа пополудни отсутствовать во внутренние свои покои, а их высочество, кроме одной токмо великой княжны Марии Павловны, возвратились из Михайловского замка в Зимний дворец, прочие же все разошлись по домам.

В обыкновенное время, то есть в час пополудни, их императорское величество изволили в столовой комнате кушать. Обеденный стол на восьми кувертах, а к столу приглашены: великая княжна Мария Павловна, генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов, обер-гофмаршал Нарышкин, обер-шталмейстер граф Кутайсов, генерал от кавалерии граф Пален, обер-камергер граф Строганов.

Император очень торопился переехать в Михайловский замок. Однако сырость, господствующая в комнатах, заставила его отложить переселение. Несмотря на то, что осень была сырая и холодная, император продолжал оставаться в Гатчине, надеясь прямо оттуда переехать в Михайловский замок.

В начале века русское дворянство было обеспокоено усилением пропаганды в пользу объединения православной и римской церкви.

Благожелательное отношение императора к заигрыванию католиков было на руку его противникам. Все меньше и меньше оставалось у императора Павла искренних доброжелателей и преданных ему людей. А те, кто оставался, молчали, не отваживаясь высказывать свое мнение. Император делался все нетерпимее и с ожесточением обрушивался на царедворцев, пытавшихся сказать ему правду.

«За общим ужасом, распространенным безнаказанными злоупотреблениями деспота, — писала об этом времени княгиня Екатерина Романовна Дашкова, — подорвавшим не только общественное, но и частное доверие, проследовало роковое оцепенение, угрожавшее ниспровержением основного двигателя всех добродетелей — любви к отечеству».

Император Павел был самым первым и злейшим себе врагом.

Тем временем военный губернатор граф Пален принимал свои меры. Он был один из тех, кто серьезно думал об обуздании свихнувшегося монарха. Ему нужны были помощники, на которых он мог положиться. Кроме братьев Зубовых, граф Пален пожелал увидеть в Петербурге генерала Бенигсена, своего давнего знакомого, и еще некоторых офицеров, уволенных от службы.

«Я решил воспользоваться одной из светлых минут императора, — рассказывал впоследствии Пален, — когда ему можно было говорить что угодно... Я описал тяжелое положение этих несчастных, выгнанных из полков и высланных из столиц и которые, видя

карьеру свою погубленную, а жизнь испорченную, умирают с горя и нужды за поступки легкие и простительные... Я знал порывистость Павла во всех делах, я надеялся заставить сделать его тотчас то, что я представил ему под видом великодушия: я бросился к его ногам. Два часа спустя после нашего разговора двадцать курьеров уже скакали во все части империи, чтобы вернуть назад в Петербург всех сосланных и исключенных из службы. Указ, дарующий им помилование, был продиктован мне самим императором».

Таким образом, благодаря мероприятиям графа Палена в ноябре и начале декабря в Петербурге очутились не только братья Зубовы и Бенигсен, но и многие другие лица, полезные военному губернатору.

И сватовство Платона Зубова сыграло свою роль. Мадам Жеребцова уверила графа Кутайсова, будто братец, князь Платон Зубов, скучает холостой жизнью и что дочь графа могла бы сделать его счастливым. Надменный и тщеславный Кутайсов поверил и немедленно начал действовать в пользу Зубовых.

23 ноября князь Платон Зубов был назначен директором сухопутного кадетского корпуса. Валерьян Александрович Зубов занял место директора второго кадетского корпуса. Граф Николай Александрович был назначен шефом Сумского гусарского полка и снова появился при дворе.

«Тогда я обеспечил себе два важных пункта: 1) заполучить Бенигсена и Зубовых, необходимых мне, и 2) еще усилить общее ожесточение против императора, — рассказывал граф фон дер Пален, — я изучил его нетерпеливый нрав, быстрые переходы его от одного чувства к другому, от одного намерения к другому, совершенно противоположному. Я был уверен, что первые из вернувшихся офицеров будут приняты хорошо, но что скоро они надоедят ему, а также и следующие за ними. Случилось то, что я предвидел: ежедневно сыпались в Петербург сотни этих несчастных, каждое утро подавали императору донесения с застав. Вскоре ему опротивела эта толпа прибывающих, он перестал принимать их, затем стал просто гнать и нажил себе, таким образом, непримиримых врагов в лице этих несчастных, снова лишенных всякой надежды и осужденных умирать с голоду у самых ворот Петербурга».

15 ноября граф Никита Панин был уволен с должности вице-канцлера и назначен сенатором в Петербурге, а 15 декабря он был совершенно отставлен от службы и ему повелено было отправиться в деревню. Всего год продержался Никита Петрович в коллегии иностранных дел. Об его увольнении ходило в столице много разных слухов. Говорили, будто он нагрубил императору, отрицал правильность его политики, многие склонились к тому, что Панина убрал со своего пути граф Ростопчин.

На вечерах мадам Жеребцовой по-прежнему собирались офицеры и штатские. Беседы о безумствах императора сделались излюбленной и постоянной темой. Ее дом часто посещала гвардейская молодежь, оттертая на задний план гатчинцами.

Если бы Павел знал, о чем говорят на вечерах у Жеребцовой, он, несомненно, прекратил бы эти сборища. Но губернатор Пален был частым гостем дома Жеребцовой и задерживал все доклады, направленные против нее.

В конце декабря Михаил Матвеевич снова был в Петербурге. Теперь он приехал со всем семейством и расположился в большом удобном доме на Миллионной улице, купленном для него Резановым. Дом был старый, еще петровской постройки, но после ремонта выглядел превосходно.

Михаил Матвеевич занял бельэтаж, на нижнем этаже разместилась контора.

Мостовая Миллионной несколько раз перекадывалась, и от этого уровень улицы возрос.

Чтобы попасть в контору, надо было спуститься по деревянной лестнице на пять ступеней.

В результате неустанных хлопот обер-прокурора Резанова император Павел в октябре 1800 года повелел перевести правление Российско-Американской компании из Иркутска в Петербург. В Иркутске оставлена лишь главная контора, ее предписания были обязательны остальным подчиненным ей местам.

На встречу Нового года Михаил Матвеевич пригласил только своих. Пришел Иван Шелихов, Евстрат Деларов и, конечно, Николай Петрович Резанов. С разрешения хозяина Резанов привел с собой морского офицера Юрия Федоровича Лисянского. Совсем еще молодой, ему исполнилось 27 лет, Лисянский произвел хорошее впечатление на «протектора» Российско-Американской компании, и Резанов захотел познакомиться с ним поближе.

Михаил Матвеевич пригласил гостей в свой кабинет. Он был в мундире коллежского советника и при шпаге, пожалованной ему императором в прошлый приезд.

Резанов представил флотского офицера Лисянского собравшимся.

— Главный директор, наш уважаемый хозяин, а это офицер российского флота Юрий Федорович Лисянский.

— Наслышан о вас, Юрий Федорович. — Булдаков потряс руку Лисянского. — Рад видеть.

Лисянский был среднего роста и рядом с огромным, как медведь, хозяином казался мальчиком.

— Директор Иван Петрович Шелихов, двоюродный брат нашего знаменитого Шелихова. Прошу вас, Юрий Федорович, — продолжал Резанов. — А это другой директор — Евстрат Иванович Деларов. Тоже побывал в Русской Америке, управлял делами на Кадьяке.

Лисянский был очень доволен новым знакомством. Он отказался от заманчивых предложений встретить Новый год в аристократическом обществе, где должны были присутствовать очень знатные вельможи. Юрий Федорович заинтересовался деятельностью Российско-Американской компании и, не задумываясь, при первом знакомстве предложил свои услуги Резанову.

— Неужто, ваше благородие Юрий Федорович, мы с агличанами воевать будем? Аглицких купцов крепко поприжали в нашем городе.

Булдаков уставил свои голубые выпуклые глаза на Лисянского.

Моряк помедлил, подымил трубкой.

— Дело идет к тому. Его императорское величество повелел флоту приготовиться.

— А по какой причине, позвольте спросить?

— Агличане захватывают наши корабли и корабли союзников, мешают торговле.

— А у нас в купечестве слух прошел, будто агличане остров какой-то у нашего императора отняли, оттого и война.

— Может быть, и так, — согласился Лисянский.

— Нам, купцам-акционерам, война вовсе ни к чему, — вступил в разговор Иван Петрович Шелихов. — Аглицкие корабли в Америке по нашему промыслу ударят. И без войны от них неприятностей много.

— Скажите, Юрий Федорович, могут ли агличане ущерб нашим владениям нанести? — спросил Резанов.

— Прежде я хочу знать, есть ли корабли у компании и как они вооружены.

— Корабли плохие, вооружены слабо, — сказал Деларов. — Нашими кораблями от аглицких не отобьешься.

— А крепости на берегу есть ли?

— Крепости есть во всех местах, где живут русские.

— Это хорошо. Агличане не мастера крепости брать.

— Они могут вооружить индейцев, американских жителей.

— Да, агличане любят воевать чужими руками.

— Мы письмо главному правителю написали, упредили, чтобы поостерегся... Скажите, Юрий Федорович, вы агличан хорошо знаете, каковы их моряки в деле? У нас многие говорят: на море русским против них не выстоять.

— Сражаться агличане умеют, своими глазами видел. Однако русские им не уступят. Последние подвиги эскадры адмирала Ушакова о том говорят... Эх, дали бы мне хороший корабль, пошел бы я к вашим владениям и показал бы, каковы русские на море. Руки чешутся.

Компаньоны переглянулись.

— Правление подумает о вашем предложении, — сказал Николай Петрович. — Защита американских владений — важное дело. Но главное для нас — коммерция. Мы хотим перевозить из Петербурга в колонии нужные нам товары морским путем. Это увеличит доходы.

— Но ведь мы можем совместить и то и другое. Один и тот же корабль может стрелять и перевозить грузы. — На этот раз Лисянский ответил залпом, не растягивая слова, как это он делал всегда.

— Ваши соображения мне нравятся больше, нежели соображения Ивана Федоровича Крузенштерна, — заметил Резанов. — Он думает только о кругосветном плавании, а на наши купеческие дела ему наплевать. Вы знаете Крузенштерна, дорогой Юрий Федорович?

— Как же, вместе учились. Вместе кончали кадетский корпус. Вместе начинали службу.

— Каков он моряк, Юрий Федорович?

— Моряк превосходный. Однако пропитан немецким и аглицким духом. Как-то мы разговаривали с ним о наших колониях в Америке. Он сказал, что считает их ненужной затеей. Сказал, что русские никогда не смогут подчинить себе индейцев...

— Н-да... — протянул Булдаков. — Печально. Если наши труды в Америке ненужная затея, то зачем нужны кругосветные плавания?

— В этом вы неправы, господин Булдаков, — сказал Лисянский. — Кругосветные плавания для русского моряка очень много значат. Они утверждают достоинство нашего флота, откроют новые кругозоры и в конце концов послужат на пользу русской торговле. Что же касается наших владений в Америке, я не согласен с Крузенштерном.

— Но тогда почему военные моряки до сих пор не бывали в таких плаваниях?

— Видно, не было причин, — помедлил с ответом Лисянский. — А без причины Адмиралтейство не раскошелится, слишком дорого.

— Выходит, снаряжение морской экспедиции выгодно всем, — подытожил Резанов, — а главное, полезно России. Наша встреча, несомненно, будет плодотворной, Юрий Федорович. Мы, собственно говоря, начали переговоры с одним моряком, Макмейстером. Он бывалый шкипер, знаком с плаванием по восточному океану и согласен работать у нас в Америке.

— Агличанин?

— Да, но несколько лет работает в России.

— Я должен сказать, господа, что выбор ваш неудачен, агличане косо смотрят на наши американские владения и считают, что они должны принадлежать Великобритании. В Лондоне тщательно собирают все, что относится к Русской Америке, и я уверен, что Макмейстер не откажет своим соотечественникам в подробной информации. Вы меня поняли, господа?

Компаньоны снова переглянулись. В ответ на пристальный взгляд Резанова директор Булдаков слегка наклонил голову.

— Мы согласны, Юрий Федорович. Приглашать Макмейстера нам не с руки. Компания купит хороший корабль, отправит его в кругосветное плавание с грузом необходимых товаров на остров Кадьяк. Мы рассчитываем на вас, Юрий Федорович. Вы согласны командовать нашим кораблем?

Лисянский едва сдержал радостное волнение.

— Согласен, господа, спасибо за доверие. — Лисянский встал и склонил голову.

— Ну, тогда по рукам. — Булдаков протянул свою огромную ладонь.

Поздравили Лисянского и остальные компаньоны.

Когда уселись, беседа возобновилась. Теперь она стала более откровенной. На вопросы Юрия Федоровича главный директор едва успевал отвечать.

— Я с большой охотой пойду в такую экспедицию, — еще раз сказал Лисянский, получив самые исчерпывающие объяснения. — Но... — он запнулся.

— Что вы хотите сказать, Юрий Федорович?

— Я не могу назвать ни одного корабля в Балтийском флоте, на котором бы решился выйти в кругосветное плавание.

Шелихов и Булдаков с удивлением переглянулись.

— Но почему, объясните нам, Юрий Федорович. Мне часто попадаются на глаза военные суда²⁰ в Кронштадте и на Неве. Они производят грозное впечатление.

— Да, выглядят они грозно, и пушек много. Но сделаны очень плохо. — Лисянский махнул рукой. — Наши кораблестроители строят флот из сырого леса. А это большое зло. Бывает, что корабельные члены скрепляют не сквозными болтами, а гвоздями, и даже деревянными. В шторм обшивные доски расходятся, и опасная течь в корпусе считается обычным делом... Стыдно сказать, но на нашем флоте все еще для защиты судов от морских червей и от

обрастания подводную часть обкладывают слоем шерсти и по ней обшивают дюймовыми досками. Позвольте заметить, что скорость от этого резко падает.

— А как надо делать? — спросил Булдаков.

— Агличане обшивают борта листовой медью. На кораблях, — горячился Лисянский, — плохие якорные канаты, плохой такелаж и паруса.

— Юрий Федорович, но как сопоставить то, что вы говорите, с блестящими победами нашего флота в Средиземном море? — спросил хозяин. — Адмирал Ушаков разгромил французов, моряки показали примеры бесстрашия...

— Разве я чем-нибудь хочу опорочить славу русских моряков? Нет, я глубоко чту их подвиги. Трудно найти во всем мире более ловкого, смелого и сообразительного матроса, чем русский матрос. Но корабли построены плохо, и порядка нет. Да и не может быть иначе при негодном начальстве, когда флотом командуют бездарные иностранцы.

— В Петербурге был слух, — сказал Николай Петрович, — что в прошлом году много наших военных кораблей пришли в совершенную негодность на пути в Англию.

— Это правда, флот требует твердой, но дружеской опеки, — продолжал горячиться Лисянский. — Нужна перестройка Адмиралтейства. Беспорядки в управлении — главное зло. Я поражаюсь, почему печальное положение флота скрывают от императора.

— Это не совсем правильно, Юрий Федорович, — вмешался Резанов. — В прошлом году мне попался указ Павла Петровича. Запомнил его наизусть. «С восшествием нашим на прародительский престол приняли мы флот в таком ветхом состоянии, что корабли, составляющие оный, большей частью оказывались по гнилости своей на службу неспособными». Видите, многое все же известно.

— Известно?! Но почему же все остается по-прежнему, дорогой Николай Петрович? На наших кораблях продолжают класть кирпичные печи, тогда как железные камбузы давно ставят на аглицких кораблях. На наших якорях невозможно спокойно стоять даже на закрытых рейдах. Они неудобны и легковесны...

— И я слышал о недавних кораблекрушениях на Балтийском море, — вставил Михаил Матвеевич.

— Вы не знаете подробностей. Мне стыдно говорить. Они ужасны...

— Мы знаем и о хищениях на флоте, Юрий Федорович, — потирая виски, произнес Резанов. — Некоторые командиры злоупотребляют своим положением и часто прикарманивают даже кормовые деньги. За счет матросского желудка офицеры строят себе дома и наживают капиталы. Матросы, словно крепостные, работают в домах и огородах у командиров... А нравы господ офицеров — страшная грубость, кулачная расправа на судах...

— Тяжело признаться, но во многом вы правы.

— Но почему флот в таком состоянии? Американские колонии требуют много хороших судов и опытных моряков. Иначе нам не удержать Америки... — Лицо Резанова порозовело от возбуждения.

— Вы спрашиваете почему? — Лисянский минуту подумал. — Не стало великого основателя русского военно-морского флота Петра Первого, а еще потому, что русским морякам не было необходимости в дальних плаваниях. Балтийское и Черное моря — вот их удел. Совсем недавно вышли в Средиземное... Однако отставание нашего флота от флотов иноземных по кораблестроению и навигационным наукам не мешало ему одерживать многочисленные и

славные победы. Но и люди содержатся плохо. Разве можно смириться с ужасающей смертностью нижних чинов?

— Боже мой, — сказал Резанов, — но почему умирают люди?

— Затхлый, испорченный воздух в помещениях. Вечно сырая одежда и, особенно, перепревшие от сырости полушубки. Вы когда-нибудь были в помещениях служителей? В нижних палубах зловоние. Пресная вода хранится в деревянных бочках, после небольшого плавания портится. Провизия, выдаваемая на руки служителям, усиливает сырость воздуха...

— Это ужасно, Юрий Федорович! — воскликнул Резанов. — На наших кораблях, построенных в Охотске и на Аляске, мы не знаем такой смертности.

— Мне часто приходится слышать, что России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, — продолжал горячиться Лисянский. — Могущество и сила нашей державы токмо в сухопутных войсках. И это говорят высокие вельможи. Ежели так, то и кругосветное плавание не нужно вовсе...

— Господа! — обратился Резанов к собравшимся директорам компании. — Выходит, что наша Америка послужит на пользу и военному флоту. Но что же делать, ежели в Петербурге не купишь хорошего судна?

— Надо купить в Англии, — сказал Лисянский.

— Компания не пожалеет денег на покупку судна, годного для океанского плавания. В большом деле скупиться нечего... Господа, — посмотрев на часы, продолжал Булдаков. — Приглашаю вас к новогоднему столу. До двенадцати осталось совсем немного времени.

Глава двенадцатая. КЛЮЧИ ОТ ЗАКОЛДОВАННОГО ЗАМКА

Императору Павлу. Девятое декабря 1800 года.

Я желаю видеть скорый и неизменный союз двух могущественнейших наций в мире, ибо когда Англия, император Германии и все другие державы убедятся, что как воля, так и руки наших двух великих наций стремятся к достижению одной цели, оружие выпадет у них из рук, а современное поколение будет благословлять ваше императорское величество, как избавителя от ужасов войны и раздоров партий.

Б о н а п а р т

2 января 1801 года. Первому консулу Бонапарту.

Несомненно, что две великие державы, вошедшие в соглашение между собой, повлияют на остальную Европу самым положительным образом, и я готов это исполнить.

П а в е л

Во имя сближения с первым консулом Бонапартом император Павел пожертвовал своими прежними убеждениями. В январе 1801 года, несмотря на сильные морозы, Людовик XVIII в срочном порядке был выдворен из Митавы. Годовая пенсия в сумме двухсот тысяч рублей,

назначенная ему императором несколько лет назад, когда он считал, что призван восстанавливать троны и алтари, разрушенные французской революцией, прекращена.

Император Павел продолжал деятельно заниматься секретной экспедицией в Индию. 12 января он отправил к атаману Войска Донского генералу от кавалерии Орлову-первому собственноручное письмо. «Англичане приготовляются сделать нападение, — писал император, — флотом и войском на меня и на союзников моих — шведов и датчан; я готов их принять, но нужно англичан атаковать и там, где удар может быть чувствительнее и где они меньше ожидают. От нас ходу до Индии от Оренбурга месяца три, да от вас туда месяц, итого — четыре. Поручаю всю сию экспедицию вам и войску вашему, Василий Петрович. Соберитесь вы с оным и выступите в поход к Оренбургу, откуда любую из трех дорог или всея пойдете с артиллерией, прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения аглицкие, на ней лежащие. Их войска того края, такового же рода, как и ваше, так, имея артиллерию, вы имеете полный авантаж. Приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги, все богатство Индии будет нам наградою за сию экспедицию. Соберите войско к задним станицам и тогда, уведомив меня, ожидайте повеления идти. У Оренбурга, куда пришед, опять ожидайте другого — идти дальше. Такое предприятие увенчает вас всех славой, заслужит, по мере услуг, мое особенное благоволение, приобретет богатства и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько у меня их есть. Бог вас благословит. Есмь вам благосклонный Павел».

Поход в Индию казачьего войска без предварительной подготовки был весьма сложным и трудным делом. Император Павел рисковал. Однако выигрыш не исключался, и поход мог завершиться блестящей победой. Политическая обстановка в Индии не благоприятствовала англичанам, и если бы русским удалось достигнуть индийских пределов, то англичане могли лишиться всех своих тамошних завоеваний.

Несмотря на секретность индийского похода, слухи о каких-то военных мероприятиях русского правительства, несомненно, достигали Лондона.

1 февраля, в пятницу, император Павел вместе с семейством переселился в замок архистратига Михаила. Несмотря на все принятые меры, пребывание в новопостроенном замке не было безопасным для здоровья. Повсюду в помещениях были заметны следы сырости. Печи не могли нагреть и осушить воздух. Бархат, которым были обиты стены в некоторых комнатах, стал покрываться плесенью. Хотя в большой зале замка постоянно поддерживался огонь в двух больших каминах, во всех углах ее образовался сверху донизу слой льда. Густой туман наполнил все помещения, разрушая живопись и портя мебель.

Но Павел не замечал ни льда, ни сырости, ни зловещего тумана. Он часами расхаживал по замку, переходя из одной комнаты в другую, рассматривая картины и скульптуры, притрагиваясь, гладил, похлопывал ладонью.

Замок представлял собой совершенно правильный квадрат, окруженный со всех сторон рвами с гранитными берегами. Вода поступала в них из Фонтанки. Через рвы переброшены в разных местах пять подъемных мостов.

Итак, император Павел укрылся от своих подданных за крепкими стенами и рвами, наполненными водой. На стенах замка стояли двадцать новых бронзовых пушек двенадцатифунтового калибра.

Придворные, запертые в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости, влачили скучное и однообразное существование.

Княгиня Гагарина-Лопухина оставила дом своего мужа и расположилась в новом дворце. Ее хоромы находились под кабинетом императора, из которого в комнаты Гагариной вела

особая лестница. Пользуясь этой лестницей, император мог попасть и в комнаты своего любимца графа Кутайсова.

Император, поселив Анну Петровну в замке, уже не выезжал, как это было раньше, в коляске шестериком. Даже верховые поездки императора ограничивались летним садом, куда, кроме императора и самых ближайших лиц свиты, никто не допускался.

В день переезда императора в Михайловский замок не было сугубо обязательного вахт-парада. Государь поутру в семь часов в сопровождении обер-шталмейстера графа Кутайсова прибыл из Зимнего дворца в замок.

Как сказано в камер-фурьерском журнале, обед был в обычное время. К обеденному столу были приглашены: обер-камергер граф Строганов, генерал от инфантерии Кутузов, обер-гофмаршал Нарышкин, обер-шталмейстер граф Кутайсов, адмирал граф Кушелев, действительный статский советник князь Куракин.

Вечером в театре Михайловского замка состоялось первое театральное представление: играны были французскими актерами две оперы: «Ревнивый любовник» и «Жених».

2 февраля в замке был устроен маскарад для дворянства и купечества. На маскарад явилось 2837 масок.

Но праздник носил мрачный оттенок. В замке господствовала сырость. В комнатах во время маскарада образовался густой туман, и, несмотря на тысячи горевших восковых свечей, повсюду господствовал полумрак.

Наследник Александр Павлович занял комнаты в нижнем этаже — там было самое сырое помещение замка. Его положение с каждым днем становилось все затруднительнее. Недоверие императора принимало более резкие формы. Он возмущался свободомыслием своего старшего сына и видел в нем противника своих политических взглядов. Отец и сын перестали понимать друг друга.

Если Александр, до того как его отец стал императором, утверждал в разговоре с друзьями, что наследственный престол — установление несправедливое и нелепое и что верховная власть должна быть дарована не случайностью рождения, а голосом народа, который сумеет избрать способного правителя, то после воцарения на престол Павла, казалось, еще больше утвердился в своих взглядах.

Павел много знал о воззрениях сына и о многом догадывался.

В Петербурге шумела февральская пурга. Она завалила глубокими сугробами улицы и площади. С четырех часов утра из тюрем выгоняли арестантов, и они лопатами разгребали занесенный снегом город.

Император допоздна засиживался за письменным столом. Не желая посвящать в секретный план индийского похода лишних людей, он многие вопросы решал самостоятельно.

Сегодня он написал генералу Орлову еще одно письмо, разъясняющее его взгляды на будущее завоеванной Индии:

«Индия, куда вы направляетесь, управляется одним главным владетелем и многими малыми. Агличане имеют у них свои заведения, приобретенные или деньгами или оружием, то и цель все сие разорить и угнетенных владетелей освободить и ласкою привести России в ту же зависимость, в какой она у агличан, и торг обратить к нам. Сие вам в исполнение поручая, пребываю вам благосклонный. Павел».

В конце февраля генерал Орлов донес императору, что все полки выступили в поход. В

полках насчитывалось 22 507 человек при двенадцати единорогах и двенадцати пушках. А лошадей взято сорок одна тысяча.

Все полки разделены на четыре заслона. Первым командовал генерал-майор Платов, освобожденный для предстоящего похода в Индию из Петропавловской крепости.

28 февраля генерал Орлов получил рескрипт, в котором государь объявлял войску благоволение за готовность и исправность к выступлению. Вместе с тем его величество желал счастливого похода и успеха.

28 февраля 1801 года сильная эскадра под командованием адмиралов Паркера и Нельсона вышла из английского порта Ярмута в Балтийское море. Лорд Нельсон горел желанием наказать Швецию и Данию и уничтожить русский флот, зимовавший в Ревеле. Англия не без основания боялась лиги северных держав и принимала свои меры.

В феврале же месяце неожиданно появился указ все милостивейше уволить от всех дел действительного тайного советника Ростопчина. В тот же день князю Александру Борисовичу Куракину повелено было вступить в должность по званию вице-канцлера, а графу Палену присутствовать в коллегии иностранных дел и в «совете нашем».

Кроме того, графу Палену поручено начальствовать и над почтовой частью. Таким образом, все нити государственного правления оказались в руках военного губернатора.

Тайная экспедиция была загружена всякого рода делами, и подозреваемых в преступных умыслах подвергали допросам и пыткам. Строгость полиции была удвоена. Генерал-прокурор Оболянинов был главным начальником над тайной экспедицией. Столица приняла особенный вид. В девять часов вечера, после пробития зори, по большим улицам перекладывались рогатки и пропускались только врачи и повивальные бабки. Эти меры вызывали у петербуржцев уныние и беспокойство.

Граф Пален был буквально осыпан царскими милостями и все же, не задумываясь, возглавил заговор. Он не рассчитывал на прочность своего положения. Каждый день могла обрушиться на него немилость императора. Он мог быть разжалован и сослан в Сибирь. Каждая ночь проходила в тревоге. Он знал, что завистники, окружавшие императора, без устали чернили его клеветой. Поэтому, несмотря на высокую должность и награды, граф Пален не чувствовал себя твердо и должен был беспокоиться о своей безопасности.

В таком же положении находились и многие гвардейские офицеры и крупные сановники столицы. Всякий вельможа в любой день мог быть сослан в Сибирь или награжден высшим орденом, мог получить в подарок несколько тысяч крепостных или лишиться всего имущества. Заговор против императора вырос на благоприятной почве. Многие догадывались о его существовании, но не доносили о своих подозрениях. А если и находились желающие выслужиться, то их доносам не давал хода генерал-губернатор граф Пален, которому подчинялась полиция.

В четверг, 7 марта, у госпожи Жеребцовой опять собрались гости. На этот раз гостей было четверо. Граф Петр Алексеевич Пален, командир Преображенского полка Степан Александрович Талызин, генерал-адъютант Уваров и Платон Александрович Зубов. Разговор был серьезный.

— В прошлый раз мы были слишком откровенны, — говорил Пален. — Людей собралось много, и нашелся предатель. Он написал письмо императору. Я перехватил это письмо. Но не исключено, что император все равно узнает о заговоре. Надо решать. Ваше слово, Степан Александрович.

Талызин потрогал себя за воротник. Вынул табакерку, постучал по ней пальцами.

— Я не вижу препятствия, Петр Алексеевич. Депрерадович ручается за Семеновский полк. Верный и преданный императору генерал Кологривов будет обезврежен. И гусар нам нечего бояться.

— Мои офицеры не заступятся за императора, — сказал генерал Уваров. — Но вот в чем загвоздка: полк конной гвардии генерала Тормосова настроен верноподданнически. Особенно опасен для нас полковник Саблуков.

— Странно, — сказал Талызин. — Его отец, вице-президент мануфактур-коллегии, был тяжело оскорблен императором. Саблукова-отца, больного, буквально выдворили из Петербурга.

— Помню, помню... — закивал головой граф Пален. — Сын был оскорблен страшно. И все же я его опасуюсь больше, чем всех офицеров гарнизона. Он считает личность помазанника божьего и самодержца неприкосновенной. Особенно полковник Саблуков опасен, если его эскадрон будет нести дворцовый караул.

— Что же делать?

— Я обезврежу его, — решился граф Пален. — Я знаю, как это сделать.

— Станный человек этот полковник Саблуков, — сказал Платон Зубов. — Я несколько раз пытался намекнуть ему насчет наших дел, но всякий раз он уходил от прямого ответа.

— Господа, довольно о Саблукове. Мы принимаем решение предъявить наши требования императору ровно в полночь на двенадцатое марта. Так я вас понял? — сказал, как всегда добродушно улыбаясь, граф Пален.

— Да.

— Все согласны?

— Все, отступить поздно и очень опасно, — сказал Талызин.

— Итак, в двенадцать ночи князь Платон Александрович предложит императору отречение. Будем надеяться, что он примет наше предложение. Собираемся в квартире у генерала Талызина в Зимнем и в двенадцатом часу выступим. В день выступления мы пробьем в полках зорю на четверть часа раньше. Это будет сигналом.

— Я боюсь за вас, господа, — вступила в разговор молчавшая хозяйка. — Чем это все закончится?

— Ольга Александровна, — целуя у нее руки, сказал граф Пален, — я советую вам выехать из Петербурга. Мало ли как все может обернуться? Зачем вам рисковать?

— Куда выехать, Петр Алексеевич?

— За границу. В Берлин, например. Завтра утром в одиннадцать вам будет готов паспорт. Увидите нашего дорогого Чарльза Витворта. Мы все так скучаем без него.

Мадам Жеребцовой предложение понравилось. Особенно ее привлекла возможность встречи со своим другом Чарльзом Витвортом. Ольга Александровна любила англичанина серьезно, всей душой. Больше десяти лет продолжалась их дружба. Когда они познакомились, дипломату было двадцать восемь, ей — двадцать пять лет... И вот теперь через разных лиц Ольга Александровна прослышала о черной измене своего друга. Говорили, что он женится и выбор его пал на герцогиню Дорсет.

Госпожа Жеребцова решила ехать. Конечно, обезопасить себя от всех случайностей — дело хорошее, но главным все же был Витворт. Что же касается графа Палена, то, предлагая госпоже Жеребцовой выезд за границу, он заботился больше о себе. Мало ли как повернутся события? И такой свидетель и соучастник, как Ольга Александровна, может сделаться опасным.

— Благодарю вас, Петр Алексеевич, я выеду завтра же.

— Отлично, рад за вас.

Граф Пален хотел не только отстранить от престола императора Павла, но и ограничить монархическую власть в России, и сегодня он решил посоветоваться с генералом Талызиным.

— Степан Александрович, — сказал губернатор, выбрав удобный момент. — Не кажется ли вам достойным, после того как мы уберем Павла, ограничить власть Александра и остальных русских императоров?

— Как это можно сделать? — насторожился Талызин. — Не вижу способа.

— Очень просто. Перед присягой я предъявлю Александру конституционный акт. Он будет напуган событиями и подпишет. Мне кажется, что аглицкий способ правления — самый лучший: там король и парламент.

— Но это революция, а я убежденный монархист и считаю, Петр Алексеевич, что могущество России держится на самодержавной власти... Прошу вас не забывать: я против сумасшедшего тирана, но за монархию. Она священна для меня.

Генерал Талызин разволновался.

— Я хотел знать ваше мнение, Степан Александрович, только и всего, — поспешил успокоить его губернатор.

Однако генерал Талызин его не убедил, а только заставил скрывать свои мысли.

В этот вечер последний раз пили в доме госпожи Жеребцовой за удачу заговора. Разошлись после полуночи. * * *

Девятого марта в 10 часов 27 минут поутру солнце вступило в знак Овцы и по всему земному шару день стал равен ночи.

Утром 10 марта 1801 года настроение императора омрачилось анонимным письмом. Письмо принес ему граф Кутайсов.

— Откуда письмо? — спросил император, впившись в ровные строчки, написанные разборчивым почерком.

— Нашел у себя в комнате, ваше величество.

— Здесь, в замке?

— Нет. В доме на Набережной.

Письмо было коротким и состояло из списка лиц, участвующих в заговоре на жизнь его императорского величества. Перечислено два десятка знатных персон, играющих немалую роль при дворе и в государстве.

— Граф Пален заговорщик?!

— Так точно, ваше величество, в письме указано.

— Нет, наверное, я сойду с ума. Но что нам делать?

В продолжение всего царствования истории всех царей, низложенных с престола или убитых, неотступно преследовали императора, точно привидения. Страх сбивал его с ума, затемнял рассудок.

— Надо призвать генерала Аракчеева, назначить его военным губернатором Петербурга, выслать графа Палена, — быстро сказал Кутайсов.

Павел внимательно посмотрел на своего любимца.

— А ты... Тебя нет в заговорщиках?

— Ваше величество... — Кутайсов упал на колени и стал слюнявить толстыми губами царские башмаки.

— Верю, верю, ты мне не изменишь... Пошли верного человека к Алексею Андреевичу.

Павел сел за стол, обмакнул перо в чернильницу: «Немедленно явиться. Павел».

— Немедленно, — повторил император. Он вложил записку в конверт, запечатал. — Пусть скачет во весь дух.

Кутайсов мгновенно исчез из кабинета.

Чтобы успокоиться, император стал вышагивать из одного угла комнаты в другой. Тяжелый ковер скрадывал шаги. Знакомая обстановка, где каждая мелочь сделана по его указанию, недавно так радовавшая, сейчас потеряла всю свою привлекательность.

Собственно говоря, эта комната называлась спальней. Но император проводил в ней дневное время. Стены спальни были выложены деревом, окрашенным в белый цвет.

По стенам картины знаменитых художников. За простыми ширмами стояла маленькая походная кровать без занавесок. Над кроватью всегда висели шпага, шарф и трость. Еще выше над ней парил ангел работы Гвидо Рени. На противоположной стене помещалась картина, где цветными красками были изображены все формы обмундирования русской армии.

Бюро, на котором писал Павел Петрович, было тонкой работы. Императрица Мария Федоровна трудилась над ним несколько лет, чтобы искусной резьбой порадовать мужа.

Походив взад-вперед по комнате, император успокоился. Его утешало, что сейчас нарочный скачет к генералу Аракчееву. Он не сомневался, что Алексей Андреевич, получив записку, не задержится ни на минуту. Павел опустил в кресло, откинулся на спинку и, закрыв глаза, долго сидел не шевелясь. Он представил себе высокого молодого человека, удивительно похожего на большую обезьяну в мундире. Аракчеев был худощав, сутуловат, с длинной жилистой шеей, с маленькой головой и толстыми ушами. Да, не красавец был Алексей Андреевич Аракчеев, зато преданный.

В тот же день военный губернатор фон дер Пален узнал о тайном гонце императора. На его столе лежала копия царской записки к Аракчееву. Граф понял: Павел знает о заговоре.

Утром в понедельник 11 марта император проснулся в хорошем настроении. Он решил, что сегодня обязательно получит депешу от генерала Орлова, и стал снова изучать маршрут на Индию.

В семь часов граф Пален вошел в кабинет императора.

— В столице все благополучно, ваше величество...

— Подождите... — Павел с озабоченным видом подошел к двери и запер ее на ключ. Повернулся к графу и долго смотрел на него.

Сердце военного губернатора сжалось.

— Граф Пален, вы были в Петербурге в 1762 году?

— Да, ваше величество. Но что вам угодно сказать?

— Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола?

— Ваше величество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом. Я был очень молод и служил в низших офицерских чинах. Я не подозревал, что происходит, ваше величество. Но почему вы задаете мне этот вопрос?

— Почему? Потому, что хотят повторить 1762 год.

— Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

— Что вы говорите? Вы участвуете в заговоре? — Император тяжело уставился на графа. — Смотрите на меня.

— Сущую правду, ваше величество, — не отводя глаз, ответил Пален.

— Меня хотят убить?

— Так точно, ваше величество.

— Знаете?!

— Знаю, ваше величество.

— Но почему... — Император притопнул ногой. Его лицо сделалось пунцовым. — Почему я не от вас узнал о заговоре?!

— Ваше величество, если генерал-губернатор знает о заговоре, вам беспокоиться нечего. Ваша священная особа охраняется денно и нощно. Еще два-три дня, и все нити будут в моих руках. Вот тогда вы узнали бы все... Я осведомлен, что вы, ваше величество, получили анонимное письмо. Но поверьте, заговорщиков в два раза больше.

— Кто? Скажите, кто?

— Ваше величество, еще два дня прошу вашего терпения. Я должен знать наверное... Но измена гнездится и здесь, во дворце, — добавил многозначительно граф Пален.

— Чего хотят заговорщики? Это-то вы мне можете сказать?

— Ограничения самодержавия или отречения от престола, государь.

— А если я не соглашусь?

— Тогда... тогда смерть, ваше величество.

— А мои сыновья: Александр, Константин... Что думают они?

Военный Губернатор потупил взор.

— Отвечайте, — прикрикнул император.

— Они молчат, ваше величество.

Щеки императора дернулись, весь он напрягся, казалось, что он вот-вот бросится на генерал-губернатора.

— Не угодно ли стакан лафиту, ваше величество?

— Что, что вы сказали, граф?

— Скверная привычка предлагать лафит, когда трудно сказать что-нибудь другое... Прошу прощения, ваше величество.

Император долго молчал. Он верил и не верил фон дер Палену. Но мысль, что граф признал себя в числе заговорщиков, успокаивала императора. Но главное, он надеялся на Аракчеева и ждал его с нетерпением. По расчетам Павла он должен был быть во дворце этим вечером. Но сыновья! Неужели они тоже против него?

— Каковы намерения императрицы? Скажите мне правду, граф.

— Каковы бы ни были ее намерения, она не обладает ни умом, ни гениальностью вашей матери. У нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было семь лет, ваше величество.

Ответ Палена, казалось, был неопределенным, но император понял.

— Я вынужден просить подписи вашего величества под этим документом, — граф Пален вынул из кармана сложенную вчетверо бумагу и развернул ее. — Мне тяжело говорить, но безопасность вашего величества для меня превыше всего.

В руках Палена был указ об аресте членов царской семьи.

Император быстро пробежал глазами по строчкам.

— Наследника — в Шлиссельбург, великого князя Константина — в крепость, ее величество постричь и в Архангельск, — бормотал император. — Великих княжон — по монастырям отдаленнейшим.

— Разумеется, ваше величество, это будет сделано только в случае крайне необходимом. Однако необходимость может возникнуть каждую минуту.

Павел поднял помутневшие голубые глаза на графа Палена.

— Пусть будет так. Меня не жалеют, и я... не пожалею. Призываю в свидетели бога.

Павел посмотрел на образ пресвятой богородицы, у которого светился огонек тяжелой лампы, и, взяв в руку перо, подписал.

— Возьмите, граф Пален. Все говорят, что я сошел с ума. А причем здесь я?

— О заговоре никому ни слова, ваше величество. Иначе мы не излечим болезнь, а загоним ее внутрь. — Пален снова сложил бумагу и спрятал в карман.

Император ослабел от внезапно охватившего его страха. Он стал тяжело дышать, пошатнулся и упал в кресло.

— Что с вами, ваше величество? — Пален бросился к Павлу.

— Меня не пожалели, и я не пожалею, — придя в себя, повторил император. — Благодарю вас, Петр Алексеевич, сердечно благодарю... Но может быть, вы посоветуете мне еще какие-нибудь меры для моей безопасности.

Граф Пален упал на колени и поцеловал руку императора.

— Я принял все меры, ваше величество... Разве только... Если еще удалить вот этих якобинцев, — граф указал на дверь, за которой стоял караул конногвардейского полка... — Да прикажите заколотить дверь в спальню императрицы.

— Благодарю вас, — еще раз сказал император. — Ваши советы непременно исполню.

Выйдя из кабинета, граф Пален опустился в кресло, стоявшее у дверей. Ноги не держали. Несколько минут он сидел, ни о чем не думая, чувствуя в затылке щемящую боль. Пожалуй, он был самый старший из заговорщиков. Недавно ему исполнилось пятьдесят пять лет.

День прошел своим обычным порядком. В одиннадцать, как всегда, начался развод. Однако всех удивило отсутствие великих князей Александра и Константина. Они участия в разводе не принимали. Император был очень гневен, но от обычных наказаний воздержался.

После развода генерал Пален собрал у себя на квартире всех офицеров гвардии. Он вышел к ним с мрачным, расстроенным лицом и сказал:

— Господа, государь приказал вам объявить, что службой вашей он чрезвычайно недоволен, что он ежедневно и на каждом углу примечает ваше нерадение, леность, невнимание к его приказам и вообще небрежение к исполнению вашей должности, так что если и впредь он будет замечать то же, то он приказал вам сказать, что он разошлет вас всех по таким местам, где и костей ваших не сыщут. Извольте ехать по домам и старайтесь вести себя лучше.

Гвардейцы ответили на слова Палена глухим ропотом.

— Пудру, букли долой, надоело! — сказал кто-то громко.

— Долго ли нам терпеть надругательства, ждать, когда отправят в Сибирь? — поддержал другой голос.

Граф Пален внимательно посмотрел на офицеров.

— Кто говорит, тот подлец — с выражением сказал он, помолчав. — Кто делает — молодец.

После развода Павел в сопровождении графа Кутайсова совершал прогулку верхом.

Граф фон дер Пален снова поспешил во дворец, но на этот раз он прошел в комнаты наследника, Александра Павловича.

Его встретил полковник Аргамаков.

— Где наследник?

— Сейчас доложу.

Через несколько минут в переднюю вышел Александр.

— Здравствуйте, Петр Алексеевич. Рад вас видеть.

— Вести нерадостные, ваше высочество.

— Что случилось? — Александр побледнел и схватился за сердце.

— Император знает о заговоре.

Александр молчал, раскрыв в ужасе глаза.

— Извольте прочесть, ваше высочество.

— Что, что прочесть?

— Указ об аресте вашем и всей царской фамилии.

Александр едва разбирал буквы. Под ним подгибались ноги. Чтобы не упасть, он схватился за спинку кресла.

Страшная участь ожидала заговорщиков, если бы Павел остался императором. Сотни людей лишились бы головы или навечно остались в сибирской ссылке.

— Завтра я должен вас арестовать, ваше высочество.

— Все пропало, мы погибли.

— Нет, не все пропало, ваше высочество. Арестовать мне велено завтра. Еще ночь в вашем распоряжении, сегодня мы живые люди, а завтра — мертвецы. От вас, ваше высочество, зависит ваша судьба.

— Но что я могу сделать?

— Согласиться на силу и стать завтра императором.

— Нет, не могу, не могу, не могу! — Наследник закрыл руками лицо и зарыдал.

Граф Пален посмотрел на него с презрением.

— Вспомните ваши слова, ваше высочество. Вы хотели свергнуть безумного самодержца, хотели даровать России гражданскую вольность. Мы поверили вам. А теперь всех ждет плаха. Прощайте, ваше высочество.

Пален повернулся и сделал несколько шагов.

— Сударь, вернитесь.

Граф Пален обернулся.

— Я согласен. Но обещайте мне, граф, что вы не сделаете плохого, клянитесь. — Александр Павлович вытер платком глаза.

— Клянусь, что сделаю все, что в силах человеческих, чтобы этого не было... — Граф Пален бросился к наследнику и упал перед ним на колени. — Ваше величество, отныне вы для меня государь император. Вы спасли Россию, спасли всех нас. Благодарю, благодарю, ваше величество.

Он схватил вялую, холодную руку наследника и стал целовать ее.

«И все-таки я не верю ему, — думал граф Пален, сидя в санях по дороге домой. — Слишком слаб душой наследник. Он может вдруг надумать и покаяться своему батюшке. Спасет себя и погубит всех нас. Надо что-то сделать, чтобы обезопасить заговор с этой стороны. Попрошу графа Уварова не отходить от него до самого конца, — решил военный губернатор и велел

повернуть сани обратно, чтобы найти во дворце генерал-адъютанта Уварова. — Федор Петрович не даст великому князю совершить глупость, в этом я уверен».

Великий князь Александр провел весь день отвратительно. «Я посмел поднять руку на своего отца!.. Ужасно... Мне никто не простит такое, — размышлял он, обхватив руками голову. — Но ведь я решился только для блага России, чтобы спасти Россию, — старался он успокоить себя. — Я предоставляю отцу его любимый Михайловский замок. Он будет иметь все, что захочет, все, кроме свободы: театр, церковь, книги. Будет окружен роскошью и не почувствует заточения».

Понемногу Александр Павлович уверил себя, что отец отдохнет от великих дел и ему в замке, под надзором бдительной стражи, будет легче дышать... Но боязнь за свою жизнь так и не покинула наследника.

Генерал-адъютант Уваров весь день не спускал глаз с наследника. Человек небольшого рассудка, он был отличным исполнителем. О нем ходил забавный анекдот, будто он, командир гвардейского конного полка, не умел ездить на коне и всегда держался за ремень, привязанный к передней луке седла. Однако рука у генерала была твердая.

Одиннадцатого марта 1801 года эскадрон, которым командовал полковник Саблуков, должен был выставить караул в Михайловском замке. Конногвардейский полк нес внутренний дворцовый караул, состоявший из двадцати четырех рядовых, трех унтер-офицеров и трубача. Караул был выставлен в комнате перед кабинетом императора, спиной к ведущей от него двери. Караулом командовал корнет Андриевский.

В овальной комнате, примыкавшей к парадной лестнице, стоял другой внутренний караул, от Преображенского полка. Сегодня караул был составлен на одну треть из старых гренадер и на две трети — из солдат Преображенского полка, дурно относящихся к императору.

Главный караул во дворце замка и наружные часовые состояли из роты Семеновского полка и находились под командой капитана из гатчинцев, немца Пайкера.

На разводе адъютант конногвардейского полка Ушаков передал полковнику Саблукову приказание великого князя Константина Павловича быть дежурным по полку. Это было странно. Полковник, эскадрон которого стоит в карауле, обязан осматривать дворцовые посты, и других обязанностей на него не возлагается. Саблуков хотел обжаловать приказ перед великим князем, но его на разводе не оказалось.

После развода полковник Саблуков отвел караул во дворец и, напомнив корнету Андриевскому о его обязанностях, вернулся в казармы и принял дежурство.

Вечером, в половине девятого, во дворец привезли пажей. Пажеский корпус помещался на Миллионной улице, в каком-то невзрачном строении. Первой обязанностью пажей было прислуживать во дворце императорской фамилии и ее гостям.

С столовом зале, украшенном большими картинами, изображавшими батальные сцены, и слабо освещенном канделябрами с восковыми свечами, был накрыт стол. За пять минут до появления императора пажи заняли свои места у стульев впереди придворных лакеев.

Каждый паж держал в руках тяжелую серебряную тарелку, обернутую салфеткой. Мальчики были обряжены во французские кафтаны и в шелковые чулки.

Ровно в девять часов двери внутренних покоев растворились и император в сопровождении императрицы, наследника и прочих лиц царской фамилии с их воспитателями графом Строгановым и графиней Ливен вступил в зал. Он шел впереди всех, под руку с императрицей.

Грозно оглядываясь по сторонам и фыркая, император резким движением снял с рук краги и вместе со шпагой передал в руки дежурному камер-пажу. Он сел за стол первым, по правую его руку села императрица, по левую — великий князь Александр Павлович. Прочие приглашенные заняли приготовленные для них места.

Во время ужина великий князь Александр Павлович был молчалив и задумчив. Император, наоборот, был чрезвычайно весел и разговорчив. Заметив молчание наследника, он спросил:

— Что с вами, сударь, сегодня?

— Государь, я чувствую себя не совсем хорошо.

— Ну, так поговорите с доктором и берегите себя. Надо останавливать недомогание с самого начала, чтобы помешать превратиться ему в серьезную болезнь.

Великий князь ничего не ответил, поклонился и потупил глаза. За ужином в первый раз был поставлен на стол новый прибор, украшенный видами Михайловского замка. Император был восхищен и многократно целовал рисунки на фарфоре.

— Это счастливый день в моей жизни, — повторял он.

Случалось, что, когда государь был в особенно хорошем расположении духа, к столу призывался придворный шут Иванушка, изумлявший иногда самого Павла смелостью своих речей. Но уже несколько месяцев, как шут заслужил немилость и был изгнан из дворца.

После ужина государь, перед тем как удалиться во внутренние покои, осматривал пажей. Оставшись довольным, он вывалил остатки конфет в дальний угол столовой и забавлялся тем, как мальчишки, толкая и обгоняя друг друга, старались набрать побольше лакомств.

Посмеявшись, император направился в покои Анны Петровны Гагариной. Там он всегда заканчивал вечер после ужина с императрицей.

Глухая дворцовая карета отвезла мальчишек, прислуживавших за царским столом, в Пажеский корпус. Когда они вылезли из кареты и вошли в переднюю, часы отбили десять ударов.

Глава тринадцатая. ТАК ДАЛЬШЕ ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ

В восемь часов вечера, приняв рапорт от дежурных офицеров, Саблуков отправился в Михайловский замок. Он должен был отдать рапорт великому князю Константину как шефу полка.

Недавно ветер изменился и стал дуть с северо-запада. Потемнело. Повалил крупными хлопьями мокрый снег, он залеплял лицо сидевшего в санях полковника.

Саблуков подъехал к большому подъезду и вышел из саней. К нему приблизился камер-лакей императора.

— Куда вы идете, ваше высокоблагородие?

— К великому князю Константину.

— Пожалуйста, не ходите. Ибо я тотчас должен доложить об этом государю.

— Не могу не пойти, — ответил Саблуков. — Я дежурный полковник и должен явиться с рапортом к его высочеству. Так и скажите государю.

Лакей побежал по лестнице на одну сторону замка, а Саблуков поднялся на другую.

Полковника не сразу впустили в комнату великого князя. Приоткрыв дверь, камердинер спросил:

— Зачем вы пришли сюда?

— Вы, кажется, все здесь сошли с ума! Я дежурный полковник, — сказал Саблуков.

Тогда камердинер отпер дверь.

— Хорошо, войдите.

Князь Константин находился в передней. Он был очень взволнован. Саблуков тотчас отрапортовал ему о состоянии полка. В это время в приемную вошел великий князь Александр. Вид его поразил Саблукова: он пробирался крадучись, словно испуганный заяц. В эту минуту открылась задняя дверь приемной и вошел император, в сапогах и шпорах, с шляпой в одной руке и тростью в другой, и направился к собравшимся церемониальным шагом.

Александр поспешно убежал в свой кабинет. Константин стоял с испуганным лицом и руками, произвольно бьющими по карманам.

Саблукову показалось, что он похож на безоружного человека, очутившегося перед медведем.

Полковник, повернувшись на каблучках, отрапортовал императору о состоянии полка.

— А, ты дежурный, — сказал император, приветливо кивнул головой, повернулся и пошел к двери.

Когда за ним дверь захлопнулась, из своего кабинета снова вышел Александр и произнес:

— Вы ничего не знаете?

— Ничего, ваше высочество, кроме того, что я дежурный вне очереди.

— Я так приказал, — подтвердил Константин.

— Мы оба под арестом, — сказал Александр.

Саблуков засмеялся.

— Отчего вы смеетесь?

— Вы давно ждали этой чести.

— Да, но не такого ареста, какому мы подверглись теперь. Нас обоих Оболянинов водил в церковь присягать в верности.

— Меня нет надобности приводить к присяге, — посмеивался Саблуков. — Я верен.

— Хорошо, — сказал Константин. — Теперь отправляйтесь домой и смотрите будьте осторожны.

Братья совсем не похожи друг на друга. Подозрительный и завистливый Александр — красивый, по-женски кокетливый юноша. Императрица Мария Федоровна наделила первенца своей внешней привлекательностью. Благодаря заботам бабки Екатерины он получил приличное образование. Константин похож на отца и видом и нравом. Физически сильный, несколько сутуловатый. Короткий нос вздернут кверху, на лице всегда недовольное выражение. Пучки волос над глазами заменяют брови. Неглупый от природы, он до конца своих дней остался полным невеждой.

Саблуков оставил дворец. Было ровно девять часов, когда он уселся в вольтеровское кресло в своем кабинете. Тревожные мысли осаждали его со всех сторон. Подозрения, появившиеся в последнее время, еще больше укрепились. Он хотел задремать, но не мог. В три четверти десятого его слуга Степан привел фельдъегеря.

— Его величество желают, чтобы вы немедленно явились во дворец.

— Очень хорошо, — сказал Саблуков и велел подать сани.

Хотя императорский вызов с фельдъегерем был плохим предзнаменованием, но Саблуков не имел дурных предчувствий. Через десять минут он добрался к своему караулу, как мы говорили, стоявшему у дверей в спальню императора.

— Что-нибудь случилось? — спросил Саблуков.

— Все благополучно, — отрапортовал корнет Андриевский.

В десять часов пятнадцать минут часовой крикнул «Караул, вон». Караул вышел и выстроился. Император показался из двери спальни в башмаках и чулках. Впереди бежала любимая собачка. За ним шествовал генерал адъютант Уваров.

Император Павел подошел к Саблукову, стоявшему в двух шагах от караула, и сказал по-французски:

— Вы якобинец?

Озадаченный этими словами, Саблуков ответил:

— Да, государь.

— Не вы, а полк.

— Пусть еще это будет так по отношению ко мне, но что касается полка, то вы ошибаетесь, — нашелся полковник.

— А я лучше знаю. Сводить караул!

— По отделениям, направо, кругом, марш, — скомандовал Саблуков.

Корнет Андриевский вывел караул из передней и отправился с ним в казармы.

— Вы якобинцы, — опять повторил император.

— Вы незаслуженно нас обижаете, ваше императорское величество.

— Я лучше знаю, — снова повторил Павел. — Я велел вывести полк из города и расквартировать его по деревням. — И добавил: — Ваш эскадрон, полковник, будет помещен в Царском Селе. Два бригад-майора будут сопровождать полк до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы он был готов утром в четыре часа, в полной походной форме, с поклажей. А вы, — сказал он двум лакеям, одетым в гусарскую форму, — займите этот пост,

— и указал на дверь в спальню²¹.

В доме графа Палена, на углу Невского и Большой Морской, собрались гости. На лице хозяина, как всегда, было написано спокойствие и довольство, однако на душе его скребли кошки. Петр Алексеевич был педантом и, подготавливая заговор, предусмотрел мельчайшие подробности. В таком деле ошибаться нельзя.

Комендантом Михайловского замка император назначил своего любимого генерала Котлубицкого. Он был недалеким человеком, но предан, и император верил ему. Такой человек мог помешать заговору.

Три дня назад граф Пален, докладывая о событиях в городе, сказал государю:

— Ваше величество, в моем докладе не упоминается Михайловский замок. Мне ничего не известно. И генерал-губернатор...

— Чего ты хочешь? — спросил император.

— Пусть генерал Котлубицкий мне ежедневно докладывает о благосостоянии замка в десять часов вечера. А я буду докладывать вам.

Император подумал.

— Ты прав, порядок есть порядок. Я прикажу Котлубицкому.

И вот сейчас, когда подходило назначенное время, граф Пален стал волноваться. «А вдруг генерал Котлубицкий не придет? — думал он. — Мало ли что может случиться! Тогда заговор поставлен под удар... Но вчера и позавчера генерал докладывал».

Генерал Котлубицкий приехал ровно в десять часов. Он вошел в комнаты и встретил там нескольких знакомых офицеров за шампанским.

— За здоровье хозяина. За новорожденного, — подошел к коменданту Платон Зубов с двумя бокалами. — Прошу выпить.

Котлубицкий не отказался, выпил за хозяина и доложил ему о том, что во дворце все благополучно.

Фон дер Пален проводил Котлубицкого до прихожей.

— Генерал, — сказал губернатор у дверей, — пожалуйста вашу шпагу, государь приказал вас арестовать.

— Но я не виновен, ваше превосходительство, разрешите поехать объяснить государю, он еще не спит.

— Разве вы не знаете порядка, генерал?

Николай Осипович отдал шпагу Палену и был отведен адъютантом на гауптвахту.

А через пять минут еще два адъютанта поскакали к командирам столичных полков с приказанием генерал-губернатора.

— Больше препятствий нет, господа, — сказал своим гостям граф Пален. — Ровно в полночь семеновцы и преображенцы будут нас ждать у Верхнего сада. Скоро мы выступаем.

В это время в прокуренной квартире генерала Талызина в лейб-компанейском корпусе Зимнего дворца собралась вторая группа заговорщиков. Все офицеры были в полном

мундире, в шарфах и орденах. Гостям разносили шампанское, разные вина и пунш.

Хозяина квартиры генерала Талызина уважало все гвардейское офицерство. Он был добрым и отзывчивым человеком. К нему были привязаны не только офицеры, но и солдаты. Генерал, задумавшись, сидел во главе дубового стола, уставленного бутылками, и, казалось, не слышал громкого спора, разгоревшегося среди гостей. Заговорщиков более трех десятков, и все военные.

Иные офицеры предлагали потребовать у императора отречения от престола, другие стояли за конституцию, понимая ее как ограничение прав монарха.

— А если государь отречения не подпишет, тогда как быть?

— Прикончить, прикончить. Смерть тирану! — крикнул граф Николай Зубов. Он был известен главным образом своей богатырской силой и тем, что был женат на единственной дочери фельдмаршала Суворова.

— Арестовать.

— В Шлиссельбург.

Некоторые возражали, возмущались:

— Бога побойтесь, на помазанника божьего замахиваетесь!

— И в писании сказано: царя чтите, бога бойтесь.

Полковник Измайловского полка Бибиков больше всех ратовал за расправу. Он был превосходным офицером и находился в родстве со всей знатью.

— Не одному смерть, но всем. Пока не перережем их всех, не истребим проклятое гнездо, не будет в России свободы.

— Республиканец! — кричали ему. — Узнает ежели император про твои слова...

— Якобинец!

— Наследника на престол!

— Император сумасшедший!

— Сумасшедший с бритвой в руках!..

Заговорщики выпили много вина. У многих закружилась голова. Голоса сделались громче.

— Во дворец, довольно терпеть!

— Да здравствует новый государь император Александр Павлович! — раздался пьяный голос. — Ура-а-а!

— Ура! Ура! — слышалось со всех сторон.

Громкий стук в дверь привлек всеобщее внимание. Голоса заговорщиков разом умолкли. В комнаты вошел полковник Аргамаков, плац-адъютант замка.

— Вы готовы, господа?

— Готовы, — выступил вперед генерал Бенигсен, высокий, прямой, будто накрахмаленный, с

огромным каддыком. Он только вчера был посвящен графом Паленом в грядущие события и сразу согласился участвовать в перевороте. Он либо говорил о делах, либо молчал — другого разговора у него не было. Голос у генерала был тонкий, певучий.

— Господа, фон Пален скоро будет здесь. Он просил передать, что по вызову императора Павла в Петербург прибыл генерал Аракчеев. Но приказ генерал-губернатора Палена его задержал на заставе... Время не терпит, господа.

— Кто проведет нас во дворец? — спросил генерал Бенигсен.

— Я.

В замке гарнизонная служба отправлялась, как в осажденной крепости. После вечерней зори только весьма немногие лица, известные швейцару и дворцовым сторожам, допускались в замок по малому подъемному мостику, который опускался только для них. В числе этих немногих был плац-адъютант замка Аргамаков. Он был обязан доносить лично императору о всяких чрезвычайных происшествиях в городе. Павел доверял Аргамакову, и он даже ночью мог входить в царскую спальню.

— Как войдем во дворец?

— Через малый подъемный мост. Потом через Воскресенские ворота во двор и по витой лестнице прямо в переднюю, к дверям спальни.

— Там стоит караул конногвардейцев!

— Сегодня караула не будет.

— Ура! — опять раздался пьяный голос.

На этот раз никто не откликнулся. На площади послышался стук многих лошадиных копыт. Всадники остановились у дверей квартиры генерала Талызина.

В переднюю вошел граф Пален.

— Я предлагаю выпить шампанского на посошок — и в дорогу. Пора во дворец, господа офицеры!

Заговорщики разделились на два отряда. Один под предводительством генерала Бенигсена и Зубовых, другой под начальством графа Палена.

Впереди первого отряда шел полковник Аргамаков. * * *

Часы в замке пробили полночь. Генерал Депрерадович с первым Семеновским батальоном, а полковник Запольский и генерал князь Вяземский с третьим и четвертым батальонами Преображенского полка прибыли на сборное место у Верхнего сада Михайловского замка.

Полковник Аргамаков благополучно провел генерала Бенигсена, братьев Зубовых и остальных заговорщиков первого отряда в апартаменты его величества. А генерал Талызин, приняв командование над гвардейским батальоном, направился через Верхний сад, чтобы окружить замок.

В саду солдаты вспугнули множество ворон и галок, ночевавших на деревьях, и птицы поднялись тучей с громким карканьем и шумом. У многих замерло сердце. Однако во дворце безмятежно спали, и все обошлось благополучно.

Караульные на нижней гауптвахте и часовые Семеновского полка оставались в бездействии,

как бы ничего не видя и не слыша. Ни один человек не тронулся в защиту обреченного тирана, хотя и догадывались, что для него настал последний час. Как мы говорили, караулом командовал капитан Пайкер. Подчиненный ему офицер, прапорщик Полторацкий, был в числе заговорщиков. Он вместе со своим товарищем арестовал капитана и принял караул под свое начало.

Итак, в полночь войска, подчинившиеся заговорщикам, окружили царский дворец. Впереди маршировали семеновцы, они вошли во дворец и заняли внутренние коридоры и проходы.

Сигнал к началу выступления подал полковник Аргамаков. Он вбежал в переднюю государя, где недавно стоял караул конногвардейского полка, и закричал: «Пожар!» Заговорщики ворвались в переднюю, два камер-гусара, приставленные государем, храбро защищали свой пост. Но недолго: один из них был заколот, другой ранен.

Вторая дверь в спальню была на запоре. Заговорщики взломали ее и бросились в комнату. Императора в ней не оказалось. В комнате было темно. Зажгли свечи, искали со свечами в руках.

Платон Зубов, не видя Павла, испугался и сказал по-французски:

— Птичка упорхнула.

Но генерал Бенигсен, высокий флегматичный немец, ощупал постель — она была еще теплая — и стал хладнокровно осматривать спальню. Он обнаружил Павла притаившимся за ширмами.

— Вот он! — тонко сказал Бенигсен и указал пальцем на босые ноги.

Императора мгновенно вытащили из-за ширмы. Он был в колпаке и белом полотняном камзоле. В руках у него торчала шпага.

— Что вам здесь нужно? — Император окинул надменным взглядом офицеров.

— У вас отречение? — Бенигсен обернулся к Зубову. — Доложите его величеству, Платон Александрович.

— Докладывайте, — сказал дрогнувшим голосом император.

— Отречение от престола императора Павла Первого... «Мы, Павел Первый, милостию божьей император и самодержец всероссийский и прочее и прочее, беспристрастно и непринужденно объявляем, что от правления государством Российским навеки отречаемся, в чем клятву нашу перед богом и всем светом приносим. Вручаем же престол наш сыну и законному наследнику нашему Александру Павловичу...»

— Прекратите, изменники престолу русскому! — вскричал Павел, побледнев.

— Нет, русскому престолу я не изменник, а вот вас видеть на троне не хочу!

— Почему?

— Потому что вы деспот, ваше величество, и угнетаете нацию.

— Ложь! — Император с отвращением смотрел на последнего фаворита своей матери.

— Вы бьете по лицу офицера своей мерзкой тростью. Бьете дворянина. Разве это ложь?

— Да здравствует император Александр Первый, — пьяно закричал кто-то в толпе заговорщиков.

— Я самодержец, что хочу, то и делаю! — теряя терпение, сипло завопил император. — Дворянин только тот, с кем я разговариваю, и только тогда, когда я с ним разговариваю.

— Прикончить эту зловредную обезьяну! — опять раздался тот же голос.

— Как ты смеешь? — рванулся вперед Павел, отпихивая Платона Зубова.

Подошел брат Платона, Николай, громадного роста и необыкновенной силы человек. Граф пошатывался, он был изрядно пьян.

— Что ты там кричишь? Пора тебе замолкнуть! — сказал он и ударил Павла по руке.

— Ты, ты!.. — выдохнул Павел. Он был оскорблен, ему было больно. — Поднял руку на своего императора... — Павел не выдержал и плюнул на Николая Зубова.

— Ты больше не император...

В правой руке Николая Зубова была массивная золотая табакерка. Размахнувшись, он ударил золотом императора по виску. Павел охнул и повалился на пол.

Николай Зубов поднял его с пола, как щенка, за шиворот и ударил еще раз. Шпага выпала из рук императора, и тогда началось... Несколько офицеров — князь Яшвиль, Татаринов, Горданов и Скарятин, — желая отомстить за оскорбления, били его кулаками.

Павел бы крепок и силен и долго сопротивлялся. Его повалили на пол, топтали ногами, шпажным эфесом проломил висок.

Страшные черные тени метались по стенам царской спальни.

В начале избиения императора генерал Бенигсен, слывший среди офицеров добросердечным и кротким человеком, вышел в переднюю, на стенах которой были развешаны картины, и со свечой в руках спокойно их рассматривал.

Император был еще жив и звал на помощь.

— Закройте ему рот, это отвратительно! — крикнул Платон Зубов.

Офицер Измайловского полка Скарятин сорвал висевший над постелью шарф и набросил его на шею Павла.

— Да здравствует император Александр Первый!

Во внутреннем карауле Преображенского лейб-батальона стоял тогда поручик Марин.

Услышав, что в замке происходит что-то необыкновенное, старые гренадеры громко высказывали свои подозрения и волновались. Но Марин не потерял присутствия духа и скомандовал: «Смирно». Пока заговорщики управлялись с императором, он держал гренадер под ружьем, и ни один не посмел шевельнуться.

Граф Пален появился в императорской спальне, когда все было кончено. Предварительно он посылал своего адъютанта узнать, как обстоит дело.

— Что, он уже холодный? — спросил осторожный Пален.

— Так точно, холодный, ваше высокопревосходительство.

Трудно сказать, что думал военный губернатор. Вернее всего, хотел обезопасить себя. Если бы заговор не увенчался успехом, он мог прийти императору на помощь, как верный слуга и

спаситель.

— Император Павел Первый скончался апоплексическим ударом, — выйдя из спальни, обратился губернатор Пален к толкавшимся в передней офицерам. — Да здравствует император Александр Первый! Ура, господа!

— Ура, ура, ура!

В первом часу пополудни 12 марта генерал фон дер Пален явился к наследнику Александру Павловичу с известием о скоропостижной смерти императора. Александр Павлович в эту ночь не раздевался и не ложился спать. При нем неотлучно находился генерал-адъютант Уваров и его адъютант князь Волконский.

Александр заплакал.

— Ваше величество, — сказал граф Пален испуганному и дрожавшему Александру, — подпишите вот этот документ.

По внешнему виду молодой император был готов подписать что угодно.

— Что это? — отпрянул Александр от графа, словно от ядовитой змеи. — Какой документ?

— Это конституционный акт. Некоторые ограничения императорской власти... Гвардия будет поддерживать конституцию.

— А мне сказали, что гвардия не хочет конституции, — перестав дрожать, сказал Александр. — Я не буду подписывать... Все меня обманывают. — И он опять заплакал.

Граф Пален понял, что наследник предупрежден. Он не сомневался, что предупредил генерал Талызин. Настаивать на подписании акта было опасно.

С трудом уговорил граф Пален Александра Павловича выйти к собравшимся в замке войскам.

— Перестаньте быть ребенком, — сказал Пален. — Благополучие многих людей зависит от вашей твердости.

С помощью губернатора и генерал-адъютанта Уварова, державших наследника под руки, Александр предстал перед караулом Семеновского полка.

— Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке! — выкрикнул Александр.

— Ура! Ура! Ура!

— Да здравствует император Александр Первый!

Князь Платон Зубов разбудил великого князя Константина, ничего не знавшего о заговоре, и привел его к новому императору. Братья вместе вышли к войскам. Опять громкое продолжительное «ура».

— Да здравствует император Александр Первый!

В эту тревожную ночь генералу Бенигсену довелось перемолвиться и с овдовевшей императрицей. Она вспомнила, что на русском престоле сживала не одна государыня, и тоже захотела попытать счастья и надеть на себя окровавленную корону Павла.

— Я хочу царствовать! — выкрикала Мария Федоровна. — Мой муж пал жертвой

здодеев-измеиников. Теперь я ваша императрица. Я одна ваша законная государыня. Защищайте меня, следуйте за мной.

Леонтий Леонтьевич усмехнулся. Отрывистые фразы императрицы с сильным немецким акцентом вряд ли произвели бы впечатление на гвардию. Рисковать жизнью ради толстой, высокой бабы не входило в расчеты генерала. А главное, он помнил, что и он мог попасть в число «здодеев-изменников», если бы вдова Павла Петровича воцарилась и стала мстить за смерть мужа.

— Мы тут не разыгрываем комедию, ваше величество, извольте следовать в свои комнаты,
— ответил генерал и приказал случившемуся офицеру проводить императрицу.

В два часа ночи император с цесаревичем Константином сели в коляску и направились в Зимний дворец. На запятки встали граф Николай Зубов и генерал Андрей Уваров.

Вслед за императором потянулись и придворные, кто в карете, кто верхом, а кто и пешком.

В этот день в камер-фурьерском журнале было записано: «Сей ночи в первом часу, с 11 на 12 марта, то есть с понедельника на вторник, скончался скоропостижно в Михайловском замке государь Павел Первый.

Его императорское высочество наследник великий князь Александр Павлович по кончине родителя своего, приняв всероссийский императорский престол, изволили отбыть с государем цесаревичем великим князем Константином Павловичем из Михайловского замка в Санкт-Петербургский Зимний дворец в 2 часа ночи в прежние свои комнаты».

Глава четырнадцатая. КОРОЛЬ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!..

Очутившись в Зимнем дворце, император Александр, утирая обильные слезы, немедленно потребовал к себе управляющего военным министерством графа Ливена. Проливавший слезы император был окружен ликующими генералами.

Граф Ливен, любимец Павла Петровича, прибыл во дворец побледневший и перепуганный. Император с рыданиями бросился к нему в объятия.

— Мой бедный отец, мой бедный отец! — Слезы катились по его щекам.

— Я больше не управляю делами военной коллегии, ваше величество, — были первые слова графа. — Вот вчерашняя записка вашего батюшки...

— Опять новости! — Император вытер слезы платком и растерянно посмотрел на военного губернатора. — Послушайте, Петр Алексеевич. «Ваше нездоровье затянулось слишком долго, — немного картавя, читал император, — а так как дела не могут быть направлены в зависимости от того, помогают ли вам мушки или нет, то вам придется передать портфель военной коллегии князю Гагарину. Павел». Вы передали дела? — спросил император, закончив чтение.

— Никак нет, ваше величество.

— Я разберусь с этим позже, — не меняя скорбного выражения на лице, сказал молодой император и положил записку в карман, — а сейчас доложите, где находятся казаки генерала Орлова. Надеюсь, вы знаете это?

— Так точно, ваше величество. Недавно они переправились через Волгу. С большим трудом преодолевая лишения, казаки продолжают свой путь в Индию.

— Немедленно направьте курьера к генералу Орлову. Я приказываю ему вернуться обратно... А вы, Петр Алексеевич, составьте извещение английскому правительству. Мы хотим мира и прекращаем всякие военные действия... Я, кажется, ничего не забыл?

— Слушаюсь, ваше величество, — отозвался граф Пален. — Осмеливаюсь напомнить вашему величеству о необходимости арестовать генерал-прокурора Оболянинова...

— Ах, да. Я согласен. Приказываю арестовать, довольно ему играть роль инквизитора... Но кто же вместо него будет генерал-прокурором?

Граф Пален немного подумал.

— На первое время можно назначить обер-прокурора Первого департамента статского советника Резанова.

— Превосходно! — сразу согласился Александр. — Пошлите за ним... Немедленно подготовьте указ: я отменяю изображение мальтийского креста на российском государственном гербе.

Через полчаса Николай Петрович Резанов вместе с правителем канцелярии Безаком вошли в большую приемную. Резанов заметил у камина графа Николая Зубова и князя Яшвиля. Их окружали офицеры в мундирах гвардейских полков. Слышался громкий разговор и смех, некоторые были очень навеселе. Офицеры насмешливо разглядывали красный мальтийский мундир Безака.

В кабинете Александр Павлович, бледный, с красными на лице пятнами, с опухшими от слез глазами, прохаживался взад-вперед от письменного стола к двери.

— Я поручил должность генерал-прокурора Резанову, — посмотрев на вошедших, сказал он. — Так ли я сделал, Павел Христианович?

— Я очень уважаю Резанова, обер-прокурора Первого департамента. Но старший по чину Оленин, обер-прокурор Третьего департамента, — сказал Безак.

Император посмотрел на Резанова.

— Коллежский советник Безак прав, ваше величество.

— Так сообщите Оленину, чтобы он принял должность. Пошлите скорее за списком сенаторов.

Безак считался знатоком законов и традиций, и с ним мало кто отваживался спорить. Александру слава Павла Христиановича, как разумного и знающего человека, была известна. О его педантичности при дворе ходили анекдоты.

— Пошлите за списком сенаторов, — еще раз сказал Александр.

Кланяясь, Николай Петрович Резанов и Павел Христианович Безак вышли из кабинета²².

Правитель Безак отправился в канцелярию генерал-прокурора Оболянинова, но дом был окружен ротой Семеновского полка, и его не сразу впустили.

Залы Зимнего дворца делались все оживленнее. Несмотря на глухую ночь, все новые и новые лица, штатские и военные, прибывали во дворец, чтобы засвидетельствовать свои

верноподданнические чувства.

Для учинения присяги на верность императору Александру Первому во дворец прибыли митрополит Амвросий с членами Святейшего синода и придворное духовенство. Присяга новому императору была назначена на десять часов утра и должна состояться в большой дворцовой церкви...

Как только весть о смерти императора распространилась среди публики, в городе, словно по мановению волшебной палочки, появились запрещенные прически, исчезали косы, обрезались букли. Круглые шляпы и сапоги с отворотами заполнили улицы. Дамы оделись в новые костюмы. Вместо экипажей, имевших вид старых немецких и французских повозок, появились русские упряжки с кучерами в национальной одежде и с ездовыми, что строго запрещалось Павлом.

В это время над телом покойного императора не покладая рук трудились опытные мастера. Заговорщики так изуродовали Павла Петровича, что он не мог быть показан никому, даже собственной жене императрице Марии Федоровне.

На следующую ночь тело покойного, заgrimированное с возможным тщанием, облаченное в гатчинский мундир, высокие сапоги со шпорами, в шляпе, надвинутой на левую сторону лица, чтобы скрыть расшибленный висок, уложили на кровать.

Пока гроб стоял в комнате, где было совершено убийство. Туда явилась императрица. Только сейчас ей разрешили посмотреть на мужа. Высокая и полная, Мария Федоровна, обладавшая необыкновенной телесной крепостью, была похожа на мраморную статую. Как рассказывают очевидцы, императрица, опираясь на руку шталмейстера Муханова, медленно подошла к гробу. Графиня Ливен несла шлейф. За ней шли Александр и Елизавета.

Приблизившись, императрица молча уставилась на покойного мужа.

Александр Павлович, впервые увидевший изуродованное лицо отца, накрашенное и подмазанное, ужаснулся и закрыл ладонью глаза.

— Поздравляю вас. Теперь вы — император, — повернувшись к сыну, чужим голосом произнесла императрица.

При этих словах Александр как сноп свалился на пол. Он не обладал крепкими нервами.

Императрица без всякого сожаления взглянула на сына, взяла под руку Муханова и молча удалилась.

17 марта тело императора было перенесено генерал-адъютантами и флигель-адъютантами в малую тронную залу и положено на возвышение. Обычай велел выставить императора перед народом для прощания. Комната была большая, длинная. Положили его ногами к окнам. Для поклонения были допущены люди всех сословий.

В числе многих пришли поклониться покойному императору Николай Петрович Резанов и Михаил Матвеевич Булдаков. Едва они вошли в дверь тронной залы и приблизились к покойному, как услышали голос дежурного генерала:

— Извольте проходить, господа.

— Я не видел лица императора, — сказал Булдаков свояку. — Оно закрыто шляпой. Разве православные так делают? Кроме шляпы и ботфортов, я ничего не видел.

— Я тоже, — признался Резанов. — Не хочешь, а поверишь, что император умер не своей смертью.

Свояки решили еще раз посетить тронную залу и посмотреть на покойника. Но и на этот раз лица его они не увидели...

На улицах столицы царило оживление. Незнакомые люди обнимались и поздравляли друг друга с «переменной».

— Значит, едем к тебе? — спросил Резанов, когда свояки уселись в сани.

— Домой... Федор, трогай, — приказал Булдаков.

Ехали молча. Повсюду встречались празднично одетые люди, шествовавшие «учинить достождолжное поклонение покойному императору». Печальных лиц не видать.

У петровского особнячка на Миллионной кучер остановил лошадей.

В передней свояки сняли шубы и, осведомившись у хозяйки о ее здоровье, направились в кабинет.

— Я слышал толки о заговоре за две недели до смерти императора, — сказал Резанов, усаживаясь поудобнее в кресле.

— И я краем уха прихватил... Одно не могу понять: как государь-самодержец великого государства остался беспомощным на своем престоле. И крепость построил за семью замками, и караулы на каждом шагу...

— От него отвернулись все, кто любил Россию. Остались люди, которым на все наплевать.

— Говорили, будто здесь замешаны агличане?

— Не верю. Заговор был русским делом. Ему помогло молчаливое согласие всей столицы. Общее дело сблизило сердца. Люди верили друг другу и не обманулись... Но перейдем к делу. Я обещал доказать, что кругосветное плавание с товарами для Америки выгодное предприятие. Вот мои расчеты. — Николай Петрович выложил на большой письменный стол Булдакова несколько исписанных страничек.

— Ладно, это и потом прочитаю. А сейчас ты мне словами объясни.

— Можно и словами. Вот ты прикинь, Михаил Матвеевич, во сколько обойдется доставка через всю Сибирь и дальше морем на остров Кадьяк шестисот тонн товаров, — начал Резанов. — Скажем, тридцать шесть тысяч пудов. До Охотска каждый пуд в десять целковых обойдется. Это триста шестьдесят тысяч рублей. Да еще половину прибавь до Кадьяка морем. Итого больше полмиллиона. Так я говорю?

— Правильно. — Булдаков оживился и подвинул к себе счеты.

— Из Якутска в Охотск товары везут на лошадях вьюками. В иных местах дорога тяжелейшая, и лошади порой доходят до совершенного изнеможения. Их вместе с ношей оставляют где-нибудь на болотах. Остальные товары при рассортировке в Охотске нередко представляют груды промокшего и ни на что не пригодного хлама. Такие потери доведут компанию до разорения.

— Ты прав, Николай Петрович, совершенно прав.

— А теперь прикинь с другой стороны. Два больших корабля, по триста тонн груза, с пушками стоят по восемьдесят тысяч рублей каждый корабль — сто шестьдесят тысяч. Вспомни, по совету акционера адмирала Мордвинова мы решили послать два корабля. И товаров больше повезем, и в пути безопаснее.

— Правильно.

— Теперь остальные расходы. Офицеры, команда, жалование и корма, — грубо говоря, сорок тысяч. Получается триста тысяч рублей экономии. Тут у меня, — Резанов показал на свои странички, — точно все подсчитано.

— Дело заманчивое.

— Поставь в соображение, что корабли и дальше службу будут нести: и колонии оберегать, и товары возить. А у нас в Америке с кораблями беда. «Святой Дмитрий», — Резанов загнул палец, — «Святой Александр Невский» — этот на две мачты, поднимет сто пятнадцать тонн; «Святой Захарий и Елизавета» — тоже двухмачтовый, на сто пятьдесят тонн. И еще ветхая и маленькая одномачтовая галера, на которой правитель совершает поездки по берегам... Вот и весь флот. А ежели посмотреть на британские колонии, Ост-Индские или Вест-Индские? У них десятки, да что там — сотни кораблей.

— Согласен. — Михаил Матвеевич положил свою огромную ладонь на записки Резанова. — Но при одном условии. Иначе акционеры не поддержат.

— Ну, говори.

— На общем собрании акционеров я поставлю условием выдачу взаимобразно из государственного банка двухсот пятидесяти тысяч рублей на нужды экспедиции.

— Я думаю, коммерц-коллегия нас поддержит.

— Это не все. Пусть Адмиралтейство назначит на корабли, кроме двух командиров, еще флотских офицеров и нижних чинов сколько подобает. Ну и медики нам надобны, и студенты Академии наук и горного ведомства для исследований в колониях.

— Ты правильно все понимаешь, Михаил Матвеевич. Надеюсь, и в этом нам не откажут.

— По рукам, Николай Петрович! Большое дело мы делаем.

— За мной остановки не будет. Однако, чтобы время не терять, разреши приступить к покупке кораблей. Надо отправить в Гамбург или Лондон опытного человека.

— У тебя есть на примете?

— Юрий Федорович Лисянский. Ты его знаешь. Новый год вместе встречали.

— Помню, помню.

— Он сам в кругосветное плавание просится. Он и корабли может купить.

— Пусть едет Лисянский. А я с ним корабельного мастера отправлю. И в Америку с товарами приказчиков назначим. Флотским в таком деле веры нет...

Дверь в кабинет открылась, и слуга внес на резном подносе две огромные чашки крепкого чая, сахарницу с мелко наколотым сахаром и корзиночку со сдобными баранками.

— Откушайте чаю, господа, — сказал он, поклонившись. — Барыня Авдотья Григорьевна подать велела.

Только сейчас Николай Петрович заметил перемены в кабинете. Появилась карта владений Российско-Американской компании во всю стену. На ней обозначены малые и большие острова. Западные берега Америки обозначены до Калифорнии. На карте художники изобразили русские поселения и крепости, места, где промышляют зверя. Вдоль правой

стены длинный дубовый стол. На нем выставлены диковинные предметы, вывезенные с берегов Америки: деревянные забрала с тотемными знаками медведя, маска, изображавшая медвежью голову с открытой пастью, индейский защитный нагрудник из деревянных полос, луки, копья, орудия промысла.

— В прошлом году Баранов прислал, — заметив любопытный взгляд Резанова, сказал Михаил Матвеевич. — Редкие вещицы. Многие интересуются. А посмотри, похож Григорий Иванович? Тысячу рублей за парсуну плачено.

С легкой улыбкой смотрел на свояков Григорий Шелихов, основоположник Российско-Американской компании. Он изображен в парике, при шпаге. На андреевской ленте медаль. Умное, красивое лицо.

— Похож, похож, тестюшка наш, будто живой, — отозвался Резанов. — Молодым помер. Жить бы ему да жить.

Сваяки помолчали.

— А теперь, Михаил Матвеевич, поведай о новостях из Америки, как там наш правитель Баранов? — сказал Резанов.

— Новости есть. — Булдаков бросил в рот кусочек сахара и со вкусом потянул из блюдечка чай. — Правитель сообщал о постройке на острове Ситке крепости.

Николай Петрович подошел к карте.

— Молодец Баранов. Отсюда, от Ситки, и на север и на юг удобно нам простираться.

— В других местах промысел оскудел. Ситка наши дела поправит... Баранов пишет, что на Ситку ходят для мены республиканские суда, до десятка кораблей ежегодно. Каждый капитан наменивает не менее полутора тысяч бобров, а бывает, и две, и три. Если положить две тысячи на корабль, а кораблей взять только шесть, выйдет, что они берут возле острова ежегодно двадцать тысяч. Ты слышишь, Николай Петрович?

Резанов отошел от карты и внимательно слушал.

— Если взять меньше, только десять тысяч, тогда за десять лет выйдет сто тысяч бобровых шкур.

— А почему нам бобер оборачивается?

— По сто рублей.

— Значит, десять миллионов. И это только на Ситке!

— Только на Ситке.

— Сие обнадеживает. — Резанов потер ладонью лоб. — Однако иностранных купчишек от острова надо отвадить. Опять же без больших судов не обойтись.

— Есть и убытки, Николай Петрович, и немалые. Баранов полагает, что первенец наш, «Феникс», затонул на камнях. Одних грузов погибло на полмиллиона. Не вернулись восемьдесят человек...

За окном раздался призывный вопль сбитенщика. Уныло вызванивала соседняя церковь.

Когда закончили об американских делах, разговор снова перешел на события, связанные со смертью императора Павла.

— Мой друг и благодетель Гаврила Романович Державин сочинил стихи на смерть Павла. Вчера я был у него и списал. Хочешь, прочту?

Булдаков кивнул головой.

— «Умолк рев норда сипловатый, — с чувством читал Николай Петрович, — закрылся грозный страшный зрак...»

— А не боится он, твой благодетель, такие стихи на волю пускать? Против самодержавия написаны. В тайную экспедицию могут призвать, — выслушав до конца, отозвался Булдаков.

— Нисколько не боится. Он говорит, что не будет тайной экспедиции, отменит ее новый император.

Булдаков промолчал.

Николай Петрович собрался уходить, когда лакей доложил о приходе архангелогородского купца.

— Ксенофонт Алексеевич Анфилатов, первостатейный.

— Зови, зови, послушаем, что скажет нам Анфилатов.

В кабинете появился человек среднего роста, в черном сюртуке с кружевным белым воротником. Благородное лицо, выпуклые серые глаза. Волосы зачесаны на лоб и коротко подстрижены. Купец с первого взгляда понравился своякам. Его пригласили сесть, подали чаю с коньяком.

— Мы вас слушаем, Ксенофонт Алексеевич, — сказал Булдаков. — Я главный директор Российско-Американской компании, а это мой свояк, Николай Петрович Резанов.

— Скажу коротко. Я слышал о вашем желании возить товары на Аляску морем. У меня есть ластовые суда²³. Я готов предоставить их на правах арматора и о том учинить с вами договор.

— Где строились ваши суда?

— В Архангельске, там у меня своя торговая контора.

— Надежны ли суда? Мы знаем, что построенные в Архангельске суда не могли дойти даже до Англии.

Анфилатов рассмеялся:

— Это казенные суда. Они строились без всякого резона. Дерево сырое, все тяп да ляп, лишь бы дешево построить да деньги себе в карман положить. Мои по-другому делались. Каждую дощечку мастер в руках держал, до последнего гвоздя все осмотрено. А уж в Архангельске есть мастера отличные.

— Если корабли хорошие, — сказал Резанов, — компания их купит по сходной цене.

— Нет, так не пойдет, господа хорошие. Хочу сам их содержать и на них деньги зарабатывать. Хочу, как агличане делают, так и я, — упрямо сказал Анфилатов.

Булдаков хмыкнул и посмотрел на Резанова, Николай Петрович пожал плечами:

— Первый раз слышу. Таких предложений от российских купцов еще не было.

— Проверьте мои слова. В Архангельске вам скажут, что построены суда крепко, на самый хороший манер.

— Мы не о судах сомневаемся, — сказал Булдаков, — а самое дело не в обычай. Ну, а сколько ты, брат, за пуд груза возьмешь, ежели в колонии везти? Дорого небось? Для компании выгоднее на своих судах возить.

— Ежели у вас есть суда подходящие, почему не возить, — сразу откликнулся Анфилатов. — Да ведь не на каждом судне повезешь, сами знаете.

— Что ж, мы подумаем, Ксенофонт Алексеевич. Заманчиво, но с бухты-барухты соваться тоже не резон.

Анфилатов поднялся:

— Думайте, господа купцы. Однако обидно, когда русскому капиталу доверия нет. Свое, русское, все хуже, а аглицкое — все хорошо.

Купцы попрощались сердечно.

— Нравится мне этот Анфилатов, — сказал Резанов, надевая в передней шубу. — Арматором хочет быть, на фрахте капитал зарабатывать... Упрямый, видать. Подумаем, как быть, Михаил Матвеевич, глядишь, и русский арматор пригодится. * * *

Новый император в первые дни своего царствования круто повернул руль.

15 марта — восстановлены дворянские выборы по губерниям. Прощено в одном указе 150 человек. Разрешено вернуться в Петербург Радищеву. Всего помиловано и возвращено на службу 12 тысяч человек. Амнистированы укрывавшиеся за границей. Вернулась из ссылки княгиня Дашкова и была назначена статс-дамой двора Александра.

29 марта — объявлен свободный въезд-выезд из России.

31 марта — восстановлена екатерининская жалованная грамота дворянству и городам. Уничтожена тайная экспедиция.

8 апреля — уничтожены позорные столбы, на которых прибывались имена опальных.

9 апреля — уничтожены букли у солдат... Однако косы, хотя и укороченные, остались.

27 апреля — уничтожены пытки, «пристрастные допросы», запрещено употреблять в делах само слово «пытка».

Широкие и длинные, прусского образца, мундиры были перешиты в узкие и чрез меру короткие. Низкие отложные воротнички сделались стоячими и очень высокими, головы казались точно в ящике, и трудно было их поворачивать. Однако все восхищались новым обмундированием.

Печальной памяти вахт-парад происходил по-прежнему ежедневно. Но отныне он не сопровождался жестокостями, вошедшими в обычай при Павле.

Граф Аракчеев снова появился при дворе. Молодой император обласкал опального сановника и приблизил к себе.

Глава пятнадцатая. ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ КАМЕРГЕР НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РЕЗАНОВ

После смерти Павла Петровича прошло два года. Пожалуй, это были лучшие годы царствования императора Александра. На второй день восшествия на престол он послал письма своим друзьям, находившимся в опале, призывая их немедленно вернуться в Петербург.

По зову императора приехали князь Адам Чарторыйский, пребывавший послом у сардинского короля, крупнейший землевладелец, Виктор Кочубей и Николай Новосильцев. Молодой граф Павел Строганов находился в Петербурге.

Собравшись возле императора, эти четверо молодых людей образовали его негласный совет — «комитет общественного спасения», как говаривал в шутку император. Комитет, не носивший официального характера, обычно собирался после обеда. Члены комитета пользовались правом обедать за царским столом. После кофе, поговорив с прочими приглашенными, император удалялся, и четверо избранных проходили через особый ход в небольшую туалетную комнату, смежную с внутренними покоем, туда приходил государь, и там при его участии происходили оживленные споры по многим вопросам государственного преобразования.

В комитете обсуждались такие вопросы, как ограничение власти императора в делах войны и мира, в командовании военными силами, в установлении налогов. Обсуждался вопрос об обязанностях императора. Планы комитета шли далеко, на совещаниях говорилось о даровании России конституции... На деле все оставалось почти неизменным.

Однажды на заседание «комитета общественного спасения» был приглашен Николай Петрович Резанов.

В туалетную комнату были принесены карты Северной Америки, Сибири и обоих полушарий. Их прикололи к деревянным дверцам одежного шкафа.

Николай Петрович был в ударе и с блеском рассказывал своим слушателям о Русской Америке и о том, что надо сделать для ее процветания. Присутствовали на совете Строганов, Кочубей, Новосильцев, Чарторыйский и сам император.

— Нам надобны корабли и еще раз корабли, — закончил Резанов свой доклад, — много кораблей, и тогда расцветет Аляска и в свою очередь обогатит Россию бесценными дарами природы.

Александр зааплодировал. Доклад Резанова ему понравился, дружно аплодировали и остальные.

На этом заседании император назвал деятельность Российско-Американской компании весьма полезной для России и обещал поддержку.

— Можете всегда рассчитывать на меня, милейший Николай Петрович, ваши заботы понятны и близки. Величие России нам дорого.

Император подошел к Резанову и обнял его за плечи. Растроганный обер-прокурор поцеловал царскую руку. Обласканный императором, Резанов торжествовал. Ему показалось, что все самое трудное позади. Однако вскоре он лишился своего высокого покровителя — петербургского генерал-губернатора. Это был чувствительный удар для Резанова.

В первые месяцы нового царствования граф Пален пользовался большим влиянием у молодого императора и продолжал действовать с обычной решительностью, несколько не стесняясь враждебно настроенных против него царедворцев. Петр Алексеевич позволял себе

вступать с императором в споры и навязывать свои собственные мнения.

Вскоре император стал тяготиться могущественным советчиком. Неизбежную разрядку ускорила вдовствующая императрица Мария Федоровна. Вдовствующая императрица была беспощадна к заговорщикам и заставляла императора преследовать всех, кто принял участие в убийстве Павла.

Однако Александру было не так-то просто выполнять требования матери. Он был в тяжелом положении. Зная, кто убивал отца, он не мог расправиться с убийцами. В течение нескольких месяцев император чувствовал себя как бы в их власти и не решался действовать вполне самостоятельно. Слишком многие высокие лица были связаны с заговором и хотели низвержения Павла, в том числе и сам наследник. Если бы дело дошло до суда, то в конце концов обвиняемые, защищая себя, назвали бы имя Александра.

Поэтому никто из участников заговора не был предан суду. Главные виновники очень деликатно, постепенно и с большим тактом удалялись из Петербурга.

Леонтий Леонтьевич Бенигсен представил свое участие в заговоре совсем невинным и поэтому преследованиям не подвергался, чему многие из его современников немало удивлялись.

17 июня 1801 года граф Пален в обычный час приехал на парад в коляске, запряженной шестеркой цугом и, собираясь выходить, поставил одну ногу на подножку. В это время к нему подошел флигель-адъютант и передал высочайшее повеление государя немедленно выехать из города и удалиться в свое курляндское имение.

Граф Пален повиновался, не сказав ни единого слова. Выпустив облако дыма из своей короткой трубки, он снова уселся в коляску.

17 августа 1801 года император Александр утвердил предложения коммерц-коллегии. Труды Резанова завершились полной победой.

В конце марта 1802 года его императорское величество удостоил директоров компании следующим рескриптом:

«Господа директоры Российско-Американской компании. Желая означить, сколь полезным нахожу я коммерческое заведение, вами управляемое, и сколь приятно мне видеть его расширенным, я признал за благо внести в капитал его десять тысяч рублей в пользу бедных на двадцать акций, кои компания имеет выдать на имя управляющего кабинетом.

Мне весьма приятно будет, если пример сей, усилив общее доверие к сему заведению, ближе ознакомит частных людей с сею новой отраслью отечественной промышленности, соединяющей в себе столь тесно частные выгоды с пользами государства. Пребываю вам благосклонный Александр».

Общее собрание акционеров, обсудив почетное послание императора, уполномочило Баранова быть главным правителем всех компанейских промыслов и поселений в Америке и на островах.

В том же решении Баранову предлагалось исследовать Американский материк в этнографическом, статистическом и географическом отношении и тщательно и по возможности подробно изготовить карты всех разведанных земель.

Николай Петрович Резанов, ссылаясь на записки покойного Григория Шелихова, выступил на собрании акционеров с предложением об обучении туземцев. Особое внимание он предлагал обратить на учрежденную уже школу на Кадьяке.

— Обязать Баранова выслать подробные сведения об успеваемости учеников, охотно ли учатся алеуты, кадьякцы и креолы, — говорил он акционерам. — Пусть немедленно составит каталог книг кадьякской библиотеки из числа доставленных туда Шелиховым. Правление должно дополнить библиотеку недостающими и вновь изданными книгами как на русском, так и на иностранных языках.

Коммерсантам-акционерам приходилось впервые сталкиваться с вопросами просвещения, но спорить они не стали и дружно проголосовали за библиотеку, тем более что расходы на книги вполне уместались в полпроцента на бедных.

Наконец правление получило согласие государя на снаряжение морской экспедиции к берегам Русской Америки. Правительство разрешило выдать на надобности экспедиции из государственного заемного банка по просьбе компании двести пятьдесят тысяч рублей на восемь лет. Разрешено направить на компанейские корабли, кроме Лисянского и Крузенштерна, еще несколько флотских офицеров. Кроме того, на снаряжение экспедиции разрешено продать все необходимые товары из казенных запасов.

Государь император всемилостивейше пожаловал главного правителя Баранова в коллежские советники. пожалование Баранову звания коллежского советника, сверх справедливого воздания за его заслуги, имело целью возвысить звание главного правителя колонии в глазах его подчиненных, принадлежавших по большей части к числу таких людей, для которых бесчиновность начальствующего лица составляла одно из главных препятствий к исполнению его требований, сколь основательны они ни были бы.

8 сентября 1802 года в России были утверждены министерства. Это был значительный успех в деле управления империей. Появился министр внутренних дел, министры финансов, юстиции, народного просвещения, коммерции, иностранных дел, морской и военный.

С учреждением военно-морского министерства был организован «Комитет образования флота», председателем которого император назначил графа Александра Романовича Воронцова — брата русского посла в Англии.

Состояние флота комитет представил императору в весьма плачевном виде. Заключение произвело на Александра весьма тяжелое впечатление. В наказе комитету император писал: «Мы повелеваем оному комитету непосредственно относиться к нам о всех мерах, каковые токмо нужными почтено будет принять к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и приведение оного в подлинное бытие».

За последнюю половину века доблестные моряки русского флота прославились блистательными морскими победами. Однако состояние и постройка кораблей были далеко не на высоте. Числящиеся по спискам корабли часто оказывались «по гнилости своей к службе неспособными». После проверки в Кронштадте и Ревеле оказалось негодных к службе тринадцать кораблей и семь фрегатов. Причиной такого попустительства была небрежность ежегодного освидетельствования, а еще вероятнее, что состояние судов умышленно скрывали от начальства, извлекая из этого выгоды. Министерство вынесло решение пришедшие в негодность суда немедленно разламывать, чтобы они не занимали напрасно место и не требовали расходов на их содержание.

Сведущие в морском деле люди не напрасно обратили внимание императора на деятельность американской компании. Подготовка к кругосветному плаванию могла бы многим открыть глаза на состояние флота.

Среди акционеров вызвал оживление закон от 20 февраля 1803 года, получивший название «закона о свободных хлебопашцах». Закон был принят по записке графа Румянцева, министра коммерции. Министр просил разрешения отпускать крестьян на волю тем помещикам, которые это сочтут выгодным.

Узнав о новом законе, Резанов немедленно созвал директоров. Все собрались на Большой Миллионной, у Михаила Матвеевича Булдакова.

— Вы слышали, господа, теперь крестьяне могут быть отпускаемы на волю. Акции наши возрастут в цене, — улыбаясь, сказал Николай Петрович.

— Почему? — спросил Шелихов.

— Да как же, разве не понятно? — кипятился Булдаков. — Это радостная весть. Может быть, свободные крестьяне захотят переселиться в нашу Америку.

— Михаил Матвеевич прав, — опять вступил в разговор Резанов. — Весть радостная. Однако я предвижу сопротивление помещиков. Я слышал, что некоторые члены государственного совета усмотрели в законе первое потрясение основ помещичьей собственности. И опасение, что крестьяне возмечтают о неограниченной свободе.

— Какая глупость! — сказал Булдаков.

— Глупость, правильно. Помещики боятся мануфактур, а без них России не обойтись. Народ, имеющий только земледельцев и купцов, обречен на бедность. А вот его сиятельство граф Ростопчин, известный самодур, везде говорит, что мануфактуры вредны... Когда мастеровые, не имеющие никакой собственности, вместе, они подвержены мятежам и буйству. А земледельческий народ есть самый работный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе с тем и самый покорный царю...

— Покорность ищет граф в рабстве и нищете, — со злостью сказал Иван Шелихов.

— Дурак твой граф и самодур! — взорвался Булдаков.

— Я обдумывал наше положение не раз, — продолжал Николай Петрович. — Народ, политические права которого ограничиваются правом платить подати, правом ставить рекрутов и правом кричать «ура», нам плохой помощник. Уверен, что расцвет колоний в Америке начнется после освобождения крестьян. Если бы на первый случай приехали в Америку тысяч пятьдесят свободных хлебопашцев!

— Хотя бы тысяч двадцать, — поддержал Михаил Матвеевич. — И через десять лет мы не узнали бы край. А здесь, в Петербурге, больше заботятся о пользе самодержавия...

— Спокойнее, Михаил Матвеевич, да будет тебе известно, что недавно императором создан особый комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции. Этому комитету поручено немедленно и исправно получать сведения о подозрительных людях. — Николай Петрович погрозил пальцем Булдакову. — Комитет наблюдает за перепиской, за вредными книгами.

— Выходит, выходит...

— Выходит, что вместо павловской тайной экспедиции действует новый комитет. Названия разные, но дела одинаковые.

Директора опять замолчали, прислушиваясь к веселому потрескиванию сухих березовых дров в камине. Прошлым летом лучшие английские мастера поставили бронзовое сооружение в кабинете хозяина. Камин был поставлен не для тепла, а «ради престижа компании», как говаривал Михаил Матвеевич. Комнату обогревала жаркая изразцовая печь, украшенная зелеными цветами.

Резанов подошел к каминной решетке, взял в руки медную кочергу.

— Дела нашей компании могут пойти по-настоящему в двух случаях, — сказал он, шевельнув поленья. Дрова задымились, вспыхнули ярким огнем. — Или освобождение крестьян, или свободный доступ к иностранным портам. Во втором случае мы должны снабжать свои колонии всеми необходимыми товарами, покупая их за границей. Нам нужен порт Кантон или Япония.

— Я ратую за Кантон, — сказал Иван Шелихов.

— Может быть, Япония будет еще выгоднее, — ответил Резанов. — Как знать... Для нас она терра инкогнита. Есть еще один путь, — продолжал Резанов. — Надо занять еще не занятые никем земли, находящиеся южнее пятьдесят пятой параллели. Англичане давно бы, будь они в нашем положении, сие исполнили. Но у нас нет в той стороне военного флота, и мы боимся всех. — Николай Петрович тяжело вздохнул и уселся на свое место.

Совсем немного времени миновало после встречи компаньонов. Однако в жизни Резанова произошло событие огромной важности. Вскоре после родов умерла его жена, Анна Григорьевна, оставив у него на руках двенадцатидневную дочку Ольгу и годовалого сына Петра. Анна Григорьевна была совсем еще молода: ей едва исполнилось двадцать два года.

Похоронив жену, Николай Петрович закрыл окна дома ставнями и запер двери. Он приказал никого не пускать к нему. Для всех был один ответ: «Барина нет дома».

Николай Петрович тяжело переживал свое горе. Он то часами неподвижно сидел за письменным столом, обхватив руками голову, то большими шагами ходил по комнатам. День и ночь в доме горели свечи.

Через месяц Резанов получил приглашение министра коммерции графа Румянцева. Он решил не отказываться и поехал.

Министр вручил Резанову высочайший рескрипт о кругосветной экспедиции.

— Вы довольны? — спросил Румянцев Николая Петровича, прочитавшего документ.

— Доволен ли? Конечно, и даже весьма... Воспользуюсь случаем, Николай Петрович, и доложу вам о купце-арматоре Анфилатове. Он предлагает на своих судах, построенных в Архангельске, отправиться в плавание на Аляску и перевезти потребный нам груз. Мы узнавали: суда отменного качества, каждое по триста тонн...

— Дорогой Николай Петрович, — прервал Румянцев, — купца Анфилатова я знаю. Он хочет плыть в Америку. Мы ему поможем. Но ваша экспедиция приобрела государственное значение. В кругосветном плавании весьма и весьма заинтересован военный флот. Теперь все решено, дело за вами.

— Мы не знаем, как и благодарить вас, ваше сиятельство, за хлопоты.

— Вы отблагодарите, если согласитесь на мою просьбу.

— Рад услужить.

— Назначьте старшим командиром экспедиции Ивана Федоровича Крузенштерна.

— Это несколько неудобно, ваше сиятельство, мы обещали Лисянскому. В Адмиралтействе нам посоветовали назначить старшим именно его.

— Однако это моя настоятельная просьба. О Крузенштерне просит вдовствующая императрица Мария Федоровна. Он приходится каким-то родственником статсдаме графине Ливен. Я понимаю ваше положение, Николай Петрович. Но иногда обстоятельства бывают

сильнее нас. Вы, наверное, слышали об этой статс-даме, графине Шарлотте Карловне, урожденной баронессе фон Поссе.

— Хорошо, Николай Петрович, мы вашу просьбу исполним, — вздохнул Резанов.

— Благодарю. А теперь у меня еще одна просьба.

— Слушаю, ваше сиятельство.

— Многое мы сделали для акционеров под победные звуки фанфар, Николай Петрович. Я понимаю, это необходимо. Но мы с вами знаем, что поселения русских в Америке находятся в... я бы сказал, в неудовлетворительном состоянии. Так ведь, мой друг?

— Я согласен, дело требует еще много внимания.

— Ну вот. Ваш Баранов, будь он даже семи пядей во лбу, не в состоянии без существенной поддержки преодолеть все трудности, сопряженные с устройством нового края.

— И я так думаю, Николай Петрович.

— Тогда к делу. Я предлагаю вам, как превосходно осведомленному человеку о всех делах Российско-Американской компании, принять полномочия правительства на себя. Я знаю вашу горе, Николай Петрович, недавно вы похоронили свою супругу. Но может быть, в дальних странствиях вам будет легче. Недаром говорят, что дорога лечит горе.

Резанов выслушал предложение министра, опустив голову. Он понимал, что судьба Америки во многом зависит от его решения.

— Я согласен, ваше сиятельство. Согласен без всяких отговорок. Забота о далекой Америке мне досталась в наследство от Григория Ивановича Шелихова. Я готов пожертвовать своим спокойствием и удобствами.

— Очень хорошо, я рад. — Министр встал и слегка обнял приподнявшегося Резанова. — И благодарю вас сердечно...

Во второй половине мая месяца Резанов был призван к императору. Александр сам вышел в приемную комнату и пригласил Николая Петровича к себе.

— Я слышал, что недавно вы потеряли жену и у вас остались маленькие дети? — сказал император.

Николай Петрович смахнул слезы.

— Успокойтесь, мой друг... Мне сказали, что вы хотите отправиться в далекое путешествие. Может быть, оно исцелит вас, поможет вам забыть вашу горе.

Император был ласков, внимателен и расположил к себе Резанова.

— Да, я дал согласие графу Румянцеву.

— Николай Петрович, — изменив тон, сказал император. — Я хочу назначить вас своим посланником к японскому двору. Согласны вы принять мое предложение?

— О, государь... — Резанов поклонился императору. — Высоко чту ваше милостивое доверие.

— Я возьму ваших детей под свое покровительство. А ваша служба не будет забыта.

— Согласен, ваше величество, и сделаю все, что зависит от моих сил... Каждый день готов жертвовать для вас жизнью своей.

— Благодарю вас, мой друг. — Император пожал руку Резанову. — Попытка завязать отношения с Японией, предпринятая при императрице Екатерине, окончилась неудачей. Предполагалось направить еще одну экспедицию в Японию, но мой отец не захотел следовать по стопам своей матушки. Ознакомьтесь с докладом Адама Лаксмана и иркутского губернатора. Вы должны удостовериться, как обстоят дела с этими загадочными странами. Назначаю вас действительным камергером своего двора. В преддверии ваших больших заслуг награждаю орденом святой Анны первой степени.

— Благодарю вас, ваше величество, я не достоин таких почестей.

— Под ваше начальство отдаются оба корабля компании. Вас будет сопровождать почетная миссия, состоящая из уважаемых лиц...

После разговора с Александром Резанов удостоился поцеловать руку императрицы Елизаветы.

День был праздничный, и во дворец съезжались приглашенные.

«Для праздничного дня, — записано в камер-фурьерском журнале, — съехались ко двору знатные придворные и прочие особы обоего пола, персоны и чины военные, дамы в круглом, кавалеры в праздничном платье и собрались: придворные и имеющие вход за пост кавалергардов в Кавалерском зале, прочие же в комнате, где пост кавалергардов».

Обласканный императором, Николай Петрович не стал дожидаться праздничной церемонии. Ему хотелось скорее рассказать обо всем Михаилу Матвеевичу Булдакову.

Провожаемый завистливыми взглядами придворных, Резанов быстро миновал кавалергардский пост, оделся в передней и вышел на Дворцовую площадь.

Настроение у Николая Петровича было приподнятое. Он словно отошел от собственных своих забот и думал только о предстоящем путешествии. Он увидит Русскую Америку. Чем он может ей помочь? Каким окажется правитель Баранов при близком знакомстве? Николай Петрович бесконечно просматривал списки товаров для компанейских нужд, приготовленных к погрузке. Не забыть бы главного, в чем нуждаются люди в Америке.

В один из теплых июньских вечеров он сел за стол, зажег свечи в серебряном канделябре.

«...Теперь готовлюсь к походу, — писал он другу своему, Ивану Ивановичу Дмитриеву. — Два корабля купеческих, купленные в Лондоне, отдаются в мое начальство. Они снабжены прекрасным экипажем. В миссию со мной назначаются гвардии офицеры, а вообще для путешествия — ученая экспедиция.

Предмет моего путешествия, — писал Резанов, — относится более до торговли. Я должен произвести все возможные опыты, ибо одно из двух судов, со мной назначенных, принадлежит компании. В Америке должен я также образовать край тот, сколько позволит мне время и малые мои способности. Я везу туда семена наук и художеств; со мной посылают обе академии книги и картины, также и многие частные люди посылают кто книги, кто бюст, кто эстамп, кто картину, кто творения свои, и я желал бы, чтобы имя русского Лафонтена украсило американский музей. Пришли, любезный друг, творения свои при письме, которые я положу там в ковчеге, сохраняющем потомству память первых попечителей о просвещении края того. Я прошу вас, как друга, не лишать меня сего удовольствия. Сделайте мне также чувствительное одолжение, постарайтесь убедить к таковому же подвигу великих мужей века нашего, в Москве пребывание имеющих».

Николай Петрович поправил пальцами обгоревшие фитили у оплывших свечей и несколько минут сидел задумавшись, устремив взгляд в окно.

Белая петербургская ночь царила над городом. Резанов стал думать, что его ждет в долгом плавании вокруг всего земного шара. Выдержит ли здоровье? Здоровьем он никогда не мог похвастаться. Но желание «образовать» для России новый край глушило всякие сомнения. Резанов снова взялся за перо:

«Прощай, любезный друг мой, будь здоров и благополучен. Когда подрастут дети мои и ты с ними встретишься, скажи им, что знаешь об отце их и матери, помоги советами своими, чтобы были они добрые люди и верные сыны отечества, для которого ими их отец пожертвовал. Сего единого просит от дружбы твоей преданный и душою тебя чтущий Резанов.

P. S. Державин прислал мне сочинения свои в кадьякскую библиотеку. Не согласится ли кто из московских писателей прислать что-нибудь, чтобы увековечить свое имя? Распусти, любезный, слух сей. Все безделки вообще составят знатное собрание».

За две недели до окончания погрузки император назначил в свиту чрезвычайного посла Резанова несколько чиновников и офицеров. Здесь были из свиты его величества майор Фредерицкий, подпоручик гвардии Федор Толстой, надворный советник Фосс, доктор медицины Бринкин, живописец Курляндцев и иеромонах Гедеон.

Камергер Резанов получил подробную инструкцию, утвержденную императором, для точнейшего выполнения возложенных на него поручений и триста золотых и серебряных медалей для раздачи отличившимся в колониях на службе компании.

В делах Лаксмана нашелся лист со знаками японского императора, заключавший в себе дозволение одному русскому судну прибыть в Нагасаки с представителями для ведения переговоров с японским правительством. Это давало некоторую надежду.

На следующий день Иван Федорович Крузенштерн был приглашен в кабинет главного директора компании Булдакова.

Крузенштерн явился в парадной форме, при орденах.

— Рад вас видеть, господин Крузенштерн. Прошу вас, садитесь.

Михаил Матвеевич тоже был в парадном мундире коллежского советника и при шпаге. В прошлом году он был представлен государю, обласкан его величеством и чувствовал себя крепко.

За спиной директора нависал большой портрет российского императора, поражавший посетителей лентами и орденами, во множестве сиявшими на его груди.

Крузенштерн сухо ответил на приветствие. Держался гордо и независимо.

— Господин Крузенштерн, — немного подзамявшись, начал главный директор, — я хочу вас предупредить, что в инструкцию, врученную вам, мы должны внести существенные изменения... Начальником экспедиции назначается его превосходительство Резанов, действительный камергер двора и посол его величества к японскому императору. Компания считает своим приятным долгом уполномочить его полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке...

— Но ранее было сказано, что начальствовать над экспедицией поручено мне, — несколько опешив, сказал Крузенштерн.

— Совершенно правильно, но теперь вы начальник над своим кораблем и над кораблем господина Лисянского, и вам надлежит во время вояжа командование судами и морскими служащими, яко частью, зависящей от собственного вашего искусства. Компания выдала аккредитивы Николаю Петровичу Резанову, и только с его ведома вам позволено расходование компанейских денег. Вам надлежит согласовывать с Резановым попутные заходы в порты. Новая инструкция секретна, но Николай Петрович познакомит вас с ней перед отъездом.

— Значит, моя должность будет заключаться в том, чтобы смотреть за парусами?

— Вы преувеличиваете, господин Крузенштерн.

— Я не согласен на таких условиях идти в плавание, — поднимаясь с кресла, твердо сказал Крузенштерн. — Я офицер императорского флота и не позволю командовать статскому у себя на корабле, кем бы он ни был.

— Что ж, мы будем вынуждены просить Адмиралтейство назначить на ваше место другого офицера. Новая инструкция утверждена правлением компании и представлена его величеству государю императору.

— И что же император?

— Инструкция высочайше одобрена.

Воцарилось тягостное молчание. Лицо Крузенштерна побледнело.

— Воля императора для меня священна, — сказал Иван Федорович и склонил голову.

— Очень рад, Иван Федорович, что мы поладили. Желаю счастливого плавания и благополучного возвращения, но, ради бога, держите в памяти, что вы находитесь на службе компании и должны превыше всего почитать ее интересы. Главный предмет экспедиции: для облегчения торговли Российско-Американской компании проложить путь морем к нашим селениям в Америке, открыть свободную торговлю с Японией, в Китае отыскать вход кораблей в Кантонскую гавань...

«Крепкий орешек его морское благородие, — подумал Булдаков, проводив гостя. — Такому только дать за что уцепиться. А наш Николай Петрович — человек мягкий, деликатный. Не проглотил бы его Крузенштерн...»

Михаилу Матвеевичу Булдакову недавно исполнилось тридцать семь лет. За три года он попривык к столице и чувствовал себя свободно. Дела компании пошли в гору. Шутка ли, сам император в пайщиках! Главный директор был здоров, крепок и имел железную хватку.

Погрузка на суда, стоявшие в Кронштадте, шла полным ходом. Груз поступал разный. Грузили якоря, пушки, железо, свинец, медную посуду, канаты, парусное полотно и всякого рода провиантские грузы. Особое место в трюме «Надежды» занимали царские подарки, предназначенные японскому императору. Подарков было много, почти на триста тысяч рублей.

26 июня Петербургская Академия наук избрала Николая Резанова своим почетным членом.

Ремонт затянулся, поэтому выход в плавание откладывался на июль.

Иван Федорович все еще не мог смириться. Как круто повернулось колесо фортуны! Будто все складывалось отлично. Он был назначен начальником, и это давало ему неограниченную власть и над кораблями и над людьми. Но черт возьми этого Рязанова! Он смешал карты. Камергер и действительный статский советник, его превосходительство, по чину равен

контр-адмиралу...

И теперь он, Крузенштерн, командир над двумя кораблями, а Резанов — начальник экспедиции, и ему принадлежит верховная власть. Кажется, все справедливо, сам император узаконил место Резанова, но Крузенштерн все еще пытался найти выход... Он хотел разом получить все, и получить не по чину. Ведь таких, как он, офицеров, обучавшихся в Англии, было полтора десятка — одни лучше, другие хуже, но в общем-то все получили достаточно знаний для командования кораблями. Какие преимущества он, Крузенштерн, имел перед товарищами, однокашниками? Да никаких! Разве что у него были связи при дворе среди остзейских немцев. Но Иван Федорович крепко держался за жизнь. В данном случае он считал, что кругосветное плавание поставит его на голову выше всех однокашников и обеспечит ему карьеру. И только кругосветное путешествие, а не какие-то коммерческие дела. Он проклинал жалких купчишек, вмешивающихся в снаряжение и отправку экспедиции. Ему был противен вид всяких мешков и ящиков, грузившихся в трюмы корабля.

В который уже раз он про себя проклинал Лисянского за недосмотр при покупке кораблей в Лондоне. На «Надежде» Иван Федорович сменил две мачты, оказавшиеся гнилыми, и весь такелаж. Он придирчиво пересматривал мореходные инструменты, карты, книги, привезенные из Англии.

Нет, мореходные инструменты были в порядке. Компания не пожалела денег на то, чтобы снабдить экспедицию по самому высокому классу. Он несколько раз с досады принимался ругать московского купца Федора Шемелина, назначенного старшим компанейским приказчиком.

21 июля на флагманский корабль «Надежда» прибыл из Петербурга чрезвычайный посол к японскому двору действительный статский советник Резанов вместе со своей свитой. Проводить посла приезжали министр коммерции граф Николай Петрович Румянцев и товарищ министра морских сил вице-адмирал Павел Васильевич Чичагов.

Резанов и его свита заняли приготовленные для них помещения. Как всегда в подобных случаях, оказалось много недовольных. Крохотные каютки не нравились вельможам, привыкшим к обширным апартаментам.

Николай Резанов, с белым лицом и учтивыми манерами, сразу стал ненавистен Ивану Крузенштерну.

В яркий солнечный день 23 июля на корабли прибыл император Александр в сопровождении адмирала Чичагова, графа Николая Петровича Румянцева и чрезвычайного посла Николая Резанова.

Митрополит Амвросий на палубе «Надежды» отслужил молебен, испрашивая у небес благополучного плавания, и обошел оба корабля, по обычаю кропя их святой водой.

На палубах при приближении императора выстроились матросы и офицеры. Если читатель представляет себе белоснежные шеренги с синими воротниками и бескозырками, он ошибается. Матросы были одеты в зеленые мундиры и такого же цвета длинные брюки. На головах круглые шляпы. Мундиры со стоячими воротниками и разрезными обшлагами. Унтер-офицеры отличались полубоярковыми шляпами с приподнятым с одного бока полем и черным бантом из гарусной ленты с оранжевым кантом и пуговками. Мундиры, как у матросов, темно-зеленого сукна, на воротнике и обшлагах блестел золотой галун.

Артиллерийская команда несколько отличалась от матросов. Шляпы у артиллеристов полубоярковые, треугольные, с пуговицей. Темно-зеленые мундиры с загнутыми полями и фалдами и белого сукна стоячий воротник. Пуговицы у артиллеристов медные, литые, были надраены и блестели на солнце.

Лица матросов, простых русских мужиков, были серьезны и задумчивы. Ведь они уходили в плавание надолго по океанам, им доселе неведомым, и в неведомые земли. Уходя, они прощались с родными и близкими, будто шли на смерть.

За митрополитом на флагманский корабль взошел император со свитой. Он прошел вдоль молчаливых матросских шеренг, пожелал им счастливого плавания. Затем Александр отправился на «Неву» и тоже сказал матросам напутственное слово. Наверно, никогда на палубе этих двух кораблей не было столько адмиралов, как в этот день.

— Хороши ли суда, как по-вашему, командир? — обратился император к Крузенштерну.

— Превосходны, ваше величество.

— Очень рад, очень рад. А какова их скорость?

— Полагаю, не меньше одиннадцати узлов в хороший ветер, ваше величество.

Закончив осмотр кораблей, император снова обратился к Крузенштерну:

— Есть ли у вас личные просьбы ко мне?

— Никак нет, ваше величество.

На прощание император подал Крузенштерну руку для поцелуя, которую Иван Федорович облобызал, встав на колени.

Император сошел с борта «Надежды» и покинул рейд под несмолкающие крики «ура» и пушечную пальбу.

На следующий день в Дворянском собрании Петербурга в честь кругосветной экспедиции был дан обед. На обеде присутствовал император со свитой и многие адмиралы и офицеры столицы.

Николай Петрович Резанов сидел по правую руку от императора и был в полном смысле слова героем дня. За его здоровье пили шампанское и говорили речи.

Капитан-лейтенант Крузенштерн и Лисянский, как самые малые в чинах, сидели в тени от яркого, как солнце, императора, и никто не помнит, было ли сказано в их честь хоть одно приветное слово.

Зато подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Федор Толстой, сидевший рядом с командирами кораблей, весь вечер веселил их своими забавными выходками. Изрядно выпив, подпоручик Толстой выкрикивал скверные слова, приставал к штатским, оскорблял и словом и действием. Под конец обеда слуги вывели его из зала и отвезли домой в бесчувственном состоянии.

26 июля 1803 года в восемь часов утра с корабля «Надежда» выстрелом из пушки дали знать о начале движения.

Пользуясь попутным ветром, вместе с компанейскими кораблями снялись с якоря более трех десятков купеческих судов разных флагов. Они прощались с русскими кораблями и желали счастливого плавания.

Глава шестнадцатая. БОГУ МОЛИСЬ, А ЧЕРТА НЕ ГНЕВИ

Южнее острова Ситки расположен остров Бобровый. Он вытянулся к югу почти на сто миль. От материкового берега остров отрезан узким и глубоким проливом. А у южного входа в пролив море врезалось в берег обширным заливом. Здесь, среди множества малых и больших островов, покрытых зеленой шапкой леса, можно найти не одну спокойную бухту, хорошо укрытую от ветра и любопытных глаз.

На каменистых мысах и скалах, куда ни глянь, лежат бархатно-черные звери. Это морские бобры. Они покачиваются на зеленоватых волнах, ищут корм в зарослях водорослей. В некоторых местах серые камни словно смолой залиты — бобры залегли целым стадом. Никто не мешает зверю, тишина, крикливые чайки, снующие над морем, не привлекают его внимания.

Солнечный, безветренный день. Бриг, выкрашенный в зеленую краску, стоял в удобной бухте небольшого острова у входа в пролив. Несколько индейских батов теснились у его бортов. На берегу виднелись индейские бараборы. Дальше темнел густой лес.

Бриг заметно отличался от галиотов и фрегатов, построенных в Охотске и в Русской Америке. Да и корпуса своих судов русские не красили зеленой краской.

Капитан брига англичанин Роберт Хейли три года назад купил свое судно в Ливерпуле.

В капитанской каюте на раздвижном стуле сидел индеец Котлеан, племянник великого вождя Скаутлельта. По родовым обычаям Котлеан должен был сделаться вождем племени после смерти Скаутлельта. Котлеан был молод и самонадеян. Это он избил индианку-переводчицу на острове Ситке и грозил правителю Баранову. Сейчас он приехал на английский бриг, чтобы выкупить захваченных капитаном Хейли заложников.

Возле индейца стоял креол-переводчик. Русские на острове Кадьяк звали его Иваном. Англичане прозвали Джоном.

— Переведи, Джон: мне нужны шкуры морского бобра.

— Сколько тебе нужно шкур?

— Две тысячи.

— О-о-о, столько у меня нет. Столько нет у всего племени. Вот раньше, когда не было русских...

— Ну, запел свою песню! В конце концов, это становится скучным. Что ж, мне самому добывать бобра? Мои люди попросту не смогут этого делать.

— У русских промышляют бобров кадьякские жители. Равных им на охоте нет.

Капитан отпил из фляги, висевшей у него на ремне, и вытер платком рот.

Хейли был небольшого роста, полный мужчина, никогда не повышавший голоса. На бледном, болезненном лице торчал пуговкой нос. Рыжие густые бакенбарды придавали ему добродушный вид. Он был похож скорее на пастора англиканской церкви, чем на капитана.

— Сколько в год можно добыть бобров в здешних местах?

Индеец подумал, пошевелил пальцами.

— Русские смогут добыть за год десять тысяч бобровых шкур.

Капитан Хейли схватился за голову.

— Десять тысяч? Боже мой, и ты хочешь выпустить этих бобров из своих рук?!

Индеец молчал.

— Скажи, в складах на Ситке у русских много ли бобровых шкур?

— Много.

— Почему не вывозят в Охотск?

— У них погибло четыре корабля.

— Хм... Сколько же на складах шкурок?

— Наверное, три тысячи.

— Так... А если тебе захватить эти склады?

— Русские — мои друзья.

— Хорошо, а если я отпущу твоих людей и не возьму за них бобровых шкур? Наоборот, ты получишь из русского склада всю пушнину, только две тысячи бобров отдашь мне.

Индеец молча покачал головой.

— Не хочешь? Подумай, когда русские укрепятся на Ситке, они заставят твоих людей добывать для них бобра, а тебя самого сделают рабом. Они сделают вот так... — Капитан взял со стола ножницы и сделал вид, что хочет отрезать индейцу волосы, как отрезали у рабов.

Котлеан отшатнулся.

— Котлеан не будет рабом.

— Я слышу, в тебе заговорил мудрый вождь. Ну, а если я подарю тебе десять красных и десять синих одеял и двадцать саженой голубого бисера? Слушай, я дам тебе двадцать ружей, самых новых, таких нет у русских, и четыре медные пушки. Ну конечно, много пороха и пуль. А потом, разве не время тебе быть вождем? Дядя твой стар и плохой воин.

Роберт Хейли видел, как у индейца загорелись глаза. После прихода Баранова к нему в барабору многие смеялись над его бегством, но Баранов простил его и не стал мстить, и Котлеан под нажимом своего дяди Скаутлельта оценил его великодушие. Но теперь в нем заговорило тщеславие.

— Ты навсегда освободишься от русских, — продолжал капитан вкрадчиво. — Необходимо захватить крепость на Ситке и уничтожить русских по всему берегу. Они не ожидают такого удара.

— Мы заключили договор с русским правителем Барановым, подписали бумаги, — нерешительно ответил индеец. — Мы должны быть друзьями.

— Это ровно ничего не значит. Обмануть врага — достойное дело. Надо найти бумагу и сжечь ее, и тогда все будет чисто.

— Хорошо, — все еще колеблясь, пробормотал Котлеан. — Надо подумать. Вот если бы ты дал мне сорок ружей и много рома — мне надо угостить воинов, — тогда...

— Ты хочешь совсем меня разорить, Котлеан. Но что делать, я дам тебе сорок ружей и ром.

Итак, ты согласен?

— Согласен.

— Дай руку и поклянись, что не обманешь меня!

Индеец послушно протянул руку.

— Клянусь своими предками, — сказал он, — быть верным своему слову. Пусть меня накажут боги!

— Обещаю разрушить крепость на острове Ситке и убивать всех русских на своей земле, — сказал капитан. — Повтори.

Котлеан повторил слова клятвы.

Роберт Хейли хлопнул в ладоши. В дверях возникла плотная фигура стюарда.

— Пусть помощник приведет ко мне заложников.

Долго ждать не пришлось. Помощник привел четырех индейцев, скованных железными наручниками. Капитан Хейли небольшим ключом открыл браслеты.

— Получай своих, вождь Котлеан. Ровно через пять дней я буду у восточного берега острова Ситки и выгружу там пушки, порох, ружья и все, что ты просил. Собирай людей, медлить нечего. Ах, я забыл сказать тебе, Котлеан, что сегодня утром русский корабль с косыми парусами вышел из пролива и направился на юго-восток, к матерому берегу.

— На переднем парусе у него большая заплата, — сказал Котлеан. — Знаю. Он здесь не первый раз... Капитан возит с собой русскую жену.

— Вот видишь, как далеко забралась эта русские. Ну, иди, великий вождь, тебя ждут дела...

Роберт Хейли подумал, что его торговле мешают и купцы республиканской Америки, которые набивают цены на меховые товары. Когда индейцы ушли, капитан задумался и долго не спускал глаз с тлеющих углей в жаровне.

— Господин капитан, я вам больше не нужен?

— Ах, это ты, Джон... Иди, отдыхай. Скоро тебе придется много работать, — не отрывая взгляда от синеватых огоньков, отозвался капитан. — Скажи помощнику, что я хочу его видеть.

Иван вышел из каюты, тихонько притворив дверь.

Капитан Хейли был странным человеком: жестоким и вместе с тем религиозным. Он не расставался ни днем ни ночью с Библией, подаренной ему на африканском берегу миссионером-англичанином. Днем он носил ее в кармане, а ночью клал под подушку. Так же, как с Библией, он не расставался с пистолетом и держал его всегда заряженным.

Тридцать лет он плавал на невольничьих кораблях, совершавших рейсы из Ливерпуля по знаменитому рабскому треугольнику. Его невольничий корабль отплывал из Англии с грузом разных товаров. На африканском берегу побрякушки прибыльно обменивались на негров, которые на американских плантациях еще раз обменивались с большим доходом на груз колониальных товаров для Англии.

Во время постыдной торговли рабами негры основательно подпирали экономику Англии, негров обменивали на товары, производимые в Англии. На плантациях Вест-Индии

невольники вырабатывали сахар, каучук, черную патоку. Привезенные в Англию, эти товары порождали там новые отрасли промышленности. Только за прошлый год доходы от вест-индских плантаций составили четыре миллиона фунтов стерлингов против одного миллиона, полученного от торговли со всем остальным миром.

На совести капитана Хейли не одна сотня негров, погибших от его жестокости. Но не из-за раскаяния он решил бросить работорговлю. Совесть его была спокойна. Роберту Хейли пятьдесят лет, и по ночам он долго не мог уснуть. Появилась одышка, головокружение. Тропическая жара подорвала здоровье, и наступило время переменить климат.

Пять лет назад он встретился с одним интересным человеком — торговцем меховым товаром. Торговец рассказал Роберту Хейли о замечательных шкурках морского бобра и котика, которые можно за бесценок приобрести на северо-западе Американского материка и продать за большие деньги, намного превышающие стоимость черного человека.

И Роберт Хейли решил попробовать. Действительность превзошла все его предположения. Морской бобер и котик за три северных плавания обогатили его. Рассчитывался он стеклянными бусами и бисером.

Если торговля шла плохо, он менял шкурки на ром и брал у индейцев заложников. Еще пять лет такой торговли, и он станет одним из самых богатых людей в Англии. Но мешало одно обстоятельство: русские! Они считали себя хозяевами этой благодатной страны и не давали ему поступать, как он поступал в Африке.

— Сэр, вы меня звали? — Ричард Мейлз, помощник капитана, вошел в каюту. Это был высокий и плотный моряк с огромными ручищами и громким голосом.

— Да, дорогой Мейлз. — Капитан отодвинул Библию. — Садитесь поближе, вот сюда.

Ричард Мейлз поспешно опустился в кресло и приготовился слушать. Отношения с капитаном были у него отличные, но тем не менее он никогда не заставлял его повторять свои приказания дважды.

Капитан начал издали.

— Здешние индейцы неплохо воют. — Он зевнул и закрыл рот ладонью. — Но совсем не пригодны для тяжелой работы. Я попробовал продавать их на плантации. Куда там! Через год они умирали. То ли дело черные рабы! Прекрасно переносят тяжелый труд и отлично размножаются. Если бы дело обстояло иначе, в Америке давно исчезли бы все индейцы. Ты не думай, я не жалею, что ушел из Черной Африки, нет. Здешний климат действует на меня благотворно. Я стал дышать свободнее и спокойно сплю. Но уж если я взялся торговать пушниной, то не хочу прибыль отдавать русскому дяде. Я договорился с вождем диких. Думаю, что через месяц мы уничтожим русский форт на Ситке. Он стоит у меня поперек горла, как кость. Русские удачно выбрали место, форт стоит посередине обильных бобровых обиталищ. Здесь нет выбора. Кто владеет Ситкой, тот хозяин бобровых шкур.

— Да, сэр, — поторопился подтвердить помощник. — Я вполне согласен с вами, сэр. Но вместе с тем опасаясь, не вызовет ли уничтожение форта ответных мер.

— Пусть русские расправляются с индейцами как хотят. Это нам на руку. Они превратят диких во врагов, — отозвался капитан. — Приготовь все по этому списку и, когда я дам приказ, вывезешь на берег. Ты понял меня, Мейлз?

— Я понял вас, сэр!

— Ну вот и прекрасно, а сейчас оставь меня.

Когда помощник ушел, Роберт Хейли вызвал трех матросов, которым доверял больше других. Он угостил их большой чаркой рома и сказал без всяких предисловий:

— Тебя, Том, тебя, Вилли, и тебя, Джек, я высажу на остров. Вы пойдете к русскому форту, скажете коменданту, что я высадил вас заслушание, и попросите у русских помощи. Пустите слезу: русские, говорят, добрые люди. В крепости обращайтесь внимание на все. К вам придет индеец и попросит впустить в крепость. Откройте ему ворота. А самое главное, разузнайте, где у русских хранятся бобровые шкурки. Надо ударить краснокожих по рукам, если они попытаются взять их себе. Я по-королевски вас отблагодарю, если дело кончится удачно. Надо разорить русское гнездо. Тебе будет легко, Том, ты ведь говоришь по-русски, — похлопал он по плечу маленького, щуплого матроса.

Наступил вечер. Капитан Хейли долго молился, перед тем как улечься спать. Ровно в десять часов он задул свечу и, положив под подушку Библию и пистолет, улегся в постель.

Вскоре на бриге все спали. Только вахтенный матрос не уходил с палубы. Он следил за якорными канатами, наблюдал за берегом. Ночью ветер переменился, задул с моря, и бриг стал медленно разворачиваться носом на ветер. В темноте матрос не заметил, как к борту подошла индейская лодка. Переводчик-креол Иван по веревке спустился в нее, и лодка так же бесшумно отошла от брига.

Целый месяц зеленый бриг кружил у острова Ситки — поднимался до Ледяного пролива, входил в ситкинский залив, — и капитан Хейли, спрятавшись за островами, наблюдал в подзорную трубу, что делается в русской крепости. Подойти открыто капитан не отважился. Зеленый бриг снова и снова выходил в море и крейсировал у восточного берега острова.

Повсюду капитан Хейли видел кадьякских зверобоев на байдарках, промышлявших для русских морского бобра. А проклятый зверь будто дразнил капитана: море кишело бобрами. Приходилось проходить мимо, чуть не задевая бархатные шкурки бортами. Матросы принимались стрелять из ружей, но только пугали зверя. Несколько раз капитан Хейли останавливался у индейских селений и пытался приобрести бобров, но индейцы отдавали их неохотно, и только за ружья, порох и свинец. К концу месяца в трюме брига лежали четыреста бобровых шкур. Конечно, бобры в Кантоне стоят дорого, но не о такой добыче мечтал капитан.

Он все чаще и чаще думал о том, сумеют ли индейцы захватить крепость на Ситке, и стал плохо спать.

Как-то вечером, встретив у южного мыса три отбившиеся от партии байдарки, он застрелил кадьякцев, а байдарки утопил.

Наконец наступило долгожданное время! Роберт Хейли обошел с запада приметный южный мыс острова Ситки и направил свой бриг между мысом и лесистым островом. Юго-восточный ветер надувал паруса брига и, как всегда, принес дождливую погоду.

Восточный берег острова высок и лесист. Капитан не боялся идти в тумане, зная, что берега приглубы, а море спокойно. Сквозь поредевший туман он разглядел водопад, потом три сигнальных костра, зажженных на мысу при входе в небольшой заливчик. Здесь находилось индейское селение, настроенное враждебно против русских Робертом Хейли. Отсюда шла протока в пролив Погибших, омывающий с севера остров Ситку. Не выходя в открытое море, индейцы на своих батах могли кратчайшим путем добраться до крепости архистратига Михаила.

Пройдя две мили на запад, капитан Хейли увидел еще два огня на берегу и на глубине пятнадцати сажен положил якорь.

— Спускайте обе шлюпки, Мейлз, да поторапливайтесь, время не терпит. Как якорь, боцман?

— Якорь держит, сэр.

Команда на бриге была отличная, все делалось быстро и правильно. За каких-нибудь полчаса шлюпки были спущены на воду, погружены и отошли от борта.

Большая барабора, или кажим, назначенная для камланий кудесников и разных сборищ, была закрыта изнутри, и у входа стояли два вооруженных воина. В бараборе собрались на совет вожди не только с острова Ситки, но и со всех окрестных селений, расположенных на островах и на берегах проливов.

Решался важный вопрос: как быть с русскими? Согласились на продажу Ситки и подписали мирный договор с правителем Барановым три колошских вождя: Скаутлельт — вождь индейцев, живущих на морской стороне острова, Каунхан — вождь многочисленного племени стахинцев и Скаатагеч — вождь чилхатских индейцев. Все они были волчьего рода. На совете присутствовали еще девять вождей, и четверо из них — вороньего рода. Такие советы целого народа были незаурядными и созывались очень редко.

У дверей кажима высился столб с гербом хозяина, принадлежащего к вороньему роду. Он был из племени лягушки, и на его гербе красовалась окрашенная в коричневый цвет лягушка. Остальные вожди поставили доски со своими гербами вдоль передней стены кажима. С одной из досок глядела волчья голова с открытой пастью — герб грозного племени кухонтанов. На соседней нарисован орел. На других изображены головы медведя, гуся, вороны, филина, рыбы кижуч, морского петушка и сивуча.

Индейцы-колоши, природные американцы, жили на островах, примыкающих к материку, начиная от реки Колумбии и до горы Святого Ильи на севере. Их можно назвать морскими индейцами, вся их жизнь связана с морем в отличие от индейцев, обитающих на материке, в лесах.

Колоши разделяют себя на два рода: волчий и вороний. Индеец волчьего рода заочно называет индейца вороньего рода чужим, а в глаза зятем или шурином, ибо колоши женятся только на чужеродной. Так же поступают и индейцы вороньего рода. Однородцы называют друг друга земляками и друзьями. Оба колошских рода делятся на несколько племен, носящих название какого-нибудь зверя, птицы или рыбы. Каждое племя имеет свой знак или герб, на котором изображено животное, именем которого названо племя...

Внутри кажима густой табачный дым ел глаза. Индейцы курили трубки без перерыва. Сначала вожди были согласны со Скаутлельтом. Правитель Баранов слыл грозным, но справедливым человеком, и все считали, что лучше жить с ним в мире. Но племянник Скаутлельта Котлеан после разговора с капитаном Робертом Хейли стал рьяно выступать против своего дяди и сумел склонить некоторых вождей к войне против русских.

На совете Котлеан обвинил Скаутлельта в трусости.

— Ты, которого все боятся, крестился и стал прислуживать русским. Мы должны, как и прежде, торговать только с теми, кто нам больше платит. Баранова надо гнать с острова, крепость разрушить и построить свою. Если ты стар и немощен, я буду воевать вместо тебя... Может быть, ты боишься русских?

Вожди посмотрели на Скаутлельта. Он сидел, склонив голову. На ушах его хорошо заметны восемь дырок, проколотых по числу отпразднованных игрушек²⁴. Только очень богатый вождь мог позволить себе такой огромный расход. Это вызывало уважение. У остальных было по две-три дырки.

— Кто за войну? — спросил Котлеан. — Пушки, ружья и порох дают англичане. Их корабль придет сегодня к нам.

Восемь вождей согласились воевать с русскими. Остальные, оставшиеся в меньшинстве, должны были подчиниться.

— Я поведу своих братьев на крепость, — поднял голову Скаутлельт. — Я не боюсь смерти. Все мои родичи — великие вожди. Это знают все. — Он посмотрел в глаза каждому, кто сидел на совете. — Но нанук Баранов отомстит нам жестоко, я это знаю... А теперь, друзья, давайте обсудим, как будем воевать с русскими.

Вожди стали высказывать свои мысли. Никто не торопился и говорил, сколько хотел. Остальные слушали молча, ничем не показывая, одобряют они оратора или не согласны с ним.

На совете вожди договорились захватить ситкинскую русскую крепость. И все же они решили выслушать мнение шамана. Вожди хотели знать наверняка, удачен ли будет военный поход.

После ужина у вождя Скаутлельта они снова собрались в кажиме, прибранном рабами как можно чище. Ярко горевший костер освещал сидящих на скамьях вождей.

Шаман и родственники, помогавшие ему, не ели и не пили весь день, чтобы очиститься.

Послышался удар в бубен, висевший справа от двери. Родственники шамана запели песню. Шаман в полном параде стал бегать вокруг огня, при каждом движении космы его, соприкасаясь, издавали деревянный звук. Шаман не имеет права стричь свои волосы, а чтобы они не мешали, он пропитывает их сосновым липким соком. Волосы превращаются в космы, длинные и твердые, как дерево.

Шаман долго кривлялся всем телом в такт бубну и песням, пока не дошел до совершенного исступления. Глаза его закатились под лоб. Лицо обращено кверху, к дымовому отверстию... Вдруг он остановился и замолчал. Умолкли песни и бубен. Вожди, не отрывая глаз от шамана, ждали, когда заговорит дух, вселившийся в него. Но дух оказался не тот, которого ждали, и, переодев маску, шаман снова начал петь и танцевать. Его помощник бил в бубен колотушкой, обтянутой котиковым мехом, и звуки получались тихие, приглушенные.

— Война будет удачна и добыча богатая. Но десять рабов должны быть убиты, а два — выпущены на свободу, — вконец утомившись, изрек жрец.

Вождь Скаутлельт назначил к смерти своих рабов. У него их было много — больше двухсот. Все они работали на чилхатского волка, умножая его богатства. Вождь никуда, даже за самым нужным делом, не ходил, но всегда рабы носили его на плечах.

Утром с восходом солнца на площадь привели обнаженных рабов со связанными руками, они знали о своей участи и покорились ей.

Им приказали плясать. На смертную пляску приговоренных рабов вышли смотреть все индейцы, проживавшие в поселке, и все рабы.

В танцующих воины пускали стрелы. Не с полной силой, а ранили лишь слегка. Мальчишкам дали копья, и они подбегали и кололи рабов. Тела приговоренных к смерти постепенно покрывались кровью, они ослабевали и больше не могли танцевать. Тогда самые сильные воины закалывали их копьями.

Война начиналась.

В тот же день из индейского поселка вышли три малых бата. На переднем сидели

воины-разведчики, на втором — английские матросы, на третьем везли съестное и воду в корзинах, сплетенных из травяных кореньев. Узкий, осыхающий пролив, местами шириной всего три-четыре кабельтова, баты прошли за два часа. Гребли короткими веслами с обоих бортов. Когда вошли в пролив Погибших — так его называли русские²⁵, — увидели партию кадьякских байдарок, промысляющих морского бобра. Пришлось прижаться к берегу и пропустить байдарки, идущие на восток к проливу Чатам. Индейские баты двинулись на запад.

До узкой части пролива, где он круто поворачивается на юг, индейцы выгребались почти четыре часа. Потом пошли снова узкости. Здесь грести стало труднее. Ситкинские колоши — отличные мореходы — знали, у какого берега надо держаться, с какой стороны обойти островок, на каком расстоянии оставить мыс. От самого узкого места пролива можно выходить в океан, а можно не отрываться от берега, продолжать путь на юг. Пройдя остров Партовщиков, индейцы решили переночевать. Втащили на берег баты, развели костры, поужинали и, завернувшись в свои плащи, быстро заснули — все, кроме дозорных, всю ночь ходивших у лагеря.

За день колоши обошли весь северный берег острова Ситки, несмотря на крепкий ветер с северо-востока. До индейского селения, расположенного у русской крепости, оставалось всего двенадцать миль. * * *

В крепости архистратига Михаила неустанно стучали топоры плотников, сбивавших новый фрегат взамен погибшего «Феникса». Партия кадьякцев промысляла морского бобра в окрестных заливах и проливах. Готовили на зиму корма — вялили рыбу. Три дня подряд стояла отличная солнечная погода. Женщины ходили в лес собирать малину и грибы под охраной четырех промышленных, вооруженных ружьями. Они боялись медведей, а больше — колошей.

С большим трудом преодолевая завалы гниющих деревьев, женщины нашли полянку, где малины особенно много. Ягода крупная, сочная и ярко-красная. Однако сладости мало, а запаху совсем не было.

В тот день, когда колоши на своих батах добрались до деревни, подул свежий ветер и погода изменилась. Опять пошел дождь. На этот раз с градом. Промышленные едва успели убрать сушившуюся на жердях рыбу.

В казарме затопили печи. В полдень свинцовые тучи обложили все небо, сделалось темно. Пришлось засветить плошки. А дождь все шел и шел. С гор к морю устремились бурные пенистые потоки, но место для крепости Медведников выбрал возвышенное, и потоки не затопили ее.

Вечером, когда работы были закончены и промышленные отдыхали, к воротам крепости подошли трое английских моряков.

Ворота открыли и отвели англичан к Медведникову. Вид у них был жалкий. Одежда промокла насквозь, ноги в грязи по колено.

— Мы матросы с английского брига, — сказал худой и маленький, с трудом выговаривая русские слова. — Капитан высадил нас на берег. Мы пришли к вам, русские, и просим помощи.

— Почему высадил вас капитан?

— Поспорили с ним. О-о-о, наш капитан — изверг, он назвал нас бунтовщиками. Мы голодны и согласны на любую работу.

— Кто из вас владеет топором?

— Мы все хорошие плотники.

Василий Медведников подумал и решил принять англичан на службу.

Глава семнадцатая. ГАЛИОТ «ВАРФОЛОМЕЙ И ВАРНАВА» ВЫХОДИТ ИЗ ИГРЫ

Двухмачтовый парусник «Варфоломей и Варнава», принадлежавший Российско-Американской компании, медленно двигался вдоль берега на юг, приближаясь к северной оконечности гористого острова. По поручению правителя Баранова командир галиота наблюдал за обиталищами морского бобра. Выгоден ли здесь промысел, дорого ли ценят бобра индейцы? Правитель хотел знать, что делается южнее острова Ситки. Попутно командир описывал берега и наносил их на карту. Ему помогал и приказчик Слепцов, мужик смысленный, изрядно знающий мореходство, и староста промышленных Кожухов.

На ночь из предосторожности галиот несколько удалялся от берега, держась под малыми парусами на одном месте, а днем подходил совсем близко, и тогда к бортам галиота подплывали местные жители на своих лодках. Командир галиота Иван Степанович Круков запретил допускать на палубу больше трех индейцев, опасаясь неожиданного нападения. Индейцы были вооружены луками, копьями и рогатинами. У некоторых имелись ружья.

На индейских лодках лежали шкуры морских бобров, оленье кожи, вареная и соленая рыба. За нитку бисера в шесть вершков индейцы отдавали большого свежего палтуса. Но шкуры бобров ценили дорого, и покупать у них меха было невыгодно. Кадыякец Федор Яковлев рассказывал, что эти индейцы лесные, а рыбу и бобров у них промышляют рабы из племени колошей.

Тихие попутные ветры держались несколько дней. Иногда напал туман. И тогда птицы с лета ударялись в паруса и падали на палубу. Промышленные ловили удочками треску и варили уху.

На галиоте чинили паруса, приводили в порядок такелаж, просушивали меховую одежду. Все были довольны. Тихая погода не часто случалась в этих местах.

То и дело встречались морские бобры, лежавшие на воде брюхом кверху или игравшие на спокойной поверхности океана. Встречались и самки с детенышами, они держали их на брюхе, обняв передними лапками. На проходившее мимо судно звери не обращали ни малейшего внимания.

В эти тихие дни жена командира, Елена Петровна, чувствовала себя сносно. Она перечитывала французские романы или вязала шерстяные вещи для себя и мужа.

Но жизнь на галиоте, насыщенная опасностями и тревогами и вместе с тем однообразная и скучная, изрядно ей надоела. Ее угнетало общество грубых, почти безграмотных мужиков. Она часто вспоминала родителей, свой дом в Москве, яблоневый сад... А когда дул пронзительный ветер, на море вздувались высокие волны и галиот бросало как щепку, Елена Петровна проклинала свою жизнь. Однако она по-прежнему уверяла мужа, что иного счастья, чем быть с ним вместе, она не хочет.

Промышленные на бриге были отчаянные люди, готовые на все, привыкшие к тяжелым невзгодам. Не раз и не два им приходилось терпеть кораблекрушение, тонуть в море или страдать от голода и холода на чужом пустынном берегу.

Задумчивые друзья каргополец Евдоким Макаров и пензяк Касьян Овчинников сидели на палубе, прислонясь спинами к фок-мачте, и тихо разговаривали.

— Разветрило океан-батюшко, — вздохнув, сказал Овчинников. — Тишь да благодать. Смотришь — и душа трепещет. Песню бы сейчас.

— Не любит командир, когда на палубе песни поют. А ты сказку, Касьян, сказывай, отведи душу.

— Эх, — отозвался Овчинников, — сказка сказкой, а песня песней. — И сразу стал приговаривать быстрым внятным говорком.

Так же внезапно, как начал, Овчинников замолчал.

— Неделю в море без толку болтаемся, время золотое уходит, — после долгого молчания снова сказал он. — Мысы да заливы описываем, а если бы промысел — все, глядишь, к паю добавок.

Надо пояснить, что весь доход от зверобойного промысла делился на пай, по числу работающих для компании русских промышленных и служителей. Каждый пай в свою очередь делился пополам. Одна половина принадлежала компании, другая доставалась промышленному.

— Да куда тебе деньги? На табак да на водку всегда хватает.

— Куда? Странный ты человек. Да у меня отец в России, на помещика спину гнет. Семеро детей кормит. Выкупить бы...

— Давно бы выкупил. В Охотске меньше бы пил...

— Эх, Евдокей, далека больно Пенза-то. Пока едешь, сотни рублей в трубу вылетят. И боязно: закуют в кандалы, пороть будут. У меня грехов много. А я от кнута в здешних свободных местах вовсе отвык.

Прятели принялись рассматривать огромное стадо китов. Животные подходили совсем близко к паруснику, выбрасывая высокие фонтанчики воды, и издавали звуки, похожие на тяжелые вздохи...

Иван Степанович Круков долго не мог привыкнуть к порядкам, царившим на судах компании. Ничего общего с порядками в английском флоте. Ничего общего с положением на российских военных судах. Конечно, командир оставался командиром, и все его приказы строго выполнялись.

Иван Степанович давно понял, что, несмотря на большую практическую подготовку на русских и английских военных кораблях, плавание у американских берегов с рукописными картами или совсем без карт — трудное и опасное занятие.

Часто приходило в голову, что три года плаваний здесь, у американских берегов, научили его больше, чем пять лет в английском флоте, и в навигацких делах компанейский приказчик оказался не менее хорошим наставником, чем командиры английских кораблей.

Промышленные очень строго относились друг к другу, когда дело касалось корабельной службы и выполнения приказов командира. Нерадивых наказывали по общему приговору, и, как правило, очень сурово.

С недавних пор на компанейских кораблях завелись новые порядки. Некоторые морские офицеры, прибывшие по просьбе правления в Америку, смотрели на свою службу как на

способ обогащения, другие пьянствовали, совращая промышленных. Но Иван Степанович был нрава тихого и трезвого и ничего такого не допускал.

На десятый день плавания на палубу галиота поднялся незнакомый кадьякец. Оружия при нем не было.

— Хочу видеть начальника, — сказал он по-русски. — У меня важное дело.

— Говори, что за дело, — полюбопытствовали промышленные.

— Скажу только начальнику.

Промышленные проводили кадьякца к Ивану Степановичу. Прежде чем начать разговор, кадьякец расстегнул ворот русской рубахи и показал нательный крест.

— Поп шелиховский дал, Иваном назвал. Отец у меня русский, Федор Сорокопудов. Правду буду говорить.

— Говори, я тебе верю.

— Страшное дело.

— Говори, — повторил Иван Степанович.

— Капитан Ричард Хейли задумал разбить нашу крепость на Ситке, а всех русских и кто с ними — убить. Надо тебе идти в крепость, помогать.

— Капитан Хейли сам будет разорять крепость? — усомнился Круков.

— Почему сам? Колоши нападут. Он дал вождям пушки, ружья и порох. Всех русских убьют.

— Но ведь вожди ситкинских индейцев — друзья Баранова?

— Пусть не верит им Баранов. Не друзья, а враги.

Командир Иван Степанович Круков совсем недавно встречал индейских вождей острова Ситки в гостях у Баранова. Получив богатые подарки, они клялись в верности. У правителя Русской Америки тогда не было никаких подозрений.

— Откуда ты узнал эти новости?

— Ты мне не веришь? — Креол26 огорчился.

— Я верю тебе, но хочу укрепить свою веру.

— Хорошо, я два года работал у капитана Хейли матросом на его бриге «Провидение», а когда узнал, что задумал капитан, убежал. И вот я у тебя. Я захватил кинжал капитана Хейли.

Креол вытащил из ножен острый длинный нож и положил на стол. На белой ручке из слоновой кости Иван Степанович прочитал: «Роберт Хейли».

Все было очень похоже на правду. Командир спросил у Слепцова:

— Тимофей Федорович, как поступить надлежит?

— Надо своих выручать, — не задумываясь, ответил приказчик. — В крепости не ждут нападения, — добавил он. — Если ее захватят индейцы, русским пощады не будет.

На галиоте стояло шесть пушек. В запасе достаточно пороха. У всех промышленных

огнестрельное оружие.

— Значит, советуешь идти на выручку?

— Советую.

Командир посмотрел на ветер, на паруса. Заметив, что ветер отошел немного к югу, скомандовал рулевому:

— Право на борт!

Рулевой стал поворачивать руль.

Промышленные побежали к парусам. Галиот «Варфоломей и Варнава» взял курс к острову Ситке.

— Как это интересно! — сказала Елена Петровна, отложив вязанье и мечтательно смотря на море. — Индейцы, английские пираты, русская крепость... Совсем как в авантюрном романе.

Около полуночи ветер усилился. С моря появилась крупная зыбь. К рассвету разыгралась буря. Ветер свирепо рвал паруса, гнул мачты, хлопал снастями. Пришлось закрепить все паруса, кроме зарифленного грота, под которым галиот держался в дрейфе.

Трое суток свирепствовала буря. Наконец с рассветом ветер внезапно стих. Однако крутая зыбь валила с моря по-прежнему. Вдобавок налег непроглядный туман. При восхождении солнца туман растаял, и неожиданно в трех милях открылся скалистый берег. Лот показал пятнадцать саженей, надо было уходить от берегов. Но безветрие не давало уйти под парусами, а зыбь мешала употребить буксир или весла. Галиот подносило к берегу все ближе и ближе, и вскоре Иван Степанович без подозрительной трубы увидел сидящих на камнях птиц.

Гибель казалась неизбежной, в довершение беды ветер снова перешел в бурю, и галиот неудержимо повлекло на камни. На пятый день около полудня мореходов поднесло почти вплотную к каменной гряде, за которой виднелся берег. Галиот оказался среди надводных и подводных камней. Положенные якоря не держали, и судно, медленно дрейфуя, ползло на берег.

Командир отважился ночью на выход в море между камнями. Но, видно, не суждено было галиоту «Варфоломей и Варнава» избавиться от гибели. Едва он прошел опасные камни, как с грохотом переломился фока-рей.

На рассвете ветер задул с моря. Без фока отойти от берега при таком ветре не было возможности, и в девятом часу утра галиот выбросило зыбью на отмель.

Потеря судна... Что может быть ужаснее в этих диких местах? Командир галиота, как и все потерпевшие бедствие, понимал, что, кроме собственной жизни, надо спасать прежде всего оружие. Оставшимся с голыми руками на американском берегу русским грозила смерть или рабство у индейцев.

Галиот выкинуло на отливе, да еще на песок. Это было единственной удачей. Люди на паруснике были отважные и опытные. С оружием в руках мореходы ждали, когда, рассыпавшись, волна уходила в море, и бросались на берег.

Ударяя в борт, волны расшатали корпус, и вода наполнила половину трюма. Однако галиот уцелел и на малой воде остался на суше.

— Пушки и порох на берег! — распорядился Иван Степанович. — Ружья приготовить к бою.

Мореходы работали без усталости, и скоро оружие и нужные вещи были на берегу. Тут же поставили две палатки, развели огонь, чтобы согреться и просушить одежду.

Не помнившую себя от страха Елену Петровну промышленные бережно перенесли с галиота на берег и уложили в палатке на мягкую постель.

Неожиданно из леса выступили вооруженные индейцы и окружили лагерь потерпевших кораблекрушение. Их было не меньше сотни.

Командир в это время находился возле обсушенного отливом галиота и распоряжался спуском реев и стеньг, дабы корабль меньше валило на прибывшей воде. Чем дольше он сохранится от разрушения, тем больше нужных вещей можно с него снять. На всякий случай, увидев индейцев, Иван Степанович держал горящий фитиль, так как на галиоте оставались приготовленные к бою пушки.

— Тебе, Тимофей Федорович, приказываю следить за колошами! — крикнул он приказчику. — Держи людей в готовности.

Без приглашения в палатку, где сидел Слепцов, вошли двое индейцев.

— Тойон Ютрамаки, — ткнул себя в грудь пальцем индеец, выглядевший понаряднее и помоложе.

Лицо у него умное, смугловатое. Голову украшала затейливая прическа, из которой торчало большое орлиное перо. На плечах красовались бусы вперемежку с медвежьими клыками.

Ютрамаки стал со вниманием рассматривать Елену Петровну.

— Барановский приказчик Слепцов, — назвался Тимофей Федорович.

Вождь Ютрамаки сказал еще несколько слов, которые приказчик не понял. Что-то сказал и второй индеец.

— Позовите кадьякца Ивашку, он на всех языках говорит, — вспомнил Слепцов.

— Тойон здешнего племени, — стал переводить подошедший Ивашка, — приглашает тебя, приказчика Слепцова, в свой дом, посмотреть, как он живет. Не ходи, Тимофей Федорович, тойон может обмануть, — добавил Ивашка. — Это не колоши, а другой индейский народ и колошский язык плохо понимают.

Приказчик Слепцов вежливо отказался.

— Много дел у нас. Корабль погиб. Надо снять с него нужные вещи. Надо спешить, не то море разобьет, и тогда ничего не возьмешь. Прошу тебя, тойон Ютрамаки, будь дружен к нам. Пусть твои люди не обижают, не выводят нас из терпения.

— Обещаю быть другом русских, — выслушав Слепцова, ответил вождь. — Что это за женщина? — показал он на Елену Петровну.

— Жена командира, — ответил Ивашка.

— Тимофей Федорович! — крикнул дозорный промышленный, откинув полог палатки. — Колоши грабят, утаскивают наши товары.

— Прикажи своим людям, тойон, вести себя потише, — попросил Слепцов. — Чужое брать не годится... А вы, ребята, не начинайте ссоры, терпите, сколько возможно. Старайтесь оттеснить колошей от табора без ссоры.

Тойон обещал приказать своим людям. Индеец постарше вышел из палатки, чтобы передать его слова.

— Промысел грабят, еле отбили, — прибежал запыхавшийся промышленный. — Мешок бисера уволокли.

Вождь Ютрамаки бросился вон из палатки.

Снаружи послышались громкие вопли. Русские, потеряв терпение, погнали индейцев прочь от своего лагеря. Слепцов увидел, как индейцы стали бросать в мореходов камни... И тогда послышались выстрелы. Слепцов выбежал из палатки безоружный. Поджидающий у входа индеец ранил его ножом в грудь, но, к счастью, не смертельно. Тимофей Федорович вернулся в палатку и уже с ружьем в руках снова выскочил наружу. Индеец, ранивший его, стоял за палаткой и держал в одной руке копье, а в другой камень. Камень он бросил приказчику в голову, едва не свалив его с ног. Пришлось стрелять и приказчику. Началась общая свалка. Вскоре индейцы ударились в бегство, оставив на песке убитых. Несколько мореходов были ранены.

Ночь прошла тревожно. Половина промышленных спали, а другие несли караул вокруг лагеря.

Утро наступило пасмурное. С океана дул холодный, влажный ветер.

Проснувшись и позавтракав печеной лососиной с жидкой кашей, мореходы осмотрели ближайшие окрестности. Песчаный берег тянулся неширокой полосой на север и на юг. В море виднелись покрытые лесом островки и голые скалы. К берегу придвинулся дремучий лес. Он был совсем близко, так близко, что в полную воду море подступало к могучим деревьям.

Иван Степанович молча вымеривал длинными ногами песчаный берег.

— Очень опасное место, — сказал он, останавливаясь. — Колоши незаметно подберутся к нашему лагерю. Лес темный, непролазный. Сотня колошей запросто спрячется в кустарниках.

Промышленные сбились возле него в кучу.

Иван Степанович поднял суковатую палку, выброшенную морем и побелевшую от многолетних плаваний, и стал что-то чертить на песке.

— Это карта. Вот здесь находимся мы, — сказал он, — а севернее — гавань на острове Ситке, где построена крепость. Расстояние вроде небольшое, однако без корабля или хотя бы байдары нам его не осилить... Когда выходили в плавание, Александр Андреевич Баранов приказал мне встретиться с компанейским судном «Мария» в этой маленькой бухточке. — Иван Степанович ткнул в карту. — Тут всего шестьдесят морских миль, до прихода судна остается две недели. На пути только одна большая река, и мы сумеем добраться в бухту заблаговременно.

— А как наши на Ситке? — спросил Касьян Овчинников.

— Без байдары не предупредить. Через две недели на «Марии» пойдем к крепости. Авось успеем... Я предлагаю идти на север. Если останемся здесь, колоши легко нас всех уничтожат.

— В воле вашей. Мы из повиновения не выходим, — прогудел каргополец Евдоким Макаров.

— Согласны.

— Другого хода нет, — раздался голоса.

— А как ты, Тимофей Федорович? — спросил командир.

— Согласен, — отозвался Слепцов.

— Тогда за дело, время волочить нечего. Приказываю взять на каждого два ружья, пистолет, патронов полную сумку. На всех разделить три бочонка пороху. На неделю съестных припасов. Пушки на галиоте заклепать, у ружей и пистолетов, которые остаются, переломать замки и бросить в море. Оставшийся порох, копья, топоры и все железные вещи тоже в море.

Мореходы взялись за дело дружно, и к полудню все было сделано. С болью в сердце навсегда покинули свой корабль, на котором удачно плавали почти три года.

На корабельном ялике мореходы переехали небольшую порожистую речку и двинулись по берегу на север.

Вышли в поход двадцать два мужчины, из них восемнадцать русских и четыре туземца, среди них креол Ивашка. И три женщины: креолки с острова Кадьяка и русская жена командира — Елена Петровна. Позади бежала корабельная собака Дружок.

Вечером мореходов догнали два индейца. Один из них был вождь Ютрамаки, недавний знакомый.

Мореходы заподозрили недоброе.

— Что вам надо? — спросил кадьякец Ивашка.

— Мы хотим вам только добра, — сказал вождь, прикладывая руку к груди и кланяясь. — И поэтому решили показать хорошую прямую дорогу на север... Надо идти так, — показал он на высоченную сосну, — а дальше увидите озеро, идите вдоль берега.

Заботливость индейцев еще больше встревожила мореходов: они знали их вероломный характер.

Командир счел разумным показать силу русских людей, дабы предостеречь от злого умысла.

— Посмотри, тойон, как стреляют наши ружья.

Начертив на доске круг, Иван Степанович велел отнести его на семьдесят шагов и прислонить к стволу дерева.

Раздался выстрел, пуля попала в круг и пробила доску насквозь.

Индейцы измерили расстояние до цели, осмотрели пробоину в доске и, пожелав мореходам счастливого пути, исчезли.

Глава восемнадцатая. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Вечером промышленные вышли к пещере, черневшей в каменном утесе. Решили здесь ночевать. Разожгли костер, приготовили пищу. Всю ночь свирепствовала буря с дождем. Утром ветер стал тише, однако дождь шел не переставая. Мореходы весь день просидели у костра. На завтрак, на обед и на ужин ели рыбную похлебку, приготовленную кадьякской поварихой.

У входа в пещеру и днем и ночью стояла вооруженная охрана из двух человек.

Настроение у промышленных неважное. Все понимали, что впереди предстоит опасный путь и что не всем суждено добраться живыми и здоровыми в крепость на Ситке. Несколько раз корабельный пес Дружок принимался свирепо ворчать, показывая крепкие зубы, но дозорные никого не примечали.

После ужина большой камень неожиданно упал с вершины утеса и разбился у входа в пещеру. Подумали, что он упал случайно. Но вслед за первым камнем упал еще один, потом еще один. Десятка два камней разбились возле пещеры.

Евдоким Макаров решил узнать, в чем дело.

— Иван Степанович, позволь взглянуть, почему камни падают.

— Взгляни, Макаров, однако осторожность держи.

Прихватив топор, Макаров выполз из пещеры и крадучись, под прикрытием нависающего над головой каменного карниза, стал обходить утес. Дружок, увязавшийся с ним, заливался громким лаем.

— Камни колоши нарочно скатывали, — сказал Макаров, вернувшись. — Видел троих воинов в доспехах. Дружок, видать, их спугнул. Побежали к реке.

— Плохо, — вздохнул командир. — Не дадут нам колоши без боя уйти в крепость.

— Бог не выдаст, свинья не съест, — отозвался Тимофей Федорович. — Загодя человеку знать не положено. Что будет, то и будет. Однако и раньше с колошами дрались и живыми выходили... И не колоши они вовсе, а другое племя.

С сожалением Слепцов посмотрел на Елену Петровну, испуганно прижавшуюся к мужу. «Вот кому солоно придется, — думал он. — Сидела бы в Москве у мамыньки-помещицы под юбкой и горя не знала...»

— Ты, Елена Петровна, не сумлевайся, выведем тебя отседова, — сказал Слепцов. — Посмотри, круг тебя какие молодцы, один другого здоровее. Такие колошей не побоятся. Ободришь.

— Я не боюсь смерти, Тимофей Федорович. Только бы живой в руки индейцам не попасть.

Командир Круков все еще не мог прийти в себя после кораблекрушения. В голове его бродили беспокойные мысли. Много ли он виноват в потере галиота? Можно ли было что-либо сделать для его спасения? Он упрекал себя, что близко находился от каменистого берега и не успел отойти, когда переменялся ветер.

Прошла еще одна тревожная ночь. Утром, позавтракав вяленой кетой, мореходы двинулись в путь. Небо было ясное, светило солнце, погода вселяла бодрость. Около полудня они добрались до берега широкой и глубокой реки. Вдоль берега виднелась едва заметная тропинка. В надежде отыскать брод через реку мореходы свернули на тропинку. Шли долго, до самого вечера, брода не отыскали, а встретили большое туземное жилище.

Евдоким Макаров снова вызвался в разведку. Он взял на руку ружье, первым вошел в дом и, осмотревшись, позвал остальных.

В доме никого не было. У входа горел костер, а на реке, против дома, сделан закол для рыбной ловли. На вешалках висело много вяленой лососевой рыбы.

Поскольку в хижине никого не было, а продовольствие людям необходимо, Иван Степанович решил обойтись без хозяев и взял два десятка кижучей.

— Учиним плату за взятый корм, — сказал Слепцов и вынул из кожаного мешка три сажени нанизного бисера и несколько голубых бус, повесил их на видном месте.

Тем временем за вечерело, солнце давно скрылось за вершинами огромных елей. Командир галиота распорядился отойти саженой на сто от хижины и расположиться на ночевку в лесу. Под охраной дозорных мореходы провели ночь спокойно. Под утро Дружок стал ворчать, поглядывая в лес. Когда собрались выступить, увидели, что окружены индейцами. Воины были в боевых масках, вооружены копьями, топорами и стрелами. Они потрясали оружием и испускали воинственные крики.

Тимофей Федорович Слепцов выступил вперед и, не желая никого ни убивать, ни ранить, выстрелил из ружья вверх. Гром выстрела испугал индейцев. Они разбежались и укрылись за деревьями.

Мореходы торопились как можно скорее убраться от опасного места. Они продолжали идти вдоль берега по едва заметной тропинке. Сделав вместе с рекой крутой поворот, они почувствовали себя свободнее и сели на ствол огромного дерева, поваленного бурей.

— Колоши так бы не побежали от выстрела, — высказал Слепцов свою мысль. — У них английские ружья. А эти с копьями да луками.

— Они хотят либо скальпы содрать, либо рабов из нас сделать, — вступил в разговор Евдоким Макаров. — Судно им отдали, на нем тьма товаров всяких, так нет, мало им!

— Это племя, надо думать, лесное, — продолжал приказчик. — Из-за гор по реке спустились. А те, что на морском берегу нас встретили, наверное, с Шарлоттских островов... Разобраться трудно. На Аляске народы маленькие, а говорят каждый на своем языке. На Уналашке свой, у кадьякцев свой. И кенайцы, и якутатцы по-своему разговаривают. Ну и на Ситке иначе, и на Шарлоттских островах... Иное племя всего триста человек, а язык особый.

Мореходы не считали себя в безопасности. Они все время чувствовали преследование. Индейцы шли по пятам. Из леса доносились крики неизвестных птиц, тихий свист, шорохи. Это беспокоило путников, отступающих от врага, который выжидал удобного случая.

В пятницу утром мореходы встретили у реки трех безоружных индейцев-мужчин и одну женщину. Желая выяснить их намерения, Слепцов попросил: «Мы голодны, нам нужна рыба».

— Да, да, рыбу дадим, — обещали индейцы. — Идите медленней. — И скрылись. Вскоре они вернулись. У каждого на спине был большой тюк рыбы.

Командир отряда Круков поблагодарил индейцев, рассчитался за рыбу и приказал переводчику рассказать об их земляках, так коварно и зло отнесшихся к русским.

— Плохое поколение, плохое поколение — переводил Ивашка слова индейцев. — Наше поколение хорошее, обиды от нас не будет. Если надо, рыбы еще дадим.

Разговаривая с мореходами, индейцы шли и шли по берегу реки. Поздно вечером отряд вышел к морю. При впадении река стала шире, мельче и быстрее. На противоположном берегу реки виднелось шесть больших барабор.

— Здесь мы живем, — сказали индейцы.

— Нам нужны лодки, чтобы перебраться на ту сторону.

Индейцы пришли в замешательство.

— Сейчас очень мелко, надо ждать прилива, — ответили они переводчику. — Подождем прилива.

— А когда прилив?

— Вот станет темно, тогда и прилив, мы тогда и перевезем.

Мореходы в нерешительности переглянулись.

— Нет, ребята, тут дело нечисто, — возразил Слепцов. — Ночью мы переезжать не согласны, так и скажи, а сейчас отойдем подальше и заночуем.

Все согласились со Слепцовым, и, отойдя на версту от берега реки, отряд расположился на ночлег в чаще леса. Ночью моросил дождь, было сыро и холодно. Еще до восхода солнца мореходы разожгли костры, погрелись, поели рыбы. Когда вернулись на вчерашнее место, увидели возле индейских хижин множество людей. Они сидели на земле и молча наблюдали за мореходами.

— Дайте мне три большие лодки, — крикнул кадьякец Ивашка.

Индейцы молчали. Ивашка крикнул еще раз. Опять молчание.

— Не лучше ли будет поискать броду? Понадежнее будет, — посоветовал Слепцов.

— Пойдем, ребята, — поддержал командир. — Попытка не пытка. Недалече камни на реке лежат. Перейдем по камням.

Угадав намерения мореходов, индейцы отправили к ним лодку с двумя нагими гребцами. Лодка могла вместить человек десять, и поэтому русские попросили вторую, чтобы можно было переехать реку вместе всем. Так требовала осторожность.

— Почему гребцы голые? — пробормотал Слепцов. — Будто и не жарко, остальные в одежде.

Индейцы дали вторую лодку, поменьше, человека на четыре.

Мореходы решили переезжать. В маленькой лодке приехала знакомая индианка. Командир Круков посадил в нее свою жену, повариху-кадьячку, алеута Федора Яковлева, малолетнего ученика Котельникова. В большую лодку поместились девять человек промышленных, самых отважных и проворных. Среди них Евдоким Макаров и пензяк Касьян Овчинников. Остальные остались на берегу.

Когда большая лодка достигла середины реки, нагие гребцы, выдернув пробки из дыр, нарочно сделанных в днище, прыгнули в воду и поплыли к селенью, а лодку понесло мимо барабор к морю. Индейцы страшно закричали и начали бросать в мореходов копья и стрелы. Однако судьба смилостивилась над ними. Лодка, попав на отраженное течение, повернула обратно, и ее понесло к берегу, где стояли их товарищи.

Мореходы спаслись, но все были ранены, а Харитон Собачников и Иван Петухов ранены очень опасно. У Собачникова обломок стрелы остался в животе, и он очень страдал. Всех сидящих в малой лодке индейцы взяли в плен.

Воинственные крики раздались в стане индейцев. Полагая, что ружья, бывшие в большой лодке, должны быть подмочены и к действию непригодны, они бросились в лодки и быстро переехали к берегу мореходов. У индейцев копья, стрелы, а у двоих даже ружья. Пока они

выбирались на берег, мореходы успели укрыться за стволами деревьев. Индейцы остановились на расстоянии сорока сажень и принялись яростно забрасывать мореходов стрелами. Промышленные отстреливались, несколько сухих ружей у них оставалось в запасе. Бой длился около часа.

Потеряв двух человек убитыми, а некоторых ранеными индейцы обратились в бегство. Слепцов, которому приходилось участвовать во многих стычках с колошами, отметил, что воинская выучка и вооружение у колошей лучше, нежели у лесного племени.

Мореходы продолжали свой путь. Раненный стрелой в живот Собачников не в силах был идти вместе со всеми, и его пришлось нести на сделанных из ветвей носилках. Когда прошли полторы версты от места сражения, Собачников, чувствуя нестерпимую боль и скорую смерть, попросил оставить его умереть в тишине дремучего леса и советовал мореходам не терять времени и как можно дальше уходить от индейцев.

— Оставьте меня, друзья, оставьте, — собрав последние силы, сказал Собачников.

— Что ты, Харитон! Не торопись на тот свет, — отвечали товарищи. — Вместе служили, вместе помирать будем.

— Испей водицы, друг, — предложил Касьян Овчинников.

— Хлебца бы мне российского кусочек... перед смертью.

— Нет хлеба, Харитон, уж потерпи пока.

— Аржаного, хошь бы понюхать...

Собачников еще что-то говорил, голос его делался все тише, слова непонятнее. Скоро он затих. Промышленные сняли шапки.

Простившись со своим товарищем, похоронив его по православному обычаю под огромным деревом, мореходы продолжали свой путь. Для ночевки выбрали удобное, сухое место. Построили шалаш. Поставили, как всегда, дозорных. Но сон не шел к измученным мореходам. Целый день им приходилось бороться, напрягая все силы, чтобы сохранить свою жизнь.

— Откуда их взялось столько? — услышали мореходы из темноты голос Слепцова. — Неужто две сотни колошей в шести бараборах живут?

— Быть этого не может. Соседей, видать, позвали, — отозвался Касьян Овчинников.

— Попали мы, ребята, в историю!

— Хуже не придумаешь!

— Ребята, что это? Разве плачет кто? — спросил Овчинников.

Все прислушались. В тишине раздавались всхлипывания командира Крукова.

Иван Степанович мучался жесточайшим образом. Он лишился жены, которую очень любил.

Мореходы почувствовали, что горе командира куда больше, чем их собственные страдания. Разговоры умолкли. Каждый вспомнил своих близких, оставленных на далекой родине или на Кадьяке.

Трое суток шел проливной дождь. Но мореходы брели под дождем, стараясь уйти как можно дальше от индейцев. В дождь из ружья не выстрелишь, все отсырело, и перед врагом,

вооруженным копьями и стрелами, они были беззащитны.

Последний раз мореходам довелось позавтракать перед нападением индейцев. Вот уже более трех суток они питались древесными наростами. Ни грибов, ни ягод в мокром лесу они не находили. Иногда попадали на заросшие болота. Мох, переплетаясь с корнями деревьев, образовал на них крепкий, но зыблющийся мост. Со страхом смотрели мореходы на качавшиеся от их тяжести верхушки деревьев.

Стали есть подошвы бахил, сделанные из сивучьих кишок непромокаемые рубахи, надетые поверх курток. Ели и ружейные чехлы из тюленьей кожи. Наконец и этого не стало.

А дождь все шел и шел. На пятый день мореходы поставили шалаш снова в лесу. Хотя неподалеку видели реку и хижину на берегу, но подходить боялись. Утром весь отряд собирал на деревьях грибовидные наросты. Но разве можно насытиться наростами? Голодные, собрались в шалаше. Все похудели, щеки ввалились.

— Ребята, — сказал кто-то, — смерть приходит. Всем нам одна дорога. Ноги не держат.

— А что делать? Видать, бог так похотел.

— Бог-то бог, да сам не будь плох! — сказал Слепцов. — Только бы дождь перестал, а уж тогда мы не пропадем.

— А если Дружка, ребята?

— Он нас из беды выручал. Верный пес.

— Пусть в остатний раз выручит. От смерти спасет.

Участь Дружка была решена.

Вечером командир собрал мореходов.

— Братцы, — обратился он к ним со слезами. — Мне в таких бедствиях прежде быть не случилось. И теперь почти ума своего решаю и управлять вами более не в силах. И препоручаю Слепцову, чтобы он управлял всеми вами, и сам из послушания ему выходить не буду. А если вам не угодно, выбирайте из своих кого хотите.

На английских кораблях, где Иван Степанович проходил практику, его отмечали и хвалили. Здесь в лесу были иные трудности, не связанные с морской службой. Как бы тяжело ни было на корабле, а всегда можно отдохнуть, обсушиться и попить чайку. В лесу непрерывно мучили дожди, холод, голод. Каждую минуту надо ждать нападения и жить в неизвестности: или тебя убьют и снимут скальп или навеки будешь рабом? В общем, Круков на промыслах не бывал и горя не видал. Однако все можно было бы перебороть, если бы не Елена Петровна. Терзания о судьбе жены сломили волю командира.

Мореходы согласились с просьбой Ивана Степановича. Слепцов не стал отказываться.

Получив согласие, командир написал приказ о возведении Слепцова в начальники отряда и первый поставил свою подпись. За ним подписались все, кто умел писать, остальные поставили крестики.

Весь следующий день шел сильный холодный дождь и мореходы не выходили из шалаша. Съели остатки собачьего мяса. Развели костер и сушили промокшую одежду. Вели бесконечные разговоры о том, как быть дальше.

Утром пустые животы снова дали о себе знать. От голода кружилась голова. Сил у всех

оставалось совсем немного.

Стараясь не говорить о голоде, вспоминали о доме, о детях и женах.

— Слыхали, ребята, потонул на «Фениксе» архимандрит Иоасаф? — сказал Касьян Овчинников. — Строгий был человек... Однако меня с алеуткой Катериной обвенчал...

— Дак у тебя в России жена.

— Я ему все на исповеди рассказал.

— Ну и как?

— «Грех великий, говорит, двоеженцем быть». Я ему свое: «Женка есть, так ведь я не надеюсь в Россию возвращаться, да и не желаю. Век свой здесь окончу».

— А что архимандрит?

— «Есть, говорит, у тебя резон... Однако у отцов церкви про такое нигде не написано, и без особого на то разрешения своего начальства я венчать не осмеливаюсь». Я обратно свое: прошу со слезами, кланяюсь, признался, что от несогласия с женой в такую отдаленность приехал. Он покачал головой и спрашивает: «Сколько с американкой детишек прижил?» Я говорю: «Пятерых, батюшка: мальчиков три и девочек две». — «Хорошо, говорит, обвенчаю вас и детей окрещу». Ну, я ему в ноги, конечно.

— Исполнил слово?

— Сделал, как сказал!

— Силен ты, Касьян. Кабы всем так. У многих русских жены американки. Да, что ж делать, без баб не проживешь. Говорят, в скорости всем венчаться разрешат.

— Так бы лучше.

— А почему баб из России сюда не пускают? Ты нам не обскажешь, Тимофей Федорович?

— На каждого человека компания корма за тридевять земель везет. Мужик для промысла нужен и для тяжелых работ. Баба — она по домашности, а кормов ей вровень с мужиком давай... Сейчас вот мы, мужики, горе мыкаем, нам невмоготу, а уж бабе!..

Жестокий голод неумолимо толкал людей на поиски пищи. Выходило, что без нападения на индейские хижины, замеченные на берегу реки, не обойтись.

День был воскресный, ярко светило солнце, и мореходы не боялись подмочить порох. Подкравшись к хижинам и окружив со всех сторон, они приказали кадьякцу Ивашке закричать, чтобы все жители из хижин выходили вон. Вышел один мальчик, раб. Он сказал:

— Люди увидели ваши следы и, испугавшись, убежали на тот берег.

— Ну, что ж, — обрадовался Слепцов. — Если можем обойтись без боя, для нас лучше. Забирай рыбу, ребята!

Каждый взял связку, в ней двадцать пять больших вяленых лососей. У всех в глазах зажглась радость: теперь-то уж не порем, выдержим!

Нагрузившись рыбой, промышленные двинулись восвояси.

Проходя мимо речушки, а вернее, ручья, впадающего в реку, мореходы стали просить у

Слепцова позволения отдохнуть на бережке и позавтракать. Вода рядом. Терпеть голод больше не было сил. Особенно страдал Круков. Он едва передвигал ноги.

Тимофей Федорович разрешил, но сам завтракать не стал. Взяв в карман изрядный кусок лососины, он позвал кадьяка Ивашку и Касьяна Овчинникова и вместе с ними полез на горку, чтобы хорошенько оглядеться. Овчинников взобрался первым и лишь вступил на вершину, как был поражен стрелой.

— Ивашка! — крикнул Слепцов идущему вслед кадьяку. — Выдерни стрелу!

Ивашка стрелу из спины Овчинникова выдернул, но был сам ранен.

Тимофей Федорович обернулся и увидел за рекой множество индейцев, а сверх того человек двадцать воинов, бежавших, чтобы отрезать разведчикам путь к возвращению. Стрелы летели непрерывно. Слепцов выстрелил и ранил в ногу бежавшего впереди воина. Его соплеменники разразились яростными криками, подхватили раненого и пустились наутек.

Стычка с индейцами обошлась на этот раз сравнительно дешево. Разведчики благополучно соединились со своими товарищами и все вместе направились к лесному шалашу. Добравшись, осмотрели раненых Овчинникова и Ивашку. Оказалось, что раны у них не опасны.

Для восстановления сил и для поправки раненых Слепцов решил пробыть в шалаше двое суток. Давно не ели мореходы рыбу с таким наслаждением. Насытись, снова обсудили со всех сторон свое положение.

— Наша беда, — вздохнул Слепцов, — река. Индейцы не дают переправиться на другой берег. На реке много рыбных заколов, видно, есть и селения. Я предлагаю идти вверх по реке, доколе не встретим озера, из коего она вытекает, или удобного для рыбной ловли места. Придется, ребята, в здешних местах зимовать. До крепости нам не дойти...

Мореходы согласились со Слепцовым и, отдохнув, снова побрели к берегу реки, а потом по берегу к ее верховью. Шли медленно — мешали частые проливные дожди.

— Проклятый дождь, — сказал Касьян Овчинников. — На Аляске и капуста вилок от сырости не завьет — одни листья. Репа растет или, скажем, редька, а какой у них вкус? То ли дело пензенская земля: временами дождь и временами солнце. Всякий овощ вызревает.

— А малина здешняя — ни вкуса, ни запаха. У нас в России малина-то пахнет — издали почувешь, а здесь будто и не та ягода.

К счастью, на реке часто встречались местные жители, плывущие на лодках. Некоторые по зову мореходов подходили к берегу и продавали рыбу за бисер, пуговицы и бусы. Пока были сыты.

Приходила мысль отобрать у индейцев лодку для переправы на другой берег. Но лодки были маленькие, и для переправы всего отряда не годились.

Глава девятнадцатая. ГДЕ СИЛА НЕ БЕРЕТ, ТАМ КОВАРСТВО ПОМОГАЕТ

В пасмурную холодную погоду к дощатой пристани Архангельской крепости подошла кадьякская байдарка. Время было утреннее, раннее. В казарме еще спали. На стенах крепости перекликались дозорные.

Алеут Федор Яковлев из команды галиота «Варфоломей и Варнава», спасшийся от индейского плена, выпрыгнул из лодки и, привязав ее к привальному столбу, бросился к воротам крепости. Федору Яковлеву повезло: убежав от индейцев, он шел по берегу моря три дня, наткнулся на брошенную байдарку. Байдарка оказалась без всякого изъяна и превосходно держалась на воде. Дальше пошло быстрее, и еще через пять дней алеут оказался в Ситкинском проливе.

Опознав Федора Яковлева, дозорный открыл ворота. Не отвечая на вопросы, Федор сказал:

— Дело важное, мне самого Баранова.

— Баранов на Кадьяке. В крепости старший Медведников.

— Где он?

— Вон в том доме. Дым из трубы столбом валит.

— Дрова сырые, — пробурчал Федор и побежал к дому начальника, смешно приседая, как все алеуты и кадьякцы.

Дозорный почесал в затылке и вслух сказал:

— Важное... Небось залежку бобровую отыскал.

Федор Яковлев постучал в дверь. В доме заплакал ребенок.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Мне начальника Медведникова, важное дело.

Женщина открыла дверь. С полатей поднялся высокого роста мужчина. Из расстегнутого ворота холщовой рубахи курчавились рыжие волосы.

— Я Медведников. Чего тебе? — спросил он, приглаживая торчавшие усы.

— Индейцы нападут на город. Пощады не будет.

— Откуда вы узнал?

Федор Яковлев рассказал всю историю. Как на бриг «Варфоломей и Варнава» пришел креол Ивашка, переводчик английского капитана. И что он поведал командиру. Ивану Александровичу Крукову.

— Что ж, будем беречься. Спасибо тебе. Как по отчеству величать?

— Семеном отца нарекли.

— Спасибо, Федор Семенович. Доложу Баранову, он наградит за верную службу. Оголодал небось, посиди, баба лососинки нажарит. Жирную рыбу ребята вчера привезли. Жалко, хлебушка нет... Дай-ка, Оринушка, водицы умыться.

Медведников быстро сполоснулся над бадейкой. Утер лицо чистым полотенцем. Навернул портянки, обул сапоги, надел кафтан.

— Я пойду распоряжусь, скоро буду, а ты посиди здесь, Федор Семенович.

Высокая, под стать мужу, полнотелая Орина суетилась у очага. Запылал огонь, зашипела рыба на сковороде. Но алеут Федор Яковлев ничего не видел и не слышал. Прислонившись к

стене, он крепко спал.

Прошло еще два дня. Дождь лил не переставая. Над головами нависало низкое, серое небо. К полудню второго дня дождь перестал, с моря навалил плотный туман. Наступила тишина. У берега чуть слышно бились небольшие волны.

Два индейца, вынырнув из тумана, принесли на продажу козлиное мясо. Индейцев в крепость не пустили. Торговали у ворот.

Медведников обменял мясо на две бутылки рому. Подошли промышленные, английские матросы. Индеец постарше незаметно сунул в руку матроса Тома квадратную дощечку.

Русские были настороже, ждали нападения индейцев. Ворота крепости день и ночь были на запоре. На стенах у пушки каждые четыре часа сменялись дозорные. Жили как в осаде.

Артель кадьякцев на промысел не пошла: донимал дождь. Весь день они работали в амбаре, чистили рыбу для вяления.

В десять часов вечера ворота закрыли на двойные запоры. Никто из промышленных не имел право ни входить, ни выходить из крепости. Настроение людей было плохое. Жаловались на головную боль и жжение в груди. Два мальчика заболели цингой.

Утром погода прояснилась, выглянуло солнце. Обеспокоенные болезнью детей, женщины решили отправиться в лес за ягодами. Медведников разрешил, но в охрану дал отряд вооруженных кадьякцев. Зверобойная артель ушла на бобровый промысел.

Незаметно наступил полдень. Промышленные прекратили работы и собрались в казарме обедать. Английский матрос Том, тот, что говорил по-русски, задержался у северных ворот крепости. Стараясь быть незамеченным, он отодвинул засовы на воротах. В казарме он уселся за стол и вместе с промышленными стал хлебать уху из общей миски.

— Все в порядке, ребята, — подмигнул он своим товарищам.

Пообедать промышленные не успели. На крепостном дворе раздались вопли индейцев.

— Колоши в крепости! — крикнул Медведников, выглянув в окно. — К оружию, запирай двери!

Приказ Медведникова услышала жена часового Захара Лебедева, кадьячка Катерина, и другие женщины, находившиеся в крепости. Они спрятались в первом этаже казармы. Когда начался пожар, все женщины спустились в подвал. Колоши вышибли подвальную дверь и взяли женщин в плен.

Промышленные открыли из ружей пальбу. В это время раздалось несколько пушечных выстрелов.

— Ребята, а где агличане? — спросил кто-то.

Агличан не было. Пользуясь суматохой, они незаметно выскользнули из казармы.

Индейцы прежде всего ворвались в дом начальника, надеясь застать там главного правителя Баранова. Если бы он был здесь, то вряд ли бы ему удалось спастись. Найдя дом пустым, колоши разразились яростными криками.

— Василий Григорьевич, смотри: наш друг вождь Михайла тоже здесь во врага обернулся. Вон, смотри.

Медведников увидел. Против дома начальника на пригорке стоял вождь Скаутлельт, переkreщенный Барановым в Михаила. На нем боевой плащ, в волосах орлиное перо. Он что-то кричал своим воинам.

— Ну-ка попробуй сними этого предателя! — приказал Медведников каргопольцу Ведерникову, считавшемуся лучшим стрелком в артели.

Раздался выстрел, вождь чуть пошатнулся от попавшей в него пули. Поцарапав пальцем отметину от пули на лосином плаще, он погрозил кулаком окнам казармы.

— Вот дьявол, пуля не берет!

— Цель в голову, — распорядился Медведников.

Но выстрелить Ведерникову больше не пришлось. Вождь Скаутлельт пронзительно закричал и бросился к казарме. За ним устремились воины.

— Василий Григорьевич, посмотри в мое окно, — крикнул Семен Шишкин, — нашлись агличане!

Медведников подбежал к окну. Английские матросы сбивали замки с дверей амбара, где хранились бобровые шкуры.

Но сейчас приказчика тревожило другое.

— Ребята, не подпускай колошей к казарме! — кричал Медведников. — Шестеро стреляй, а шестеро заряжай ружья.

Частые выстрелы напугали индейцев. Они в нерешительности остановились.

Скаутлельт снова появился среди воинов. Он кричал, ругался и размахивал боевым топором.

Воины, подбадривая себя криками, двинулись к казарме. Ружейный огонь их снова остановил. Индейцы стали совещаться.

— Давайте простимся, ребята, — обернулся к товарищам Медведников. — Долго нам не выстоять, помощи ждать неоткуда.

Мужики стали обнимать друг друга.

— Прощай, Василий, — сказал Чумаков, — я зла не помню.

— Прости и ты, ежели что... — отозвался Медведников.

— Ребятюшки, самому смерть принять не тяжко. А вот каково бабам да ребятишкам! — вздохнул Семен Шишкин.

— Если выживу, клянусь богом, ваших детишек не оставлю, — твердо сказал Медведников и поцеловал нательный крест.

— И я клянусь!

— И я!

— Хорошо, ежели бабы в лесу упрятались.

Индейцы за стенами опять дико заголосили. Промышленные участили выстрелы.

— Семен, Ванюха! — крикнул Медведников. — Вали поперек двери скамьи и стол. Будем обороняться.

Промышленные поставили несколько бочек с прошлогодней картошкой, повалили тяжелый стол из лиственницы. Впереди поставили скамьи. Перенесли в соседнюю горницу запасные ружья, порох и пули.

— Поставь ушат воды, ежели кто перед смертью пить захочет...

Застучали индейские топоры по дверям казармы. Дверь закрипела, зашаталась.

Промышленные укрылись за перевернутым столом с ружьями наготове.

С грохотом распахнулась дверь, и толпа колошей ринулась в казарму. Раздался залп, у дверей остались лежать убитые, остальные побежали на промышленных.

— За топоры, ребята! — прозвучала команда. — Бросай ружья!

Топорами русские мужики владели превосходно. Индейцы сразу попятились к двери. У воинов устрашающий вид. На головах маски с изображением племенных гербов. Маски тоже крепкие, их не берут пули и с трудом раскалывает топор.

Загорелись крепостные стены и казарма. В дыму стало трудно дышать. Пожар разгорался все сильнее. Промышленные понимали, что пришел их последний час. Одолеть индейцев они не надеялись. Однако бились до последнего.

— Руби, Ванюха!

— Нажимай, Василий!

— Не жалеи!

— Господи, спаси нас, грешных!

В окно казармы индейцы просунули стволы ружей, подаренные английским капитаном Робертом Хейли. Прозвучал выстрел. Упал с пробитой грудью Василий Медведников.

Вторым был убит Шишкин. Он как-то сразу затих. Из рта побежал красный ручеек.

Упал Ванюха Терехов. Ему пуля попала в висок... Один за одним погибали защитники русской крепости...

Когда остались в живых четыре человека, индейцы разметали укрепления, ворвались в горницу и зарубили их. С воинственными песнями с убитых снимали скальпы...

После обеда скотник Плотников пошел к реке посмотреть на телят. Возвратясь в крепость, увидел множество колошей, обступивших казарму. Против хозяйских покоев на пригорке стоял Скаутлельт.

— Вперед, на казармы! — кричал вождь осаждающим. — Не будьте трусами, русских немного... — Обернувшись к морю, он подозвал индейцев на батах, чтобы подходили не мешкая.

Абросим Плотников кинулся было к казарме, но осажденные закрылись, и попасть туда было невозможно. Он повернул обратно к скотной избе, где лежало его ружье. Там он увидел скотницу Прасковью и сказал ей, чтобы она убегала в лес.

Прибежали колоши, вышибли двери. Ворвались в избу, стали ловить Плотникова, но он,

оставив в их руках ружье и камзол, выпрыгнул в окошко. В лесу он спрятался в дупле старого дерева. Индейцы искали его, но не нашли.

Через недолгое время Плотников решил попытаться еще раз проникнуть в казарму, но увидел, что и казарма, и сараи, и балаган, и кажим, и скотная изба горят большим огнем. С балкона казармы индейцы сбрасывали на землю все ценное, что нашлось под руками. Внизу подбирали и носили в баты, стоявшие у берега близ крепости.

С верхних перил бросился на землю промышленный Наквасин, но зашиб ногу. Его догнали четверо колошей, на копьях поднесли к крепости и там оскальпировали и отрубили голову.

Бросился вниз и промышленный Кабанов, но его постигла та же участь.

Пожар продолжался до самого вечера. Сгорел и новый, почти построенный фрегат. У реки лежали заколотые копьями коровы.

Последним погиб дозорный на восточной башне Захар Лебедев. Он сделал несколько выстрелов из пушки. Но порох кончился, и пушка замолчала. Однако Лебедев не сдавался и стрелял из ружья.

Индейцы долго не могли пробиться на башню. Лебедев рубил секирой тех, кто лез к нему, а сам прятался от стрел и пуль. И все же индейцы победили. Еще живого Лебедева сбросили с башни во двор.

Тем, кто стоял в дозоре на стенах, удалось выстрелить из пушек всего один раз в бежавших к воротам индейцев. Они сразу же были убиты и оскальпированы.

Склады компании колоши разбили. Там находилось много добра. Сотни бутылок с ромом выпивали тут же, на месте. Начались танцы победителей.

В тот страшный день зеленый бриг мирно покачивался на волнах Ситкинского залива.

Капитан Роберт Хейли во время обеда съел изрядный кусок пудинга и почувствовал боль в левом боку. Он лег в постель и долго держал бутылку с горячей водой у больного места. Когда боль приутихла, Роберт Хейли принялся за Библию и незаметно уснул.

Разбудил его настойчивый стук в дверь.

— Сэр, — сказал помощник, — у борта несколько лодок. На них русские. Они молят о спасении. В лодках много женщин и детей.

— Откуда они? — сразу проснувшись, спросил Хейли.

— Из русского форта. Он взят индейцами. Женщины думают, что все русские убиты.

— Что ж, — поразмыслив, сказал капитан. — Пусть поднимутся на палубу. Под английским флагом они будут в безопасности. Спрячь их в малый трюм, где у нас помещались больные негры.

— Их надо покормить, сэр, дети с утра ничего не ели.

— Сколько их?

— Трое русских мужчин, восемнадцать женщин и шестеро детей... И еще шестеро туземцев.

— Ого! Тридцать три человека! Клянусь Библией, я возьму за них хороший выкуп. Разрешаю кормить их наравне с командой.

— Слушаю, сэр.

Капитан Хейли полистал Библию и опять заснул. И на этот раз он спал недолго.

— Сэр, — доложил помощник. — Приехали индейцы. Ваш знакомый вождь и с ним еще несколько человек.

Капитан поднялся с постели и надел мундир. За пояс заткнул два пистолета.

В каюту, неслышно ступая босыми ногами, вошел Котлеан в английском фризovém капоте и с важным видом протянул руку капитану.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, Котлеан. Рассказывай, как ты выполнил наш договор.

Котлеан замотал головой — он не понимал по-английски.

— А-а, я забыл. Ему нужен переводчик. — Капитан ударил в гонг. — Позовите Джона. Нет, он исчез, пусть придет Питер.

Пришел матрос Питер, проживший два года в плену у колошей, и разговор начался.

— Я взял русскую крепость, все русские уничтожены.

— Ты уверен?

— Котлеан никогда не лжет. Ты увидишь сам. — Индеец вышел и тотчас возвратился, держа в руках связки окровавленных волос.

— Что это?

— Скальпы побежденных. Здесь ровно два десятка.

— Я не хочу смотреть на эту гадость. Немедленно убрать, — закричал капитан.

Индеец унес скальпы и вновь вернулся.

— Теперь ты веришь мне?

— Верю. Но зачем ты поступил так жестоко? Наверное, если бы ты мог, то содрал бы и мою кожу?

Индеец посмотрел на голый блестящий череп с легким пушком на затылке и чуть заметно усмехнулся.

— Нет, твой скальп я бы не тронул.

— Благодарю за внимание... Но поговорим о главном. Сколько было бобровых шкур в крепости?

— Всего три тысячи.

— Где они?

— Мой дядя и братья хотят оставить их для себя.

— Мне наплевать на твоих братьев. Я тебя спрашиваю, где мои бобровые шкуры?

— Мы их взяли себе.

Капитан Хейли вскочил с кресла. Раздался резкий удар в гонг.

— Я вас слушаю, — возник на пороге помощник.

— Приготовьте две виселицы на фока-рее, — тихим, как всегда, голосом сказал Хейли. — Поставить на табуретки вождей и держать, пока мои бобры не будут у меня в трюме. Они напали на русскую крепость и теперь говорят, что им приказал я... Это пираты, другой на моем месте пристрелил бы их без всяких разговоров. Если они вздумают сопротивляться, тогда...

— Я понял вас, сэр!

Котлеан вышел на палубу, все рассказал вождю Скаутлельту. Посоветовавшись, они отдали приказ сопровождавшим их воинам привезти все шкурки на корабль.

Петлю на шею им не надевали, но оба сидели под виселицами на табуретках, пока не привезли шкурки.

— У этого капитана два языка и два сердца, — печально сказал Котлеан.

— Я говорил тебе, что надо верить Баранову.

Больше они не сказали друг другу ни слова.

Великий вождь Скаутлельт и его племянник Котлеан понимали, что сопротивляться бесполезно. Вся команда брига находилась на палубе. Три десятка дюжих мужчин с ружьями, пистолетами и топорами не спускали с индейцев глаз. А кроме того, капитан Хейли поставил их в такое положение, что у них не оставалось выбора. Мести правителя Баранова они боялись, а огнестрельное оружие и порох им мог дать только английский капитан.

И хотя колоши тщеславны и очень обидчивы, и иногда только от одного взгляда, по их мнению недостаточно вежливого, приходят в ярость, Скаутлельт и его племянник Котлеан перетерпели неуточное обхождение капитана Хейли.

Погрузив шкуры в трюм, капитан сделался добрым. Он пригласил вождей в свою каюту и угостил их первосортным ромом и всякими сладостями.

— Мы отдали всех бобров тебе, — печально сказал Скаутлельт, — но что же остается нам? У вождя Котлеана погибло двадцать воинов, у меня около трех десятков. У воинов остались жены и дети.

— Ты взял из складов все, что там находилось, — отрезал Хейли. — Довольно с тебя. Наверное, там было много бисера и бус. Там был ром и рыба. Разве ты не знаешь, что ружья, порох и пушки дорого стоят? А главное, ты упустил правителя Баранова. Вот если бы его скальп ты принес, у нас мог быть другой разговор. А ведь теперь получается так: вернется Баранов, построит новую крепость, а вас, великих вождей, выпорот плетьюми.

— Так не будет. Мы построим свою крепость, и Баранову придется покинуть Ситку... Ты хотя бы отдал моих пленных. У тебя сидит в трюме тридцать и еще восемь человек. — Скаутлельт показал на пальцах. — Пусть мне достанется выкуп.

— Нет, ты не получишь пленных. Они пришли ко мне, и я взял их под защиту... Но это ничего. Если ты будешь и дальше завоевывать крепости, то у тебя будет много пленных. Пушки, ружья и порох ты будешь получать на моем корабле.

Вечером вожди уехали на бате в свое селение. Несколько бутылок рома, мешок табака, две курительные трубки — вот и все, что удалось им получить от капитана Хейли.

— Не надо было слушать капитана Хейли, — сказал вождь Скаутлельт, — и ссориться с Барановым. Он — верный человек и всегда держал свое слово. Теперь правитель будет мстить. Хочешь не хочешь, а придется строить крепость. Русские — храбрые люди, и нам придется плохо.

Котлеан не отвечал, пощипывая редкую бородку. Он молчал всю дорогу.

Невеселыми они вернулись в селение, расположенное неподалеку от разгромленной крепости, стараясь не смотреть на дело своих рук. Там, где стояла русская крепость, остались обгорелые бревна да кирпичные печи. Новый фрегат, заложенный два года назад и почти готовый к спуску, еще дымился. Ветер с моря носил над пожарищем пепел. Немного поодаль бродили индейские собаки, разыскивая поживу. Тоскливо мычала уцелевшая корова.

— У нас есть пушки, и мы будем воевать, — сказал Котлеан, ступив на берег. — Плохо, что мы зависим от капитана Хейли. Правитель Баранов будет мстить, но мы не должны быть в обиде. Мсть — святое дело.

Проводив гостей, хозяин брига не стал терять время. Ему не терпелось получить от Баранова выкуп за оставшихся в живых обитателей русской крепости. Он вышел из Ситкинского залива и, миновав гору Эджкомб, проложил курс к острову Кадьяку.

Глава двадцатая. ДЕРЖИСЬ ЗА АВОСЬ, ДОКОЛЕ НЕ СОРВАЛОСЬ

Накинув на плечи овчинный полушубок, Александр Андреевич вышел на крыльцо к ожидавшему его кадьякскому тойону Савве Куприянову. Стоял июнь, самый разгар лета, а крепкий северо-восточный ветер заставлял одеться потеплее. Баранов с наслаждением вдыхал теплый запах овчины, напоминавший ему далекую Россию.

После тревожных событий 1801 года наступили спокойные дни, и жизнь понемногу возвращалась в прежнее русло. Конечно, не все шло гладко в огромном государстве Баранова. Он прожил на Аляске десять лет и, по существу, только расправлял крылья.

Весь прошлый год по-прежнему ощущалась большая нужда в предметах первой необходимости, а пополнения не было. Александр Андреевич не знал, что из Охотска на Кадьяк в 1800 году был отправлен «Св. архангел Михаил» с грузом кормовых припасов.

Но плавание его было несчастливо, корабль разбился, и весь груз погиб.

После постройки крепости на острове Ситке Александр Андреевич почувствовал себя увереннее. Много времени он уделял кадьякским жителям, стараясь улучшить их быт, поднять культуру и образование. После перерыва стала работать школа, которую маленькие кадьякцы посещали с увлечением.

Сегодня Баранов решил напомнить Савве Куприянову о кормовых запасах. Если упустить летнее время и ничего не заготовить на зиму, люди будут голодать.

— Здравствуй, Савва.

— Здравствуй, Александр Андреевич.

— Расскажи, как у тебя с кормами, много ли привезли охотники?

— Китовины немножко, да рыбы головы припрятаны. Юколы самая малость.

— На сколько хватит?

— Недели на две, Александр Андреевич.

— Что же ты смотрел, Савва? Ведь люди твои помрут с голоду.

— Потерпим, Александр Андреевич, не первый раз. Возле моря живем.

Баранову часто приходилось слышать такие отговорки. Он удивлялся беспечности кадьякцев. Зная, что зимой они не могут ничего промыслить, кадьякцы не пекутся о завтрашнем дне и с запасами не умеют обходиться бережливо. Трудно научить кадьякца быть запасливее. Живя у моря, он всегда надеется взять что-нибудь от богатой морской житницы. Однако море не всегда милостиво...

— Море-то море, а что есть будете? — нажимал Баранов. — Коли сам о себе не радеешь, так кивать не на кого. Брали бы в пример колошей. Море у них будто поласковой вашего, а кормов они запасают даже с избытком. И расходуют бережливо. Вот кабы и вам так.

На круглом добродушном лице Саввы появилась хитрая ухмылка. У него были темно-карие глаза. Веки полные, а верхние как бы опухшие. Сросшиеся темные брови.

— Однако колоши бобра не промыслят. Таких охотников, как наши, тебе не найти, правитель. Ракушки будем есть. А ежели нас голодом шибко прижмет, отпустишь юколы. Отработаем небось.

Баранов вздохнул. Забота о пропитании кадьякцев лежала тяжелым бременем на его плечах.

— Думай, Савва, как лучше. На мою юколу надейся, а сам не будь плох.

Савва Куприянов понял, что Баранов поможет.

— Спасибо, правитель, пойду домой.

— С богом, Савва.

Баранов постоял еще немного на крыльце, наблюдая за кадьякским вождем. Спустившись по лестнице, Савва заковылял к берегу. От многолетнего сиденья в байдарке ноги его в коленках разгибались плохо, поэтому походка была неровная и он шел словно спотыкаясь или прихрамывая.

Но когда кадьякец сидит в своей байдарке, он совсем другой человек. На море он ловок и бесстрашен. Кадьякец, словно кентавр, сросся со своей байдаркой. Правитель вспомнил, как один раз, когда он спешил, байдарщик греб двадцать часов, только раз остановившись передохнуть.

Проводив глазами Савву, Александр Андреевич стал думать о другом. Никаких известий из России давно не было. Приходящие на Кадьяк иностранные капитаны рассказывали всякие были и небывлицы. В колониях бродили слухи о вооруженном нападении. Они беспокоили правителя. Кадьякские склады ломились от драгоценного пушного товара. Ситкинские промыслы работали безотказно.

Кто же возможный враг? Одно время говорили об испанцах и французах. Потом французы

стали друзьями, и главным противником России сделалась Англия. Не имея верных сведений, можно было принять неприятелей за союзников и наоборот. Ошибиться легко, и в то же время Александр Андреевич хорошо понимал, что вооруженный фрегат противника, проникнув в гавань, мог нанести компании и людям большой вред.

Павловская гавань представляла собой узкий пролив, шириной в полтора сажен. Александр Андреевич недавно поставил батарею на самом узком месте при входе. Здесь пролив суживался песчаным мыском так, что для входа корабля оставалось не более сорока сажен.

А пушные запасы Баранов решил спрятать подальше от греха — внутри острова. «Если придут сильные неприятели, — думал он, — спасти пушнину мудрено. Но, по крайней мере, сколько сил будет, все брошу на защиту. А там как бог поможет».

То, что увидел капитан Роберт Хейли, войдя в Павловскую гавань, его удивило. В таком отдаленном и неудобном для жизни месте русские построили маленький город. В подзорную трубу он видел десятки домиков.

За последние четыре года трудами правителя столица Русской Америки еще больше выросла и расширилась.

Возле церкви Воскресения Господня высилась просторная казарма для компанейских служителей. Тут же несколько складов, лавки. Чуть поодаль — школа со службами и дом духовной миссии. Бросался в глаза чистенький небольшой дом правителя Баранова, дом компанейского старосты и приказчика.

Но это не все. В поселке есть несколько мастерских, кузница, верфь, дома для семейных чиновников, казармы для кадьякцев и, конечно, баня.

На берег, посмотреть незнакомое судно, набежало много народа. Погода стояла ясная, день, хотя и солнечный, но холодный, ветреный.

Александр Андреевич с башни своего дома наблюдал в подзорную трубу за действиями капитана зеленого брига. Положив якорь на середине гавани, Роберт Хейли приказал матросам выдвинуть из бортов двадцать пушек. Баранов понял, что это не обычный мирный заход с коммерческими целями. Не медля ни минуты, он послал Ивана Кускова в крепостицу на мысе с приказом быть готовым к бою.

— Я поеду к агличанину, узнаю, в чем дело, — сказал правитель жене. — Обедать не жди.

Он надел свой любимый пахучий полушубок, сунул за пояс пистолеты и спустился к берегу. Два широкоплечих старовояжных вмиг доставили его на лодку к английскому кораблю.

На палубе брига его встретил капитан Хейли.

— Как дошли, капитан, какая держалась погода? — начал разговор Баранов.

— О-о, погода держалась отличная, господин Баранов. Как бывает на море, после плохой погоды всегда наступает хорошая.

— Русские говорят: по ветру тишь, по тиши ветер.

— Да, да, правильно. Но я привез вам плохие вести.

— Слушаю вас, господин капитан.

— Крепость на острове Ситке разрушена и сожжена дикарями. Ее защитники убиты. Но вы не

печальтесь: бог дал, бог и взял. Когда я подошел к Ситке, там все было кончено. Иначе я разогнал бы дикарей одним залпом.

— Бог здесь ни при чем, господин капитан. Однако жаль, очень жаль.

— Но кое-что мне удалось сделать. Не скупясь на расходы, я выкупил у индейцев оставшихся в живых и привез их на Кадыяк.

Капитан Хейли в кратких словах рассказал, как он выкупил пленных, исказив все события и представив себя благодетелем русских на Ситке.

— Великое вам спасибо. — Баранов встал и в пояс поклонился Хейли.

— О-о, дело не может ограничиться одной благодарностью. Мне это дорого обошлось. Во-первых, я отложил свои торговые дела и понес убытки. Во-вторых, я заплатил выкуп индейцам. В-третьих, я одел, поил и кормил русских... Ну, и доставка мне кое-что стоила. Как вы думаете, господин Баранов?

— Вы правы, капитан, — раздумывая, отозвался Баранов. — Сколько вы хотите получить за русских людей, которых привезли?

— Там не все русские, есть алеуты и кадыякцы.

— Все равно, они подданные Русского государства.

— Тем лучше для меня. За тридцать трех русских подданных я хочу получить пятьдесят тысяч рублей.

Баранов посмотрел на него с удивлением.

— Пятьдесят тысяч? Вы шутите, капитан?!

— Вовсе нет, я хочу получить пятьдесят тысяч рублей в возмещение убытков.

— Я вас не выпущу из гавани, пока вы не отпустите русских за выкуп, который я назначу сам.

— Правитель произнес эти слова медленно и самым обычным голосом.

— О-о, мне не страшны ваши угрозы. Посмотрите, что делается у меня на палубе.

— Интересно взглянуть... — Баранов поднялся, вместе с капитаном они вышли из каюты.

У пушек стояли люди. В руках у пушкарей дымились фители.

— Я разгромлю вашу деревушку и выйду отсюда, когда захочу, — усмехнулся Хейли.

Баранов взмахнул шапкой. Это был условный знак.

— Теперь посмотрите на русскую крепость. Вон там, на высоком мыску, возле которого вы должны пройти.

Капитан Хейли долго смотрел в подозрную трубу.

На крепости он увидел русский флаг, развевающийся на ветру, готовые к бою пушки и много прислуги. Люди говорили что-то, показывая на его бриг.

— Посмотрите... — Баранов показал на башни у его дома и на казармах.

Капитан Хейли и там увидел готовые к бою пушки и людей.

— Я слушаю, — сказал он, опустив подозрную трубку. — Каков ваш выкуп?

— Я даю вам десять тысяч рублей и больше ни одной копейки. Расплачиваюсь пушниной.

— Это невозможно, я не допущу насилия.

— Ваше дело, — невозмутимо сказал Баранов. — Но если через час я не вернусь на берег, крепость начнет обстрел вашего брига. А мои люди атакуют его на байдарках, у нас их сотни... Это обойдется вам недешево. Если попытаетесь уйти без моего разрешения, пушки обстреляют вас немедленно.

— Пойдемте в каюту, господии Баранов, — сказал Хейли. — Надо обдумать ваше предложение.

В каюте он мешком свалился в кресло, вытер лысину красным платком. По привычке, вынув из кармана Библию, стал ее перелистывать.

— Заплатите половину моей цены, господин Баранов, это будет справедливо. Согласны?

— Нет, я сказал: десять тысяч, и ни одной копейки больше.

— Вы жестокий человек, господин Баранов. Десять тысяч за все хлопоты! Но что делать, я не хочу портить с вами отношения. Как-никак мы работаем на одном деле. Берите ваших людей, и останемся друзьями.

Получив все, что ему причиталось, англичанин в тот же день вышел в море.

О потере крепости на Ситке Баранов очень горевал, изменился лицом, словно постарел на несколько лет. Но он твердо решил вернуть отнятые у него владения и снова построить крепость. Только так ему представлялось возможным сохранить доверие промышленных и кадьякцев.

Александр Андреевич не стал бы откладывать ни на одну минуту похода на Ситку, но надо было собраться с силами. Недоставало кормов, зима предстояла тяжелая.

Пройдя через обрушившиеся на него бедствия, Баранов понял свои ошибки и дал себе слово поступать осторожнее и осмотрительнее. Он разговаривал с промышленным Абросимом Плотниковым, находившимся среди пленных, и от него узнал, что приказчик Медведников не принял всех мер предосторожности, о которых ему указывалось в наставлении.

В крепости жила колошенка в прислугах у артельщика Кузьмичева, которая часто уходила к своим родичам в поселок. Медведников поверил английским матросам, принял их на службу и часто приглашал в гости знакомых колошских мужиков. Вот и проморгал крепость. Александр Андреевич вовсе не хотел обвинить во всем Медведникова — что проку обвинять мертвого? Но снова повторить эти ошибки он никому не позволит. Баранов узнал от алеута Федора Яковлева о гибели парусника «Варфоломей и Варнава» и о нападении индейцев какого-то неизвестного племени на русских, высадившихся на берег. Печально. Но на первом месте все же стояла крепость на Ситке. От него же он узнал о предательских действиях капитана Хейли, подстрекавшего индейцев к захвату крепости.

Правитель хотел доказать колошам, что русские были для них верными друзьями, но за измену и разбой они будут грозными мстителями. Око за око, зуб за зуб — так утверждал древний закон индейцев, и Баранов не думал его нарушать. Если бы он отказался от мести, индейцы перестали бы его уважать.

Посоветовавшись с ближними людьми, Александр Андреевич решил предварительно поговорить с кадьякцами. Как отнесутся к военному походу островитяне? Это имело

немаловажное значение.

Баранов собрал старейшин у себя дома и рассказал о захвате крепости индейцами. Конечно, островитяне знали обо всем от своих единоплеменников, выкупленных у английского капитана, но слушали они с вниманием.

— Колоши нарушили договор. Вели себя как вероломные женщины. Русских, находившихся в крепости, они убили. И ваших братьев, сыновей, отцов закололи, как бобров или котиков... Больше сотни лучших кадьякцев пали от руки коварных колошей. Мы хотим отомстить, прошу старейшин помочь русским.

Вожди маленькими глотками пили крепчайший ром и глядели на правителя.

— Ты наш друг, Баранов, а мы никогда не оставляем в беде своих друзей, — взял слово Савва, главный вождь кадьякского племени. — Ты заплатил большой выкуп за наших родственников.

Он выглядел представительно. Его новая парка, вышитая бисером и разноцветными бусами, сверкала и переливалась огнями.

— Пускай нам дадут ружья, и мы отомстим колошам, — отозвался старейший вождь Кузьма Сапожков. — Бобра надо бить копьем, а колоша пулей.

— Мы дадим ружья и пули всем, кто умеет стрелять, — заверил Баранов.

— Сколько правитель хочет снарядить байдарок? — спросил Савва. — Надо немедля готовить их к дальнему походу.

— Триста байдарок. Отбирайте самых храбрых охотников.

— Кто пойдет передовщиком?

— Демьяненко Семен, он смелый человек.

— Знаем Семена, — одобрительно загудели старейшины и оглянулись на огромного бородатого детину, скромно сидевшего в уголке.

— Мы пошлем байдарки, но мы просим тебя, правитель, давать за одного бобра пять сажень бисера или два топора. За одного бобра давать еврашечью парку или пять фунтов табаку.

Александр Андреевич быстро прикинул, во что обойдется уступка. Ничего страшного, он и сам думал, что надо пересмотреть расценки. Кадьякцы получали мало.

— Обещаю покупать бобра по цене, названной Саввой, — твердо сказал он, — остальные товары по прежним ценам... Для всех, кто идет в поход на Ситку, компания устраивает игрище.

Старейшины оживились. Праздники с танцами и пением островитяне любили больше всего...

Кадьякцы были сродни эскимосским племенам. С русскими они быстро подружились и жили в мире. Бывали, конечно, взаимные недовольства и неурядицы, но даже в первое десятилетие барановского правления серьезных разногласий у русских и кадьякцев не было.

Русские женились на кадьякских женщинах, жили семьями, заводили детей. Все островитяне были подданными Российской империи, и русские промышленные относились к ним, как к равным. Они вместе ходили на промыслы, вместе делили все трудности и невзгоды. Но все

же, будучи основными добытчиками драгоценных шкурок морского бобра, кадьякцы получали за свой труд меньше, чем промышленные.

Кадьякские женщины, превосходные мастерицы, шили для компании парки из птичьих и еврашечьих шкурок. И не только меховую одежду шили кадьякские женщины, но и знаменитые байдарки из тюленьих шкур, на которых мужчины совершали далекие плавания.

Когда мужчины смазали китовым жиром готовые байдарки и крепко попарились в бане, начались празднества.

Правителя Баранова пригласил к себе главный вождь Савва. Его барабора была просторнее и чище других. Пол хозяева устлали травой и покрыли котиковыми шкурами. Александр Андреевич уселся на поперечную скамью для почетных гостей, рядом с вождем.

В бараборе все было знакомо Баранову. Не раз приходилось строить их своими руками. Выкапывалась четырехугольная яма, по углам ставили столбы и клали перекладины... Стены делались из досок, поставленных стоймя, а крышу покрывали травой.

Главное помещение бараборы, где происходило празднество, в обычные дни служит для сушки рыбы и шкур. Здесь же мастерили байдарки. Для спанья сбоку бараборы пристроены небольшие помещения, каждое имеет свой лаз из общего покоя. Посередине очаг, над ним отверстие в крыше для дыма. Вход в барабору тоже через крышу.

Народу набралось много. Савва пригласил в свое жилище вождей и знатных охотников. Всех гостей хозяева встречали еще на берегу. Неистово били в бубны и пели песни, сочиненные для этого торжественного случая.

Главный тойон Савва произнес приветственную речь, в которой хвалил своих гостей и себя. Он старался изъяснить им свою дружбу и уважение. Он говорил, что игрище делается для того, чтобы доставить удовольствие и угостить их вкусными яствами.

Затем Савва в коротких словах рассказал, что произошло на острове Ситке, и призвал к мести.

Начались игрища. Мальчики принесли бубны с палочками и положили на пол перед Саввой. Вождь запел громкую песню, ударяя в бубен.

— Ай... яй... ай... ай... Аяй... — дружно подпевали собравшиеся.

Савва исполнил три песни и переслал бубны и палочки гостям. И гости пели свои песни.

Во время песен всякий, кто хотел, выходил на свободное место посреди бараборы и танцевал, приседая и кривляясь до изнеможения. Танцоры обязательно выходили в самой нарядной парке. Женщины танцевали в прозрачной камлее²⁷, увешанные колокольцами, с деревянными фигурками в руках. Прически были одинаковы: волосы подрезаны со лба и увязаны сзади в пучок. В этом танце участвовали все: и певцы, и музыканты.

Гости пили крепкий чай с маленькими кусочками колотого сахара. Когда стало жарко, мужчины и женщины сняли парки, оставшись в набедренных повязках. Компания и духовные пастыри всячески старались ввести в быт полотняные рубахи, но новшество прививалось медленно.

Александр Андреевич пил и ел вместе со всеми. Вернулся домой он поздно, весь пропахший ворванью, усталый, но довольный...

По излучинам реки мореходы прошли, казалось, немалое расстояние. Но если измерить по прямой, то выходило не больше двадцати верст. Река петляла, и путники иногда возвращались к местам, пройденным вчера и позавчера. На двадцатый день они неожиданно вышли к двум туземным хижинам, стоявшим на самом берегу реки. Тимофей Слепцов вместе с Иваном Петуховым и кадьякцем Ивашкой вошли в дом.

Несколько индейцев сидели у очага, сложенного из дикого камня, и молча курили трубки.

— Надо рыбы, — сказал кадьякец Ивашка. — Мы заплатим бисером и бусами.

— У нас у самих мало рыбы. Большая вода покрыла заколы, и рыба ушла.

— Нам нужна рыба, — настойчиво повторил Ивашка.

— Хорошо, — переглянувшись с товарищами, сказал хозяин. — Возьми две связки лосося.

— Это мало. Нам надо десять.

— У меня нет для вас столько рыбы.

— Переведи, — потеряв терпение, выступил вперед Слепцов. — Немедленно всю вашу рыбу отдайте моим людям. Понял теперь?

Индейцы тотчас же повиновались, и каждый промышленный получил связку рыбы в подъем человека и на всех два мешка, сделанные из тюленьих шкур, с икрой. За все Слепцов заплатил, как было обещано. Индейцы казались очень довольными и даже вызвались в помощники донести кормовой запас до первого ночлега. Пройдя две версты, промышленные решили ночевать под ветвями огромного дерева. Индейцам за труды Слепцов дал по матерчатому платку и отпустил с благодарностью.

— Не обижайтесь, — сказал приказчик, — по-другому нельзя, иначе нам смерть.

— Кто сильнее, тот и прав, — ответил хозяин. — Ты обошелся с нами хорошо, и большой обиды на тебя нет.

— Тимофей Федорович, — сказал Ивашка, когда мореходы сели ужинать. — Индейцы, те, что несли нам юколу, говорили, будто капитан аглицкого корабля приказывал убивать русских и за рыбу давал ром. Индейцы очень сердились и могут напасть.

Доведенные до крайности, мореходы считали себя вправе брать у индейцев рыбу, чтобы не умереть с голоду. И платили как обычно: бисером и бусами. Ведь по их понятиям потерпевшим кораблекрушение должны везде оказывать помощь. Но в этом крае были свои обычаи и свои порядки.

Ночь прошла спокойно, дозорные менялись каждые два часа. Рано утром, едва взошло солнце, в лагере появились два индейца. Они смело вошли в шалаш, покрытый куском парусины. Один из них оказался хозяином хижины, где Слепцов купил рыбу, а второго мореходы видели впервые.

Индейцы принесли на продажу пузырь с китовым жиром. Когда сделка была совершена, незнакомый индеец неожиданно сказал:

— Женщина Елена — раба нашего вождя, если хотите, можете ее выкупить.

— Она жива! — закричал Иван Степанович. — Жива, жива!

— Какой выкуп хочет вождь? — спросил практичный Слепцов.

— Что можете вы дать?

— Я отдаю свою шинель, — предложил Иван Степанович. — Она совсем новая, и сукно первосортное.

Слепцов развязал свою котомку и вынул новый китайский халат.

— За Елену Петровну, — сказал он.

— Возьмите и мою лепту, — положил на шинель новые шаровары Касьян Овчинников.

— Я даю камзол, — откликнулся Евдоким Макаров.

Все мореходы приняли участие в сборе вещей на выкуп, и вскоре перед индейцами лежала порядочная куча разнообразных вещей. Казалось, что выкуп хороший и они немедленно согласятся.

— Этого мало, — хладнокровно сказал незнакомый индеец. — Вождь не пойдет на сделку. Добавьте еще четыре ружья, и он вернет женщину.

— Хорошо, мы согласны, — ответил Слепцов. — Но только сначала мы хотим увидеть Елену Петровну, а потом уж заключать условия.

Незнакомый индеец поднял руку в знак согласия, поклонился и тотчас вышел из шалаша.

— Боже мой, она жива, бог спас! — повторял преобразившийся Иван Степанович. Он обнимал и благодарил мореходов. Ведь каждый отдал последнее свое имущество.

Солнце еще высоко стояло над головой, когда на противоположном берегу показались индейцы и с ними Елена Петровна. Слепцов попросил перевезти ее на свою сторону. Индейцы посадили Елену Петровну на лодку вместе с двумя воинами и приблизились к берегу мореходов. На расстоянии двух десятков шагов начались переговоры.

Елена Петровна и ее супруг Иван Степанович заливались слезами и едва могли говорить. Прослезились и остальные мореходы, глядя на них. Индейцы с каменными лицами наблюдали за происходящим.

— Не плачь, Ванечка, — говорила Елена Петровна, утирая слезы. — Не плачь, мой любимый. Со мной обращаются хорошо, кормят вдоволь, не обижают.

— А как остальные? — спросил Слепцов.

— Алеут Федор Яковлев сбежал. Говорил, что к Баранову за помощью. Индейцы очень недовольны. А повариха Варвара живет со мной. Меня не обижают, не плачь, Ванечка. Скоро будем вместе, мы находимся недалеко, возле устья реки.

Поговорив с Еленой Петровной, Слепцов предложил выкуп: все ранее предложенные вещи и вдобавок одно испорченное ружье. Индейцы хотели непременно четыре. Когда увидели, что Слепцов тянет с ответом и не соглашается, индейцы увели Елену Петровну за реку.

Круков побледнел и замолчал. Для него это было новым тяжким ударом.

— Я приказываю вам, Слепцов, отдать четыре ружья! — вдруг взорвался он. — Немедленно, без разговоров!

— Это сделать нельзя, — не сразу отозвался приказчик. — У нас осталось только по одному годному ружью на человека. Инструментов для починки нет.

— Я приказываю вам, слышите, приказываю!

— Вы приказывать нам не должны, — хладнокровно возразил Тимофей Федорович. — Сами бумагу подписывали, обязались мне повиноваться... Помните, в ружьях наше спасение. Неблагодарно потерять сразу столько ружей. Возьмите в рассуждение, что эти самые ружья индейцы употребят против нас. Ваша жена снова будет в плену, и мы вместе с ней.

— Негодяй! — задохнулся Иван Степанович. — Я... я...

— Осмелюсь вас ослушаться, сударь.

Слепцов понимал причины, толкавшие Крукова на безрассудство, но твердо стоял на своем.

Тогда Иван Степанович обратился к промышленным:

— Братцы, пособи́те выручить Елену Петровну, век бога буду за вас молить.

Круков встал на колени и поклонился в землю.

— Уважьте, ребята, пособи́те, жена ведь она моя, все для вас сделаю, выручайте!

Кое у кого показались слезы. Мореходы заколебались. Слепцов был неумолим.

— Если вы, — обратился он к промышленным, — согласитесь отдать индейцам хоть одно годное ружье, я вам не товарищ. Говорю как перед богом, отдамся индейцам в плен.

— Мы с вами, Тимофей Федорович.

— Никогда ружей не отдадим.

— С ружьями мы отобьем Елену Петровну.

— Без ружей нам всем гибель.

— Нам начальник Слепцов!

Несчастный Иван Степанович дико закричал и стал рвать на себе волосы. Но трудно обвинять мореходов в черствости. Разумный человек не склонен к самоубийству.

После описанных горестных событий мореходы еще две недели шли вверх по реке. По берегам высился темный непролазный лес. Углубиться в чащу хотя бы на версту вряд ли было доступно людям. Болота, поваленные деревья с вывороченными корнями преграждали путь.

Снова зачастили дожди. Одежда мореходов насквозь промокла, похолодало. По утрам мореходы долго не могли согреться. Неожиданно выпал снег.

Слепцов не спал всю ночь. Надо было что-то придумать для спасения товарищей. Он был и старше и опытнее. Тимофей Федорович понял, что дальше идти опасно. Наступают холода, и тогда — голодная смерть. Надлежало позаботиться, как бы удобнее провести зиму и не умереть с голоду.

Утром Слепцов собрал мореходов.

— Ребята, надо дом ставить, иначе пропадем. Ежели идти к верховью — с голоду померем, а

ежели к устью — индейцы прикончат.

Промышленные сразу согласились. Конечно, зимовка в диком краю — не мед, но и дальше идти не лучше.

— Приказывай, Тимофей Федорович!

— Вот тут дом поставим. — Слепцов отмерил на берегу прямоугольник — десять шагов в длину и девять в ширину.

Мореходы вбили колышки.

— Тебе, Захар, — сказал он корабельному плотнику Кошкину, — дом срубить не в диковинку. Все сам отлично знаешь. Бери десять человек в помощники, остальные в дозор.

— Из ели ставить, Тимофей Федорович?

— Ставь из ели.

Здесьняя ель похожа на сибирскую, только хвоя мягкая да и крепость древесины меньше. Захар Кошкин выбрал подходящие деревья, сделал на стволах зарубки.

Застучали топоры. Работа шла споро. Всем надоели холод и мокреть, хотелось под крышу, погреться у домашнего очага.

Только Иван Степанович ходил как неприкаянный и думал о своей жене. Охваченный нерадостными думами, он не сразу откликнулся, когда к нему обращались.

В разгар домостроительных работ к берегу подошла лодка с тремя индейцами. Один из них был молодой человек, одетый наряднее своих соплеменников. Поверх меховой парки он надел старый суконный сюртук с морскими позументами. На голове — нарядная шляпа из кедровой коры.

Кадьякец Ивашка завел с индейцами разговор:

— Где ваше селение?

— Совсем близко, — махнул рукой молодой индеец.

В разговор вмешался Слепцов:

— Возьмите с собой одного из наших людей. Он купит у вас рыбы, и вы доставите его обратно.

— Да, да, — закивали индейцы головами, — мы согласны. — И стали торопиться с отъездом.

Они думали, что русский сам отдается им в руки и грех этим не воспользоваться.

Касьян Овчинников согласился поехать к индейцам за рыбой. Когда он садился в лодку, Слепцов потребовал:

— Оставьте у нас аманата.

Индейцам предложение не понравилось, но при сложившихся обстоятельствах им ничего не оставалось, как только согласиться.

Индеец в парке из морского бобра вылез из лодки. Дозорные караулили всю ночь, и Слепцов отпустил его только под утро, когда привезли Касьяна Овчинникова.

Индейцы обманули мореходов и рыбы не продали.

На следующий день старый индеец с длинными седыми волосами, которого мореходы раньше не видели, привез на продажу девяносто кижучей и променял на медные пуговицы.

Тем временем закончили постройку дома, и мореходы перебрались на новоселье. Все были рады. В этот день из леса вышел большой черный медведь. Слепцов застрелил его, и мореходы собирались поужинать жареным медвежьим мясом.

Дом построили из толстых бревен. Одно небольшое окно затянуто куском камлейки. Пазы законопатили мхом, в обилье разросшимся в лесу. В трех наружных стенах прорубили небольшие узкие окна, задвигаемые внутренними ставнями. На высоте одного аршина над землей настлан пол из тесовых бревен. Внутри деревянные нары, грубо сколоченный стол и две скамьи. По углам дома Захар Кошкин поставил башенки для дозора. Мореходы индейцам не верили и каждый день ждали нападения.

Кошкин долго не мог решить, какую поставить крышу. Уж больно дождей много в этих краях, и нужного материала не было.

Посоветовавшись с приказчиком Слепцовым, он решил пропитать китовым жиром куски паруса, которыми накрывали шалаши, и покрыть ими крышу. Крыша оказалась добротной и совсем не пропускала влагу.

Дом топился по-черному, под руками не было глины и подходящего камня. Однако это никого не удручало.

Вечером, насытившись жареной медвежатиной, мореходы расположились на нарах, скинули с себя верхнюю одежду на просушку и блаженствовали в тепле.

— Утка, утушка, утка серая, —

затянул Касьян Овчинников. —

На что селезня перебаила?

— Не я перебаила.

Он и сам ко мне летывал.

— Уж ты, девка, девка красная.

На что ты молодца перебаила?

— Не я его перебаила.

Он и сам ко мне хаживал...

В ненастный дождливый день опять пришел молодой индеец, нарядно одетый в морской сюртук, тот, что обманул мореходов.

Индейца усадили за стол, угостили чаем.

— Нам нужна рыба, — просительно сказал Слепцов.

— Мы не обязаны вас кормить, — ответил гость. — Чем скорее вы подохнете, тем лучше.

— Ты будешь сидеть здесь, как аманат, под караулом, пока твои родственники не принесут нам на всю зиму рыбы, — разозлившись, крикнул Слепцов. — Нам надо четыреста лососей и десять пузырей икры.

Кадьякец Ивашка перевел слова Слепцова.

Индеец с каменным лицом выслушал приказчика и что-то приказал своим спутникам. Они немедленно уплыли на своих лодках.

Через несколько дней индейцы вернулись, но без рыбы и долго что-то рассказывали аманату.

— Разрешите проехать моим лодкам вниз по реке, — попросил он.

Слепцов разрешил. Через полчаса тридцать лодок и на них семьдесят индейцев, мужчин и женщин, проплыли по течению.

Вскоре люди аманата возвратились и привезли все, что требовал Слепцов. Сверх того они отдали мореходам лодку на шесть человек. Молодой индеец был отпущен, он получил немалое вознаграждение. В его собственность перешло испорченное ружье, суконный плащ, ситцевое одеяло и китайская рубаха.

Мореходы были довольны обменом. Имея свою лодку, они часто поднимались в верховье реки за свежей рыбой. О пропитании не нужно беспокоиться: рыба была в изобилии.

Вскоре построили и другую лодку. Однако всех мучила мысль о товарищах в крепости архистратига Михаила, которых ждала смерть. Предупредить их о грозящей опасности не удалось. Теплилась надежда, что алеут Яков Федоров, сбежавший от индейцев, сумеет добраться в крепость на Ситке. Вспоминали и о жене командира, Елене Петровне.

Неожиданно Иван Степанович, безвольный и бездеятельный все последнее время, объявил, что снова хочет принять командование над отрядом.

— С сего дня, — произнес он твердо, — я снова вступаю в свои обязанности и стану начальником над вами. Приказчика Слепцова от сей должности отставляю.

Промышленные посмотрели на Тимофея Федоровича. Он молча склонил голову.

— Говори, Тимофей Федорович, — сказал Касьян Овчинников. — Мы все за тобой.

— Я согласен, ребята. Иван Степанович наш командир, ему и быть начальником.

Ивана Степановича терзала только одна мысль: выкупить любыми средствами свою жену. Мореходы прекрасно понимали командира и, уважая его страдания и жалостное положение жены, решили, что лучше подвергнуть себя опасности, чем, сопротивляясь его желанию, довести человека до совершенного отчаяния. А кроме того, мореходы при обильных рыбных кормах отдохнули за два месяца, набрались сил в теплой избе. А сытый человек всегда добрее и восприимчивей к чужой беде.

Иван Степанович снова стал командиром небольшого отряда промышленных.

Через три дня мореходы получили приказ сесть в лодки и двигаться вниз по реке. С сожалением оставляли они свое теплое жилище и немалый запас рыбы. Шли по течению быстро. Иван Степанович приказал остановиться как раз на том месте, где в прошлом году индейцы предложили им выкуп за его жену.

Снова наступили дождливые дни. Мореходы промокли до костей, а высушиться было негде. Но не роптали, а ждали, что будет дальше.

Через две недели лагерь потерпевших кораблекрушение посетил знакомый старик индеец с длинными седыми волосами и подарил корзину, полную квасных кореньев. Из этих кореньев русские в Америке делали кислый напиток, подобный квасу.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал старик.

— К устью, — ответил командир.

— А дальше куда?

— Там будет видно.

И в самом деле, Иван Степанович еще не знал, куда он поведет своих товарищей.

Увидев, что костер заливают дождем, старик пожалел промокших людей. Он ушел и вскоре возвратился с двумя широкими досками и прикрыл костер от дождя и ветра.

— Спасибо тебе, старик, — поблагодарил кадьякец Ивашка, а Слепцов преподнес ему платок и шапку.

— Я хочу показать вам дорогу по реке, — предложил индеец. — До самого устья.

Река была загромождена полузатопленными корягами, торчавшими из воды в разных местах. Не зная свободного пути, при сильном течении можно разбить лодку и потонуть.

— Хорошо, старик, ты будешь у нас проводником, — переглянувшись со Слепцовым, сказал Иван Степанович.

Старый индеец оправдал надежды. Он хорошо знал реку и был умелым рулевым. Где было много потопленных деревьев, он садился к русским и, управляя лодкой с великой осторожностью, каждый раз находил безопасный путь.

Достигнув устья реки, мореходы поставили свой шалаш на правом берегу, напротив индейского селения. Лодки вытащили на берег. Здесь, вблизи моря, берега были низменные и песчаные. На другом берегу чернели продолговатые бараборы с дощатыми крышами. У каждой бараборы красовался высокий столб с вырезанными на нем гербами — изображением птиц и зверей. Возле селения выстроено много вешал для вяления лососины, а поодаль дымилась коптильня.

Слепцов подарил старику рубашку и шейный платок. Иван Степанович торжественно навесил ему на шею серебряный рубль на шнурке. Все мореходы по очереди пожали ему руку. Старик был доволен.

На другой день из-за реки приехало много людей. В одной лодке Касьян Овчинников заметил индианку, которая летом обманула мореходов. Она перевозила Елену Петровну через реку в тот памятный день, когда индейцы захватили ее в плен.

Промышленные тотчас же схватили коварную женщину и вместе с ней молодого индейца. Обоих посадили в шалаш, надев предварительно на ноги деревянные колодки.

— Эти люди будут в колодках до тех пор, пока не возвратят наших пленных, — предупредил Слепцов.

Иван Степанович так был обрадован удаче, что не мог выговорить ни слова.

Индейцы возвратились в селение, а к мореходам вскоре приехал муж задержанной женщины, пожилой, полнотелый индеец.

— Я обещаю вернуть ваших людей, — перевел Ивашка его слова. — Но на это необходимо четыре дня. По жребию русские попали к другому племени. Я немедленно поеду за ними. Но дайте мне слово, что не умертвите мою жену.

Иван Степанович дал торжественное обещание сохранить жизнь индианке.

— Ребята, — говорил Иван Степанович, когда пожилой индеец удалился. — Неужто сбудется, неужто я увижу Елену Петровну? Умоляю вас, подождем.

— Из воли твоей не выйдем, Иван Степанович, — за всех ответил Слепцов.

Ветер был с моря, и ночью вода стала затоплять места, где расположились мореходы. Поэтому пришлось отойти от берега с версту к небольшому пригорку и на нем укрепиться.

Ждать пришлось целую неделю. Проснувшись на восьмой день, мореходы увидели на берегу полсотни индейцев. Они предлагали начать переговоры. Слепцов по просьбе Ивана Степановича тотчас спустился к ним, прихватив с собой шестерых промышленных.

Индейским отрядом предводительствовал человек средних лет, в куртке, панталонах и пуховой шляпе. Рядом с ним Слепцов увидел Елену Петровну.

Индейцы запели песню. Ивашка сказал, что песня означает предложение мира и дружбы.

Глава двадцать вторая. ГОСТИ ПОЗВАНЫ, И ПОСТЕЛИ ПОСТЛАНЫ

Правитель Баранов все последнее время деятельно готовился к походу на Ситку. Для усиления своего флота он решил построить в заливе Якутат две парусные галеры длиной по килю сорок футов. Вместе с мастерами в Якутате был оставлен Иван Александрович Кусков, которому Баранов верил все больше и больше.

23 марта 1804 года на байдарках из Уналашки прибыл на Кадык штурман Бубнов. В прошлом году на транспорте «Дмитрий» он вышел из Охотска на Кадык, но потерпел кораблекрушение. Однако груз и люди были спасены.

Штурман Бубнов привез с собой несколько важных уведомлений от главного директора компании Булдакова. Александр Андреевич узнал, что из Петербурга еще в прошлом году вышли в море с грузом для колоний два больших, вооруженных пушками транспорта — «Нева» и «Надежда». Корабль «Нева» под командованием Юрия Федоровича Лисянского должен прибыть на Кадык в середине лета. Это была радостная весть, и правитель подумал, что «Нева» поможет ему вернуть остров Ситку.

И на этот раз Александра Андреевича не забыли в Петербурге. По ходатайству главного правления за оказанные услуги и понесенные труды главный правитель Баранов все милостивейше пожалован в чин коллежского советника. Теперь он, «высокоблагородный» чиновник, мог другим языком разговаривать с просто благородными поручиками и прочими офицерами и чиновниками. Пожалование высоким чином не медаль на шее, а оружие против тех, кто считал для себя позором получать приказы от нечинового начальства.

Вместе с дипломом коллежского советника заботливые директора компании прислали Баранову мундир, оказавшийся как раз впору.

Наступила весна. С гор сбегали мутные потоки. Часто шли моросящие дожди, а туманы плотной стеной отгораживали Павловскую гавань от остального мира.

Со всего острова в гавани собирались кадьякские байдарки, готовые к походу.

Второго апреля триста двулучных байдарок отправились в залив Якутат. Отрядом управлял приказчик Семен Демьяненко. Ему помогали двадцать старовояжных мужиков.

Кадьякцы советовались с шаманом, живущим где-то в глубине острова. Он колдовал подряд два вечера и предсказал удачу. Охотники тайком от Демьяненкова взяли с собой старого колдуна. Все же с ним было спокойнее.

Александр Андреевич не стал дожидаться прихода корабля «Нева», а, разговевшись на светлый праздник пасхи ломтем свежего хлеба, стал собираться в море. Он оставил командиру Лисянскому предписание выгрузить груз и немедленно отправиться к острову Ситке для оказания помощи русскому отряду. На Кадьяке для «Невы» был оставлен старовояжный, хорошо знавший, как найти безопасный путь по Ситкинскому проливу и подходы к крепости...

После того как у Баранова появилась золотая медаль на владимирской ленте, а сам он был назван главным правителем, иероманом Афанасий, иеродьякон Нектарий и монах Герман смирились и перестали ему перечить. Монахи больше не надеялись на скорый приезд духовного начальства.

4 мая правитель приготовился в дорогу. Отец Афанасий торжественно отслужил напутственный молебен, выпрашивая милости у бога. Когда потянул попутный ветерок, Александр Андреевич вышел в море, поместясь на галиоте «Екатерина». Ему сопутствовал галиот «Александр».

Городок провожал корабли церковным звоном. Выйдя из пролива, Александр Андреевич долго еще слышал тонкоголосый перезвон колоколов.

Плавание совершалось медленно. Благоприятные ветры были редки и неустойчивы.

Через пятнадцать дней начались ледяные берега, встречались одинокие айсберги. Показалась приметная вершина горы Святого Ильи. Так назвал гору Витус Беринг, открыв ее 20 июля, в день Ильи-пророка. Еще через пять суток Баранов вошел в небольшую бухточку залива Якутат, закрытую от ветров низким лесистым островом.

Иван Александрович Кусков отлично справился с приказом. В спокойной бухте чуть покачивались на воде две новые, вооруженные пушками парусные галеры. Баранов назвал их «Ермак» и «Ростислав».

Флотилия недолго задержалась в Якутате. Парусники «Екатерина» и «Александр» вышли раньше всех курсом на остров Ситку. Партия байдарок под прикрытием галеры «Ростислав» ушли вслед за ними. Правитель Баранов покинул Якутат на «Ермаке» 25 августа и у Ледяного пролива соединился с байдарками.

Пролив этот пользовался и у русских и у туземцев дурной славой. Ледяным он назывался потому, что в него спускался язык крупного ледника, от которого часто откалывались большие и маленькие куски льда, загромождавшие западную часть пролива. Но это не все. Течение, достигающее скорости пятнадцати верст в час, нередко губило суда, попавшие в пролив.

Александр Андреевич решил идти проливом. Он хотел посмотреть, что делается в индейских селениях, участвовавших в захвате крепости архистратига Михаила. Ему не повезло: внезапно пал густой туман и скрыл берега и плавучий глетчерный лед. Мореходы не могли

увидеть с одного судна другое, не видели и байдарок.

В это тяжелое время усилилось приливное течение, «Ермак» подхватило быстринной и вместе со льдом понесло мимо опасных утесов и скал. Надежды на спасение не было. Ветер затих, паруса не служили, буксироваться невозможно из-за течения, а глубина не давала встать на якорь. В туман и безветрие начался отлив, течение изменилось, зашумели сулои, и «Ермак» с другими судами повлекло обратно, по тем же опасным местам. Баранов не отходил от руля.

— Как в адскую пропасть попали, вместе со льдами, — сказал он. — А льды-то высоки, реев касаются.

Смерть грозила мореходам отовсюду. Между высокими айсбергами от течений возникали водовороты. Судно вместе с плавучими льдами прижимало к ним то одним, то другим бортом. Мореходы отталкивались шестами. Тяжелые испытания длились ровно двенадцать часов. Наконец удалось встать на якорь за случившимся мысом. Потери оказались сравнительно небольшими: «Ермак» потерял шлюпку, «Ростислав» — румпель, а из байдарок не вернулась только одна.

Опасности плавания усугублялись тем, что суда были совсем небольшими, около сорока футов длиной и грузоподъемностью не больше пятнадцати тонн. О байдарках и говорить нечего.

Три дня дули противные ветры, а на четвертый Баранов решил попытаться снова войти в пролив. При хорошей погоде и попутном течении оба судна и байдарки благополучно обходили льды и к вечеру вошли в широкий, свободный пролив Чатам. Миновали несколько колошских селений. Жители, чувствуя свою вину, разбегались при виде барановской флотилии.

Сотни байдарок медленно двигались вдоль северного берега острова Ситки. Бобров было множество. Они казались птицами, сидящими на воде. Море тихое. Под прикрытием вооруженных судов кадьякцы начали промысел.

Охота походила на игру. Разбившись на небольшие группы по восемь — десять байдарок, кадьякцы следили за появлением зверя на поверхности моря. Охотник, увидевший его, метал копье и поднимал кверху весло. По этому знаку остальные участники промысла мгновенно составляли круг возле его байдарки, сажень до ста в поперечнике. Когда раненый бобер всплывал, ближайший к нему промышленный метал копье и поднимал весло. Охотники снова составляли круг. Все повторялось снова и снова, пока бобер, обессилев, не становился добычей кадьякцев...

Мысли правителя Русской Америки были далеки от бобрового промысла. Он думал, как вернуть под свое владение остров. Он не мог и на минуту смириться с потерей Ситки. Обильный промысел только разжигал его нетерпение. Но торопиться не было нужды. Александр Андреевич без корабля «Нева» не хотел начинать осаду крепости, а прибытия Лисянского он ожидал только в сентябре.

8 сентября, в ясный солнечный день, «Ермак» и «Ростислав» благополучно прибыли в Крестовский пролив, где всем судам был назначен сбор. Отсюда всего двенадцать миль до колошской крепости. Здесь правитель встретился с ожидавшими его судами «Екатериной» и «Александром», а самое главное, с «Невой», прибывшей из Петербурга.

Ровно через пятнадцать минут после того, как «Ермак» отдал якорь, Александр Андреевич был на палубе «Невы». Командир Юрий Федорович Лисянский принял его с морским гостеприимством.

Правитель обнял Лисянского и поздравил его с благополучным прибытием из дальнего

плавания. Они выпили по стаканчику русской водки.

— Прежде всего, Александр Андреевич, — сказал Лисянский, — прочитайте письмо, оно секретно. Велено камергером Резановым передать вам в руки.

Баранов сорвал печати, насунул на нос очки. Это было наставление директора главному правителю.

«В рассуждении притязаний агличан на места, нами заведоваемые, — указывалось в наставлении, — испрашиваете Вы, до какого места утверждать Вам нашу принадлежность. Главное правление поручает Вам стараться утверждать право России не только до 55 градуса, но и далее, опираясь на морские путешествия капитанов Беринга, Чирикова и прочих и ссылаясь также и на плавания и промыслы, производимые частными людьми с того времени ежегодно...»

— В самый раз письмо подоспело, прочитайте, Юрий Федорович. От вас секретов у меня нет.

Лисянский пробежал глазами по строчкам.

— Ситка должна быть в наших руках, — поспешил он сказать. — Я буду помогать вам всеми силами.

Баранов задумался и не ответил Лисянскому.

«Это легко на бумаге, пером, — думал он. — Утвердить свои права на юг, до пятьдесят пятой параллели... А попробуй повоюй с колошами. Да растолкуй аглицким капитанам. Они тоже свои интересы блюдут. Однако уступать свое не будем».

— Я решил, Александр Андреевич, с вами произошло несчастье: колоши ведут себя беспокойно. Представьте, они обстреливали наш корабль из ружей... — нарушил молчание Лисянский.

— Все обошлось, Юрий Федорович. Конечно, могло быть иначе. Я ждал нападения... А промысел был удачным, добыли полторы тысячи мест. Кадыкцы — изрядные охотники.

Вестовой принес чай. Капитан разлил по чашкам.

— Как вы думаете поступить со здешними колошами? Надо примерно наказать их за предательство и жестокость.

Баранов молчал. Обжигаясь, сделал несколько глотков чая.

— Думаю, для нас главное — мир, — откликнулся он. — Лучше жить в худом мире, чем хорошо воевать. Попробуем поискать мирных путей. Подстрекатель и вдохновитель колошей, капитан Хейли, все равно останется в стороне. Ну, а если не добьемся мира, придется наказать.

— Какие меры вы полагаете принять в этом случае?

— Прежде всего взять в свои руки крепость.

— Но каким образом? Ведь индейцы иждивением аглицких капитанов прекрасно вооружены. Я слышан о большой жестокости и коварстве этих колошей.

— Это правда. Мне рассказывали, что французские и аглицкие индейцы на востоке Американского материка далеко не так жестоки. Колоши умны. Они научились строить

крепости и прекрасно владеют огнестрельным оружием. Мы попытаемся взять крепость штурмом.

— Не лучше ли, дорогой Александр Андреевич, заставить колошей сдать крепость бомбардировкой из всех наших пушек?

— Посмотрим, посмотрим, Юрий Федорович. Все зависит от того, как построена крепость.

От выпитого чая правитель раскраснелся. Он снял парик, положил его на колени.

— Отложим дела до завтра, Юрий Федорович. А сейчас расскажите, как живут русские люди в Петербурге. Ведь скоро пятнадцать лет, как я прозябаю среди больших и малых островов, скал и рифов. Вижу только своих приказчиков, кадьякцев да колошей.

— Пятнадцать лет? Невероятно! Это подвиг, Александр Андреевич. Это даже трудно представить.

— Послушайте... — Правитель открыл дверь каюты.

Грозный гул океана глухо доносился в пролив Крестов. Глядя на лесистые берега и тихие воды пролива, трудно представить могучие серо-зеленые волны, бушующие за скалистым кряжем острова.

— Вот что держит меня, Юрий Федорович. В душе русского человека есть струны, звучащие в ответ на удары грозной стихии. Зов океана. Я слышу его каждый день, каждый час... Я вам скажу стихи:

Честью, славой сюда завлечены,
Дружбой братской здесь соединены,
Станем создавати, дальше занимати,
Русским полезен Америки край.
Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народа,
Но выгоды важны, отечеству нужны,
Сносным делают скуку и труд.

Александр Андреевич замолк.

— Кто сочинил сии вирши?

— Я, грешный, сочинил сии вирши в честь постройки на Ситке первой русской крепости, — вздохнув, сказал Баранов.

— Так вы еще и поэт! — Лисянский с уважением посмотрел на маленького, облысевшего правителя, принесшего себя без остатка в жертву отечеству.

— Однако я с нетерпением жду самых последних известий из Петербурга, дорогой Юрий

Федорович.

Несколько часов длилась беседа правителя Баранова и командира «Невы» Лисянского. Говорили о многом. Несколько раз Александр Андреевич пытался разузнать о посланце императора Николае Петровиче Резанове. Но каждый раз Лисянский давал уклончивые ответы. У Баранова возникло подозрение, что у Лисянского и Крузенштерна что-то произошло с Резановым. Из ответов Лисянского выходило, что Резанов во время плавания вмешался не в свои дела, чем заслужил недоброжелательность офицеров. Правитель верил и не верил. И у него в Америке служили морские офицеры, и он знал им цену. Александр Андреевич пожалел, что компанейский приказчик Коробицын остался на Кадьяке, уж он-то рассказал бы всю правду.

Напоследок Баранов спросил:

— Непонятно, Юрий Федорович, почему компанейские суда «Надежда» и «Нева» уходят в Петербург? Ведь для Русской Америки куда выгоднее оставить их здесь.

— Вы правы, дорогой Александр Андреевич, суда здесь нужнее, — тотчас отозвался Лисянский, — но существует высшая политика, которая не считается с низменными интересами... У нас высочайшее повеление идти в Петербург. Кто в этом виноват, — он развел руками, — поверьте — не знаю.

Александр Андреевич стал прощаться.

— Я поеду на берег, посмотрю, как устроились кадьякцы.

— Возьмите и меня с собой.

— Буду рад, Юрий Федорович.

Недавно пустынный берег был оживлен. Более расторопные кадьякцы успели построить шалаши, другие только приступали к сооружению.

Байдарки непрерывно подходили к берегу. Люди развешивали на просушку одежду, зажигали костры, варили себе еду. Некоторые, выбравшись на берег, валились с ног от усталости.

Временные жильцы устраивались очень быстро. Байдарку клали на ребро. Перед ней, отступая на два аршина, вбивали в землю два шеста и клали на них поперечину. На байдарку и поперечину клали весла, а сверху покрывали тюленьими шкурами. Землю кадьякцы устилали травой и покрывали плетеными из травы ковриками.

На берегу собралось около восьмисот кадьякцев, прибывших сюда на трехстах байдарках. Вышло их из Якутата больше, но несколько человек в пути умерло, а несколько из-за болезни отправлены обратно. Кроме длинных копий и стрел, обычно употреблявшихся на охоте, многие кадьякцы были на этот раз вооружены ружьями.

Несколько дней охотники отдыхали после утомительного перехода и готовились к военным действиям.

Рано утром 17 сентября вся армада вышла из пролива Крестов и к вечеру была у колошского селения против Кекура. Хижины селения оказались пустыми: индейцы ушли в крепость, построенную при речке на расстоянии полутора верст к востоку.

На следующий день племянник великого вождя Скаутлельта Котлеан, окруженный воинами, выходил из леса на ближайший мысок для переговоров.

— Мы хотим мира, — перевел толмач. — Возникшее недоразумение прекратим без пролития

крови.

— Мы согласны, — ответил Баранов. — Приглашаем вождей на корабль для переговоров. А прежде пришлите десять аманатов.

— Давайте и вы нам равное число аманатов, — вызывающе ответил Котлеан.

Переговоры ни к чему не привели. Котлеан отклонил предложения и удалился. Правитель Баранов понял, что индейцы мира не хотят, а только тянут время. После его ухода с судов сделали несколько выстрелов по берегу, чтобы выяснить, не скрывается ли кто-нибудь в засаде.

Александр Андреевич решил занять удобное для постройки крепости место, с отрядом вооруженных промышленных сошел на берег и поднял русский флаг на каменном утесе. Для будущей крепости на скалу поставили шесть пушек, назначили охрану. Четыре года назад Баранов не нарушил добрососедских отношений, не стал выселять колошей из барабор, а построил крепость рядом с Кекуром.

В полдень, по случаю открытия новой крепости, корабли дали несколько залпов из всех орудий. Крепость названа Ново-Архангельской.

Прошел еще один день. Утром появились вооруженные индейцы. Их было человек тридцать. Приблизившись на ружейный выстрел, индейцы выстроились в одну линию и запели что-то протяжное. В их пении утверждался мир и предлагались добрососедские отношения. Начались переговоры.

— Учиненные вами злодеяния, — предложил Баранов, — мы предадим забвению, если получим аманатов и всех кадьякцев, взятых в плен. Колоши должны оставить свою крепость и поселиться дальше от этих мест.

— Мы не согласны, — ответили индейцы.

— Ну, если не согласны, — правитель вышел из терпения, — ждите нас у крепости. Думаю, что скоро вы будете покладистее.

Услышав эти слова правителя, колоши пришли в возбуждение и хором прокричали три раза «у-у-у», что означало конец переговорам.

С утра 1 октября суда начали подтягиваться на лодках к колошской крепости и около полудня прибыли на место. Корабли встали на расстоянии полверсты. Ближе подойти было нельзя из-за отмелей мест. На колошской крепости подняли белый флаг. Прошел час. Никакого движения больше не замечалось.

Корабль «Нева» ударил по крепости несколькими ядрами.

По приказанию командира Лисянского на воду был спущен баркас под командой лейтенанта Арбузова для высадки десанта и ял с четырехфунтовой пушкой. Лейтенант Арбузов высадил своих матросов на берег и, взяв с собой пушку, пошел на крепость. Вслед за лейтенантом высадился Баранов с четырьмя пушками и отрядом из кадьякцев и промышленных.

К пяти часам вечера на берегу оказалась батарея из шести пушек и сто тридцать вооруженных людей.

Несмотря на непрерывную пальбу индейцев, отряд смело приблизился к стенам крепости. Ночью, перетащив пушки через небольшую речку, русский отряд во главе с Барановым под крики «ура» и пушечные выстрелы бросился на крепость. Принялись поджигать деревянные стены и ломать ворота. Колоши открыли шквальный огонь.

Пришлось отступить, хотя русские пушки находились у самых ворот крепости. Корабль «Нева» прикрывал пушечной стрельбой отступление.

Правитель Баранов был ранен в правую руку пулей навывлет, ранен лейтенант Повалишин и еще несколько человек. Отряд кадьякцев, предводимый Саввой Куприяновым, наступал плечо к плечу с русскими промышленными.

Надвигалась гроза, небо заволочло тучами. Пошел проливной дождь. Вода в реке быстро прибывала. И русские едва успели перетащить пушки. Дождь лил не переставая, и когда мореходы вернулись на корабль, на них не осталось и сухой нитки.

Правитель Баранов потерял много крови, ослабел и слег в постель на своей галере. Вызванный с «Невы» лекарь сделал ему перевязку. Лежа на койке, пересиливая боль и озноб, он продиктовал записку Лисянскому.

«Господин капитан-лейтенант. Я не могу пошевелить раненой рукой, а потому не в состоянии заниматься военными делами. Прошу вас принять всех людей под свое командование и действовать по усмотрению. Колоши должны быть наказаны, чтобы не было повадно другим».

К утру боль в раненой руке утихла. Александр Андреевич думал, что столица Русской Америки должна быть здесь, на Ситке, в том месте, где поднят русский флаг. Город Ново-Архангельск! Он представил себе обширную площадь с флагштоком, прямые улицы, крепкие, чистые дома. На площади ему виделась просторная школа, больница.

Не всегда судьба была ласкова к Баранову. Он получал жестокие удары, но не сдавался. Понемногу Александр Андреевич привык к своей новой американской земле, и она стала для него второй родиной.

Ему пришла мысль в голову: во всем ли он прав к своим товарищам, делившим с ним тяготы американской жизни? «Я не терплю ласкательства и гнушаюсь клеветы, — думал Баранов. — Отличаю, люблю и почитаю смелых и расторопных, гнушаюсь ленивцев и тунеядцев, а паче развратников, и кто любим и почитаем мною, тот не менее прочих трудится и способствует в общих выгодах».

Ночью, когда дождь перестал, все корабли снова открыли пушечную пальбу по крепости.

Через час бомбардировка прекратилась. Александр Андреевич взглянул в окно. Начинался рассвет. От крепости отошел бат с белым флагом — колоши высылали парламентаров. Баранов с трудом перебрался на «Неву» и вместе с капитаном Лисянским вел переговоры.

— Аманаты и пленные должны быть немедленно на борту моего корабля, — твердо заявил колошам Юрий Федорович.

Бат с парламентарями отбыл в крепость и вскоре вернулся. Колоши привезли аманата, внука вождя чилхатского племени, потом еще одного, потом еще. К полудню на борту «Невы» оказались все десять заложников. Привезли и пленных кадьякцев.

Однако крепость все еще находилась в руках колошей, и корабли не раз открывали пушечную пальбу, не давая осажденным собирать возле стен русские пушечные ядра.

Надо было положить конец затянувшимся военным действиям.

Суда получили приказ ближе придвинуться к берегу, и к колошам был послан переводчик с окончательным требованием немедленно оставить крепость. В противном случае им был обещан полный разгром.

Вскоре после обеда командир Лисянский получил ответ.

— Если мы придем к согласию покинуть крепость, — передали колоши, — то вечером трижды прокричим «у-у-у».

На этот раз осажденные сдержали свое слово. В восьмом часу вечера на кораблях услышали троекратное завывание. Затем раздалась песня, после все смолкло.

Утром на крепость налетело великое множество воронья. Правитель Баранов послал на берег переводчика.

— За стенами нет ни одного воина. Остались две старухи и мальчик, — доложил он, вернувшись через час.

Колошская крепость представляла правильный четырехугольник. Большая сторона в тридцать пять сажений обращена к морю. Крепость сложена из толстых, в два обхвата и больше, суковатых бревен. Ядра и картечь с корабельных пушек причинили мало вреда стенам крепости из-за дальности расстояния. Основанием служил палисад из толстых бревен, укрепленных снаружи и внутри. На море выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу двое ворот. В крепости находилось четырнадцать барабор, очень тесно построенных. Колоши оставили три чугунных фальконета и несколько ружей. Можно было предположить, что в крепости, находилось не менее восьмисот человек. В бараборах обнаружены большие запасы вяленой рыбы, икры и других кормов, много деревянной посуды. На берегу остались тридцать больших батов. Все эти запасы и лодки правитель отдал кадьякцам.

— Крепость сжечь, — приказал Александр Андреевич. — Старухам дать лодку, пусть едут куда хотят.

Колошскую твердыню подожгли в нескольких местах. К утру она сгорела дотла. Когда от крепости остались пепел и головешки, все суда перешли к Ново-Архангельску и встали на якорь.

Русские и кадьякцы немедленно приступили к постройке новой крепости. Застучали топоры. Сотни огромных лиственниц были срублены и оструганы. Возник частокол с дозорными будками по углам. Высокий каменистый утес превратился в неприступную крепость. Две сотни бревен пошли на постройку казармы. Для правителя выстроили небольшой домик из тесаных досок с конторой и кухней. Возле стен крепости возникли склады, магазины, амбары и казармы для компанейских служителей с двумя крепостицами по углам. На стенах крепости поставили двадцать пушек разного калибра.

10 ноября «Нева» ушла на зимовку в Павловскую гавань, предварительно выгрузив из трюмов много разнообразных товаров, привезенных из Петербурга.

Всю зиму колошские вожди не показывались в крепости, но индейские баты время от времени появлялись в проливах. Русские работали не покладая рук. Кадьякцы ловили рыбу и охотились.

Весной возле Ново-Архангельской крепости возник маленький городок. Десятка два зданий могли быть примером для европейского поселения по своему виду и величине. В теплых хлевах мычали коровы. Были овцы, свиньи, козы и много кур. Поблизости от крепости появились огороды.

Глава двадцать третья. В ПОРТУ СВЯТОГО ПЕТРА И ПАВЛА

Второго июля 1804 года с легким попутным ветром корабль «Надежда» вошел в Авачинскую губу. День был солнечный, ласковый. Над вершиной вулкана курился легкий дымок. Ярко-синий ковер Авачи, обрамленной зелеными гористыми берегами, радовал душу кругосветных путешественников.

Коменданту Петропавловского порта майору Скрупскому доложили о неизвестном судне с пушками на борту. Известие вызвало переполох. «Надежду» не ждали, вернее, ее ждали только в будущем году, после посещения Японии. Но все усиливающаяся водотечность в корпусе корабля заставила командира Крузенштерна изменить направление и идти в Петропавловск для починки.

Комендант Скрупский распорядился втащить на батарее пушки и приготовить ядра и порох. По его приказанию один из офицеров на карбасе под веслами вышел навстречу неизвестному кораблю.

— Что за судно, откуда идете? — с грозным видом закричал офицер, хотя у него тряслись поджилки. Если бы корабль оказался неприятельским, дело могло закончиться плохо. На «Надежде» поубавили паруса.

— Корабль принадлежит Российско-Американской компании, идет из Петербурга.

Карбас поспешил в порт с радостной вестью. Комендант Скрупский переменял ядра на пыжи, и в честь прихода «Надежды» прозвучали одиннадцать выстрелов.

В ответ выстрелили одиннадцать пушек «Надежды».

Вслед за лоцманской лодкой «Надежда» вошла в узкий, глубокий проливчик между оконечностью галечной косы и гористым полуостровом, закрывавшим с запада Петропавловскую гавань. Порт оказался удобным, закрытым от волнения.

Вскоре «Надежда» ошвартовалась у северного берега, против складов Российско-Американской компании. За складами виднелись еще два десятка маленьких деревянных домов и среди них один побольше, хорошо построенный, принадлежащий коменданту. Десяток домиков торчали на галечной косе вперемежку с камчадалскими балаганами.

Встречать прибывший из Петербурга корабль высыпало все население поселка. К пристани, заливаясь разноголосым лаем, сбегались петропавловские собаки.

Николай Петрович Резанов вышел на шканцы.

— Благодарю бога, — сказал он, крестясь, — наконец я под защитой законов моего отечества. — И, не медля ни часа, сошел на берег.

Вслед за Резановым камердинер Иван нес на вытянутых руках дубовый ларец, где хранилась государственная грамота.

Вид у посла был болезненный, бледный. Скрупский предоставил Резанову большую половину своего дома. Дубовую шкатулку поставили в парадной комнате под иконами.

— Теперь я чувствую себя в безопасности, — скинув верхнее, оставшись в мундире, сказал Резанов гостеприимному хозяину.

— Но что у вас произошло, ваше превосходительство?

— На корабле случился бунт.

— Отказываюсь верить! Кто мог осмелиться?

— Офицеры, поднятые на сие капитан-лейтенантом Крузенштерном. Требую немедленно отправить курьера в Нижне-Камчатск к губернатору. Он должен прибыть с солдатами. Крузенштерн может оказать сопротивление.

— Пишите депешу, ваше превосходительство. В тот же час, когда вы запечатаете конверт, нарочный выедет к генералу Кошелеву.

С каким наслаждением Николай Петрович обедал у коменданта! Обед был обыденный: гостей не ждали. Он состоял из рыбных блюд. Главным украшением стола была горбуша. Ржаной душистый хлеб таял во рту. Удовольствие путешественников от домашнего обеда могут понять только те, кто полгода питался солониной и потерявшими вкус сухарями, а жажду утолял меркой теплой, гнилой воды.

Николай Петрович оживился, на его лице появились живые краски. Он вышел из мира изрядно надоевшего ему судна и позабыл о событиях, разыгравшихся на корабле полгода назад. Сегодня у него на душе был праздник.

Нарочный выехал на рассвете с подробным письмом к генералу Кошелеву.

Резанова заинтересовала обильная камчатская земля. Он принялся расспрашивать майора Скрупского, священника местной церкви и всех, с кем ему пришлось встретиться, о событиях здешней жизни.

Недавно Камчатка пережила страшные времена. В 1800 году солдаты полковника Сомова завезли заразную болезнь, которую майор Скрупский называл то желтой горячкой, то сомовской болезнью. Она унесла около тысячи семисот камчадалов и около четырехсот русских. Многие селения вымерли до единого человека, и трупы лежали неубранными до конца эпидемии. В 1801 году на Камчатку прибыл лекарь Малафеев, ему удалось остановить страшную болезнь.

Николай Петрович узнал, что попытки заняться земледелием не удались полковнику Сомову, хотя на обустройство необходимым инвентарем были затрачены немалые деньги. Почва на Камчатке плодородная, но сырая. Дождливая погода и ранние заморозки мешали выращиванию зерновых культур.

Много жалоб Резанов услышал на приказчика Российско-Американской компании и на других камчатских купцов. Продавались все товары по чрезвычайно высоким ценам. Пуд сливочного масла стоил шестьдесят рублей, а трехведерная фляга водки почти тысячу рублей²⁸. Николай Петрович впервые по-настоящему задумался о судьбе правителя Баранова. Ведь доставка товаров в Русскую Америку обходилась еще дороже. Баранову приходилось кормить и одевать четыреста человек россиян и несколько тысяч алеутов и кадьякцев. Вдобавок он строил крепости и приобретал оружие. Лекаря в Русской Америке не было, и Баранов боролся с болезнями, пользуясь старинным лечебником. На Камчатке проживало всего двести солдат, оставшихся от войск полковника Сомова. Иркутск, Якутск и Охотск, выполняя царское повеление, не справлялись с доставкой провианта... Не хватало хлеба, камчатские купцы торговали по баснословным ценам. Офицеры и чиновники получали небольшое жалованье, процветало казнокрадство и мошенничество.

«И Русскую Америку постигла бы такая же судьба, — подумалось Резанову, — ежели бы там правил губернатор».

Школы, открытые правительством на Камчатке в первой половине XVIII века для русских и камчадалов, существовали до конца века. Камчадалы учились успешно и детей своих в школы отдавали с желанием. Однако местные начальники вместо помощи всячески

препятствовали деятельности учителей, и школы одна за другой стали закрываться. Последняя школа закрылась совсем недавно, в самом конце XVIII века.

На борту «Надежды» офицеры ожидали прибытия генерал-майора Кошелева как большую неприятность.

Иван Федорович Крузенштерн давно раскаивался в том, что произошло, но отступить было поздно. Слишком круто он тогда поступил. А все виноват этот болван граф Федор Толстой. Даже выдавшего виды моряка Крузенштерна стал смущать своим поведением гвардейский подпоручик, пьяница и дебошир. И остальные офицеры кораблей сторонились строптивного графа... Он, Крузенштерн, поставил под сомнение императорский рескрипт, прочитанный Резановым тогда на шканцах.

Смятение охватило душу, но Иван Федорович по-прежнему с надменным видом прохаживался по палубе, закинув руки за спину. Он тотчас бы ушел в Японию, но без императорского посла Резанова сделать это было невозможно.

«Да, произошла большая неприятность, — думал Иван Федорович, прохаживаясь по шканцам. — Не рассчитал и сел в лужу. Если бы не проклятая течь в корпусе, я пришел бы прямо в Нагасаки и господину Резанову пришлось бы, хочет он того или не хочет, исполнить императорское поручение... А всему виной Лисянский: купил эдакое старое судно. Вместо выпивок и гулянок надо было смотреть в оба глаза. Вот если бы мы шли одни, без соглядатаев-приказчиков, все было бы в лучшем порядке... Где же видано, — бодрил себя Крузенштерн, — штатский человек распоряжается на судне, находящемся под военным флагом! Да еще полукупец. Недаром мне говорили в Петербурге, что господин Резанов получил за дочерью купца Шелихова знатное имение. Он заботился о своих интересах, а я офицер флота российского».

Капитан-лейтенанта все больше и больше беспокоили наступавшие события. Он со страхом ожидал приезда правителя Камчатки генерала Кошелева. И вдруг спасительная мысль написать письмо! «Пусть скажут, что я нахожусь в опасности, графине Ливен, статс-даме вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Вот откуда должно прийти спасение!»

Иван Федорович спустился в каюту и стал писать письмо, часто останавливаясь, обдумывая каждое слово.

Вечером Крузенштерн вызвал старшего приказчика Федора Шемелина — добродушного, бородатого купца, весьма умного и образованного человека, державшегося с большим достоинством.

— Убрать всю грязь из трюма, и немедленно.

— Какую грязь, ваше благородие? — удивился купец.

— Ну, эти компанейские товары...

— Однако... Пускай так, — не стал спорить Шемелин. — Но прикажите, ваше благородие, назначить на работу матросов.

— И не подумаю. Они выгрузят товары только на берег. А дальше управляйтесь вашими людьми. Матросы пусть отдыхают.

— Но ведь матросы получают жалованье от компании, и я в праве...

— Прекратить разговоры... Вы забываете, кто я и кто вы.

«Как же это получается? — горестно размышлял Шемелин. — Компания наняла капитана,

платит ему большие деньги и вправе ожидать от него всяческого споспешествования к своим пользам и выгодам. А капитан будто все нарочно старается сделать наоборот».

Капитан-лейтенант Крузенштерн часто выходил на шканцы с биноклем в руках и обозревал окрестности. Через три дня он снова вступил в разговор с приказчиком Шемелиным.

— Приказчика к командиру, — раздалось с корабля.

Через несколько минут на берег прибежал матрос и передал приказ Шемелину.

Федор Иванович закатил под навес шестипудовую бочку с сахаром, разгладил бороду и не спеша отправился на корабль.

Крузенштерн за пять лет пребывания на английском флоте пропитался насквозь английским духом. Он наслушался разговоров, идущих от английских капитанов, соревнующихся с русскими в Америке. Они умышленно возводили клевету о жестокостях россиян, якобы совершенных над туземными жителями. Эти слухи распространились среди англичан и даже через русского посла в Лондоне достигли ушей русского императора. Иван Федорович не хотел принять в расчет, что если раньше и были жестокости, то они не относились к современной Российско-Американской компании, а совершались в то время, когда разобщенные купцы производили промысел на Алеутских островах. Со времени образования Российско-Американской компании все переменялось, да, собственно говоря, она и создана была для наведения порядка в Русской Америке.

У Крузенштерна были свои соображения. Он понимал, что если в Русской Америке все плохо, то и Резанову будет плохо. Ведь по его указке вершились все компанейские дела, и он за все главный ответчик. Поэтому Иван Федорович старался узнать что-нибудь порочащее Русскую Америку. Он считал, что удар по правителю Баранову, по порядкам в компанейских делах сразу отзовется и на Резанове. О, как ненавидел Крузенштерн эту белую ворону среди кичащихся своим превосходством выпускников кадетского корпуса!

— Скажите-ка, господин купец, говорят, что приобретения компании есть одни баснословные рассказы и что пускающихся в Америку промышленных ожидает бедственная жизнь? — спросил Крузенштерн у подошедшего приказчика.

— Ваше благородие, как можно говорить о бедственном положении промышленных сейчас, когда высочайшим указом образована американская компания. Вы вспомните начало русских промыслов. Русские мореходы на малых лодках пробивались сквозь камни и льды, испытывали голод и болезни, и каждый шаг их был полит кровью.

— А ваш Баранов каков, главный приказчик? Разве приличный человек пойдет работать в Америку, пока там сидит такой человек, как Баранов. Диктатор, его власть основана только на беззаконии. Корыстолюбивый властитель — вот кто ваш Баранов. — Иван Федорович презрительно оттопырил нижнюю губу. — Никто не ограничивает его власть, и потому собственность и личная безопасность существовать в Америке не могут.

— Я не желаю слушать, ваше благородие, сплетни о господине Баранове, — взорвался Шемелин. — Он в высочайшем рескрипте назначен правителем американских областей, и, если он управляет в Америке по соизволению императора, можно ли называть его приказчиком?

— Вы осмеливаетесь мне, командиру корабля, делать замечания?.. Я не позволю!..

— Я разговариваю с вами как частный человек, а в частной беседе я волен говорить все, что думаю. Мы сейчас не на шканцах.

Крузенштерн сдержал негодование. Он мог бы посадить приказчика в темную кладовку на баке, заменяющую карцер, но решил не рисковать. Обстановка сложная. Незвестная земля Камчатка пугала его.

— Я вам повторяю то, что говорит цивилизованное человечество, — Крузенштерн окинул презрительным взглядом купца, — а не дикари вроде вас... Можете идти, я не задерживаю.

1 августа в порту Петропавловск раздались пушечные выстрелы с корабля «Надежда». Капитан-лейтенант Крузенштерн встречал прибывшего в порт правителя Камчатки генерал-майора Кошелева. Его хорошо вооруженный отряд, состоявший из шестидесяти солдат и нескольких офицеров, расположился на пригорке, как раз против причала. А сам генерал, не обращая внимания на господ офицеров, выстроившихся на палубе корабля, направился к дому коменданта.

— Поздравляю вас с прибытием на камчатскую землю, господин Резанов, — сказал Кошелев.
— Рад, рад вас видеть. О вашем посольстве наслышан.

Когда императорский посол и правитель Камчатки остались одни, Резанов сказал:

— Сколь ни прискорбно, совершив столь многотрудный путь, ваше превосходительство, оставить экспедицию, — он тяжело вздохнул, — но при всем моем усердии я не могу исполнить посольство в Японии, и особенно когда одни наглости офицеров могут произвести тревогу и расстроить навсегда государственные виды. Я ожидал вас, Павел Иванович, чтобы сдать, как начальствующему, всю вверенную мне экспедицию...

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, мы все обернем в наилучшем для вас порядке, и никто не посмеет задержать исправления вами императорского посольства. Дайте мне посмотреть на высочайше утвержденную инструкцию, и я начну немедленно действовать.

Резанов передал губернатору бумагу с собственноручной подписью императора и давно подготовленный доклад.

Генерал полчаса, а то и больше внимательно изучал бумаги.

— Начнем сегодня. Я буду вызывать и допрашивать офицеров в вашем присутствии, Николай Петрович.

— Благодарю, ваше превосходительство.

Первым на допрос был вызван капитан-лейтенант Крузенштерн. За столом, покрытом зеленой скатертью, сидел губернатор. Рядом с ним писарь с кипой чистой бумаги. У дверей застыл часовой. В кресле немного поодаль сидел Николай Петрович Резанов.

— Я вас слушаю, ваше превосходительство, — вытянулся Крузенштерн.

Губернатор несколько мгновений рассматривал прищуренными глазами капитан-лейтенанта.

— Будьте добры назвать ваше имя, отчество и фамилию.

— Иван Федорович Крузенштерн, ваше превосходительство. Я прихожусь родственником графине Ливен, урожденной баронессе Шиллинг фон Комштадт, статс-дамы вдовствующей императрицы.

— Это меня не интересует. Вы командир судна «Надежда»?

— Да, я командир «Надежды».

— Кто главный начальник экспедиции?

— Его превосходительство господин Резанов.

Николай Петрович Резанов и губернатор Камчатки переглянулись.

— Так. Но чем же объяснить ваши мятежные и оскорбительные действия по отношению к вашему прямому начальнику?30

— Я не знал, что его превосходительство господин Резанов мой начальник. У меня были совсем другие инструкции, где начальником назван я. Если бы мне об этом сказали в Петербурге, я бы не согласился... Управлять парусами пусть искали бы дурака.

— Прошу вас, господин капитан-лейтенант, вести себя скромнее.

— Виноват, ваше превосходительство.

— Значит, вы утверждаете, что не знали выше себя начальника.

— Так точно.

— Расскажите, как все произошло.

— Я был раздосадован вмешательством господина Резанова в мои дела. — Крузенштерн смотрел прямо в глаза правителям Камчатки.

— В чем заключалось вмешательство?

— Его превосходительство выразил неудовольствие, что суда, купленные в Англии, оказались не совсем, как бы это сказать, новыми...

— Точнее...

— Судам оказалось больше лет, чем предполагали.

— Ваше превосходительство, — обратился губернатор к Резанову, — объясните нам по поводу судов.

— У берегов Бразилии при тщательном осмотре подводной части кораблей оказалось, что «Надежда» построена девять лет тому назад и, следовательно, не стоит заплаченных за нее денег. В корпусе открылась течь. Связи, на которых держалась палуба, тоже непрочны и крошились. Мачты прогнили и требовали замены. Я был недоволен, но стерпел, не желая портить отношений с командиром.

— Это правда, господин капитан-лейтенант?

— Да не совсем...

— Правда или нет?

— Правда ваше превосходительство, — выдавил из себя Крузенштерн. — Но было еще одно обстоятельство.

— Какое?

— Его превосходительство господин Резанов позволил себе нарушить субординацию.

— В чем заключалось это нарушение?

— Господин Резанов передал инструкцию командиру «Невы» капитан-лейтенанту Лисянскому, минуя меня, как командира над обоими кораблями.

— Что это была за инструкция?

Крузенштерн молчал.

— Говорите, я вас слушаю.

— Меня не интересовало содержание. Утверждаю, что это возмутительное вмешательство в мои дела.

— Ваше превосходительство, не расскажете нам, что было написано в том письме?

— Это было поручение хозяйственного порядка, относящееся к деятельности компании. «Нева» шла прямо на Кадьяк. О компанейских делах я не обязан ставить в известность господина Крузенштерна.

— Благодарю вас, ваше превосходительство... Теперь, господин Крузенштерн, я хочу знать, что произошло в Нукигаве³¹.

— Господин Резанов оскорбил меня.

— Оскорбил я?... — Николай Петрович вздрогнул и поднял голову. — Разрешите, ваше превосходительство, сказать все как было.

— Хорошо, прошу вас.

— В Нукигаве господин Крузенштерн приказал лейтенанту Ромбергу и доктору Эспенбергу выменивать у туземцев припасы на разные вещи. Я, со своей стороны, приказал компанейским приказчикам добыть у туземцев наиболее любопытные предметы домашнего обихода для этнографической коллекции. Это не понравилось Крузенштерну, и он приказал добытые приказчиками у туземцев вещи отобрать и впредь не разрешил никаких мен.

— Это правда, господин Крузенштерн?

— Правда, — пробормотал командир.

— Но почему вы так сделали?

— На судне должен быть один начальник.

— Но таким начальником был его превосходительство господин Резанов.

Иван Федорович Крузенштерн склонил голову и ничего не ответил.

— Что было дальше? Может быть, скажете вы, господин Резанов, — губернатор сделал приглашающий жест.

— Я возмутился этой дерзостью и, увидя господина Крузенштерна на шканцах, подошел к нему и спокойно сказал: «Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению возложенного на меня?» Крузенштерн сразу взорвался. «Как вы смели сказать, что я ребячусь!» — крикнул он.

— Это правда, господин Крузенштерн?

— Правда. Но шканцы — святое место на корабле, — повысил голос капитан-лейтенант. — За всякое нарушение дисциплины, совершенное на шканцах, наказание усугубляется. На

шканцах особый почет начальнику.

— Раз так, то господин Резанов должен пользоваться почетом, как ваш начальник, утвержденный высочайшим повелением. Но что же было дальше, скажите нам, господин Резанов.

— «Как же, сударь, весьма смею, как начальник ваш», — сказал я опять спокойно, сдерживая себя. «Вы начальник? — крикнул мне Крузенштерн. — Может ли это быть? Знаете ли, что я поступлю с вами, как не ожидаете?» — «Нет, не знаю, — ответил я. — Не думаете ли вы меня на баке держать, как Курляндцева? Матросы вас не послушают, и я сказываю вам, что, если коснетесь меня, чинов лишены будете. Вы забыли законы и уважение, которым вы одному чину моему обязаны...»

— Это правда? — снова спросил губернатор. — Подтвердите, господин Крузенштерн.

— Правда, — побледнев, отозвался командир.

— Тогда расскажите нам, ваше превосходительство, что было дальше.

— Я ушел к себе в каюту и, опасаясь дерзостей, позвал к себе академика Курляндцева. Через несколько минут ворвался в каюту Крузенштерн. «Как вы посмели сказать, что я ребячусь? — снова крикнул он. — Знаете ли вы, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю!..»

— Я удивляюсь, господин командир, как вы могли дозволить подобные угрозы. Вы — букашка в сравнении с его превосходительством послом императора... продолжайте, ваше превосходительство.

— Господин Крузенштерн побежал на «Неву», вернулся оттуда с господином Лисянским и мичманом Берхом, остальные офицеры не захотели идти. Он кричал на весь корабль: «Вот я сейчас его проучу! Это самозванец!» Офицеры выкрикивали по моему адресу ругательства. В руках капитан-лейтенант Крузенштерн держал старую инструкцию министра коммерции графа Румянцева. «Господа, — сказал он, — теперь я более не командир и не могу вами командовать. Николай Петрович Резанов сегодня утром здесь, на шканцах, обозвал себя начальником. Я не знаю, почему он так себя называет. Я прошу рассмотреть те бумаги, которые имею и которые дают мне право на начальство». Крузенштерн передал инструкцию Лисянскому, который стал ее громко читать...

— Это была старая инструкция, господин Крузенштерн?

— Да, но другой у меня не было.

— Что произошло дальше?

— Офицеры признали меня начальником. На шканцы был вызван господин Резанов. Но он отказался, не хотел читать свою инструкцию.

— Почему, ваше превосходительство, вы отказались прочитать на шканцах высочайше одобренную инструкцию?

— Инструкция секретная, и я не имел права... Но, подчиняясь грубой силе, я все же был вынужден ее огласить. Я пересилил себя, вышел на шканцы и прочитал офицерам инструкцию — в части, касавшейся назначения меня начальником экспедиции.

— Вы читали перед отходом в плавание новую инструкцию, господин Крузенштерн?

— Да хотя бы и читал, но господин Резанов забыл свой долг и не объявил инструкцию господам офицерам.

— Вы не вправе указывать его превосходительству господину Резанову... Вы помните, Николай Петрович, что сказали офицеры?

— Сначала воцарилось молчание, — сразу ответил Резанов, — а потом кто-то спросил: «Кто подписал?» — «Ваш государь, Александр Павлович», — ответил я. «А писал кто?» — крикнул старший лейтенант Ратманов. «Этого я не знаю». — «То-то, не знаете, — словно обрадовался Ратманов, — а мы хотим знать, кто написал. Подписать-то, знаем, он все подпишет». Тут офицеры закричали: «Ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенштерна!» Я повернулся и пошел в каюту.

— Прочитайте нам, ваше превосходительство, то место в высочайше утвержденной инструкции, касаемое вас, которое вы зачитали на шканцах офицерам.

Резанов пошелестел бумагами, нашел нужное место.

— «Параграф первый. Корабли „Надежда“ и „Нева“, в Америку отправленные, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании, от которой они на собственный счет ее куплены. Вооружены и снабжены приличным грузом. Его императорское величество, покровительствуя торговле, повелел снабдить компанию офицерами и матросами и, наконец, отправил при сем случае японскую миссию, благоволил один из кораблей, на коем помещена будет миссия, принять на счет короны, как равно и двухгодичное на экипаж сего судна содержание, всемилостивейше позволил Российско-Американской компании погрузить то число товаров, сколько окажется к тому возможно.

Сии оба судна с офицерами и служителями, на службе компании находящимися, поручаются начальству Вашему »32.

— Эта инструкция была прочитана в Нукигаве на шканцах, господин Крузенштерн?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Неужели это могло произойти на корабле флота его императорского величества? — поднялся с места генерал Кошелев. — Непостижимо. Вы подстрекали к бунту, господин Крузенштерн. Вас будут судить.

Капитан-лейтенант Крузенштерн побледнел и как-то весь сжался.

— Небывалое происшествие! — гневно говорил Кошелев. — Я опрошу всех офицеров и, если найду нужным, виновных отдам под суд. Вы можете быть свободным, господин Крузенштерн. Пришлите для допроса старшего помощника, господина Ратманова.

Макар Иванович пришел, поклонился, назвалса и покорно ждал вопросов. Резанов удивился перемене в его поведении. На корабле он был самым грубым и непреклонным человеком.

— Вы знали, что Резанов — начальник экспедиции? До происшествия в Нукигаве.

Ратманов молчал.

— Николай Петрович, знал Ратманов о том, что вы — начальник экспедиции?

— Знал. Я показал инструкцию господину Крузенштерну и старшему офицеру Ратманову. Я считал, что они сообщат об этом всем остальным. Напоминаю, что инструкция была секретная и объявить ее всем я не имел права.

— Так как же, ваше благородие?

— Да, господин Резанов мне показывал инструкцию. Увидев рескрипт государя, я ужаснулся,

что он до сих пор не объявлен. Но потом я заподозрил обман и больше всех настаивал на объявлении.

— Хорошо. Но господин Резанов зачитал вам высочайшее повеление. Вы оскорбили его и требовали заколотить в каюте?!

— Так точно, ваше превосходительство. Если бы господин Резанов не объявил инструкцию, то, может быть, с ним было бы поступлено как с самозванцем, который старался вводить несогласие в благородное общество.

— Непостижимо! Я потрясен услышанным! — Генерал вынул большой белый платок и вытер им лицо. — Император Александр Павлович лично провожал господина Резанова, а вы говорите, что он мог оказаться самозванцем. Непостижимо! Скажите, а не вино всему причина? — закончил доверительно генерал. — Не слишком ли злоупотребляли господа офицеры крепкими напитками?

— Зачем? Пили, но не выходя из приличия.

— А подпоручик Федор Толстой — он тоже, по-вашему, не выходил из рамок благопристойности?

Макар Иванович молчал долго.

— На этот вопрос я не хочу отвечать, — выдавил он.

— Хорошо, мне и без ваших слов все известно.

Ничего более высокого, чем звание морского офицера, для Ратманова не существовало. Он был одним из тех моряков, кто бескорыстно любил море и флотскую службу и готов был защищать честь мундира любыми средствами. Однако Макар Иванович был привержен корпусным правилам товарищества, которые в какой-то мере вошли в правила чести. О Федоре Толстом Ратманов отказался отвечать как раз по соображениям товарищества. Толстой же такого отношения никак не заслуживал. В тот недобрый час Ратманов, как старший офицер, одернул пьяного подпоручика, а Толстой, почтя себя оскорбленным, вызвал его на дуэль. Ратманов справедливо отверг столь дикое предложение и пытался выдворить подпоручика из своей каюты. Федор Толстой набросился на старшего офицера с кулаками. Произошла жестокая драка, в которой победителем оказался Ратманов.

Нападение подпоручика Толстого на старшего офицера Ратманова — чрезвычайное событие, и, конечно, Толстой подлежал суровому наказанию.

Забегая вперед, скажу, что старший лейтенант Ратманов по возвращении в Петербург представил Николаю Петровичу Румянцеву свои замечания о злоупотреблениях Российско-Американской компании на Аляске и Алеутских островах, кои он писал, не будучи во владениях компании. Рассмотрев его замечания, Румянцев сказал Ратманову: «Иван был на пиру, а Марья рассказывает. Господин Лисянский, бывший там, говорит другое».

Целую неделю продолжалось расследование. Обвинения Резанова подтвердились. Закончив опрос офицеров, генерал-майор Кошелев сказал Крузенштерну:

— Я вынужден передать свое заключение иркутскому генерал-губернатору, а он передаст его государю. Поведение офицеров я определяю как бунт против государя в лице его полномочного представителя.

Иван Федорович испугался. Помимо военно-морского суда ему угрожало немедленное отрешение от должности. От имени всех офицеров он повинулся перед генералом Кошелевым и стал уверять, что все раскаиваются в неприятном происшествии и готовы

принести глубочайшие публичные извинения чрезвычайному послу и начальнику экспедиции и впредь почитать его права как верховного своего начальника.

Только Резанов мог остановить расследование, угрожавшее Крузенштерну неприятностями. И здесь он совершил ошибку. Он согласился простить своих оскорбителей и обидчиков. Он думал, что поступает в интересах дела.

Офицеры в парадной форме явились перед Николаем Петровичем Резановым. В присутствии генерал-майора Кошелева и майора Скрупского они почтительно просили у него прощения.

— Хорошо, истина восстановлена, забудем старое, господа. Будем жить в мире. Я прошу генерала Павла Ивановича прекратить наше постыдное дело... А вы, Петр Иванович, зачем вы здесь? — увидел Резанов среди офицеров лейтенанта Головачева. — Вы ни в чем не виноваты. Во время плавания ваша поддержка и сочувствие врачевали мою душу и сердце... Я благодарен вам, господин лейтенант, вы благородный и честный человек.

— Зачем вы меня хвалите, ваше превосходительство? — с тоской произнес лейтенант Головачев. Он покраснел, на глазах выступили слезы. Он был впечатлительным и совестливым человеком и подумал, что нарушил правила товарищества и обесчестил себя в глазах офицеров.

Николай Петрович заметил, что офицеры с ухмылкой поглядывают друг на друга, и понял, что совершил ошибку.

В тот же день Резанов обратился с письменным прошением к генералу Кошелеву судебное дело приостановить.

Не простил Резанов подпоручика гвардии Федора Ивановича Толстого — уж слишком его поведение было вызывающим и оскорбительным. И подпоручик был снят с корабля и направлен в Охотск и дальше в Петербург через всю Сибирь.

На опального подпоручика Федора Толстого Крузенштерн очень надеялся. Теперь он не один. У графа Толстого много высокопоставленной родни, и она вступится за провинившегося. Ведь устроил же кто-то такого лоботряса в посольскую свиту! Крузенштерн понимал, что заступиться за графа можно, только замяв неприятное дело.

18 августа на корабль было погружено все необходимое. «Надежда» была готова к плаванию в Японию. В тот же день мореплаватели вышли из порта в Авачинскую губу, где снова отдали якорь. С 19 по 20 августа наливали промытые водой бочки из источника, впадавшего в Авачинскую губу и отстоявшего от корабля на полмили. Перевозили с берега порох и провизию.

21 августа Резанов вернулся на корабль. Командир Крузенштерн отпраздновал этот день с особым великолепием. За торжественным обедом присутствовал и генерал Кошелев с офицерами своего полка.

В продолжение стола за здоровье их превосходительства Резанова и Кошелева сделано по одиннадцати пушечных выстрелов. В четыре часа, когда императорский посол оставил корабль, возвратясь на берег, выстрелили еще одиннадцать раз. Матросы, разойдясь по реям, кричали «ура». Видимо, радости Ивана Федоровича не было конца. Да и было чему радоваться провинившемуся командиру.

25 августа Резанов оставался еще на берегу. Он дописывал бумаги, отправляемые в Петербург. Последнее письмо было к императору Александру.

«Донося вашему величеству из Бразилии о случившемся между мной и морскими офицерами несогласии, наказывались мы среди всего пути нашего, что неприятное известие дадут вашему императорскому величеству прискорбное о нас заключение, что какая-либо личность могла взять верх над пользою государственною, — писал Резанов, пытаясь сгладить свои прежние послания. — Я признаюсь вашему императорскому величеству, что причиною была единая ревность к славе, ослепившая всех до того, что казалось, что один у другого оную отымлет. Сим энтузиазмом, к несчастью своему, воспользовался подпоручик граф Толстой, по молодости лет его, и наконец, когда взаимное всех к пользе общей усердие возродило еще более прошлого взаимное друг к другу уважение, то и остался он жертвой поступка своего. Обращая его к месту своему, всеподданнейше прошу всемилостивейшего ему прощения, ибо жестоко для чувствительного сердца наказание лишены быть способов разделить славу великого подвига.

Милость вашего императорского величества есть единственное для нас всех прибежище. Я чувствую себя виновным, поспеша моим донесением, и, повергая себя к стопам вашим императорского величества, всеподданнейше прошу прощения себе и всем морским офицерам. Всемилостивейший государь, мы охотно жертвовали тебе жизнью и столь же охотно и впредь идем ее жертвовать»³³.

Закончив письмо, Резанов долго смотрел на вершины двух высоких сопок, забеленных снегом. В лучах вечернего солнца сопки казались необыкновенно красивыми...

Приближалась осень. На деревьях и кустарниках пестрели листья желтоватых и красноватых оттенков. Краснела крупная камчатская рябина. Но в лесах, окружавших со всех сторон обширный залив, все еще пели птицы и было много малины и смородины.

Перед самым отходом корабля Резанов долго разговаривал с генералом Кошелевым. Этот честный и строгий человек все больше и больше нравился Николаю Петровичу.

— Я вам посоветую осторожнее держаться с капитаном Бухариным, если доведется попасть в Охотск, — сказал под конец генерал.

— Кто он такой?

— Правитель Охотского края. Чувствует себя наместником. Подобного казнокрада и вымогателя еще не видано на свете. Он ничем не брезгует. Он не просто казнокрад — он разбойник.

— Не могу поверить, ваше превосходительство.

— Вы, наверное, думаете, почему я не пожаловался в Иркутск или Петербург на такого человека?

— Гм... да, действительно, я подумал.

— Николай Петрович, голубчик, этот человек задерживает почту, проходящую через Охотск. А ведь другого пути у нас нет. Он распечатывает все конверты, в которых подозревает для себя что-нибудь вредное, и уничтожает.

— Невероятно, ваше превосходительство! Вскрывать почту могут только по приказу государя.

Недавний обер-прокурор Первого департамента Сената Резанов не мог поверить в столь тяжкое нарушение законов.

— Невероятно, но так есть. Поступки Бухарина превосходят всякое вероятное. Охотск ужасен для всех. Никто не решается ехать туда, опасаясь за свою честь и даже жизнь. Об этом все

знают, но он словно пробка торчит в Охотске и закрывает все жалобы, и эту пробку нельзя вышибить.

— Я обязательно побываю в Охотске и лично доложу императору, — пообещал Резанов.

— Говорят, что Бухарин наворовал за два года более ста тысяч рублей. При его-то должности! Кстати, компания, которую вы представляете, несет огромные убытки от поборов Бухарина. Он захватывает компанейские корабли, якобы необходимые ему для перевозки грузов на Камчатку, и ваши приказчики, для того чтобы погрузить свои товары, платят ему по несколько тысяч. Иногда ваши приказчики за взятку отправляют свои грузы на военных транспортах, а я здесь оказываюсь без самого необходимого.

— Я проверю, ваше превосходительство.

После разговора с генералом Кошелевым Резанов совсем уверился в необходимости прямого морского пути из Петербурга в Русскую Америку, минуя столь отдаленные русские окраины. Порядок в российских губерниях, где царил произвол губернаторов и процветало воровство и лихоимство, после охотских порядков казался Николаю Петровичу совершенным раем.

«Как Баранов ведет себя в Америке? — думал он. — Неужели он жесток, подобно Бухарину, и тоже крупно ворует. Но ведь за его спиной нет солдат, и он ежегодно представляет правлению конторские книги, где показана каждая копейка. И дела компании из года в год идут в гору». Николай Петрович все больше и больше удивлялся. Баранов стал для него совершенно загадочным человеком. «Приеду в Америку, все разложу по полочкам. Всякими делами приходилось заниматься. Меня никто не обманет».

22 августа Николай Петрович переехал на корабль вместе со священником. Резанова сопровождал генерал Кошелев со всеми своими офицерами.

В семь часов вечера, по окончании напутственного молебна, при пушечном выстреле стали сниматься с якоря. Генерал Кошелев оставил корабль. Пушки в Петропавловском порту отсалютовали отходящему кораблю тринадцать раз. На «Надежде» ответили равным числом выстрелов.

Вместо покинувших корабль членов экипажа Резанов взял с собой в качестве адъютанта брата генерала Кошелева, Дмитрия Ивановича. Он заменил графа Толстого. Кроме того, на борт пришли семь человек рядовых, видных собой солдат, и унтер-офицер. В числе солдат был хороший барабанщик. Отряд находился под командой капитана Федорова, который подчинялся только Николаю Петровичу.

Теперь у Резанова была своя маленькая гвардия, и чувствовал он себя на корабле гораздо увереннее.

Погода стояла пасмурная, с дождем и туманом, закрывавшим камчатские берега. Снова появилась течь, несмотря на то, что судно было изрядно проконопачено и починено в Петропавловске. Старый корпус требовал капитального ремонта.

С полудня 27 августа вода в трюме была 28 дюймов, а в полночь 32 дюйма. С северо-востока находила крупная зыбь, и «Надежду» валило с борта на борт.

Глава двадцать четвертая. ЛУЧШЕ ЧТО-НИБУДЬ, ЧЕМ НИЧЕГО

Елена Петровна стояла впереди толпы индейцев. Одета была чисто и на лицо румяна. Рядом, чуть позади, держался индеец в шляпе и панталонах.

Слепцов подошел к супруге командира и поклонился:

— Здравствуйте, сударыня Елена Петровна.

— Здравствуйте, Тимофей Федорович.

Слепцов взглянул на индейца в шляпе и обомлел. Он узнал вождя Ютрамаки, встреченного в первый день кораблекрушения. Индейцы в тот день пытались ограбить промышленных. Однако Слепцов вида не подал и продолжал разговор с Еленой Петровной.

— Как вы чувствовали себя среди диких?

— Прекрасно... Вы задержали родную сестру этого человека, — показала она на индейца в пуховой шляпе. — Вождя большого племени и хорошего человека. Он оказал мне много услуг и обходился со мной прекрасно. Я требую, чтобы эту женщину освободили немедленно.

— Ваш супруг, Елена Петровна, желает освободить пленных не иначе как в обмен на вас, — сказал Тараканов.

— Но я не хочу быть с вами, — твердо сказала жена командира. — Я довольна своим состоянием. И вам советую добровольно отдаться в руки вождя племени, у которого я нахожусь. Наш вождь человек прямой и добродетельный, известен по всему здешнему берегу. Он обещал освободить нас всех. Вождь Ютрамаки отлично говорит по-английски.

— Что вы сказали, Елена Петровна, я не верю своим ушам! — Слепцов с недоумением смотрел на жену командира.

— Посмотрите на себя, на своих товарищей, сударь, — продолжала Елена Петровна. — Вы дошли до крайности.

— Опомнитесь, — повторил Слепцов. — Пожалейте несчастного мужа, пожалейте его страстную любовь. Он измучился сам и измучил всех нас.

— Передайте ему мои слова. Возвращаться я не согласна.

Медленно брели мореходы к своему лагерю. Слепцов не знал, как лучше передать несчастному начальнику страшные слова его супруги. Но утаить правду было нельзя.

— Иван Степанович, — сказал Слепцов, отозвав командира в сторону. — Передаю все, что слышал от вашей супруги. — И он рассказал все как было.

— Ваши шутки неуместны, — спокойно произнес командир. — Мы оставим их до другого раза. Говорите правду.

— Я сказал чистую правду.

— Ложь, — прошептал командир. — Не может быть. — Он схватился за голову и несколько минут молчал. — Застрелю! — вдруг дико закричал он. Частые оспины на его лице поблекли. — Застрелю...

Он схватил ружье и бросился к берегу. Но, сделав несколько прыжков, остановился и заплакал.

— Иди, Тимофей Федорович, один, уговори ее. Скажи, что застрелю, умоли ее вернуться.

Слепцов снова пошел к неподвижно стоявшим на берегу индейцам.

— Сударыня, супруг требует вашего возвращения. В случае отказа он застрелит вас.

— Пусть стреляет, лучше смерть, чем голод и скитание по лесам вместе с вами, — с решимостью произнесла Елена Петровна. — В лесах можно попасть в руки кровожадному племени, а теперь я живу с людьми добрыми и человеколюбивыми... Скажите моему мужу, что я презираю его угрозы.

Пришлось Слепцову опять вернуться ни с чем. Командир выслушал на этот раз терпеливо и долго стоял, как человек, лишившийся разума. Очнувшись, зарыдал и свалился на землю.

Кое-как мореходы привели командира в чувство и положили на шинель. Иван Степанович снова заплакал.

Тимофей Федорович, прислонясь к толстому стволу лиственницы, решал сложную задачу. Что делать? Начальник, лишившись своей супруги, оскорбленный в лучших своих чувствах, не понимал сам, что делал, и даже готов был лишиться себя жизни. Но ради чего должны погибать все остальные? Может, лучше принять предложение Елены Петровны? И Слепцов решил высказать свои мысли товарищам.

— Друзья, — сказал он. — Я не верю, чтобы Елена Петровна, природная россиянка, обманывала нас по наущению диких. Мы должны ей верить. Лучше отдаться этому племени добровольно, чем бродить по лесам, терпеть голод, холод и, сражаясь с индейцами, изнурить себя вконец.

Иван Степанович перестал плакать и слушал Слепцова, не говоря ни слова. Взор его сделался осмысленным. Остальные мореходы стали возражать.

— Мы не хотим добровольно отдаться в рабство.

— Куда ты ведешь нас, Тимофей Федорович? Опомнись...

— Лучше смерть.

— Ваша воля, ребята, — ответил Слепцов, выслушав мореходов. — Уговаривать больше не буду. Но я твердо решил и ухожу к диким.

— Я согласен с Тимофеем Федоровичем, — поднявшись на ноги, неожиданно сказал командир.

Промышленные не знали, на что решиться, некоторые склонялись на сторону Слепцова.

— Дай подумать, Тимофей Федорович. Утром скажем свое решение.

Переговоры закончились. Индейцы ушли в лес, а мореходы остались ночевать на пригорке.

Утром индейцы снова подошли к лагерю мореходов. Опять пропели песню и стали просить освободить пленных.

Слепцов подозвал к себе вождя Ютрамаки.

— Я, наш командир, и еще несколько русских из команды галиота решили вам покориться. С нами четыре кадьякца. Мы считаем вас честными людьми и уверены, что зла не увидим. Надеемся, что с первым кораблем вы отправите нас домой.

— Вот моя рука, — сказал вождь. — Я исполню все, что сказал. Клянусь прахом моего великого предка ворона... Приглашаю остальных русских довериться мне. В наших местах

известно имя нанука Баранова, и я рад услужить ему.

Но мореходы, решившие остаться на свободе, упорно стояли на своем. Отпустив пленных из-под стражи, они стали прощаться со Слепцовым, Иваном Степановичем, Овчинниковым и остальными, добровольно отдавшимися на волю вождя Ютрамаки.

...После долгих скитаний по проливам на батах, сделанных из легкого калифорнийского дерева, вождь Ютрамаки привез командира Крукова с женой Еленой Петровной и остальными мореходами на один из лесистых островков, сотнями нагроможденных у Американского материка. На острове оказалась обширная гавань с индейским поселком, расположенным на отлогом берегу.

Русских моряков поразила деревянная крепость, недавно построенная из бревен столетней лиственницы.

— Что это за крепость? — спросил Слепцов у вождя Ютрамаки. — Испанская или аглицкая?

— От радости у него защемило в груди.

— Наша, — с гордостью ответил вождь.

Слепцов не поверил. Уж больно хороша была крепость.

— Вы сами построили?

— С помощью капитана Роберта Хейли. Он показывал, мы строили.

— В крепости есть пушки?

— Пойдем. Я покажу тебе.

Вождь Ютрамаки держал себя с достоинством. Он был среднего роста, с правильными чертами лица, черными глазами. Огнестрельным оружием владел безупречно. Знал, как стрелять из пушек. Под шерстяной курткой носил жилет с железными пластинками, защищавшими грудь от пуль.

Ютрамаки обходился со Слепцовым скорее как с другом, а не как с рабом, а Тимофей Федорович всячески старался заслужить его расположение. Он охотился на птиц, делал для вождя деревянную посуду. Изделия Слепцова нравились индейцам.

Особенное уважение всего племени Слепцов заслужил устройством бумажного змея... Он вспомнил, как в детстве он делал такие змеи в своей деревне. Бумага нашлась у вождя. Нитки делались из звериных жил. Когда первый змей взлетел высоко в небо, индейцы изумились. Для них это было удивительное новшество. Они приписывали пуск змея необычайному уму Слепцова и стали поговаривать, что русские могут достать солнце.

Вождю Ютрамаки очень понравилась сделанная Слепцовым пожарная трещотка. А когда Тимофей Федорович растолковал ему, что разнотонными звуками, издаваемыми трещоткой, можно управлять военными действиями, он пришел в восторг.

Слепцова приглашали в гости вместе с хозяином. Старшины на своем собрании решили, что столь искусный человек должен быть сам старшиной или вождем. Ему разрешили построить для себя отдельный дом, и он жил в небольшой бараборе один.

Гораздо хуже жили Иван Степанович с женой. Они переходили из рук в руки. Их то меняли, то продавали по родству или по дружбе. По понятиям индейцев, Круковы были бесполезными, ни к чему не приспособленными людьми. Они не верили, что Иван Степанович мог быть начальником.

Круковы с трудом влачили рабскую долю, хотя индейцы считали их скорее заложниками, за которых можно получить в будущем хороший выкуп.

Не лучше жили и остальные мореходы. Их кормили плохо, и они постоянно были голодными.

Каргополец Евдоким Макаров и пензяк Касьян Овчинников от недостатка в пище бежали к Слепцову, и вождь Ютрамаки кормил их. Когда хозяева стали требовать возврата, то Ютрамаки вернул промышленных с условием, чтобы их не обижали и кормили вдоволь.

Тимофей Федорович изучал быт и нравы индейцев. Жили они в бараборах — деревянных домах, разделенных на несколько покоев, для семейств, живущих вместе. В отличие от кадьякских барабор, индейцы строили свой дом не в яме, а на поверхности. Внутри дома чисто, пол устлан сеном и сверху шкурами. Для спанья устроены нары. Огонь разводили посредине бараборы.

В умственном отношении индейцы племени хайда³⁴ стояли высоко. Так же, как и колоши, они делали прекрасные долбленые лодки — баты. Вырезали посуду из дерева с изображением птиц и зверей. Плели корзины и посуду из травы или корней молодой ели. Как и колоши, они питались сушеной или вяленой рыбой, жиром и мясом наземных и морских зверей, ягодами и кореньями. Любили курить табак и пить ром.

Слепцов удивлялся выносливости индейцев. Они ходили и зимой и летом босыми, в одних плащах. Из одного хвастовства могли подвергать себя жестоким истязаниям и с презрением относились к боли.

«Прекрасные воины, — записал Слепцов в свою тетрадь. — А если взять в рассуждение, что вооружены огнестрельным оружием и владеют им отлично, то воевать с ними надо с опаской и умеючи».

У бараборы вождя Ютрамаки стоял столб, выкрашенный в красную и зеленую краску. На верху столба вырезан ворон с распростертыми крыльями. Он сидел на голове человека.

— Ворон — покровитель нашего рода, — часто говорил Ютрамаки. — Мы не забываем наших родичей, а они охраняют нас.

Внутри бараборы вождя столбы, на которых держалась крыша, тоже были резные. Пол покрывали циновки из прутьев. Почетное место в доме занимали красные и синие шерстяные одеяла.

Наступила весна. Время шло медленно. Русские мореходы не часто виделись друг с другом. Индейцы смотрели на такие свидания косо. На сборищах во время больших торжеств, обычно происходивших на берегу бухты, все же удавалось иногда встречаться.

— Боже, когда все это кончится? — восклицала Елена Петровна. Она опять была вместе с мужем. Хозяин Ивана Степановича обменял Елену Петровну на молодую рабыню и две сажени красного сукна. — Я даже жалею, что поверила Ютрамаки и не пошла вместе с вами. Неужели всю жизнь мы будем рабами диких?

— Ютрамаки обещал скорое освобождение. Весной придет аглицкое судно.

Ютрамаки хотел торговать с английским капитаном, а бобровых шкур у него не было. Индейцы его племени никогда не промышляли бобра. И приходилось выменивать меховые шкурки на рабов у колошей. Рабов Ютрамаки добывал у южных племен военными набегами. Остров, на котором проживали колоши, был недалеко, но Ютрамаки готовился, словно на войну. К обмену были назначены сто рабов, за каждого Ютрамаки полагал получить не меньше десяти бобровых шкур.

После колдовства старого жреца пятьдесят индейских батов отправились в море. Погода стояла пасмурная, почти ежедневно шли холодные дожди. Изредка проглядывало солнышко. Однако ветров сильных не было, и на море стояла тишина. У мореходов обувь ночью покрывалась плесенью, одежду каждый день приходилось просушивать у очагов.

Но вот в заливишке показались возвратившиеся индейские баты. Торговля была удачная, и вождь Ютрамаки устроил по этому поводу праздник. Всю ночь до рассвета индейцы пели и танцевали.

Ютрамаки не ударил лицом в грязь. Еды было много, был ром и хлеб. Некоторые охотники от танцев совсем изнемогли, и рабы разносили их по домам на одеялах.

Потом пошли трудовые дни: рабы готовили к продаже бобровые шкурки, просушивали их, а индейцы отдыхали. После похода вождь Ютрамаки рассказал Слепцову о судьбе русских, оставшихся на свободе. Желая переправиться на остров Костливый, они на камнях разбили лодку, а сами утонули.

Глава двадцать пятая. ПРИДЕТ НОЧЬ, ТАК СКАЖЕМ, КАКОВ ДЕНЬ БЫЛ

В Ново-Архангельске продолжали стучать топоры. Под скалой, на которой отныне стояла крепость, возник вместительный компанейский магазин для поклажи товаров, торговая компанейская лавка... Построен длинный сарай для сушки к зиме рыбы и мяса.

При впадении в море бурной горной речушки правитель отгородил штакетником небольшой садик из кустарников, невысоких елей и лиственниц. Тут же назначено место для корабельной пристани.

Весна наступила дружная. На ярко-зеленой траве появились красные и желтые цветы. Из леса доносились тонкие смоляные запахи. Море пахло по-иному, и чайки кричали не так, как прежде...

Всю зиму кадьякцы готовились к дальнему походу. В солнечные дни все байдарки были промазаны китовым жиром. Обветшавшие обтяжки, сшитые из сивучьих кишок, заменены новыми. Без непромокаемой обтяжки в море не выйдешь. Она натягивается на люки и пришивается китовым усом к байдарке. А с другой стороны пропущена жила, и мореход стягивает обтяжку под мышками. Все нужное для охоты на морского бобра приведено в порядок.

Можно было бы отложить поход на летние месяцы, но дома кадьякцев ждали семьи. Мужья и отцы боялись упустить благоприятное время для добычи сивучей и ловили рыбу у себя на острове.

За несколько дней правитель Баранов собрал кадьякских тойонов и обсудил с ними все обстоятельства трудного похода. Надо пройти около семисот морских миль вдоль берегов Аляскинского залива.

Во главе партии Александр Андреевич поставил приказчика Семена Демьяненко. За более мелкими отрядами будут приглядывать старовояжные.

Накануне отхода старовояжные собрались в доме правителя.

— Путевых кормов достаточно, — перечислял Александр Андреевич. — Даем юколу, китовину и жир. Даем в запас, по числу людей, крючков и поводков для ужения рыбы во

время остановок. На всякий случай надо взять ружья, могу дать десяток.

— Дай больше, Александр Андреевич, всяко может быть, — попросил Демьяненко.

— Хорошо, пусть двадцать. Дадим чаю и сахару. Ну и муки по семь фунтов на каждого и табаку, сколько положено... Веди осторожно, Семен, колошей остерегайся.

— Буду стараться, Александр Андреевич. — Огромный Демьяненко, с русой окладистой бородой и закрученными кверху усами, непрерывно дымил трубкой. — Погоды бы только держались сходные.

Говорили и остальные промышленные. Решили окончательно: выходить завтра в полдень.

На дорогу правитель угостил старовояжных большой чарой вина.

Не успели промышленные пригубить, как раздалась дробь большого барабана, загудела труба. В новой крепости правитель ввел строгие порядки. Играли зорю, утреннюю и вечернюю... На стенах и на башнях поставлены часовые. Ночью стража по нескольку раз обходит все посты.

— Были бы такие порядки у Медведникова, не пробрались бы в крепость колоши, — буркнул Абросим Плотников.

26 марта, в день архангела Гавриила, триста байдарок выстроились в ряд, уткнувшись носами в берег. К байдаркам с Евангелием в руках вышел Александр Андреевич.

Кадьякцы по очереди подходили к нему и целовали крест на кожаном переплете. Целый час продолжалась эта церемония. Тойоны, а их было двенадцать, надели праздничные суконные плащи и войлочные шляпы.

Когда кадыкцы уселись в свои байдарки, Баранов благословил всех уходивших в поход, держа в руках Евангелие.

Началось движение. Промысловые лодки выходили в море. На байдарках, где находились русские мореходы, дали несколько залпов из ружей, крепость ответила.

Партия, которую вел приказчик Демьяненко, была главным богатством компании. Охотники все опытные, знавшие назубок премудрости охоты... На промысел морского бобра Баранов мог выставить еще одну партию из кадыкцев, приблизительно такую же по числу байдарок. Без туземцев добыча бобра сократилась бы в несколько раз.

Благодаря кадыкским охотникам русские мало зависели от торговли с колошами. В этом было главное преимущество Российско-Американской компании перед иностранными капитанами-перекупщиками.

Погода стояла безветренная, море спокойное. Каждый день шел дождь, но к нему привыкли, и он никого не тревожил. Камлейки с капюшонами были непромокаемы.

Прошли залив Льтуа. Он хорошо различался по обломкам ледников, плавающих вблизи залива. Горы близ берегов виднелись высокие, в расселинах лежали вечные снега. Берега часто то покрывались непроглядной мглой, то снова выступали мысами и островками.

В маленькой бухточке с широким песчаным пляжем кадыкцы увидели индейский бат. Колошские воины пробирались с севера на остров Ситку. Поговорив с колошами, обеспокоенные охотники прибежали к Семену Демьянкову.

— Семен, — сказал кадыкский вождь Савва Куприянов, — плохие вести. Крепость в Якутате

колоши разорили, а всех русских убили. Теперь охотятся на нас, им нужны кадьякские скальпы. Что будем делать?

Демьяненко не сразу поверил страшным вестям. Но меры предосторожности решил принять. На совете со старшинами было решено идти дальше только по ночам или в пасмурную погоду... А днем оставаться на берегу.

Приказчик Демьяненко вел путевую книгу. В нее он ежедневно заносил места, где останавливалась партия, состояние погоды и моря, описывал приметные места. У него на руках находилась и морская карта, на которой он был обязан наносить глубины и исправлять неточности береговой черты.

Но этим не ограничивались его обязанности. При необходимости приказчик покупал меховой товар у местных жителей и обо всех своих действиях представлял отчеты правителю.

Калужский мужик Семен Демьяненко быстро привык к морю, свyksя с особенностями промысла и сделался одним из тех служащих компании, на плечи которых ложилась главная тяжесть добычи бобровых и иных шкур.

На последнюю дневку байдарщики расположились в бухточке Акой. Отсюда до залива Якутат всего шестьдесят верст. Демьяненко решил до рассвета подойти к Якутатской крепости, чтобы разузнать, правду ли сказали колоши.

Посередине мелководной бухты торчал лесистый островок. На нем и обосновались кадьякцы. Байдарки вытащили на берег. Задымились костры. Кадьякцы и русские отдыхали, набирались сил. Чтобы ночью прибыть в Якутат, надо десять часов усиленно работать веслами. Однако не все легли отдыхать под байдарками, некоторые, кто помоложе, отправились искать птичьих яйца, иные просто бродили по острову.

Тойон Савва подошел к Семену Демьяненко. Приказчик распивал чай со своими товарищами.

— Старики говорят, погода плохая будет, — вкрадчиво начал Савва.

— Опять с шаманом советовались?

— И шаман то же сказал.

— Когда придет плохая погода?

— Через два дня. Шибко плохая погода.

Демьяненко посмотрел на небо, потом на море. Небо было чистое, только на западе тянулись длинными полосами облака.

— В Якутате решим, что делать, — подумав, сказал он. — Тогда и колдуна спросим.

Демьяненко в колдовство не верил, но выслушать, что скажет шаман, не отказывался. И нечистая сила другой раз может дельное посоветовать.

Сразу после шести часов вечера партия двинулась в путь. Скоро стемнело. Показалась полная луна. Море было по-прежнему тихое. От берега байдарки шли недалеко, всего пять-шесть верст. Кадьякцы отдохнули хорошо, сытно поужинали и гребли первые версты без усталости.

Как всегда, в двулучной байдарке задний гребец сильнее и опытнее переднего и править по курсу — его дело. Он же и отликает воду, если это необходимо, с помощью морской губки или

трубки.

К полуночи некоторые гребцы устали, байдарки стали отставать, растянулись на целую милю. При лунном свете заискрились ледники прибрежных гор. Ближе к поворотному мысу показалась низменность, покрытая лесом. Луна светила ярко, словно хотела помочь промышленным.

В четыре часа ночи, еще было совсем темно, партия вошла в залив и приблизилась к русскому поселению. Несколько человек вместе с Демьянковым отправились в крепость. Не много времени пошло на то, чтобы убедиться в правоте колошских воинов.

Крепостные ворота были открыты настежь. Яркая луна освещала дом правителя с выбитыми оконными рамами и дверью, сорванной с петель. В доме полный разгром, все вещи разбиты и поломаны. Везде разбросаны обрывки бумаг, разноцветные квитанции. При ярком свете луны можно разобрать многочисленные счета на меховые шкурки.

В кабинете приказчика за столом кто-то сидел. Промышленные со страхом отпрянули. Набравшись духу, Демьянков подошел поближе.

На стуле сидел Ларионов, обезглавленный колошами. В комнате рядом лежали еще чьи-то обезглавленные тела. После разгрома крепости прошло несколько дней, в доме все было пропитано тошнотворным запахом.

— Господи, прими в царствие твое мучеников сих, — сказал, перекрестившись, Демьянков.

— Семен, — тихо сказал старовояжный Федин, — надо уходить. Вдруг колоши близко?

— Посмотрим, есть ли раненые. Может быть, помощь нужна?

Промышленные осмотрели все помещения в крепости, но обнаружили только обезглавленные трупы. Десять трупов русских и двенадцать кадьякцев. В поварне промышленных испугала собака, заворчавшая на людей. Но и собака доживала последние часы. Шея у нее была пробита стрелой. Склад был разрушен, ни товаров, ни мехов там не оказалось.

Опасаясь внезапного нападения индейцев, вся партия вышла из залива. Но, утомленные продолжительным переходом, многие кадьякцы пришли в совершенное изнеможение и отказались следовать дальше. Даже колоши казались им меньшим злом, чем гребля.

Тогда Демьянков собрал все байдарки на совет. Он спросил:

— Что будем делать? Пристаем ли к здешнему берегу и, если нападут колоши, будем обороняться? Или отдадимся на волю божию и пойдём дальше? Решайте, я вас неволить не буду.

— Надо спросить шамана, пусть старик скажет. Дело хитрое, без шамана не обойдешься, — важно произнес тойон Савва.

Все кадьякцы выразили одобрение словам тойона.

— Пусть будет по-вашему. Только скажи колдуну, пусть не тянет время.

На большой байдаре для камлания сделали помост из двух досок. На него взобрался старик колдун. Приехали все тойоны. На помосте колдун постелил нерпичью шкуру. Старик был смущен и часто поплеывал за борт. Поклонившись луне, колдун снял с себя всю одежду и надел камлейку задом наперед. Потом он вынул тряпочку, намочил ее в кружке с водой и несколько раз провел по лицу. Теперь колдуна не узнать, лицо его было черным и

блестящим. Но главным украшением был парик из человеческих волос, которым он прикрыл голову. Из парика торчали два пера, очень похожие на рога.

Закончив переодевание, шаман поманил к себе тойона Савву и сказал:

— Спрашивай.

— Что делать: высаживаться на берег и отдыхать или продолжать путь на Кадьяк? На суше могут напасть колоши. А берег до самой Чугачской губы каменист и не имеет пристанища.

Выслушав, колдун запел унылую песню, ее подхватили постепенно все кадьякцы. Потом он стал прыгать и кувыркаться. В мертвенном свете луны это было впечатляющее зрелище. Наконец он свалился с помоста на днище байдарки. Полежав немного, колдун уселся на помосте.

— Нечистый дух сказал мне, что надо продолжать путь, — не совсем уверенно произнес он.

— И еще сказал, что надо бояться людей.

Ропот прошел по байдаркам. Большая часть охотников подняла весла в знак согласия. Но совсем изнемогшие кадьякцы на тридцати байдарках отказались.

— Мы решили плыть к берегу, — сказал тойон, не захотевший продолжать путь, — и отдаться в рабство колошам. Пусть даже смерть, но грести мы больше не можем.

— Кто останется с кадьякцами? — посмотрел Демьяненко на старовояжных.

— Я останусь, — отозвался Абросим Плотников. — Дай нам двадцать ружей, Семен, авось отобьем колошей.

— Ружья возьми... Похорони убиенных. Опиши, что увидишь.

— Хорошо.

— Давай прощаться. Время не терпит.

Отряд разделился. Тридцать байдарок под управлением Абросима Плотникова двинулось в залив Якутат. Остальные пошли на запад под берегом, на который спускались ледниковые языки. Среди остающихся было много друзей и родственников тех, кто уходил в море.

Луна продолжала светить ярко и тревожно.

Около пяти часов утра шестьдесят пять кадьякцев и русский Абросим Плотников добрались к селению. Они снова вошли в крепость. Плотников отобрал семь человек, самых крепких и выносливых. Остальные валились на пол и сразу засыпали, будто сраженные смертью.

Плотников не спал до самого утра. Он наблюдал, как розовело на востоке небо, как показался огненный шар дневного светила. С восходом солнца подул легкий восточный ветер, из-за гор медленно выползали темные облака. Плотников подробно записал в свою книгу все, что увидел в крепости. Сосчитал убитых, некоторых опознал. К полудню стали пробуждаться охотники. Колошей не было видно.

— Зажигай, ребята, костры, готовь корма, — распорядился Плотников. — Похарчимся, похороним убитых — и в море.

Но выйти в море не удалось. Восточный ветер все набирал и набирал силу. Море покрылось белыми барашками. Издалека доносились удары волн, с грохотом разбивавшихся о камни. С востока стремительно надвигались серые низкие тучи, закрывая небо.

Наступил вечер. Убитых давно похоронили в братской могиле и поставили бревенчатый крест. Третий раз менялись дозорные у крепости. Ветер продолжал свирепствовать над просторами океана. Он переменял направление и теперь дул от юго-востока.

Недавно еще летавшие чайки исчезли. Удары волн о прибрежные скалы слились в устрашающий гул.

— Где теперь наши? — спросил у тойона Плотников.

— Худо, очень худо. Такой ветер большую волну на берег гонит.

Кадьякцы сидели хмурые и дымили трубками. Каждый думал о своих близких, бедствующих в море. * * *

Когда ветер превратился в шторм, Демьяненко понял, что смерть где-то близко, рядом. Байдарки давно не двигались. Соединившись по несколько штук, они держались на океанской волне, медленно дрейфуя по ветру.

«Не переменялся бы ветер, — преследовала Демьяненкова навязчивая мысль. — Если перейдет к юго-востоку, нас выбросит на берег».

Море кипело. Стремительный ветер срывал верхушки волн и с силой бросал на скрипевшие всеми членами байдарки. Несмотря на свой легкомысленный вид, они были крепки и выносливы. Умные руки кадьякских женщин добротнo сшивали сивучьи шкуры, и большинство байдарок совсем не пропускали воду. Семь-восемь шагов в длину, один в ширину — вот их скромные размеры. Остов байдарок, состоявший из тонких жердей, связанных китовым усом с деревянными обручами, сгибался и вновь разгибался на каждой волне.

Ветер изменился и задул с юго-востока. Гирлянды байдарок понесло на берег. Ледниковые уступы приближались.

Взор Семена Демьяненко притягивала гора Святого Ильи. Сколько раз ему приходилось проходить мимо нее с запада на восток или с востока на запад! Вершина горы, покрытая снегом, напоминала башню, и поэтому ее трудно спутать с другими горами. Демьяненко, чтобы не думать о том, что должно произойти в скором будущем, внимательно разглядывал морщины и трещины на горе Святого Ильи, словно это было самым главным в его жизни... Вот несколько впадин, наполненных снегом: одна большая, остальные значительно меньше...

Когда ледники стали совсем близкими и шум разбивающихся волн стал явственно слышен, Демьяненко достал большую флягу с вином.

— Отпей по глотку, ребята, все веселей помирать.

Ледники надвинулись на байдарки. Теперь хорошо различим костистый берег, глядевший совсем черным рядом со льдами. Люди видели, как взлетали сверху покрытые пеной волны, ударяясь об лед и камни.

На несколько миль растянулись вдоль берега дрейфующие байдарки. Люди на них что-то кричали, размахивали веслами.

Демьяненко поднялся с места.

— Помолимся богу, ребята, пришел наш час.

Старовояжные, испытавшие за десять лет работы в Русской Америке много тяжелых дней и

видавшие не раз смерть перед глазами, поняли, что на этот раз надеяться не на что.

Демьяненко стал читать «Отче наш», остальные повторяли слова молитвы.

Океанская волна взметнула байдару вверх, швырнула на камни и отошла, словно нехотя. В ледяной воде барахтались три человека, еще живые. Демьяненко старался спасти захлебнувшегося товарища. Но вот набежавшая волна снова бросила людей на камни... * * *

Через два дня ветер затих и опять пошел дождь. Абросим Плотников дал приказание готовиться к морскому походу. Снова осмотрели байдарки и те, на которых кожа была похуже, смазали китовым жиром.

Рано утром 28 апреля тридцать кадьякских байдарок двинулись в далекий путь. Отдохнувшие люди гребли, не останавливаясь. День был ясный, на синем небе не видно ни одного облачка. Море без единой морщины. Шли совсем рядом с берегом, не боясь ни скал, ни камней.

Гора Святого Ильи была сегодня особенно красива и величественна. В лучах солнца сверкали покрытые снегом ледники и снежная вершина, похожая на башню.

— Эй, Плотников! — закричал тойон, сняв деревянную шляпу. — Беда, Плотников!

Старовояжный на своей лодке подошел к тойону.

Перегнувшись к воде, тойон старался перевернуть затопленную, перевернутую вверх дном байдарку. В ней оказались два захлебнувшихся человека. Один из них был тойон Савва Куприянов. Скоро увидели еще одну перевернувшуюся байдарку, потом еще одну.

Но вот за языком ледника показались черные камни, а на каменистом берегу — сотни байдарок и трупы изуродованных людей. Валялись оторванные руки и ноги, опутанные водорослями, полузасыпанные песком. Зацепившись рукой или ногой в расщелинах высоких скал, висели поднятые волнами мертвые тела...

Плотников решил приблизиться к камням и попытаться найти живого человека. Байдарки пристали к берегу, и промышленные бросились осматривать погибших. Начался плач и стенания. Кадьякцы находили своих братьев и отцов среди мертвых. Многие тела были исковерканы прибором и неузнаваемы.

Но живых не было...

Долго еще люди отряда Плотникова находили по берегам выкинутые штормом байдарки и обезображенные трупы своих родственников и друзей. Через два часа байдарки снова пошли на запад. Достигнув благополучно острова Каяк, а потом и своего острова, кадьякцы убедились, что все люди из отряда Демьяненко и он сам погибли в бушующем море.

Глава двадцать шестая. ПЛАКАТЬ НЕ СМЕЮ, ТУЖИТЬ НЕ ДАЮТ

1 июня корабль «Нева» снова отдал якорь на рейде Ново-Архангельска. Крепость встретила его девятью выстрелами. Корабль ответил. В час пополудни приехал на шлюпке правитель Баранов и был оставлен на корабле обедать. Командир Лисянский и Александр Андреевич встретились, как старые знакомые, которым было о чем вспомнить.

На борту «Невы» Александру Андреевичу попались на глаза три мальчика-креола: Андрей

Климовский, Иван Чернов и Герасим Кондаков. Они были посланы по его приказу в Петербург для обучения штурманскому искусству.

«Нева» оказалась на рейде не в одиночестве. Здесь стояли на якорях компанейские суда «Петр и Павел», «Екатерина», «Ермак», «Ростислав».

13 июля бриг «Петр и Павел» вышел из Ново-Архангельска с полным грузом и взял курс на Уналашку.

15 июля правитель отправил на промысел бобра партию из трехсот байдарок. Шестьсот кадьякцев и двадцать русских промысленных. Для прикрытия партии от нападения индейцев отправлены две галеры, «Ермак» и «Ростислав», вооруженные пушками. Александр Андреевич назначил главным над партией своего ближайшего помощника Ивана Александровича Кускова.

При теперешнем положении с индейцами эта предосторожность была совсем не лишней. В тех местах, где обитали бобры, располагались десятки колошских селений. Кадьякские охотники промыслили бобра деревянными стрелами, были беззащитны против колошей, вооруженных отличным английским оружием. На острове Ситка и в прилегающих проливах насчитывалось около восьми тысяч колошей.

5 августа из Охотска с заходом на Уналашку пришло еще одно судно, «Елизавета». На нем доставлено с острова, кроме охотских грузов, пятьсот тысяч морских котиков. Из бумаг, находившихся на судне, правитель Баранов узнал, что прибывший из Японии корабль «Надежда» отправлен в Кантон, а господин Николай Петрович Резанов остался на Камчатке и вскоре собирается в Ново-Архангельск. Лисянский получил приказание Резанова с грузом бобровых шкур немедленно следовать в Кантон.

Юрий Федорович, находясь на Ситке, с большой охотой вел наблюдения над природой и описывал берега. Быт и нравы индейцев тоже привлекли его внимание. На корабле был еще один человек, оставивший после себя интересные записки. Это был скромный приказчик Российско-Американской компании Николай Иванович Коробицын.

Вечером в тот же день в Ново-Архангельске появилось два корабля под флагом Американских Соединенных Штатов: «Юнона» и «Мария».

20 августа вышел в море корабль «Нева». На его борту находилось три тысячи бобров, сто пятьдесят тысяч котиков и другие меха. Весь пушной груз стоил полмиллиона рублей. Баранову показалось, что Лисянский не хочет встречаться с Николаем Петровичем Резановым и поэтому торопится покинуть порт. Но теперь правитель узнал кое-что о событиях на «Надежде». Штурманы, заходящие в Петропавловск, подхватывали новости и привозили их в Русскую Америку. Одни ругали Резанова, другие — Крузенштерна.

Крепость отсалютовала «Неве» девятью пушечными выстрелами. Вслед за «Невой» вышла республиканская «Мария».

Александр Андреевич с нетерпением ждал приезда Резанова.

26 августа прибыл бриг «Мария Магдалина». День выдался ненастный. Дождь с самого утра лил не переставая. Александр Андреевич надел мундир и отправился на пристань. Когда бриг закончил маневры и отдал якорь, правитель на шлюпке подошел к борту и наконец увидел Резанова.

Императорский посол был в камергерском мундире с красным, очень высоким воротником и с красной муаровой лентой через плечо. Справа красовалась звезда. Посреди груди на синей ленте — белый мальтийский крест. На ногах сверкали лакированные сапоги.

За спиной камергера стояли: натуралист и врач Лангсдорф, лейтенанты Хвостов и Давыдов. Поодаль виднелась сутулая фигура камердинера Ивана.

Посольство Резанова не имело успеха. Ему было отказано даже в позволении вручить японскому императору официальное письмо и привезенные подарки.

Перевес религиозной враждебной партии в японском государственном совете, не желавшей вступать в сношения с иностранцами, был причиной неудачи Резанова. Надежда Николая Петровича на торговлю с Японией и снабжение Российско-Американской компании японскими товарами не оправдалась.

Резанов с высоты своего гвардейского роста смотрел на коротышку Баранова сверху вниз.

— Рад, душевно рад, ваше превосходительство.

У Баранова правая рука на перевязи. После ранения она плохо заживала и болела. Он подал левую.

Неожиданно Николай Петрович обнял Баранова. Они расцеловались.

— Наслышан я о вас, Александр Андреевич. От лица правления сердечно вас благодарю за усердную службу. Со всех сторон нашего американского государства только и слышишь: Баранов да Баранов.

Лицо Александра Андреевича засияло.

— Благодарю вас за приятные слова.

Посидели в каюте капитана, пообедали, разговаривали о том, как прошло плавание, выпили по морскому обычаю чару вина.

Прежде чем сойти на берег, Баранов прошел по судну, осматривая палубный груз. Везде встречались больные люди, едва державшиеся на ногах. Они выползали на свежий воздух и грелись на солнце. У фок-мачты Александр Андреевич увидел промышленного с рваными ноздрями, прислонившегося спиной к бухте смоленого троса. На коленях у него покоилась косматая голова товарища, и он, сноровисто орудуя костяным гребнем, вычесывал паразитов.

Баранов отворил дверь в кубрик и отпрянул: струя пахучего воздуха ударила в нос. После солнечного света он не сразу увидел, что в кубрике. Красноватый огонек коптилки освещал плохо. Но глаза привыкли, и он рассмотрел на койках по бортам корабля ослабевших людей. Здесь лежали самые слабые. В помещении в беспорядке валялось матросское имущество, у коек стояли самодельные сундуки. Посередине на железных прутьях висел стол. Под столом покоились три больших фонаря. В самом носу кубрика, едва различимые в темноте, свалены в кучу запасные снасти и блоки.

— Вылезайте на палубу, ребята, — сказал Баранов. — Я велел травки целебной для вас наготовить. Рыбки сырой вдосталь пожуете, глядишь, через недельку всех на ноги поставлю.

На нарах никто не шевельнулся. Александр Андреевич немного постоял молча.

— Ты Баранов, что ли? — раздался слабый голос с койки у левого борта.

— Баранов.

— Про тебя слых идет, будто хорошо людей без лекаря лечишь.

— Да уж как умею. Однако вы ползите на солнышко, а то здесь, чую, гнить начали.

— Слых про тебя идет, — продолжал тот же голос, — будто ты людей на работе портишь — и рыбка не помогает.

— Человек от работы не портится. Для хорошего промышленного от меня привет и ласка. И море баловству не научит.

Баранов ушел, оставив дверь в кубрик открытой.

Плавание из Охотска в Русскую Америку вряд ли можно сравнить со всеми другими плаваниями, совершаемыми в целом свете. Частые туманы, дожди, не перестававшие по целым неделям, жестокие штормы, одинаково опасные и в Охотском море, и на Тихом океане.

Команды судов постоянно находились в тяжелом положении из-за недостатка свежего провианта, а иногда и просто голодали. Съестные припасы можно было получить только в Охотске и Петропавловске, и то не всегда. На судах, находящихся в плавании, царил цинг. Уже на пути в Америку матросы бродили как тени по палубе, сил не было, зубы шатались. Иной раз штурмана на вахту выводили под руки и усаживали на шканцах на привязанный стул.

Спасались зеленью, которую мореходы собирали, если приходилось отстаиваться у берегов на якорю. Собирали дикий чеснок, клали в суп и как приправу в кашу, а листья морозики заваривали вместо чая.

Медицинского обслуживания вовсе не было, если не считать лекарей в Охотске и Петропавловске. Справлялись своими средствами, а в Америке обращались за помощью к алеутским, кадьякским и индейским колдунам.

И все же русские корабли регулярно выходили из Охотска и Петропавловска в Русскую Америку. На них везли необходимое снаряжение и провиант для нужд колонии. Ни туманы, ни жестокие штормы не останавливали отважных мореходов. Постепенно берега Аляски и прибрежных островов исследовались, наносились на карту руками неизвестных тружеников, совершавших великий подвиг во славу России.

Николай Петрович поселился на самом верху каменного кекура. Там стоял бревенчатый дом о пяти сажнях длины и трех в поперечнике, с двумя комнатами и сенцами. В одной поселился Резанов, в другой жили корабельные подмастерья. В комнатах было тепло и уютно, топилась кирпичная печь.

Для правителя дом еще достраивался, а сам он жил в небольшой избушке.

Николай Петрович долго не мог уснуть на новом месте. За ширмой спал сном праведника камердинер Иван. Он не забыл повесить в углу икону святого Николая, покровителя моряков и всех путешествующих, и зажег красную лампаду. Иван был простым верующим человеком, не забывал постов, праздников и церковных служб. А на Кадьяке ему монахи не понравились. Резанов вспомнил духовную миссию. Одичавшие, заросшие бородами, монахи встали перед его глазами. Они жаловались на правителя Баранова, оправдывая вмешательство в дела компании, называли себя казенной стороной.

«Я сказал святым отцам, — вспоминал Резанов, — что буде они шаг без воли правителя сделают и вмешаются во что-либо гражданское, то дано от меня повеление выслать такого преступника в Россию, где за нарушение общего спокойствия будет он расстрижен и примерно наказан. Они плакали, валялись в ногах и обещали вести себя так, что правитель всегда с похвалой об них отзываться будет...»

Уже за полночь снова зашумел по крыше утихший было дождь, и Николай Петрович заснул.

30 августа Александр Андреевич праздновал тезоименитство императора Александра Павловича и свои именины.

В только что построенной казарме, где еще пряно пахло древесными стружками, собрались его соратники и товарищи. Присутствовали Николай Петрович Резанов с доктором Лангсдорфом и лейтенанты Давыдов и Хвостов.

Стол украшали бутылки с шампанским, давно не виданным правителем Барановым, и восточные сладости, предназначенные в подарок японскому императору. В большой вазе лежали турецкие папиросы из запасов посла.

Со стаканом в руках поднялся главный правитель.

— В честь нашего августейшего акционера его величества императора Александра Павловича ура, господа!

Здравица правителя была дружно поддержана.

Николай Петрович Резанов поздравил собравшихся с прекрасной библиотекой, доставленной из Петербурга на корабле «Нева». Больше тысячи книг пожертвовали русские писатели и видные общественные деятели для просвещения жителей Америки. Петербургская Академия художеств прислала портреты, рисунки и картины. Это было радостным событием для населения Аляски. Александр Андреевич получил в подарок от министра морских дел адмирала Чичагова модели и чертежи новейших судов.

— Матушка-императрица Екатерина назвала здешние места, — сказал Резанов, — «где-то у шорта на кулишки». Так думают в Петербурге и по сие время. А я побывал в самых отдаленных областях американской земли, и слышал там русскую речь, и встретил гостеприимных людей, пекущихся о пользах отечества.

— Bravo, — раздались голоса — bravo, господа! — Послышались аплодисменты.

— Николай Петрович, — обратился к послу Баранов, — вам довелось увидеть великую императрицу?

— Я знавал трех русских государей: императрицу Екатерину, императора Павла и императора Александра. Все они милостивейше соизволили слушать мои доклады и разговаривать со мной.

Компанейские чиновники во все глаза глядели на человека, выдавшего трех императоров.

В самый разгар празднества в гавань пришла байдарка, посланная Иваном Александровичем Кусковым. Правителю была передана записка. Скачущими, неровными буквами Иван Александрович сообщал, что промышляет в Чилхатском заливе. Промысел хороший, но колоши ведут себя беспокойно, и он ожидает нападения.

Александр Андреевич заволновался, показал записку Резанову.

— Что надлежит сделать, Александр Андреевич? Прекратить промысел?

— Колоши подумают, что мы боимся.

— Но тогда что же? Вы говорили, что шестьсот охотников на трехстах байдарках бесценны для компании.

— Да, это так... Надо послать бриг «Елизавету» на подмогу. На корабле шесть восьмифунтовых пушек. Командир — лейтенант коронной службы Сукин.

— Согласен, согласен. Дайте приказ командиру, Александр Андреевич.

— Послушает ли он меня?

— Как он может не слушать! Позвать сюда немедленно.

За лейтенантом побежал один из старовояжных.

В дверь постучали. Вошел среднего роста, худощавый человек с бледным опухшим лицом. Он был в расстегнутой шинели и без шапки.

— Лейтенант флота Сукин, — протянул он руку камергеру.

— Не видно, что вы лейтенант, — не заметив руки, ответил Резанов. — Я действительно камергер двора его императорского величества, начальник всей Америки.

Сукин безразлично махнул рукой. На его опухшем лице ничего не шевельнулось.

— Виноват, ваше превосходительство.

— Немедленно отправляйтесь в Чилхатский залив, колоши угрожают нашей партии. Возьмите довольный запас пороха. Повторяю, выходите немедленно.

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Ну вот, — облегченно вздохнул Николай Петрович. — Проводите его в дорогу. Снабдите чем нужно.

Праздник в казарме продолжался. Сидевший рядом с Резановым натуралист Лангсдорф расхваливал малосольную чавычу, восхищался другими местными деликатесами. Особенно ему пришлась по вкусу жареная дикая коза. После третьей рюмки Александр Андреевич сказал ему:

— Господин доктор, оставайтесь у нас. Мы давно врача в колонию ищем. И лекарств много привезли по рецепту какого-то доктора Тимновского. А вот врача нам подобрать никак не могут. Оттого и умирают у нас люди без времени.

Но Лангсдорф замахал короткими ручками:

— Нет, нет, господин правитель. Если кормить больных одной вяленой рыбой, они будут умирать и никакой доктор не поможет. А потом, я не хочу, чтобы индейцы сняли мой скальп.

— За риск компания будет платить хорошее жалованье.

— Я доволен своим скромным заработком. — Лангсдорф опустил глаза. — А скажите, ваше высокоблагородие, скоро ли в американском краю можно будет жить, не боясь диких?

— У нас, на Аляске, все люди, нет диких, — нахмурился Александр Андреевич. — Дичее себя не видел... А про колошей скажу тако: еще десять лет — и они станут мирными. За пятнадцать лет я возвел двенадцать крепостей. Они достаточно сильны. Но я думаю, господа, наша сила не только в крепостях. Нам надо наполнить наши магазины всевозможными товарами. Пока на полках пусто, колоши будут искать других торговцев. Я надеюсь на силу образования. Колоши очень восприимчивы к учению. Если их воспитывать, они станут друзьями.

— Как вы правы, Александр Андреевич! Я согласен с каждым вашим словом. — Резанов встал и поклонился Баранову. — Первая задача наша — обильно снабдить колонии товарами. И я даю слово, что не пожалею сил... Господа, выпьем за нашего дорогого именинника!

— Может быть, мы сыграем в винт, господа? — прожевав изрядный кусок ярко-красной чавычи, предложил Лангсдорф. — Карты у меня есть.

— Карты запрещены в этих краях, — строго сказал Баранов, и лицо его сразу помрачнело. — Карты как зараза: легко распространяется, а искоренить трудно.

— Не будем нарушать здешние порядки, доктор, — Резанов положил руку на плечо Лангсдорфа, — спрячьте ваши карты.

Громкий пушечный выстрел раздался со стен крепости. Послышались крики, собачий лай и ружейная пальба. Александр Андреевич мигнул старовояжным, и они мгновенно исчезли.

Вскоре на крыльце раздался топот ног, дверь растворилась, и двое стражников втащили в комнату индейского воина со связанными руками. На груди у него был надет деревянный панцирь.

— Вот его ружье, аглицкое, — показал стражник. — Они вдвоем рубили стену, другой колошин убежал.

— Для чего ты рубил стену? — Баранов строго смотрел на индейца.

— Я хотел пройти к тебе, нанук, и передать привет от великого вождя Скаутлельта.

— Но почему ты хотел это сделать ночью? — Правитель притворился непонятливым. — И почему для этого надо рубить стену? Тебя бы впустили в крепость через калитку.

Индеец молчал.

Николай Петрович увидел индейского воина в первый раз и внимательно его разглядывал. Индеец был завернут в синее шерстяное одеяло. Длинные черные волосы связаны в пучок. Он гордо закинул голову. На лице его сквозила чуть заметная усмешка.

— Ты видел в проливе кадьякских охотников, они промышляют бобра?

— Да, видел, двоим наши войны отрубили головы. Твой помощник Кусков стрелял из пушек.

Александр Андреевич подумал, что нападение на охотников еще не было, и на душе у него стало легче.

— Отведите колоша в погреб под башней и закройте на замок.

Индейца увели. Когда дверь закрылась и все уселись на свои места, Баранов рассказал гостям, о чем шел разговор.

— Вы знаете колошский язык! — восхищался Резанов. — Это отлично. Я еще раз убеждаюсь, что вы — достойный правитель!

— Знаю и якутатское наречие, и ситкинское, — отозвался Александр Андреевич. — За пятнадцать лет чему не научишься... Хорошо, что мы, ваше превосходительство, «Елизавету» к охотникам послали, как раз вовремя.

— Отлично, Александр Андреевич. Распорядитесь, чтобы мне в восемь утра доложили об уходе лейтенанта Сукина.

В постели Николай Петрович долго ворочался, сон все не шел и не шел к нему. Он вспомнил свое посольство в Японию. Нет, ошибок он не совершил. Если бы не духовенство японское, все пошло бы иначе. Клерикалы утверждали, что сближение с Россией нарушает коренные обычаи японского народа и угрожает неминуемой опасностью исповедуемой религии. Трудно было что-либо возразить против такой бессмыслицы. Потом перед глазами встал капитан Крузенштерн. Опять вспомнился памятный разговор на шканцах «Надежды» и последняя с ним стычка на пути из Японии в Петропавловск. Резанов приказал Крузенштерну подойти к острову Урупу. Там с 1795 года находилось русское поселение, и судьба сорока человек была неизвестна. Десять лет срок немалый. Но Крузенштерн наотрез отказался. Он считал невозможным выполнить приказание, будто бы по недостаточной глубине вблизи острова для его корабля и по многим причинам, лежащим, как он выразился, на его личной ответственности. Конечно, он считал себя просвещенным мореплавателем и мог плавать только там, где имелись хорошие карты.

«Я стыжусь, — мысленно спорил Резанов с Крузенштерном, — заключить тем подвиг мой, чтобы отплыть только кругом света, каковой путь сотни коммерческих судов ежегодно совершает».

Наконец Николай Петрович заснул. Снились краснокожие индейцы в боевом наряде, окружавшие его. Резанов бросился к крепости, но у самых стен ее споткнулся и упал... Он проснулся с бьющимся сердцем и подумал, что русским всегда здесь приходится быть осторожными.

Утро было ясное, в окна светило солнце, обрадовавшее Николая Петровича.

В дверь постучали. По резкому, энергичному стуку Резанов признал Александра Андреевича. И точно, это был он.

— Здравствуйтесь, ваше превосходительство Николай Петрович, — присаживаясь в кресло, сказал Баранов. — Вижу, вы озабочены чем-то.

— Здравствуйтесь, Александр Андреевич... Пишу письмо в правление, все закончить не могу...

— Писали вы о моей просьбе, ваше превосходительство?

— Писал, Александр Андреевич. Однако не согласен я с вашим уходом. Второго Баранова не найдешь.

— Так полагаете вы. Однако господин лейтенант Сукин полагает иначе. Назначил я утром двух промышленных в море за сивучьим мясом. А Сукин их пьянствовать к себе зазвал. Говорит, ежели вы приказ Баранова исполните, то я вас линьками выдеру.

— Он не ушел в море?

— Не ушел.

— Возмутительно, Александр Андреевич, — только и мог сказать Резанов.

Правитель помолчал, откашлялся.

— Промышленные каждый день жизнью рискуют. И живут, как видите, не сытно. Они знают, что я с ними гнилую юколу жую, так по моему приказу всюду пойдут. А господин лейтенант не стал сахар-песок с чаем употреблять, дай его благородию сахар-леденец. Для детей мы крупчатой муки три пуда держали, так он приказал полтора пуда ему выдать... Здесь не Россия, Николай Петрович, здесь свои законы. Пришибут ежели его благородие, кто в ответе будет?

— Потерпите еще немного, Александр Андреевич. На пользу и славу отчизны труд ваш. И пока все ж не нахожу иных средств, как исподволь возвратить сих молодцев в Россию. Перепившись с кругу и spoив промышленных, не уверен, чтобы когда-нибудь сами хуже колошей компанию вовсе не разорили. Приказываю Сукина с судна снять, вместо него назначить другого штурмана.

— Вижу, что поняли, ваше высокопревосходительство... Ладно, потерплю еще, авось и наведем порядок... Завтра пойду с промышленными сивучей бить. — Правитель собрался уходить.

— Посидите, Александр Андреевич... Скажите, как было раньше, когда не было компании? Кто заботился о промышленных, как они кормились, если приходилось зимовать?

— Никто не заботился, кормили себя сами... Приготовляли на зиму мясо морских животных и жир китовый. Зато и зарабатывали хорошо. Случалось, что получал промышленный на свой пай по две-три тысячи рублей. Но часто было иначе: погибали суда и все, кто на них находился. Или половина людей умирала на зимовке.

— А если плавание проходило удачно, становились богатыми людьми?

— Да, строили корабли и снаряжали в плавание. Записывались в купечество.

Оба замолчали. Александр Андреевич хорошо был знаком с историей бобровых промыслов. Знаменитые прибыли, полученные первыми мореплавателями на Командорских островах, привлекли много желающих. Отваги и предприимчивости у русских людей всегда было в избытке. Купцы, приезжавшие на Камчатку для торго, прельщались успехами товарищей, бросали прежнее занятие и отправлялись в плавание за бобрами.

Перед мысленным взглядом правителя Баранова прошли многие и многие простые русские люди, ходившие в плавание на утлых судах, построенных на скорую руку.

Они не боялись выходить в океан, вслепую подбираться к неизвестному берегу, зимовать на открытых островах, питаясь дарами моря. «Мы должны гордиться народом, способным на такие подвиги, — думал Александр Андреевич. — Их славные дела вот уже полвека служат нам примером».

Еще прошло три дня, а из проливов от Кускова никаких сведений не было. Баранов изнывал сердцем и не находил себе места. Наконец утром 22 сентября пришли первые байдарки промысловой партии, а в полдень «Ростислав» и «Ермак» салютовали крепости девятью выстрелами. Этот день был праздником для всего населения крепости.

Партия привезла тысячу семьсот бобровых шкур, а главное, вернулась почти без всякого урона. Индейцы пытались было напасть на охотников, но были отогнаны пушечной стрельбой.

Глава двадцать седьмая. ХОТЬ БИТУ БЫТЬ, А ЗА РЕКУ ПЛЫТЬ

Такой тяжелой зимы люди еще не видывали. В крепости свирепствовала цинга. Шестьдесят промышленных и служащих лежали без движения. С начала года умерло семнадцать человек. На кладбище появились первые кресты.

Кормов осталось самая малость. Что получше — отдавали больным и детишкам. Только два года прошло с тех пор, как русские осели на Ситке и не успели еще развести огородов.

Несколько грядок с репой, редькой и картошкой, посаженные прошлым летом, были каплей в море. Да и росло здесь все плохо, еще хуже, чем на Кадьяке.

Январь не принес облегчения, все ждали подхода сельди.

В гавани, на недавно спущенном на воду корабле, продолжались работы. Промышленные ставили стены, на палубе возились плотники и мастера-такелажники. Работы еще много, но Баранов надеялся в июле закончить парусное вооружение баркентины.

Александр Андреевич забрел в капитанскую каюту своего детища. Здесь было суше и теплее, чем дома. Он затопил маленький чугунный камелек, сел на табуретку, вынул записную тетрадь и стал просматривать свои расчеты.

— Принимай, — донеслось до его ушей, — бом-кливер, кливер.

— Бом-кливер, кливер... — повторил густой голос у каюты.

— Замечай отметины... Принимай фок, нижний фок-марсель.

По палубе с уханьем поволокли что-то тяжелое.

— Фок-марсель верхний, — продолжал выкрикивать густой голос, — фок-марсель нижний.

Парусов было много: двойной комплект для трехмачтовой баркентины, у которой на передней мачте прямые паруса, а на грот— и бизань-мачтах — косые.

Из склада несли свернутые в бухты снасти, необходимые для крепления мачт и для управления парусами...

Резанов нашел правителя на баркентине. Александр Андреевич сидел задумавшись, все еще держа в руках записную книжку.

— Хочу с вами поговорить, Александр Андреевич.

— Я готов, Николай Петрович.

— Доложите, как обстоят дела.

— Какие именно? — Баранов немного удивился официальному тону Резанова. Да и дела на острове он знал не хуже правителя.

— Есть ли еще провизия, что вы намерены предпринять?

Александр Андреевич снял парик и отер лысину красным платком.

— Что мне сказать, Николай Петрович? На двести русских в магазине осталось по фунту хлеба на неделю. Пшеница даю по три фунта в неделю только больным скорбутом. Больных много, хотя все регулярно потребляют пиво из еловых шишек. С северных островов привезли юколы и малое количество сивучьего мяса. Рыба перестала ловиться. Стреляем ворон и орлов, собираем ракушки. Едим не лакомо...

— Откуда вы ждете привоза провианта?

— Вы ведь сами знаете, Николай Петрович, корабли с кормом, отправленные из Охотска, погибли.

— Да, знаю, но хочу, чтобы вы мне написали доклад.

— Хорошо, я напишу. Много больных в крепости, но и здоровые выглядят плохо, краше в гроб кладут. А все дожди. Одежду просушить люди не успевают.

— Вы советовали, Александр Андреевич, купить бостонский бриг «Юнону» у капитана Вульфа... Помню, вы говорили, что товары с «Юноны» — пушки, порох и ружья — могут попасть в руки колошей.

— Помню, Николай Петрович.

— Так вот, — в голосе Резанова послышалось торжество, — я купил у капитана Вульфа его корабль со всем грузом. Это облегчит наше тяжелое положение. Кроме того, он отдает свою артиллерию, порох и ружья... Александр Андреевич, я твердо решил на «Юноне» совершить плавание в Калифорнию и привезти оттуда груз зерна и разного провианта. Попутно я хочу обследовать места на реке Колумбии, пригодные для русского поселения. Как будто это и ваша мечта, Александр Андреевич.

— Весьма рад, весьма рад. Я всегда считал, что русская колония в южных широтах нас может прокормить. Спасибо вам, Николай Петрович, за смелое решение. Я полностью одобряю и благословляю вас. Трудностей не бойтесь. Новое дело всегда медведем кажется.

— А что вы думаете о корабле капитана Вульфа?

— Прекрасное судно, ваше превосходительство. Построено в Северной Америке, в Бостоне, в 1799 году. Корпус дубовый, обшит медью. Груза берет двести тонн. Я давно к нему присматриваюсь.

— Могу еще вас обрадовать, Александр Андреевич: я договорился с капитаном Вульфом, что он будет торговать с нами и выполнять наши заказы. Из Кантона он привезет любые товары.

Для главного правителя решение Резанова купить «Юнону» было большой радостью. Покупка снимала с его плеч большую заботу о пропитании людей в тяжелую зиму. Где-то там, за морями, в далеком Охотске, готовились к отправке корабли с кормом. Но когда они будут в Ново-Архангельской крепости и счастливо ли будет их плавание?

Сегодня Александр Андреевич, пользуясь хорошим настроением Резанова, решил спросить его о событиях на шканцах «Надежды» в южных широтах.

— Скажите, Николай Петрович, что вы думаете о капитане Крузенштерне?

Резанов сразу изменился лицом и сухо сказал:

— Не хочу о нем вспоминать. Скажу одно, что теперь, узнав сего человека, никогда не решился бы с ним идти в плавание.

На этом разговор закончился.

Через три дня сделка с капитаном Вульфом была совершена, и Баранов, пересчитав съестные припасы, купленные вместе с бригам, понял, что кормов для всех жителей недостаточно.

Но теперь в руках была «Юнона», и ее можно было отправить за провизией на Кадьяк. Командиром «Юноны» был назначен лейтенант Хвостов, его помощником — Давыдов. Николай Петрович Резанов дал согласие на поход брига в Павловскую гавань не без колебаний.

«Юнона» обернулась быстро. Через сорок дней бриг снова стоял у причалов в порту и радовал глаз Резанова. В трюмах он привез полный груз юколы, жира и китовины. С таким

подспорьем кормов хватит и для промышленных и для кадьякцев до появления рыбы.

Но радость Баранова была омрачена печальными вестями. Корабль «Елизавета» под командованием мичмана Карпинского потерпел крушение на обратном пути из Кадьяка. Захвачена и разорена русская крепость в заливе Якутат. Все, кто был в крепости, во главе с Ларионовым, убиты. Об этом ему подробно рассказал вернувшийся в Ново-Архангельск Абросим Плотников. Как случилось несчастье — неизвестно. Видно, всегда осторожный Ларионов допустил промашку. Из отряда охотников под командой Демьяненкова погибли в море более двухсот человек, погиб и сам Демьяненко. И еще одна тревожная весть: капитан зеленого брига Роберт Хейли опять приходил на Кадьяк в Павловскую гавань.

Правитель тяжело переживал горестные сообщения, тем более что произошли они в присутствии важного и дорогого гостя.

— Стар я стал, Николай Петрович, — повторял Баранов, — не угляжу за всем.

Резанов, как мог, утешал старика и всячески отговаривал от похода в залив Якутат, куда Баранов собирался для восстановления крепости.

Выход «Юноны» в море готовился на 25 февраля. На бриг назначены сорок человек матросов, но половина из них были слабы от болезней и недоеданий. Корабль снабдили всем самым лучшим, что нашлось на складах.

Накануне выхода в Калифорнию Николай Петрович перебрался на корабль и доканчивал последнее письмо директорам компании в Петербург.

Он усердно писал, изредка останавливаясь, чтобы очинить перо...

«...Правитель Баранов собой подает пример всем промышленным. Потеря сего человека есть потеря не только для компании, но и для всего отечества. С лишением господина Баранова лишаемся способов к производству и действию обширных планов, к которым столь верный путь проложили его труды».

Северо-западный ветер налетел внезапно. Небо заволкло тяжелыми тучами, и они закрыли снежные вершины гор. Повалил мокрый снег, в каюте сразу стало темно. Николай Петрович зажег сальную свечу и придвинул к себе деревянный поставец.

«В рассуждении Якутата, — писал Резанов, — объявляю я вам полученные неприятные вести. Изнуренный трудами и болезнями, старик Баранов последние остатки своих сил приносит в новую жертву отечеству. Идет отсюда на собственно им построенном судне „Ростиславе“, взяв с собой четыре пушки и только двадцать пять человек, потому что более отделить не можно и других судов не бывало. Через пять дней после меня, коли не уговорю я его, снимутся они с якоря. Боже, помоги ему! Скажите, милостивые государи мои, поистине можем ли мы, акционеры, чем-либо оплатить таковую неутомимость для блага общего?! Одним разве удивлением и благодарностью. В отсутствие его господину Кускову вверены пользы края и ваши...»

Перед отправлением в плавание Николай Петрович, по данному от императора полномочию, пожаловал Кускова золотой медалью на владимирской ленте, а старовояжных Малахова, Швецова, Бакадарова и Еремина — серебряными.

Что же знал Резанов о Калифорнии, той благодатной стране, куда собирался отплыть на бриге «Юнона»? Капитан Вульф рассказывал, что в Калифорнии испанцы, подобно индейцам, покупают с жадностью всякие безделушки и платят бобрами, зерном или фруктами, потому что ни фабрик, ни торговли там нет, а сельское хозяйство развито.

Недостаток в необходимых товарах в испанских поселениях и запрещение торговли с иностранцами заставляли нередко жителей этих мест прибегать к тайной торговле с мореплавателями и миссионерами, которые были главными контрабандистами.

Запрет иностранным судам посещать порты Калифорнии не остановил Резанова. Николай Петрович решил воспользоваться разрешением испанского правительства на свободный вход русской кругосветной экспедиции во все порты Испании. Зная подозрительность испанцев, он решил войти в порт, не испросив предварительного разрешения.

О деятельности монахов-францисканцев Резанов знал, что они насильно насаждали христианство среди местных индейцев и были свирепыми плантаторами. Гарнизоны испанских крепостей защищали монахов и помогали им в миссионерской деятельности. Святые отцы вместе с солдатами охотились в лесах за индейцами, привозили их в крепость и крестили без лишних слов...

Плавание в калифорнийский форт «Нашего святого отца Франциска» представляло немалый риск и с навигационной стороны: ни карт, ни описания берегов у Резанова не было. Но он умел рисковать.

Проводить «Юнону» в плавание вышли все жители Ново-Архангельска. Александр Андреевич, провожая Резанова, утирал слезы.

— Дай вам бог благополучного плавания и счастливого возвращения.

Под грохот крепостных пушек «Юнона» увеличила ход и быстро скрылась за островами.

В день своего шестидесятилетия правитель перебрался в новый дом, построенный на кекуре. После ухода «Юноны» прошло два дня, а казалось, прошла целая вечность.

Ново-Архангельск продолжал строиться, шла рубка леса на дома и на выжег угля.

Лес здесь мачтовый, строевой, но густой до чрезвычайности. До прихода русских солнце едва ли заглядывало в чашу.

Промышленные пробовали зажигать лес, но он не горел из-за влажности. Лес вырубали с расчетом, чтобы его продувало ветром и прогревало солнцем. Копали канавы, чтобы спустить застоявшуюся воду. Мечтали, когда немного просохнет, кое-где сделать пожоги, чтобы превратить гнилую почву в плодородную землю. Но медленно идет дело. Мало людей, да и те плохо кормленные и плохо одетые.

Вечером правитель долго сидел в кресле не шевелясь, отдыхая после трудного дня. Над его письменным столом висел большой портрет Суворова. Это был любимый герой Александра Андреевича. Поглядывая на остроносое лицо, он думал: «Вот кто умел решать невыполнимые задачи и побеждать врагов при любых обстоятельствах. И ростом был небольшой, вроде меня, а сколько в нем силы!» В углу виднелась икона святого Фоки — покровителя мореходов. Он был изображен с веслом в руках.

Дела и дела, которых никогда не переделать, мучили Александра Андреевича. Прежде всего ему приходилось думать о барышах компании. Он рассчитывал, сколько на пай приходилось морских бобров и другой пушнины. Он заботился, чтобы доходы не оскудевали и промыслом были довольны те, кто в Петербурге держит акции, и те, кто здесь с копьем в руках бьет зверя. Но разве заботы Баранова кончались на добыче меховых шкурок?

После назначения его главным правителем Российско-Американской компании он стал владыкой огромного края и был наделен всей полнотой власти. По идее, у него больше власти, чем у губернатора любой русской области, так как в одном лице он объединял и

верховного судью, и главнокомандующего всеми вооруженными силами компании. Он строил крепости и назначал на них гарнизоны, строил морские корабли. В руках Баранова была и полицейская власть на всех землях Русской Америки. Пожалование в чин коллежского советника укрепило его и дало новые возможности. Теперь по своему чину правитель был равен полковнику. И все же ему приходилось действовать осторожно, очень осторожно, ведь власть его не подкреплялась солдатами, а в колониях всякого народа было довольно.

Всех, кто знал Александра Андреевича, удивляло его бескорыстие. Он совершенно не думал о своем кармане. Но самое главное, о чем никогда не забывал Баранов, это слава и польза родине. Ради горячо любимой России он не жалел себя и шел на любую жертву. Он был немного чудаковат. Ел один раз в сутки. Однако чай мог пить в любое время.

Александр Андреевич снова взглянул на портрет Суворова и вздохнул.

В пятницу, в точно назначенный срок, Александр Андреевич вышел из гавани в залив Якутат на парусной галере «Ростислав». На галере поставлены четыре пушки, взят большой запас ядер и пороха.

Начальником и вершителем всех дел в Ново-Архангельской крепости остался Иван Александрович Кусков. Каждый вечер он расхаживал по стенам крепости, нахмутив брови и заложив по привычке за спину длинные мускулистые руки.

Наконец пошла сельдь, на которую возлагалось столько надежд. Сельдь пошла неудержимо и в таком количестве, что вода в узких проливчиках и у берегов казалась разбавленной молоком. Ловили ее сетями, ведрами и черпаками. На конец шеста набивали гвозди, шест опускали в воду, а когда вытаскивали, на каждом гвозде трепыхалось по нескольку рыбин. Селедку ели сырой, жарили, варили, засаливали впрок. Из всех домов раздражающе пахло рыбным варевом.

Кадьякцы рылы ямы и наполняли их рыбьими головами, они кисли, распространяя тяжелый запах.

Через несколько дней людей не узнать. Мертвенно-бледные лица оживились. Многие, пролежавшие пластом с декабря и с января, поднялись с нар и вышли на воздух. Кто мог есть селедку, остался жив и снова набирал силы.

Появились белоголовые орлы и во множестве всякие морские птицы. Подошли к берегам нерпы и сивучи. Погода стояла ветреная, но дождей не было, и грязь на острове понемногу просыхала.

На ловлю сельди съезжались колоши с разных концов Ситки. Приехали чилхатские индейцы и из селений Хуцнова, Стахина и других мест. Они приезжали на батах и располагались табором на окружающих гавань островах.

Через несколько дней после отъезда Баранова в Якутат к воротам крепости подошли две индианки, босые, закутанные в шерстяные плащи. За плечами у них плетеные корзины, сверху прикрытые куском бараньей шкуры. Старшая подняла камень и несколько раз ударила в калитку.

Стражники, увидя с башни женщин, разрешили им войти в крепость.

— Я Пиннуин, — сказала старшая. — Моя сестра — жена главного правителя нанука Баранова, а это моя дочь, — показала она на спутницу. — Я хочу видеть мою сестру Анну.

Стражники привели индианок к дому правителя и позвали Анну Григорьевну. Сестры обнялись.

— Я рада, очень рада, — говорила Анна Григорьевна. — Входите в дом, вы устали и хотите есть.

Она угостила гостей жареной селедкой и сладким чаем. Индианки вынули из корзины гостинцы: пряник из размельченной древесной коры с жиром и соком ягод, лубяные ящички с ягодами на рыбьем жире, сбитом добела, и нежную палтусиную юколу.

— Меня послали вожди разведать, сколько человек охраняют крепость, — сказала Пиннуин. — Тлинкиты боятся твоего мужа. Три дня назад они узнали, что его нет на Ситке, и решили разрушить крепость, мужчин убить, а женщин взять в плен. А я пришла предупредить тебя.

— Благодарю тебя, Пиннуин... Но я плохо разбираюсь в мужских делах. Я позову Ивана Кускова, помощника моего мужа. Поговори с ним.

Анна Григорьевна послала за Кусковым повариху, крещеную кадьячку Федосью.

Высокий, еще более похудевший за тяжелую зиму, Иван Александрович появился тотчас.

— Моя сестра Пиннуин, жена хуцновского вождя. Она пришла с важными вестями. А это — ее дочь.

— Да, да, — закивала головой Пиннуин. — Я пришла предупредить вас. Тлинкиты хотят уничтожить крепость.

— Сколько собралось воинов? — спросил Кусков, выслушав индианку.

— Четыреста батов, а в каждом пять воинов. Они прячутся в лесу и на островах.

— Кто главный вождь?

— Скаутлелът. У него половина всех воинов.

— Много ли у воинов ружей?

— Сто воинов будут стрелять огнем. Я слышала разговор вождей про иноземный корабль. Капитан обещает продать много пороха. Он говорит, что если тлинкиты на этот раз не возьмут крепость, то никогда не освободятся от русских.

— Может быть, капитан Роберт Хейли?

— Да, да, Роберт Хейли.

— Что еще ты хочешь сказать нам, Пуннуин? — Кусков чуть улыбнулся большими, грустными глазами.

— Берегите хорошенько крепость. Я слышала, что тлинкиты будут наблюдать за вами со стороны леса.

— Твой отец тоже среди врагов?

— Нет, он не согласился воевать с русскими и послал меня в крепость... Не верь чилхатам, они коварны и лживы. Что сказать отцу?

— Скажи, что крепость неприступна и хорошо снабжена кормами и порохом. Людей много, Баранов скоро возвращается.

— Хорошо, я скажу. Однако не пускайте на промысел за сивучами кадьякцев. Чилхатские воины всех застрелят.

— Спасибо тебе, Пиннуин. Правитель вернется и отблагодарит тебя и твоего отца.

Иван Александрович собрал в своем домике всех старовояжных. На совете он рассказал им о вестях, принесенных индианкой Пиннуин.

— Крепость нам отдать нельзя. Она ключ от Русской Америки, — закончил Кусков свой рассказ. — А жизнь нашу отдадим за любезную нам отчизну без страха и сожаления.

— Нужно удвоить караулы, — выступил Абросим Плотников, повидавший своими глазами жестокость колошей при взятии первой крепости и зверстве в Якутате. — Они не пощадят никого и срежут скальпы и головы.

— Обгородим тыном всю крепость, отгородимся от колошского селения, — предложил ветеран старовояжных Василий Малахов, — и в ограде сделаем амбразуры.

— На рыбную ловлю выходить с заряженными ружьями, вчетвером. Двое работают, двое охраняют, — добавил старовояжный Швецов.

После совета старовояжных русские и кадьякцы в один день поставили тын из толстых бревен, лежавших в запасе для постройки кораблей. Крепость стала похожа на остров. На эллинге тоже поставили пушки и охрану, чтобы колоши ночью не сожгли стоящий корабль. Положили ночью тревогу бить в барабан, колокола и трещотки, а днем поднимать на крепости красный флаг с косицами.

Рано утром часовые услышали из леса протяжное, тревожное карканье большого черного ворона. Приглядевшись, заметили на высоких деревьях индейцев. Видимо, это были разведчики, пытавшиеся вызнать, не оплошали ли дозорные в крепости.

Четверо кадьякцев, отлучившихся из Ново-Архангельска, чтобы принести убитого сивуча, были схвачены колошами. Индейцы склоняли их к измене и обещали по взятии крепости пощаду и награждение.

Кадьякцы обещали помощь колошам, но, когда возвратились в крепость, все рассказали Ивану Александровичу Кускову. Они рассказали, что вожди и старейшины чилхатских, хуцновских и куютских родов передрались между собой от досады, что пропустили удобное время для нападения.

— Всего колошей собралось возле крепости числом более двух тысяч, — сообщили кадьякцы.

Иван Александрович мало что мог сделать. Гарнизон крепости был малочислен, и напасть на колошей было непосильно. Да и люди не совсем оправались после голодной зимы, быстро уставали и выдыхались на работе. Приходилось надеяться на стены и пушки крепости.

Узнав про замешательство и несогласия у колошей, Кусков решил еще больше усилить распри в их лагере. Он пригласил в крепость чилхатского вождя Скаутлельта. За Скаутлельтом был послан отряд кадьякцев.

Чилхатский вождь согласился на переговоры и явился в крепость с двадцатью воинами. Скаутлельта под звуки трубы и барабанный бой на носилках внесли в крепость. За ним вошли воины. Был устроен торжественный обед, и всем гостям приподнесли богатые подарки. Вождь Скаутлельт получил сотню шерстяных одеял, много бисера и всяких побрякушек.

— Сколько у тебя воинов, Скаутлельт?

— Десять раз по сто, — с гордостью ответил вождь.

— Правитель Баранов прислал мне письмо. Он просит тебя увести домой своих воинов, чтобы избежать подозрений на твой род, всегда нам дружественный. Мы ведь старые друзья, Скаутлельт?

— Да, мы старые друзья, — с готовностью ответил Скаутлельт. Он был доволен, что удалось восстановить дружбу. Русские не стали таить злобу и мстить. — Я хочу быть другом Баранову и исполню его просьбу. Мне понравился город, Иван. Правитель хорошо укрепился.

Под барабанный грохот и завыванье труб Скаутлельта вынесли из крепости и уложили в ожидавший его у пристани бат.

— Тебя, великий вождь, крепость проводит тремя выстрелами, — сказал Кусков и, когда бат отвалил, махнул рукой.

С крепостной стены раздались выстрелы. Тщеславная душа Скаутлельта была на вершине славы и блаженства.

— Скажи моему большому другу, нануку Баранову, что я завтра уведу своих воинов. Пусть он дурно не думает обо мне.

На этот раз чилхатский волк не обманул. Утром его воины расселись на баты и покинули окрестные острова. За ними сняли осаду и остальные колошские роды.

В окрестностях Ново-Архангельской крепости не осталось ни одного колошского воина. В расположенной поблизости индейской деревушке мирно дымились в бараборах очаги.

Глава двадцать восьмая. СМЕРТЬ ЗЛЫМ, А ДОБРЫМ — ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Вечером полная луна несколько раз выходила из-за облаков и освещала горы и долины, среди которых находилось селение Аустерлиц. В полночь к генерал-адъютанту князю Волконскому были приглашены начальники колонн союзной армии. Все вместе они направились в штаб-квартиру генерала Кутузова в Красновице. Ехать было недолго, всего три версты, но дорога была грязная, растоптанная тысячами лошадиных копыт.

Михаилу Илларионовичу недавно исполнилось шестьдесят лет. Седовласый, с крупными чертами лица, он неподвижно сидел за столом, где были разложены бумаги и какие-то карты. Сальные свечи двух бронзовых канделябров освещали комнату.

— Господа, — сказал Кутузов, когда генералы расселись, — завтра в семь часов атакуем неприятеля в нынешней его позиции.

Начальник австрийского штаба генерал Вейротер, облаченный особым доверием императора Александра, развернул карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и стал объяснять генералам расположение французской армии и то, каким образом следует атаковать противника. План был сочинен самим генералом Вейротером и утвержден австрийским и русским императорами. Союзники хотели обойти Наполеона с правого фланга, отрезать от Вены и разбить его.

Кутузов тотчас погрузился в сон, выразив этим свое несогласие с утвержденным планом. Он спал, привалившись к стене спиной и сложив на животе руки. Генеральские аксельбанты тускло поблескивали при всяком его дыхании.

Начальники колонн генералы Дохтуров, граф Ланжерон, Пршибышевский, Колловрат, князь

Лихтенштейн и командир отряда князь Багратион молча слушали.

Когда Вейротер окончил утомительно втолковывать свой план, граф Ланжерон спросил:

— Все это прекрасно, но если неприятель нас предупредит и атакует в Працене, что мы будем делать?

— Вам известна смелость Бонапарта. Если бы он мог нас атаковать, он это сделал бы сегодня.

— Итак, вы полагаете, что он не силен? — продолжал допрашивать Ланжерон.

— У него никак не будет более сорока тысяч человек.

— В таком случае, выжидая атаку с нашей стороны, он готовит себе гибель. Но я считаю его слишком искусным, чтобы действовать столь неосмотрительно. Если мыотрежем его от Вены, как вы рассчитываете, то ему останется только один путь отступления — через Богемские горы. Я предполагаю с его стороны другой план... Он потушил свои огни, и в лагере его слышно большое движение...

— Значит, он отступает или изменяет позиции, — прервал его Вейротер. — Но предположим даже, что противник расположился в Турасе. Этим он значительно облегчит нам дело, а наши диспозиции останутся без изменений... Я командовал маневрами здесь в прошлом году и превосходно знаю местность, где предстоит сражение.

— Не наделайте только опять таких ошибок, как на прошлогодних маневрах, — некстати заметил его помощник полковник граф Бубна.

Совещание было закончено. Как писал один из историков, союзники приняли план сражения против армии, которой не видели, предполагая ее на позиции, которой она не занимала, и, сверх того, рассчитывали на то, что французы останутся столь неподвижными, как пограничные столбы.

Часы на камине отбили три удара. Михаил Илларионович проснулся и отпустил генералов, приказав оставить адъютантов для перевода на русский язык плана сражения, сочиненного на немецком языке. Переводом занимался майор Толь.

Только в шесть часов утра диспозицию доставили генералам, начальникам колонн. А начальники пониже рангом получили ее уже во время движения.

Перед зарей холодный непроницаемый туман покрыл окрестности Аустерлица.

Император Александр, которому через месяц исполнялось двадцать восемь лет, уверенный в своей правоте, в эту ночь спал крепко. По молодости он увлекся мыслью быть спасителем европейских государств от захватнических действий Наполеона. Александр считал, что обладает могучей воинской силой не только для защиты своего государства, но и для поддержания общего мира и порядка в Европе. Дело шло не об округлении границ, не о мелких расчетах. Молодой император решил, что от него зависит, покорятся ли европейские державы власти завоевателя или продолжат свое бытие, основанное на святости законных престолов и неприкосновенности границ, утвержденных договорами. Император захотел мечом перерубить скипетр Наполеона, поправшего права монархов. Казалось, снова наступали времена Павла Петровича. Русское правительство с завидной настойчивостью принялось сколачивать союз против Наполеона. Сюда входили Швеция, Англия, Австрия и должна вступить Пруссия. Снова была позабыта предательская политика Австрии и бездарность ее военачальников...

Император Александр, как, впрочем, и его дед и отец, слепо доверял венскому и берлинскому

дворам и преклонялся перед тенью Фридриха Великого.

Прусские и австрийские генералы были главными советниками императора, и им оказывалось предпочтение перед русскими, несмотря на то что австрийцы и пруссаки всегда бывали биты русскими военачальниками. Можно предположить, что родственные чувства Петербурга к Берлину брали верх над интересами Русского государства.

Наоборот, Кутузов не сомкнул глаз всю ночь. Подушка казалась ему жесткой, а одеяло слишком жарким.

Только недавно ему удалось вывести свою армию из-под удара, под который союзники австрийцы поставили русские полки, проигрывая сражение одно за другим. Кутузов часто не соглашался с венским военным советом и действовал вопреки посланным из австрийского штаба предписаниям. Искусство и разум Кутузова, отвага русских солдат и офицеров спасли армию. Сражение при Крепсе было новым венком славы для российского воинства... И вот теперь все снова поставлено на карту.

Генерал Кутузов был командующим только по имени. Он не имел власти и не пользовался уважением императора Александра. Австрийский генерал-квартирмейстер Вейротер превратился в главного советника. Положение Кутузова сделалось двусмысленным. Почтительные его представления о предстоящих действиях не были уважены Александром и даже произвели неприятное впечатление. По мнению Кутузова, следовало избегать решительного сражения, отвечающего интересам Наполеона, и выжидать до прихода подкреплений. Осторожность Кутузова оскорбляла тщеславие Александра.

Кутузов вспомнил глубокое молчание, которым войска встречали приехавшего императора. Солдаты голодали, не имели сапог, не получали ничего законным образом, несмотря на обещания австрийского правительства, и по необходимости прибегали к грабежу. Вскоре русские офицеры и солдаты стали обвинять австрийцев в измене.

Императору советовали покинуть армию и предоставить Кутузову самостоятельно распорядиться военными действиями. Однако Александр не внял советам.

Кутузов не раз порывался сложить с себя звание главнокомандующего. Но вряд ли Александр позволит это. Он не пожелал бы уступить Кутузову славы в случае успеха или принять на себя ответственность в случае поражения.

Наступление началось до восхода солнца. Густой туман покрывал все вокруг. Первые ружейные и пушечные выстрелы начались на левом крае союзной армии. В десятом часу на поле сражения прибыли императоры Александр и Франц. Русского государя сопровождали генералы Сухтелен, граф Аракчеев и генерал-адъютант граф Ливен, Винценгероде и князь Гагарин, тайные советники князь Чарторыйский, граф Строганов и Новосильцев.

Сам император и вся свита блестели от множества лент, орденов и золотого шитья парадных мундиров.

Подъехав к Кутузову и видя, что солдатские ружья стоят в козлах, император спросил:

— Михайло Ларионыч, почему не идете вы вперед?

— Я поджидаю, чтобы все войска колонны собрались.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, — недовольно сказал император, — где не начинают парада, пока не придут все полки.

— Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете...

— Да, я приказываю!

Раздалась команда. Войска зашевелились, начали становиться в ружье.

Можно представить себе радость Наполеона, боявшегося оборонительной тактики Кутузова.

— Алексей Андреевич, — обратился император к генералу Аракчееву. — Я хочу назначить вас начальником одной из колонн.

Аракчеев, неустрашимый на плац-парадах, пришел от предложения императора в неопишное волнение.

— Ваше величество, я бы рад, — заикаясь, сказал генерал, — но несчастная раздражительность моих нервов не перенесет такой должности. — На лице Аракчеева был написан неподдельный испуг.

Ответ произвел впечатление, и государь отказался от попытки увенчать своего любимца военными лаврами. Он обернулся к генералу Кутузову:

— Ну, так как вы полагаете, дело пойдет хорошо?

— Кто может сомневаться в победе под предводительством вашего величества, — дипломатично улыбаясь, ответил Кутузов.

— Нет, вы командуете здесь, я только зритель.

Кутузов молча поклонился. Но когда Александр с блестящей свитой отъехал, Михаил Илларионович сказал стоявшему возле генералу Бергу:

— Вот прекрасно. Я должен здесь командовать, когда я не распорядился этой атакой, да и не хотел вовсе предпринимать ее.

Кутузову не хотелось оставлять Праценские высоты, он прекрасно понимал их значение, но спорить с государем было бесполезно.

Выполняя план генерала Вейротера, главные силы союзников двинулись в обход правого фланга французов, чтобы отрезать их от Вены. Этого и ждал Наполеон. Он сосредоточил основные силы в центре. Как только союзники спустились с высот, французские войска обрушились на русских.

С самого начала сражение приняло другой характер, нежели тот, который существовал на плане мудрого генерала Вейротера. Когда всем стал понятен замысел Наполеона разрезать нашу армию на две части, русский главнокомандующий, обезличенный распоряжением двух императоров, не был в состоянии предотвратить катастрофу.

Русские войска сражались героически. Многие солдаты и офицеры пали смертью храбрых. Аустерлицкое сражение не омрачило славы русского воинства. Генерал Кутузов был ранен в щеку и, залитый кровью, продолжал распоряжаться...

Император Александр находился при четвертой колонне, которой командовал австрийский генерал Колловрат. Это был центр армии. Император объезжал войска, останавливался возле лежавших на земле воинов, внимательно рассматривал их в лорнет и, если они еще подавали признаки жизни, приказывал позвать лекарей.

Встреченные жестоким огнем, два батальона Новгородского полка неожиданно обратились в бегство, смешали бывший позади них Апшеронский батальон и бежали дальше мимо императора Александра.

— Остановитесь, солдаты, поверните штыки! — кричал император.

Но солдаты не внимали его словам.

Александр Павлович находился при четвертой колонне до полного разгрома. Бежавшие войска разобщили императора со свитой и, обернувшись, он увидел возле себя только лейб-медика Вильде. Остальные смешались с бегущими солдатами. Подле него ранило картечью чью-то лошадь. В двух шагах упало ядро, осыпав императора землей. Запасную лошадь убило гранатой. Кроме Вильде, при нем остались берейтор Ене, конюший и два казака.

Майор Толь, двигаясь за отступающими войсками, увидел императора в сопровождении столь малочисленной свиты, однако не посмел к нему приблизиться. Но, не считая возможным оставить его почти одного, следил за императором издали.

Майор Толь видел, как Александр, не будучи хорошим наездником, не мог перескочить ров, преграждавший дорогу, и совался то вправо, то влево, стараясь отыскать более безопасную дорогу. Берейтор Ене несколько раз перескакивал ров, показывая императору, как это легко исполнить.

Наконец лошадь императора последовала за берейтором и препятствие было преодолено. Но силы оставили Александра Павловича. Перепрыгнув через ров, он слез с лошади. Усевшись на землю под деревом, он закрыл лицо платком и залился слезами. Пожалуй, это был первый удар по тщеславию и гордости императора, и он не выдержал его тяжести. Слишком резок был переход от победоносных надежд к потрясающему поражению.

Где-то совсем близко ухали сердито пушки и слышались оружейные выстрелы. Император не обращал на них внимания.

«Где мои телохранители, адъютанты, готовые на словах каждую минуту жертвовать жизнью ради меня? — вертелась в голове одна и та же мысль. — А мои ближайшие друзья и советники? Когда наступило время на деле показать свою преданность, все они исчезли. А солдаты? Они давали присягу защищать своего императора до последнего дыхания. Но ни один из них не выполнил моего приказа, не остановился и не подошел ко мне, хотя все видели, что я — император».

Александр Павлович чувствовал себя еще хуже, чем в ту ночь, когда убили его отца. В ту ночь возле него были верные, преданные люди... «Верные, преданные, где они? Ведь французы могли меня убить по ошибке, не зная, что император». И он представил себе, что лежит в канаве, холодный, залитый кровью, как те несчастные, которых он видел...

«Я самодержец Российского государства, молодой, полный сил, которого так любят женщины... Нет, верить никому нельзя. Придворные развращены... А если меня возьмут в плен? — пришла новая мысль. — Русский император в плену у выскочки Наполеона...» Это была отвратительная мысль, и он еще пуще заплакал. Рыдания его продолжались долго...

Совершенный мрак покрыл окровавленные земли и равнины, пальба стихла, и запылали бивуачные огни победителей. Французы занимали почти те самые места, где перед боем стояли союзники.

Майор Толь подъехал, слез с лошади и, преодолевая робость, подошел к императору.

— Ваше императорское величество, — сказал Толь, — не переживайте столь глубоко. Не все потеряно. Может быть, мы завтра сумеем переломить противника... А сейчас надо уходить.

Император поднял голову и осушил слезы. Все-таки нашелся верный человек. Поднявшись,

он обнял Толя и, взобравшись на лошадь, поскакал дальше, к Годьежицу, где был назначен сбор в случае отступления.

Перед полночью император въехал в селение, полное раненых, бродяг и смешавшихся обозов. С трудом нашли для него жалкую комнату. Случившегося офицера Чернышева он послал разыскать Кутузова. Чернышеву посчастливилось встретить Михаила Илларионовича, рассылавшего во все стороны офицеров с приказом найти императора.

— Боже мой, боже мой! — сказал император Кутузову. — Как это могло произойти? — Окруженный офицерами, он почувствовал себя лучше.

— Ваше величество, разве можно выиграть сражение, если войска растянуты на четырнадцать верст? Я докладывал вашему величеству...

— Да, вы говорили мне, что надо действовать иначе. Но вы должны были быть настойчивы. У вас глубокий разум, у вас опыт.

— Простите меня, ваше величество, но я знал, что, позволив себе быть настойчивее, я стал бы несносен вам. На мое место вы назначили бы австрийца, и тогда могло быть еще хуже. Русские войска дрались безупречно, ваше величество.

— Сейчас не время для разговоров. Прошу вас сделать все, чтобы сохранить моих славных героев.

Переговорив с Кутузовым, император поехал и дальше верхом, так как коляска его потерялась. Однако он мог проехать только семь верст. Трудности, перенесенные в сражении, прискорбные неудачи, ночное ненастье усилили недомогание, и государь остановился в селении Уржице.

После успокоительного сна Александр Павлович продолжал путь вместе с отступавшими войсками в Чейч. Расстояние было небольшое, и в то же утро оба императора и Кутузов приехали на сборный пункт.

В Чейч солдаты многих полков приходили перемешанные между собой и без ранцев, ибо снимали их перед боем, а возвращаясь из огня, не попадали на место, где их оставляли.

Только на третий день прибыла к императору его собственная коляска и он смог переменить обувь, белье и одежду. Теперь, окруженный генерал-адъютантами, генералами и тайными советниками, он оправился от тяжких переживаний, но забыть свое одиночество в день Аустерлицкой битвы Александр Павлович не смог всю свою жизнь.

Из Чейча императоры отправились, сопровождаемые тремя полками. Впереди были лейб-гусары, за ними следовали коляски императоров, а позади шли кавалергарды и конная гвардия.

Генерал Кутузов остался распоряжаться войсками.

«Я сделал все, — утешал себя Александр, трясясь по ухабистым дорогам, — что зависело от сил человеческих. Если бы Макк не растерял армию под Ульмом, если бы король прусский объявил войну немедленно после нарушения французами нейтралитета, если бы король шведский не затруднял движение войск на севере, если бы англичане пришли вовремя на театр войны и, вообще, лондонский двор оказал более деятельности с той минуты, как ему нечего было опасаться высадки французов, то мы удержали бы Бонапарта, не дозволили бы ему сосредоточить противу нас все свои силы и дела приняли бы другой оборот».

Александр прибыл в Гатчину 8 декабря. Встречать его выехали обе императрицы. На следующий день в четыре часа утра он прибыл в Петербург и слушал молебен в Казанском

соборе. Жители столицы могли приветствовать государя только во время развода на Дворцовой площади.

Три дня император отдыхал и не занимался государственными делами. Он не мог равнодушно смотреть на окружавших его придворных. Ему претило угодничество и лесть. Он думал, что каждый из них предал его в ту аустерлицкую ночь.

Тринадцатого декабря кавалерская дума святого Георгия, будучи преисполнена благоговения к великим подвигам, которыми монарх лично подавал пример войску, осмелилась просить его величество возложить на себя знаки ордена святого Георгия.

Старший кавалер князь Прозоровский поднес всеподданнейший доклад, а канцлер князь Куракин — знаки ордена первого класса.

Император поручил им благодарить думу «за внимание к таким деяниям его, которые он почитает своей обязанностью» и объявить, «что знаки первого класса сего ордена должны быть наградой за распоряжения начальственные, что он не командовал, а храброе войско свое привел на помощь своему союзнику, который всеми оными действиями распоряжался по собственным своим соображениям, что потому не думает он, чтобы все то, что он в сем случае сделал, могло доставить ему сие отличие, что во всех подвигах своих разделил он только неустранимость своих войск и ни в какой опасности себя от них не отделял, и что сколь ни лестно для него изъявленное кавалерской думой желание, но, имея еще единственный случай показать личную свою храбрость и в доказательство, сколь он военный орден уважает, находит теперь приличным принять только знак четвертого класса».

Отказался от знаков ордена святого Георгия первого класса Александр Павлович вовсе не из-за скромности, но по мотивам более серьезным. Он попытался снять с себя ответственность за поражение при Аустерлице.

Аустерлицкая битва не прошла даром для императора. Характер его круто изменился. Если раньше он был доверчив, ласков и обладал кротким характером, то после Аустерлица сделался подозрительным, строгим до безмерности и вовсе не терпел противоречий. Только к одному Аракчееву он по-прежнему относился с доверием, и Алексей Андреевич все чаще и чаще возбуждал гнев императора против сановников и царедворцев.

И воззрения молодого императора изменились. Что раньше считал он главным и перед чем преклонялся, то теперь считал вредным, подлежащим искоренению.

На утреннем докладе генерал-губернатор Вязмитинов положил на письменный стол императора небольшой листок, в котором недовольство общества выражалось эпиграммами. Кто-то старательно вывел лиловыми чернилами:

«Грех умер, право — сожжено. Доброта — сжита со света. Искренность — спряталась. Справедливость — в бегах. Добродетель — просит милостыню. Благотворительность — арестована. Отзывчивость в сумасшедшем доме. Правосудие — погребено под развалинами права. Кредит — обанкротился. Совесть — сошла с ума и сидит на весах правосудия. Вера — осталась в Иерусалиме. Надежда — со своим якорем лежит на дне морском. Любовь — от холода заболела. Честность — вышла в отставку. Кротость — заперта за ссору на съезжей. Закон висит на пуговках у сенаторов. И терпение скоро лопнет».

— Откуда? — спросил император, внимательно до последнего слова прочитав листок.

— Из Москвы шлют, ваше величество.

Александр подумал, что не напрасно он восстановил тайную экспедицию, и отложил листок в сторону.

В самом конце декабря в морозный ясный день министр иностранных дел князь Чарторыйский и министр коммерции граф Румянцев докладывали императору о посольстве Николая Петровича Резанова в Японию.

Донесение князя Чарторыйского о неудаче посольства к японскому императору Александр Павлович встретил спокойно. Все это теперь казалось далеким, где-то за тридевять земель.

— Что ж, — сказал он, — насильно мил не будешь. Подождем. А где мой камергер Резанов?

— Он остался в Америке, для образования тамошнего края.

— А-а, очень жаль... Он просил меня перед отъездом определить сына в Пажеский корпус. Проверьте, граф Николай Петрович, где его сын?

— Слушаюсь, ваше величество!

— Меня беспокоит, ваше величество, — сказал князь Чарторыйский, — донесение камергера Резанова от восемнадцатого июля.

— Что вас беспокоит, князь?

— Позвольте вам напомнить, ваше величество, вот здесь, — Чарторыйский указал на подчеркнутое красным карандашом место в донесении. — Резанов пишет: «Я не думаю, чтобы ваше императорское величество вменяли мне в преступление, когда, имея теперь достойных сотрудников, каковы господа Хвостов и Давыдов, и помощью которых выстрою суда, пущусь на будущий год к берегам японским разорить на Матмае селенье их, вытеснить их из Сахалина и разнести по берегам страх...»

— Пустое затевает Резанов. — Император вынул платок и, скрывая зевок, сделал вид, будто вытирает лицо.

— Послушайте дальше, ваше величество. «...Между тем услышал я, что они и на Уруппе осмелились учредить факторию. Воля ваша, всемилостивейший государь, накажите меня как преступника, что, не сождав повеления, приступаю я к делу, но меня еще более совесть упрекать будет, ежели пропущу я понапрасну время и не пожертвую собой славе твоей, а особливо когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих вашего императорского величества усмотрений!»

Князь Чарторыйский отложил бумагу и посмотрел на императора.

— Резанов честно служит мне, — подумав, сказал Александр. — Как служил моему отцу и моей бабушке.

— Это так, ваше величество, однако Резанов предлагает военные действия.

Воцарилось молчание.

— Что предлагаете вы, князь?

— Запретить Резанову самоуправство!

— А вы, граф? — император посмотрел на Румянцева.

— Думаю, государь, Резанов не совершит ничего противозаконного, вредного для престола. Он человек большого разума. Я уверен, им руководит забота о русских землях.

Последнее время император чувствовал к князю Чарторыйскому неудовольствие. Его мнение слишком часто расходилось с мнением государя.

— Не надо запрещать Резанову, но и поощрять не надо. Пусть действует по собственному разумению, — решил Александр Павлович.

На этом совещание закончилось.

Тем временем войска под предводительством Кутузова возвращались в Россию. На протяжении всего пути к армии присоединялись солдаты, ушедшие из-под Аустерлица. Одни приносили знамена, сорванные ими с древков на поле боя, другие дорогами почти непроходимыми привозили на себе пушки.

Убитых в русской армии насчитывалось свыше двадцати пяти тысяч. Более семи тысяч осталось в европейских госпиталях.

Победа при Аустерлице открыла Наполеону дорогу на восток.

Император Александр выразил свое неудовольствие некоторым участникам Аустерлицкого сражения. Графу Ланжерону он разрешил просить увольнения от военной службы. Генерал Пршибышевский, взятый в плен, был отдан под суд и разжалован в солдаты. Та же участь постигла генерала Лошакова.

Генерала Кутузова император надолго лишил своего расположения. И хотя Михаил Илларионович был награжден орденом Владимира первой степени, назначение его в Киев военным губернатором было как бы почетной ссылкой.

Не были забыты и два батальона Новгородского мушкетерского полка, в день сражения бежавших мимо государя и не обративших внимания на его призывы.

— Они покрыли себя бесславием, обратясь в бегство, — сказал император и повелел штаб— и обер-офицерам обоих батальонов носить шпаги без темляков, нижним чинам тесаков не иметь и к сроку их службы прибавить по пяти лет.

Император Наполеон в своих воспоминаниях очень высоко оценил мужество и стойкость русских солдат и офицеров, не по своей воле попавших в невыгодное положение при Аустерлице.

Глава двадцать девятая. НИ В ЧЕСТЬ, НИ В СЛАВУ, НИ В ДОБРОЕ СЛОВО

Сегодня император Александр был в мундире Преображенского полка. На правом плече висел аксельбант. Панталоны белые, лосиные и шарф вокруг талии. Короткие ботфорты. Император был при шпаге. Он в задумчивости сидел на низком диванчике в туалетной комнате, где совсем недавно на заседаниях «комитета общественного спасения» происходили горячие споры по вопросам государственного устройства. После Аустерлица все кончилось. Император больше не призывал своих друзей на интимные заседания. Он считал теперь детской забавой многое из того, что представлялось раньше важным и нетленным. «Ограничение власти императора... — думал Александр. — Как я мог говорить об этом! Конституция... Боже мой!» Незаметно для самого себя он отказался от порядков, созданных им в начале царствования.

Редко императору Александру удавалось побыть одному. Всегда возле него толпились люди. Но сегодня он обещал свидание своему другу Адаму Чарторыйскому.

Император несколько раз с нетерпением поглядывал на часы.

В четыре часа в туалетной комнате появился Адам Чарторыйский. Князь был в черном штатском сюртуке, побледневший, осунувшийся.

Император приподнялся и обнял его.

— Дорогой князь, садитесь вот здесь, рядом со мной... Что случилось, что вы хотели мне сказать? — Александр казался озабоченным.

— Ваше величество, могу ли я говорить откровенно, как было прежде?

— Конечно, дорогой князь!

— Я не разделяю ваших убеждений, ваше величество, относительно Пруссии.

— В чем именно?

— Правительство Пруссии не заслуживает доверия. Прусский король лестью пытается усыпить вашу осторожность.

— Но, дорогой князь...

— Доверяясь Пруссии и слепо подчиняясь ее внушению, Россия готовит себе неминуемую гибель. — Бледное лицо министра покрылось красными пятнами.

— Мой друг, Фридрих-Вильгельм, уверял меня в своей дружбе.

— В то время когда герцог Брауншвейгский уверял вас в дружбе своего короля, граф Гаугвиц подписал в Париже тайный договор с Бонапартом, крепко связывающий Францию и Пруссию. Первая статья этого договора обязывает Пруссию не отдаляться от Франции и помогать ей всеми силами во всех войнах, — зло сказал Чарторыйский.

— Вы же знаете, дорогой князь, что Фридрих-Вильгельм согласен подписать союзную декларацию в обмен на мою...

— Ваше величество, подписав декларацию, Пруссия поставит себя в положение невыносимое, которому нет примера в истории дипломатических сношений. В одно и то же время Пруссия будет состоять в союзе с Францией против России и с Россией против Франции. Кого же из этих двух держав Пруссия готова обмануть?

Император Александр молчал.

— Ваше величество, нам удалось добыть секретный документ, письмо в Париж графа Гаугвица. — Адам Чарторыйский вынул из портфеля лист бумаги синеватого цвета.

— Прочитай, мой друг, что там написано?

— «Если бы Наполеон мог читать в сердце короля, то убедился бы, что не существует в мире человека, на которого он мог бы более положиться, чем на Фридриха-Вильгельма...»

— Читай громче, мой друг, ты знаешь мой недостаток. — Император приложил к уху ладошку.

— Совсем ничего не слышу.

— «...положиться, чем на Фридриха-Вильгельма». Вот как он рассуждает: Франция могущественная, и Наполеон муж века. Воссоединившись с ним, могу ли я опасаться чего-либо в будущем?

— Не может быть! — Император вспыхнул. — Гаугвиц клеветает на своего короля. С Фридрихом-Вильгельмом нас связывают давние узы дружбы. Но чего хотите вы? Впрочем, я

знаю! Восстановления Польского государства.

— Да, восстановить Польшу в прежних пределах. Но это не цель, ваше величество, но только средство. Чтобы низвергнуть Наполеона, недостаточно обладать военной силой. Необходимо противопоставить политике завоеваний принципы справедливости и законности. Ваше величество, справедливость и законность должны быть для всех одинаковы. Почему вы хотите защитить всех монархов и все престолы в Европе, кроме польского? Провозгласив восстановление Польского королевства, Россия сделалась бы хранительницей международного права, порядка и свободы!

— Вы мечтатель, мой друг. Я хорошо понимаю ваши патриотические чувства, они по-прежнему священны и для меня. Однако дружба прусского короля...

— Ваше величество, — с тоской сказал Чарторыйский. — Я уверен, что не союз с Пруссией, но война с ней России и Польши есть залог победы над Наполеоном.

— Но это невозможно!

— Я прошу, ваше величество, освободить меня от обязанностей министра, — твердо сказал Чарторыйский, глядя в глаза императору. — Они слишком тяжелы для меня. Природному поляку трудно руководить иностранными делами России.

— Я поклялся в вечной дружбе королю прусскому перед гробом великого Фридриха и нарушить свою клятву не могу. Мне очень жаль, дорогой князь, но я вынужден принять отставку. В остальном мы будем друзьями по-прежнему.

Князь Чарторыйский отвесил низкий поклон и вышел из туалетной комнаты, стены которой были свидетелями иных разговоров и клятв.

После ухода князя император продолжал сидеть на диване, обитом китайским шелком. Он вспомнил время, когда сочувствовал политике князя Чарторыйского и склонялся к мысли о разрыве с Пруссией.

Но все обернулось не так, как предполагал сам император и окружавшие его лица. А почему, он и сам не знает. Может быть, торжественный прием в Берлине настроил его на дружественный лад? Прусский король, как и прежде, в Мемеле распростер дружеские объятия. Не менее благосклонно к нему отнеслась и королева Луиза, за которой император скромно и благоговейно ухаживал.

Князь Петр Долгоруков торжествовал победу³⁵. Князь Адам Чарторыйский отступил на второй план.

С тех пор прошло более года. После аустерлицкого поражения Пруссия повернулась спиной к Александру. Клятвы у гроба Фридриха были забыты. Но, заключив союзный договор с Наполеоном, Пруссия не нашла успокоения. Англия объявила ей войну из-за Ганновера, полученного из рук Наполеона. Англичане задерживали прусские корабли, находившиеся в английских портах, и число их дошло до четырехсот.

В английском парламенте пруссаков оскорбляли, называя их поступки презренным раболепством перед Бонапартом. В Берлине гвардейские офицеры осуждали свое правительство. Желая высказать свое мнение, они по ночам острили сабли на ступенях крыльца французского посольства. Толпа три раза выбивала стекла окон в доме министра графа Гаугвица, поборника союза с Наполеоном.

Торговля Пруссии сократилась, промышленность пришла в упадок. Пользуясь ее затруднительным положением, Наполеон решил окончательно прибрать Пруссию к своим

рукам и стал выискивать повод к началу войны. Он препятствовал образованию северного союза, не отвечал на соответствующие письма короля и в переговорах с Англией предложил вернуть ей Ганновер, ранее переданный Пруссии.

Летом 1806 года император Наполеон, писали историки, стоял на высшей ступени своего могущества, и снова Западная Европа покорно склонилась перед ним. На развалинах Римской империи возникла империя Французская. Старая монархическая Европа без сопротивления признала его братьев королями, родственников и слуг — князьями и герцогами.

Что говорить, обстановка в Европе тревожная. Александру приходилось выслушивать много разных советов, и зачастую противоречивых. Больше всего он боялся быть побитым Наполеоном, а новая схватка с французами казалась неизбежной.

Мысли императора вдруг приняли более приятное течение. Он вспомнил Машеньку Нарышкину, давнишнюю свою приятельницу.

Раздумья императора прервали удары башенных часов. Пробило шесть. Неприятное чувство не покидало его. Ушел в отставку старый друг князь Адам. Отставка была неотвратима и справедлива. Слишком много нареканий от придворных на его польский патриотизм. И вел он себя несколько развязно в присутствии своего императора. И все же в глубине души Александр сожалел: вряд ли кто выскажет свое мнение так прямо и откровенно, как это делал князь Адам... Но кому все-таки быть министром? В прошедший четверг, вспомнил император, был разговор с императрицей-матушкой и графом Ливеном, и они настоятельно советовали назначить управляющим иностранными делами генерала барона Будберга. Барон был немедленно вызван из своего лифляндского поместья и сейчас должен находиться в Петербурге.

Александр звякнул серебряным колокольцем.

— Барона Будберга ко мне! — сказал он, не оборачиваясь к адъютанту.

Через несколько минут барон Будберг, курносый и лупоглазый генерал, стоял возле императора, польщенный тем, что вызван в туалетную комнату, про которую ходило столько легенд.

— Садитесь, Андрей Яковлевич. — Император показал ему место возле себя, где недавно сидел Адам Чарторыйский. — Назначаю вас министром иностранных дел, — чуть помедлив, добавил он. — Что скажете?

— Не смею возражать, ваше величество, готов служить вашему величеству всеми силами.

— Хочу знать ваше мнение, барон. Велика ли военная мощь Пруссии? Справится ли она с Бонапартом?

Барон Будберг выразил презрение на своем простоватом лице.

— Вряд ли, ваше величество. Уже сорок четыре года Пруссия не участвовала в военных действиях. Прусские генералы помнят войну только по преданиям. Они не следили за успехами военного искусства, оставаясь в застарелых понятиях Фридрихова века...

Будберг запнулся. Он понял, что совершил ошибку. Император был явно недоволен его словами. Он вспомнил про непоколебимую преданность Александра прусской монархии.

— Но это исправимо, ваше величество, — поторопился барон. — Если приспичит и генералы возьмутся за голову, то и Бонапарту придется туго. Я совершенно уверен в этом.

— Принимайте дела у князя Адама Чарторыйского. Всегда помните первый пункт моей секретной декларации. Употреблять постоянно большую часть наших сил на защиту Европы и все силы нашей империи на поддержание независимости и целостности прусских владений. — Император строго посмотрел на Будберга.

— Слушаю, ваше величество, всегда буду помнить первый пункт секретной декларации.

Беседа не была длинной. Через четверть часа сияющий от царской милости барон был в толпе царедворцев. Его обнимали, поздравляли, жали руки. Было известно, что барон не хватает с неба звезд. Больше того, говорили, что барон принадлежит к тем ласкателям и царедворцам, которые мыслят только по приказанию. Но это никого не беспокоило.

Вскоре новым русским посланником при прусском дворе стал граф Штакельберг.

Забегая несколько вперед, скажем, что вступление барона в управление дипломатическим ведомством повлекло за собой значительные изменения в личном составе. Число немцев быстро возросло, и вскоре они сумели оттеснить на задний план игравших до этого видную роль всех других иностранцев. В то же время все они дружно выживали из дипломатических рядов прирожденных русских.

Утверждали, что при министре Будберге только лица немецкого происхождения почитались имеющими высшее достоинство. Немецкая партия при дворе по-прежнему была сильна и многочисленна.

Вечером в Зимнем дворце гремел оркестр, в залах горели тысячи свечей. По случаю тезоименитства вдовствующей императрицы Марии Федоровны был устроен бал. В десять часов вечера в залу вошел император Александр. Он был в мундире, ботфортах и лосиных штанах, плотно облежавших его жирные ляжки. Кукольная красота императора, его русые кудри, как всегда, производили неотразимое впечатление на придворных дам немецкого происхождения. Сопровождаемый обер-гофмейстером графом Толстым и генерал-адъютантом Ливеном, он прошествовал по залу, обозревая в лорнет млеющих от восторга красоток.

В кресле под портретом императрицы Екатерины в тяжелой золотой раме, задумавшись, сидел министр коммерции Николай Петрович Румянцев. Он поднялся навстречу императору.

— Рад вас видеть, Николай Петрович. Есть ли известия от моего посла Резанова? — спросил Александр. — Граф, вы, наверное, прячете камергера? Где он? Воюет с японцами на Сахалине или Курильских островах?

— Последнее письмо, ваше величество, только получено, — кланяясь, ответил Румянцев. — Резанов пишет, что покинул Ново-Архангельск на Ситке и с бригам «Юнона» отплыл в Калифорнию.

— Куда? Я не расслышал, граф! — император приложил к уху ладонь.

— В Калифорнию, ваше величество!

— Непоседа! Но для чего же он отплыл туда?

— На Ситке голод. Умирают люди. Николай Петрович решил привезти кормовых припасов, чтобы подкрепить край.

Император помолчал.

— Когда вернутся в Петербург наши корабли, с которыми ушел в Америку Резанов? Прошло три года.

— Мы ждем их каждый день, ваше величество.

— Ах да, камергер Резанов просил определить своего сына в Пажеский корпус, — забеспокоился император. — Надо исполнить, граф.

— По вашему повелению, государь, он зачислен в Пажеский корпус.

— Очень хорошо, я доволен.

Император прошествовал дальше, по-прежнему сопровождаемый обер-гофмаршалом Толстым и генерал-адъютантом Ливеном. Он часто останавливался и лорнировал танцующих.

На особом кресле, похожем на трон, сидела вдовствующая императрица Мария Федоровна, еще больше располневшая, окруженная со всех сторон царедворцами. Ее белую, жирную шею украшали две нитки огромных жемчужин. Императрица занимала блестящее положение в Петербурге. По улицам столицы ездила в парадной карете, запряженной шестеркой гнедых жеребцов, или скакала верхом в мужском костюме, подражая императрице Екатерине. Молодой император относился к матери нежно и почтительно. Но в то же время он не прощал ей неудачную попытку завладеть престолом после смерти мужа. Все ее письма подвергались просмотру, и о всяком подозрительном слове было известно императору. Возле Марии Федоровны группировались недовольные, они превозносили ее до облаков. В эти тревожные дни она возглавила противников Наполеона и вдохновляла немецкую партию.

Александр поклонился матери и почтительно поцеловал ее пухлую, сдобную руку. Он еще утром, в интимной обстановке, поздравил ее с днем ангела, а сейчас подчеркивал свои нежные сыновние чувства перед Петербургом и Европой.

— Надеюсь, ваше здоровье по-прежнему не вызывает опасений?

— Благодарю, ваше величество.

Император подошел к своей жене Елизавете Алексеевне, сидевшей в кругу придворных дам. Глаза у нее были красные, заплаканные. Александр знал, в чем тут дело. Недавно умер ее любовник ротмистр конногвардейского полка Алексей Охотников. Он получил удар кинжалом при выходе из театра и вскоре умер. Говорили, что убийца был подослан великим князем Константином, оскорбленным невниманием Елизаветы Алексеевны к его чувствам.

— Дорогая, как твое здоровье? — целуя руку императрицы, спросил Александр. — Все ли хорошо у тебя?

Императрица ничего не ответила. Она молча склонила голову. На этом ритуал был окончен. Император прошествовал дальше.

Прищурив заплывшие глазки, вдовствующая императрица смотрела вслед удалявшемуся императору. Нет, она не уважала своего сына. Слишком молод и недостаточно внимателен к матери. Однако она получала миллион рублей в год на свое содержание. Миллион — это в государстве, где многие чиновники получали тридцать шесть рублей годового жалованья, где можно было нанять повара с женой-прачкой всего за три рубля в месяц. Главный правитель Российско-Американской компании Баранов, вместе со всеми русскими, кадьяками и алеутами, работая в тяжелейших условиях, вряд ли мог получить миллион рублей чистой прибыли ежегодно.

Капитан-лейтенант Крузенштерн был неприятно удивлен, не увидев на рейде острова Святой Елены знакомых очертаний второго корабля экспедиции — «Невы». Перед тем как потерять друг друга у южных берегов Африки, Лисянский получил приказ соединиться кораблям

именно в этом порту.

Погода стояла превосходная, небо чистое, без облаков. Перед глазами маленький городок, лежавший между двух гор. Единственная улица вымощена камнем, чиста и опрятна. Каменные домики построены в английском вкусе, ярко освещены солнцем. Перед губернаторским домом, отличавшимся от остальных по величине, разбит небольшой сад. Близ набережной стояла островерхая каменная церковь.

Причалов у берега не было, зато на защищенном от ветра рейде стоянка для кораблей спокойная. Грунт — ил с песком, и якоря держат превосходно.

Находясь с визитом у губернатора, Крузенштерн узнал, что Россия и Франция воюют между собой. «Газеты недавно сообщили, — говорил губернатор, — что на русские суда, стоявшие во французских портах, наложен арест, грузы конфискованы, а моряки брошены в тюрьму».

Иван Федорович вернулся на корабль в растерянности. «Как быть дальше? — раздумывал он. — Куда направить свой путь, как избежать встречи с французами?»

Газеты много писали о славе и мужестве императора Наполеона, и никто не мог подумать, что через несколько лет он будет побежден русскими войсками и закончит свои дни на этом скалистом острове...

Ночью вахту стоял лейтенант Головачев, отличный моряк. Как мы помним, он оказался единственным офицером, осудившим поведение командира Крузенштерна и своих товарищей во время столкновения на шканцах «Надежды» с начальником экспедиции Николаем Петровичем Резановым.

Утром, в восемь часов, Крузенштерн съехал на берег.

В каюту купца Федора Шемелина неожиданно вошел сменившийся с вахты лейтенант Головачев. В руках у него был небольшой бюст из дерева. Странно, но молодой лейтенант и умудренный годами купец подружились за время плавания.

— Дорогой Федор Иванович, — сказал лейтенант, — вот мой бюст, что мне сделал китаец в Кантоне. Будьте добры, поберегите его. Ко мне в каюту иногда попадает вода, и я боюсь, что бюст подмокнет и испортится. А главное, вот конверт, здесь важные для меня бумаги, сохраните их.

Поблагодарив, лейтенант ушел.

Федор Иванович прочитал надпись на конверте и удивился.

«Приход в Кронштадт может раскрыть сию печать, и каждому да отдастся по принадлежности», — было на писано на конверте. И еще ниже: «Бюст мой старшему по чину принадлежит».

Федор Иванович счел необходимым попросить разъяснения. Лейтенанта Головачева он нашел на шканцах.

— Что за премудрая надпись на вашем конверте? — спросил купец. — Конечно, у вас прежняя химера не вышла еще из головы и вы все так же собираетесь умереть?

— Не смущайтесь, друг. Я, право, потерял все мое здоровье. Моя изнемогшая натура едва ли перенесет сей путь. Дай бог, чтобы я жив был, но ведь это делается для всякого случая.

Федор Иванович поверил его словам и больше ни о чем не спрашивал.

— Отгадаете ли вы, кому бюст мой назначен?

— Как не отгадать! Конечно, ежели случится, что вы и в самом деле умрете, то кому другому приличнее, как не родителям вашим.

— Нет!

— Тогда брату?

— Нет!

— Ну, так неотменно, любимому вашему предмету.

— Никак нет..

— Ну, так я уж за тем ничего больше не знаю.

— Николаю Петровичу Резанову, — ответил Головачев.

— Да ему на что? Что ему будет в бюсте вашем? Неужели вы думаете, что вы записаны в вельможецкие друзья?

— Нет, я не думаю, но Николай Петрович сам будет знать, для чего я это делаю.

Так закончился разговор на шканцах. Лейтенант Головачев пошел в свою каюту, а купец Шемелин в свою.

Прошло тридцать минут. Шемелин снова вышел на шканцы и стал смотреть, как астроном Горнер делает зарисовки города. И вдруг из кают-компания послышался стук, похожий на то, как будто на палубу уронили что-то тяжелое.

— Выстрел, — обеспокоенно сказал Горнер и тотчас побежал в кают-компанию.

Через несколько минут стало известно, что застрелился лейтенант Головачев.

Шемелин онемел от ужаса и неожиданности. Собравшись с силами, он решил все увидеть своими глазами и вошел в каюту.

Лейтенант лежал навзничь, поперек постели. Кровь лилась из его рта. Верхняя губа была разорвана, несколько зубов выбито. Пистолет лежал перед ним на комод. Пистолет без курка, вместо него был вставлен фитиль из тонкой тряпки. Головачев нарочно снял курок и употребил фитиль, дабы выстрел произошел наверняка.

Тело Головачева вынесли на шканцы, обмыли и одели по правилам. Вызванный с берега командир Крузенштерн дал приказ сделать опись вещей, ему принадлежавших³⁶.

Между бумагами в комод нашли запечатанное письмо — конверт на высочайшее имя государя императора, потом командиру Крузенштерну, старшему лейтенанту Ратманову, Ромбергу, астроному Горнеру и Тилизиусу.

Губернатор острова разрешил похоронить Головачева на общем кладбище. В три часа дня все было готово к погребению. Тело положено в дубовый гроб и перевезено на берег. На пристани ждал церковник, посланный от пастора. Он накрыл гроб черным покрывалом. Гроб несли восемь матросов. Крузенштерн и Ратманов шли перед гробом. Четверо офицеров, по два с каждой стороны, придерживали траурное покрывало. Остальные шли сзади.

После отпевания в церкви, совершенного местным пастором, тело Головачева под ружейные залпы было опущено в землю.

Император Наполеон, мятущийся в одиночестве на острове, наверно, не раз останавливался у памятника, читал надпись над гробом русского лейтенанта.

«Четырехдневное пребывание наше у острова Святой Елены, — записал Крузенштерн в своем дневнике, — во всех отношениях весьма приятное, нарушилось печальным и совсем неожиданным происшествием. Второй лейтенант корабля моего, Головачев, благовоспитанный двадцатилетний человек и отличный морской офицер, лишил сам себя жизни. За час прежде того при отъезде моем с корабля на берег казался он спокойным, но едва только приехал я на берег, то уведомили меня, что он застрелился. Я поспешил на корабль и нашел его уже мертвым. Со времени отхода нашего из Камчатки в Японию приметил я в нем перемену. Недоразумения и неприятные объяснения, случившиеся на корабле нашем в начале путешествия, о коих упоминать здесь не нужно, были печальным к тому поводом. Видя все более и более усиливающуюся в нем задумчивость, тщетно старался я восстановить спокойствие душевного его состояния. Однако никто не помышлял из нас, чтобы последствием оной могло быть самоубийство, а особенно перед окончанием путешествия. Я надеялся, что он по возвращении своем к родителям, родным и друзьям скоро излечится от болезни, состоящей в одной расстроенности душевной. На корабле не предвиделось к тому никакой надежды, ибо ни я, при всем моем участии и сожалении о его состоянии, ни сотоварищи не могли приобрести его доверенности. Все покушения наши к освобождению его от смущенных мыслей оказались тщетными...»

Лейтенант Головачев окончил жизнь самоубийством. Что же послужило причиной его поступка? Прямых свидетельств нет, письма его не опубликованы. Однако, судя по запискам Федора Шемелина и командира Ивана Крузенштерна, можно сделать некоторые выводы. Несомненно, Головачев был высоко порядочным человеком и не мог пойти ни на какие сделки со своей совестью. Он один осмелился осудить грубые выходки своих товарищей-офицеров против начальника экспедиции Резанова. Получилось, что Головачев был невиновен в отвратительных событиях на шканцах «Надежды». Можно предположить, что пришлось вынести ему на обратном пути в Петербург. Офицеры «Надежды» вполне справедливо считали, что их призовут к ответу, ведь оскорблению подвергалась личность императора, и готовились к защите.

Препятствием на их пути стоял Петр Головачев. Он считал, что виноват в нарушении правил товарищества, и в то же время знал, что не может совершить бесчестный поступок...

Крузенштерн проявил осторожность. Он был уверен, что безопаснее пройти в Балтийское море и Петербург не через пролив Ла-Манш, где могли встретиться французские корабли, но вокруг Шотландии. * * *

Первым из трехлетнего плавания в Кронштадт пришел корабль «Нева». В июне и Лисянский был предупрежден английским кораблем о военных действиях между Россией и Францией. Однако Юрий Федорович не побоялся встречи с французами, приказал изготовить артиллерию и продолжал идти намеченным курсом.

«23 числа поутру мы, приближаясь к предмету своего отечества, — писал приказчик Николай Коробицын в своем отчете, — нетерпеливо желали удовольствоваться зрением наше оным. Тогда для нас и час казался за день. В восемь часов в какое мы пришли восхищение, когда открылся Кронштадт глазам нашим! Тогда всякий с восторгом и чувствительностью приносил благодарение всевышнему вождю, управляющему плаванию наше. В половине девятого часу достигли мы Кронштадтской рейды и в расстоянии 1/2 мили от гавани встали на якорь. В девять часов салютовали с корабля Кронштадтской крепости тринадцатью выстрелами пушек, на что с одной ответствовало нам равным числом выстрелов. Стены уже Кронштадтской гавани наполнены были множеством обою зрителей, а корабль наш тот же час окружен был приезжающими из Кронштадта шлюпками...

25 числа корабль наш вошел в усть-канал Кронштадтской гавани для выгрузки из него товаров. Сего дня приезжали к нам из Петербурга министр коммерции граф Николай Петрович Румянцев и граф Строганов.

26 числа в восемь часов утра его величество государь император удостоил корабль наш «Неву» своим высочайшим присутствием, и угодно было его величеству осчастливить нас своим благоволением остаться у нас на корабле завтракать, для чего изготовлена была часть оставшейся от вояжу служительской солонины, сухарей и воды, полученных нами в Кронштадте при отправлении в вояж... В продолжении завтрака я имел счастье говорить с его величеством о китайской в Кантоне коммерции, о товарах, полученных нами на вымен от китайцев. В десять часов его величество отбыл с корабля нашего обратно в Петербург на шлюпке без всякой церемонии».

На пути из Кронштадта император был оживлен, ласково беседовал с графом Румянцевым и морским министром адмиралом Чичаговым.

— Как прикажете поступить с Крузенштерном, ваше величество? Скоро «Надежда» прибудет в Кронштадт, — спросил Чичагов.

Александр Павлович погрузился в раздумье.

— Я, право, не знаю, что делать, — сказал он по-французски. — Пожалуй, господа, отложим разбор событий на шканцах «Надежды» до возвращения Резанова... А может быть, не станем пачкать столь прекрасное начало. Мой адъютант граф Толстой советовал закрыть глаза... Да и сам Резанов просил простить виноватых.

Опять наступило молчание. И граф Румянцев и министр Чичагов понимали щекотливое положение Александра Павловича. Если все, что писал Резанов, правда, то офицеры оскорбили на шканцах особу самого императора.

— Как прикажете, ваше величество, — склонил голову министр Чичагов. — Вы вольны казнить и миловать.

9 августа корабль «Надежда» отдал якорь на Кронштадтском рейде, находясь в отсутствии три года и двенадцать дней.

Можно представить, как был разгневан капитан Крузенштерн, узнав, что «Нева» пришла первой и давно стоит у кронштадтского причала.

Это навсегда испортило отношения между командирами. * * *

«С.-Петербургские ведомости»,

№ 71, 1806, вторник 4 сентября

Высочайшие его императорского величества рескрипты, данные на имя флота капитан-лейтенантов Лисянского и Крузенштерна.

1

Флота капитан-лейтенанту Лисянскому

По совершению вами благополучного плавания кругом света, к чему вы призваны были нашею волею, мы останемся уверенными, что память того отличного подвига достигнет и до грядущего потомства. Оставляя ваши заслуги собственному достоинству и между тем желая облечь их в то отличие, какое принадлежит делам знаменитым, мы возводим вас в сословие кавалеров ордена святого Владимира 3-й степени, в той мысли, чтобы перед лицом

отечества ознаменовать меру монаршего нашего к вам благоволения.

Препровожденные знаки ордена повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению.

Дан в Петергофе июля в 27 день 1806 г .

На подлинном подписано собственной его императорского величества рукой: Александр.

2

Флота капитан-лейтенанту Крузенштерну

Совершив с вожделенным успехом путешествие кругом света, вы тем оправдали справедливое о вас мнение, в каком с воли нашей было вам вверено главное руководство сей экспедицией.

Есть ли потомству принадлежит имя, какое вы себе стяжали, нам принадлежит в лице вашем поощрить незабвенный пример, какой предначертано нами дать для России на торговом поприще и другого полушара. Торжественному тому свидетельством да будет монаршее наше благоволение, в ознаменованье которого облачаем вас в третий класс ордена святого Владимира.

Жалуемые знаки повелеваем возложить на себя, носить по установлению.

Дан в Санкт-Петербурге августа в 10 день 1806 г .

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою: Александр.

Рязанские, ярославские, московские и архангельские мужики, ходившие на «Надежде» и «Неве» в далекое плавание, с честью оправдали звание русского матроса. Это на их долю выпало самое трудное: убирать и ставить промокшие, тяжелые паруса в бурную погоду. Вопреки мнению иностранцев, русские матросы отлично выносили тропическую жару, пересекая экватор... Пожалуй, кругосветное плавание убедило весь мир в высоком морском мастерстве и величии духа русского народа.

Через несколько дней в «С.-Петербургских ведомостях» была напечатана краткая заметка:

«Корабли „Надежда“ и „Нева“, которые под флагом российским назначены были для путешествия кругом света, вышли с Кронштадтской рейды 26 июля 1803 года под руководством известного капитана Крузенштерна. Действительному камергеру Резанову, который находился на первом из сих кораблей, вверены были политические по торговле намерения. Сия экспедиция заключала в своем числе также ученых людей по части естественной истории... К чести управляющих кораблями должно прибавить, что во все трехлетнее путешествие на „Надежде“ не потеряно ни одного человека. Из экипажа на „Неве“ умерло только два человека. Излишне было бы здесь повторять о достоинствах того и другого капитана, г-д Крузенштерна и Лисянского, коих заслуги столь примечательно возглашены в высочайших рескриптах, которые в номере 71-м сих ведомостей уже напечатаны».

Прочитав заметку, главный директор правления Михаил Матвеевич Булдаков долго не мог успокоиться. От обиды защемило сердце. Как легко император отказался от своих прежних слов и обещаний! Можно ли верить кому-нибудь на этом свете?! Проглотив дозу сердечных капель, он очинил перо и принялся писать письмо в далекую Русскую Америку, Николаю Петровичу Резанову.

В феврале на индейском острове зазеленела трава. Появились первые весенние цветы. Солнце светило ярче и грело. В воздухе запахло водорослями и прелью от гниющих прошлогодних листьев.

Старейшины племени стали чаще собираться в большой бараборе. Оттуда доносились громкие голоса. Индейцы спорили, доходило чуть не до драки.

В дождливое февральское утро жителей поселка разбудил пушечный выстрел. Выглянувшие из домов индейцы увидели парусное судно.

Это был зеленый бриг капитана Роберта Хейли. Бриг стоял на якоре, матросы убирали на нем паруса.

По приказу вождя охотники стали грузить бобровые шкуры на баты. Погрузили на десять батов пятьсот превосходных шкур и двинулись к стоявшему на якоре бригу. Подойдя к борту, индейцы запели приветственную песнь, а Ютрамаки тем временем взобрался на палубу.

На шканцах его встретил капитан Роберт Хейли. В руках он держал большую подзорную трубу. Осторожный англичанин внимательно наблюдал за всеми действиями индейцев. Из кармана камзола торчала Библия.

— Здравствуй, Ютрамаки, ты ведь говоришь по-английски.

— Здравствуй, капитан.

— Ну, зайдем в каюту, выпьем по стаканчику рома.

— Что ж, я не против.

В каюте капитан налил по стаканчику себе и гостю.

— Ютрамаки, ты, наверное, единственный индеец, у которого есть штаны. Смотри-ка, шляпа и куртка, совсем европеец. Только вот не хватает сапог. Я давно хотел спросить, как вы, индейцы, можете совсем босыми ходить в лесу или по камням.

— Кто к чему привык, — уклончиво ответил Ютрамаки. — Мне было бы жарко носить столько одежды, сколько надето на тебя.

— Ну ладно, это к делу не относится... сколько привез мне бобровых шкур на продажу?

— Тысячу шкур.

— О-о-о, превосходно... Я тебе привез подарок, Ютрамаки, черного раба, молодого мужчину, у него черная кожа.

— Черного? Вот такого, как этот стол? — индеец указал на стол из черного дерева.

— Да, совсем такой. Наверное, еще чернее.

— Я тоже тебе приготовил подарок. Пойдем, капитан, посмотрим бобровые шкуры. Они на батах.

Чтобы лучше рассмотреть бобров, капитан вышел на шканцы и только успел наклониться, как вождь воткнул ему в грудь кинжал. Двумя выстрелами из пистолета он убил помощника —

Ричарда Мейлза — и суперкарго.

Притаившиеся на батах индейцы бросились на бриг. Они как кошки карабкались по борту, помогая друг другу. На палубе началась свалка. Матросы успели выстрелить три раза из фальконета, но без всякого успеха.

Индейцы хозяйничали на бриге. Они доставали людей из кубрика, снимали с мачт, убивали и бросали в море. Англичане отбивались как львы. Индейцы падали, сраженные пулями, под ударами топоров и ножей. Матросы Том, Вилли и Джек сопротивлялись с особым упорством и уложили много врагов. Палуба была залита кровью и завалена трупами.

Через час сопротивление окончилось, англичане были уничтожены. Начался грабёж. Весь день из трюмов брига на берег перевозились всевозможные товары. Покойный капитан Хейли накупил в Кантоне много всякой всячины.

Слепцов и остальные русские мореходы, живущие в селении, не понимали, почему началась стрельба. Думали, что капитан обижает индейцев. Но когда воины привезли на первых батах скальпы и ром, Слепцов догадался, что произошло. Вечером началось великое празднество. Пели песни, ели и пили. Танцоры выходили в боевом убранстве, со скальпами побежденных, болтавшимися у пояса. Только через три дня закончился праздник.

— Слепцов, — сказал вождь Ютрамаки, утомленный плясками, — я убил много врагов и захватил богатую добычу. Об этом должен знать отец моей жены, великий вождь якутатского племени. Я хочу поделиться с ним ромом, ружьями и еще чем-нибудь.

— Хорошо, — сказал Тимофей Федорович. — Но зачем ты погубил столько людей? Ведь англичане отомстят тебе.

— Посмотри на крепость... Пусть только придут сюда бледнолицые, и я сумею обратить их в бегство.

Тимофей Федорович подумал, что англичане сами виноваты. Не надо было продавать оружие и порох индейцам. Правитель Баранов много раз предупреждал об этом английских и бостонских капитанов. Но обычно капитаны отвечали так: «Мы идем из дальних мест. У нас одна забота — хорошо заработать. Никто нам не говорил, что оружием здесь нельзя торговать, и мы будем менять и порох и пушки на бобровые шкуры, если это выгодно».

— Если ты хочешь поделиться с тестем, — сказал он, — это похвально. Родственников не надо забывать.

— Слепцов, я хочу поручить твоему начальнику и тебе привести бриг к селению отца моей жены. На нем я привезу подарки. Мы устроим опять праздник.

Тимофей Федорович сразу смекнул, что такой прекрасный случай нельзя упускать. Самое главное — добраться к своим. Но прежде всего выручить из плена русских и кадыякцев.

— Дело хорошее, — подумав, сказал он. — Но для того чтобы привести бриг к якутатскому племени, нужны все русские, находящиеся в селении... И еще трое, которые живут на соседнем острове.

— Знаю, что управлять парусами вдвоем нельзя. Я выкуплю русских и заставлю их работать на бриге. Можете жить на корабле. — Индеец испытующе посмотрел на Слепцова. — Но не думайте, что Ютрамаки глуп, как женщина. На корабль я посажу моих воинов, они будут жить с вами.

— Ютрамаки — мудрый вождь. Я говорил это всегда. Когда ты хочешь отправиться в путь?

Индеец показал пальцы одной руки.

— Через пять дней бриг должен быть в море.

Вождь Ютрамаки исполнил свое обещание. И все русские и кадьякцы из команды галиота «Варфоломей и Варнава», оставшиеся в живых, были им выкуплены и собраны в одном месте.

Капитанской каютой завладели Иван Степанович Круков и Елена Петровна... Они топили чугунный камелек и днем и ночью. И долго не могли насладиться теплом и уютом. Каюта была обставлена превосходной мебелью: стол, шкаф, кресла. В отдельной спальне за занавеской обширная постель. В капитанской кладовке хранились запасы кофе, чая, сахара и, конечно, душистого рома самого высокого качества.

Иван Степанович отыскал морские карты и разный морской инструмент. В особом сундучке капитан хранил два хронометра. Был и добротный секстан, сделанный в Лондоне. Особенно Круков был рад мореходной тетради капитана Роберта Хейли. Тот был знающим и наблюдательным моряком, и записи его отличались большой точностью.

Перелистывая тетрадь, Иван Степанович нашел описание захода в Павловскую гавань, в Якутат, в Ситкинскую гавань и другие русские поселения. Тетрадь оказалась драгоценной находкой. На морской карте красными чернилами были отмечены индейские поселки, имена вождей и сколько там можно выменять бобровых шкур.

Приказчик Слепцов поселился в небольшой каюте помощника Мейлза и сочинял свои собственные записки. Остальные мореходы заняли места в кубрике, где раньше жили английские матросы.

Индейцы расположились в малом трюме, приспособленном для перевозки черных невольников. Там еще остались стальные наручники и колодки, сложенные в деревянном ящике у переборки.

Собравшись вместе, русские мореходы обрели уверенность. Каждый надеялся на скорое освобождение. Прежде всего промышленные отмыли кровь и грязь с палубы брига. Похоронили убитых англичан. Тимофей Федорович приказал осмотреть весь стоячий и бегучий такелаж и особенно тщательно паруса. Все оказалось в наилучшем порядке. Бриг всем понравился. Он был недавно построен и находился в умелых руках.

Теперь команда брига состояла из пятнадцати человек: одиннадцать русских, два кадьякца и две кадьякские женщины, подданные Российского государства.

Задымилась поварня, объявился умелец выпекать хлеб, благо в кладовках нашлось два десятка мешков белой муки.

В индейском поселке тоже шли приготовления. Опять призвали колдуна, и он предрек успешный поход. Все воины получили от вождя новые шерстяные одеяла. У каждого была деревянная маска, не пробиваемая пулей, и под плащом деревянные доспехи. Все воины вооружены отличными английскими ружьями, порохом, пулями. Раскраска была военная — черным цветом.

Через пять дней вождь Ютрамаки вместе с воинами перешел на бриг и расположился в большом трюме. Приближались индейцы к судну, как всегда, с песнями, обошли его три раза на батах, а уж потом взобрались на палубу. В трюм набилось около сотни индейцев, было тесновато, трюм пустовал только наполовину, там оставались товары, не нужные индейцам.

Ютрамаки приготовил подарки для якутатского вождя: несколько ящиков рома, порох и два

десятка новых английских ружей.

Погода благоприятствовала плаванию. С попутным ветром Иван Степанович снялся с якоря и взял курс на залив Якутат.

Вечером бриг миновал остров, у которого в прошлом году потерпел крушение галиот «Варфоломей и Варнава». На острове Круков в первый раз увидел вождя Ютрамаки. Глядя на черные скалы, торчавшие из воды, Иван Степанович вспомнил, как все произошло...

«Буду умолять министра морских дел, — думал Иван Степанович, — позволить покинуть сии дикие места и приехать в родной Петербург. Император Павел умер. Может быть, великодушный Александр отменит несправедливое наказание? Самое тяжелое преступление можно искупить страданием, выпавшим на мою долю».

Бриг повернул на запад. Обойдя южную часть острова Чирикова, Круков положил курс вдоль острова на север. Ровно через сутки открылась приметная гора Эджкомб, вершина ее дымилась. Отсюда начинался Ситкинский пролив. Иван Степанович показал Слепцову гору Эджкомб.

— Я бывал на Ситке и знаю место, где построена крепость архистратига Михаила, — сказал Круков. — Не повернуть ли нам на нее?

— Нет, так делать нельзя, — не согласился Слепцов. — Может быть, крепость захвачена колошами. Тогда мы попадем в скверное положение: на корабле враги и на берегу враги.

— Да, ты прав, Тимофей Федорович.

— Значит, идем в Якутатский залив.

— Да, идем. Там наша крепость. Там живут русские. Но как мы избавимся от проклятого Ютрамаки?

— Ютрамаки вовсе не плохой человек, — отозвался Слепцов. — Когда придем на место, увидим, как поступить. Сейчас ничего не придумаешь.

Бриг «Провидение», наполнив ветром все паруса, немного накренившись на левый борт, продолжал свой путь на север.

Недалеко от поворотного мыса, над которым высилась гора Эджкомб, вахтенные увидели два индейских бата: они шли наперерез. Когда бриг поравнялся с батами, Круков увидел сидевших в них колошей. Они что-то кричали и показывали на Ситкинский пролив.

— Зовут на Ситку, — догадался Иван Степанович. — Думают, что на нашем бриге агличане.

— Вы правы, сударь. Теперь я еще больше уверен, что крепость захвачена колошами.

На следующий день вечером мореходы увидели глетчерные льды, плавающие у входа в Ледяной пролив.

На баке брига появился вождь Ютрамаки в сопровождении старого индейца с длинными седыми волосами. Вождь был в своем обычном наряде: в куртке, штанах и пуховой шляпе.

Старик долго присматривался к берегам и, когда увидел высокий ледник, спускавшийся к берегу, оживился и стал указывать на него вождю Ютрамаки... Берег был пустынен. В подзорную трубу Иван Степанович увидел узкую полоску песчаного пляжа, протянувшуюся вдоль подножия ледника. На песке он заметил огромные валуны.

— Вождь Ютрамаки нас проверяет, не иначе. Старик индеец был в здешних местах.

Вскоре бриг поравнялся с черным мысом, лишенным растительности. Его поверхность была покрыта большими камнями. К северо-западу виднелась скалистая осыпь и водопад, низвергавшийся с каменного уступа.

К вечеру ветер переменился, подул с запада. Парусник сбавил ход. Похолодало. Над свинцово-черным морем закрубились седые клочья тумана. Неслышно, будто крадучись, молочная пелена окутала со всех сторон парусник. Туман заставил насторожиться мореходов. Иван Степанович не покидал шканцы.

Промокли, отяжелели паруса, струнами натянулись снасти. Все судно покрылось крупными каплями влаги. Только море по-прежнему было тихим. Туман глушил звуки. Тишина нарушалась лишь всплесками воды за бортом.

По счислению до Якутатского залива оставалось всего десять миль. Иван Степанович решил дождаться прояснения погоды и лечь в дрейф.

В эту ночь мореходы не спали. «Что сулит завтрашний день, — думал каждый. — Может быть, завтра мы будем свободными, а может быть, все сложится иначе?..»

Елена Петровна тоже не спала. Она отложила в сторону английский роман о морских приключениях, оставшийся после капитана Хейли, и задумалась. Индейцев она не боялась и была уверена, что вождь Ютрамаки отнесется к ней благожелательно. Вот только если мужчины затеют драку с индейцами, тогда в нее может попасть шальная пуля. О-о, с нее довольно приключений. До конца жизни она сможет рассказывать родным и знакомым о том, что произошло за эти ужасные месяцы... Только бы ей добраться до Москвы. Теперь-то она не согласилась бы ехать с мужем в эти далекие места ни за какие коврижки. Это не значит, что она стала меньше любить своего мужа. Вовсе нет. Однако есть предел, через который женщине трудно переступить.

Ночью Тимофей Федорович Слепцов зашил свою драгоценную тетрадь в подкладку суконной куртки. Там было записано все, что перенесли промышленные с галиота «Варфоломей и Варнава». Потом приказчик и Иван Степанович, уединившись в рулевую рубку, долго обсуждали, что надо сделать для освобождения от индейцев.

С рассветом туман стал редеть, расходиться.

— Вижу берег! — закричал вахтенный. — Вон там, смотрите!

Словно по мановению волшебной палочки, туман растаял. Показалось синее небо. Мореходы увидели близкие берега, величественную гору Святого Ильи с заснеженной вершиной. Открылись поросшие лесом прибрежные равнины. Здесь был залив Якутат.

Раздалась команда капитана, промышленные поставили паруса, бриг быстро приближался к хорошо заметному входу в залив. Он подходил все ближе к утесистому берегу. Вот он миновал восточный входной мыс. Индейцы вылезли из трюма и разглядывали открывшиеся берега. Палуба огласилась громким разговором и гортанными выкриками.

— Там селение тлинкитов, — показал вождь Ютрамаки. — Видишь, где стоят два высоких камня?

Круков молча кивнул.

Промышленные по приказу Слепцова внимательно следили за индейцами: мало ли что могло прийти им в голову? Но все обошлось благополучно.

Бриг повернул на темнеющий впереди каменный мыс. Не доходя двух верст до индейского селения, Иван Степанович спустил на воду для промера глубин шлюпку, и бриг медленно двигался вслед за нею. На расстоянии одной версты отдали якорь.

Не медля ни минуты, индейцы спустили на воду свои баты, погрузили в них подарки.

— Ты будешь нас ждать, — сказал Ютрамаки Слепцову. — Когда мы вернемся обратно на наш остров, я отпущу всех русских.

— Хорошо, хозяин, но сколько дней тебя ждать?

— Три дня. — Вождь Ютрамаки показал три пальца.

С песнями и радостными возгласами индейцы отвалили от борта.

Ночью пошел дождь. Крупные капли вразной забарабанили по палубе. На лужах вздувались пузыри. Дозорный индеец, не шевелясь, как истукан, сидел на люке трюма, не спуская глаз с поселка. Казалось, ему безразлично, что проливной дождь промочил насквозь новое синее одеяло, в которое он был завернут. Ружье индеец держал на коленях.

Два морехода, подобравшись сзади, опрокинули воина и мгновенно связали веревкой руки и ноги. Рот ему заткнули туго свернутой тряпкой. Он не успел даже вскрикнуть. Индеец приготовился к смерти и больше не сопротивлялся.

Оставив на палубе двух кадьякских женщин для наблюдения, мореходы спустились в трюм и по сигналу Слепцова набросились на спящих индейцев. Воины сдались не сразу. Началась свалка, но вскоре прекратилась. Индейцы, связанные по рукам и ногам, с тряпками во рту рядышком лежали на дне трюма. Они таращили черные глаза и старались выпихнуть языком кляп.

— Обе шлюпки на воду, — скомандовал Иван Степанович.

Мореходы спустили шлюпки. В каждой был приготовлен запас провианта и по два бочонка пресной воды. Не теряя времени, тронулись в путь. Не больше мили прошли, как послышался чей-то истошный крик:

— Корабль вижу, корабль!

Все увидели выходивший из-за крутого мыса двухмачтовый парусник.

— Ура! Наши! — закричали мореходы.

Все стали махать руками и шапками. На паруснике заметили мореходов, дали выстрел из пушки.

Когда парусник подошел ближе, промышленные увидели надпись. На борту было написано крупными буквами: «Ростислав».

На шканцах Слепцов различил человека небольшого роста с подозрной трубой. Он был одет в меховую парку.

— Кабыть, Александр Андреевич Баранов, — обрадованно сказал он. — Дайте трубку, командир. Он и есть... Ура, ребята!

Это был Баранов. Уж месяц прошел, как он покинул Ново-Архангельскую крепость.

Правитель обрадовался до чрезвычайности. Когда шлюпки подошли к «Ростиславу», а мореходы забрались на палубу, он обнял и расцеловал каждого.

— Спасибо вам, родные, ошастливили старика. А то все несчастья да несчастья — и поворачиваться не успеваю... И одетые, и сытые, видать... А корабль чей? — указал он на зеленый парусник. — Похоже, «Провидение».

— Аглицкой, — ответил Слепцов и в коротких словах рассказал о последних событиях.

— Немедленно правь к бригу, — распорядился Баранов. — Надо все с него снять, а парусник сжечь. Нам бриг после воровского дела не надобен, а индейцам оставить нельзя. Это же крепость плавучая... Потом поговорим подробно, а сейчас за работу.

«Ростислав» подошел к бригу и встал рядом, борт о борт. Не теряя времени, мореходы снимали пушки и переносили их на «Ростислав». Захватили ядра и оставшийся на баке порох. Из большого трюма взяли все товары до последнего гвоздя. Все было нужно Баранову. Взяли превосходный компас, секстан, веревочный лаг и лот. Взяли запасные паруса и сняли паруса с мачт.

Александр Андреевич ходил по палубе довольный, потирал руки, смеялся.

На «Ростиславе» вкусно запахло печеным хлебом.

Когда с брига все было взято, что можно было взять, и погружено на русскую галеру, Баранов велел накормить индейцев. Каждому по очереди вынимали кляп и предлагали пищу. Но индейцы, словно по уговору, отказывались от всего. Даже от воды.

— Положите пленных на бат и оставьте в море. Когда парусник будет гореть, индейцы увидят и приплывут. Тогда и развяжут своих. Пленные за свои скальпы боятся.

Жалко было мореходам губить прекрасное судно. Но приказ надо выполнять. Парусник подожгли в нескольких местах, и он запылал, как сухой костер.

В подзорную трубу Баранов увидел, как засуетились в селении индейцы.

— Вот ударить бы сейчас по колошским родам, — злорадно предложил Иван Степанович. — Пушки есть, порох тоже.

— Зачем, ваше благородие, — с неодобрением посмотрел на него правитель. — Разве колоши дурно к вам отнеслись, лихо какое сделали?.. Не согласен, напрасно их обижать не будем. Нам с ними жить вместе. Ну, с богом, пошли. Вдвигайте парус, ребята!

«Ростислав» развернулся и медленно набирал ход.

— К русской крепости правь, — распорядился Баранов и подозвал Слепцова. — Пойдем, расскажешь.

На своих приказчиков, грамотных и отважных, Александр Андреевич надеялся крепко. На приказчиках держались дела компании. Они находились рядом с командирами судов и правителями отделений главной конторы. Они вели счет промыслам, заведовали магазинами. Отвечали за расход компанейского добра. Из приказчиков назначались передовщики промысловых партий и начальники крепостей и редутов. Эти люди в большинстве своем были верными сынами России и, невзирая на суровые условия, работали не покладая рук.

— Горемыки вы, мои родненькие, — сказал Баранов, выслушав отчет Слепцова, и заплакал. — Разве деньгами оплатишь все страдания и адские труды ваши? — продолжал он, утирая слезы. — Не беспокойся, Тимофей Федорович, что на пай положено, все получите, так и промышленным скажи... А вот крепость новая меня тревожит. Отстроили мы ее заново, вооружили, кормов дали в запас, а начальника там нет. Без новой крепости жить нельзя,

колоши наши партии на Ситку не пустят.

— Так, Александр Андреевич.

— Понимаешь, значит. Вот я хочу тебя начальником назначить, пока человека подходящего не найду.

— Тяжко, Александр Андреевич, после плена очухаться не успел.

— Очухаешься в крепости. Пока ты здесь, я буду спокоен. Индейцы тебя выучили сторожким быть.

Слепцов молчал.

— Возьми еще две пушки, порох. Муки возьми и еще чего хочешь из аглицких запасов. Людей пятерых возьми по выбору.

— Через год отпустишь, Александр Андреевич?

— Отпущу, со мной будешь работать... Ну, согласен?

Баранов протянул старческую руку с кривыми от вечной сырости пальцами.

— Раз надо, назначай. — Слепцов крепко пожал руку.

Александр Андреевич обнял приказчика. Поуспокоившись, он сказал:

— Бог услышал мои молитвы, наказал агличан. Сколько раз говорил капитану Хейли: не продавай колошам порох и ружья! Не продавай. Тем паче пушек. Так нет, за бровые шкуры на все готов.

Баранов смотрел на американские земли и народы, их населяющие, как на собственность Русского государства, и как рачительный хозяин заботился о лучшем их устройстве.

— Я думаю, Тимофей Федорович, надо агличан и бостонцев приструнить. Их корабли в наших водах захватывать и промысел отбирать. Голыми руками того не сделаешь. Я просил господ акционеров прислать нам хотя бы два больших корабля с пушками и военной командой. Ежели пошлют, отучим нам на пятки наступать... А еще скажу: теперь я высокоблагородие.

Слепцов с удивлением посмотрел на правителя.

— Чего смотришь, словно баран на новые ворота? Удостоен государем императором.

— Ваше высокоблагородие, Александр Андреевич...

— Я не хочу, чтобы ты так меня называл. Но с господ офицеров я спрашиваю строго. — Баранов сжал сухонькие кулачки. — У нас худой год, в Ново-Архангельске два корабля офицеры утопили. И не знаю, то ли по промыслу божьему, то ли по пьянству. Скажи-ка, Тимофей Федорович, как штурман Круков себя показал?

— Как сказать, Александр Андреевич, штурман он хороший и не пьет вовсе, а к нашему делу не гож.

— Как так?

— Твердости в нем нет.

Тяжело груженный «Ростислав» подошел к новой крепости и отдал якорь. Приказчик Слепцов в шлюпке перебрался на берег и с присущей ему неугомонностью приступил к обязанностям начальника крепости и правителя всех компанейских дел в здешних местах.

Промышленные стали перевозить в крепость пушки, порох, ядра и все остальное, что необходимо для жизни людей.

Баранов остался один в своей каюте. После радостных, бурных встреч с вернувшимися из плена мореходами он почувствовал себя слабым, никому не нужным стариком, у которого все валится из рук, ускользает между пальцев.

«Но ведь я сделал не так уж мало для пользы отечества, — утешал себя правитель. — Прибыв в Америку, я принял в свое управление небольшую колонию русских на острове Кадьяк. Окрестные бобровые промыслы были истощены, а ведь от них зависело благополучие и проистекало богатство компании. Надо было двигаться дальше, на новые места, и я шел, не обращая внимания на трудности. А их было немало. От компании Лебедева — Ласточкина принял окрестности Кенайской губы и занял весь берег Чугачского залива, до устья Медной реки. Но и этого оказалось мало: бобры быстро исчезали. Двигаясь, дальше к юго-востоку, образовал поселок у горы Святого Ильи, потом в Якутате. Годами по разным причинам не получал помощи от компании и давно бы должен свернуть все дела и вернуться в Иркутск. Но я, как русский ванька-встанька, после неудач и поражений снова поднимался и начинал работать. Добывал корма для всех, кто работал в Америке на колонию, платил за меховой товар... Эх, сколько испорчено крови, сколько положено сил на добычу кормов, чтобы люди не померли с голоду! Люди болели, и не было лекаря. А я шел дальше, занял обширный остров Ситку с обильным бобровым промыслом и тем укрепил компанию... Основал при хорошей гавани Ново-Архангельский порт. Теперь Ново-Архангельск стал главным местом управления всеми колониями. Пространство российских владений от Кадьяка я увеличил к востоку на 550 миль. Только один бог знает, сколько трудов вложил я в каждую милю. Не раз я слышал из уст иноземцев и русских людей, что труд мой — пустая затея, что нет выгоды для России в занятии берегов Северо-Западной Америки: удержание их сопряжено со значительными издержками. Но если бы не Россия, то, наверное, Англия или Соединенные Штаты незамедлили давно бы занять сии берега, а уж они-то надеялись получить пользу и выгоды. Нет, верю я, что скоро расцветет в России купеческое мореплавание и суда, построенные купцами и ими управляемые, пойдут по всем морям. Вот тогда познают цену сих мест, на которые ныне столь мало обращают внимания».

Александр Андреевич тяжело вздохнул. Жизнь вечереет. Совсем еще недавно скорый на ногу, он с трудом поднялся с деревянного стула и открыл окно каюты.

Деревянная новая крепость перед глазами. Бревенчатые стены с бойницами и двухэтажный дом. На высоком шпиле русский трехцветный флаг. Несколько небольших хозяйственных строений... А вокруг на сотни миль пустынные берега и островки, покрытые хвойным лесом. И океан, густо населенный всякой живностью.

Александр Андреевич снова услышал несмолкаемый гул океана. Огромные темно-зеленые волны, наступавшие от юго-запада, с грохотом ломались о прибрежные скалы. Океан грозно звал к победам и новым завоеваниям. * * *

После описанных в романе событий русские владения в Америке просуществовали еще около шестидесяти лет. В 1867 году Аляска была продана, и 18 апреля русский флаг в Ново-Архангельске был спущен и поднят американский.

Какова же судьба некоторых героев, действовавших в романе?

Николай Петрович Резанов рано ушел из жизни. Он удачно завершил свою миссию в Калифорнии. Его романтическое и достойное уважения знакомство с дочерью испанского

коменданта Концепсией известно во всем мире. После возвращения из Сан-Франциско на «Юноне», нагруженной продовольственными товарами, он еще шесть месяцев провел во владениях Российско-Американской компании. В 1806 году Николай Петрович отправился из Охотска в Петербург сухопутьем через Сибирь. Не доехав до Красноярска, он умер. Похоронен в Красноярске. Его смерть разрушила многие планы компании.

Александр Андреевич Баранов провел безвыездно на Аляске двадцать восемь лет и, будучи в преклонном возрасте, захотел возвратиться на родину. 27 ноября 1818 года на корабле «Кутузов» Баранов отправился по морям и океанам в Петербург. Во время перехода Александр Андреевич заболел и, когда «Кутузов» шел Зондским проливом, внезапно скончался. Его похоронили по морскому обычаю, опустив в море вблизи острова Принцев. Никаких капиталов Баранов после себя не оставил.

Иван Федорович Крузенштерн после возвращения из кругосветного плавания быстро пошел в гору. Он успешно служил по Адмиралтейству, им написано несколько научных работ, составлены морские атласы. За 1809 — 1812 годы изданы его трехтомные записки о кругосветном плавании. С 1827 по 1842 год он был директором Морского кадетского корпуса, где заслужил уважение и добрую славу. Вышел в отставку в чине полного адмирала. Умер в 1846 году.

Юрий Федорович Лисянский был менее счастлив на морской службе. По возвращении из кругосветного плавания он был назначен командиром корабля и несколько лет прослужил в этой должности. Вышел в отставку в 1809 году в чине капитана 1 ранга. Он с трудом, за свой счет, издал превосходные записки о кругосветном плавании, где много места уделено описаниям Русской Аляски. Умер Ю. Ф. Лисянский в 1837 году.

Мало что известно о дальнейшей деятельности ученого московского купца Федора Шемелина. Он был главным приказчиком от компании во время кругосветного плавания. Вел дневник. В 1816 году в Петербурге издана его превосходная книга «Первое путешествие россиян вокруг земного шара».

Часть записок, где освещены события, разыгравшиеся на острове Нукигаве, не вошли в книгу. Рукопись, однако, целиком хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Мореход и землепроходец Тимофей Тараканов, человек незаурядный, приказчик Российско-Американской компании, выведен в романе под вымышленной фамилией Слепцова. Его воспоминания о кораблекрушении и плене у индейцев в отчасти использовал в книге. Тимофей Федорович в 1814 году еще раз побывает в плену у индейцев более южных широт и опять оставит для потомства интересные записки.

Наконец, Иван Александрович Кусков, ближайший соратник Баранова. В 1808 — 1819 годах он несколько раз совершал плавания в Калифорнию. В 1812 году им основана крепость на западном берегу Американского материка и земледельческое поселение Росс. Под его руководством русские промышляли зверя на всем калифорнийском берегу. Иван Александрович управлял поселением Росс до 1821 года, после чего возвратился к себе на родину в Тотьму, где и умер в 1823 году.

В материалах Российско-Американской компании, относящихся ко второму периоду работы правителя Баранова, автор обнаружил немало интересных событий, происходивших на Аляске и других местах. Но об этих событиях будет рассказано особо.

Примечания

1

Остров в Аляскинском заливе.

2

Промысловый рабочий компании.

3

Расположена на северном побережье Аляскинского залива.

4

Повелитель. Так звали индейцы Баранова.

5

Предполагается, что название «колоши» произошло от слова «колюшка», которым русские называли деревянную спицу, торчавшую в нижней губе индейских женщин.

6

Т л и н к и т а м и называли себя индейцы, обитающие в южной части Аляски.

7

Замечательный флотоводец Ушаков оказался превосходным политиком. Попытки английского адмирала Нельсона отвести русскому флоту в Средиземном море вспомогательную роль не увенчались успехом.

8

Купцы Соединенных Штатов Северной Америки.

9

Маленькая деревушка в десяток глиняных домиков, разбросанных по берегу залива, где расположен Севастополь.

10

Мария Федоровна была вторая жена Павла I.

11

Ф. Г о л о в к и н. Двор и царствование Павла I. Москва, 1912.

12

Б о б р о в ы м о р е м на картах описываемого времени называлось современное Берингово море.

13

Б а р а б о р а — жилище.

14

Из наставления Баранова приказчику Медведникову перед отъездом с острова Ситки от 19 апреля 1800 г .

15

У индейцев — общественное здание, существовавшее в каждом селении, что-то вроде мужского клуба; у русских — общежитие промышленных.

16

Русский посол в Лондоне.

17

Строительство английского флота было основано в значительной мере на русском корабельном лесе, пеньке, парусине, смоле, как и в царствование Ивана Грозного или царя Федора.

18

В Русской Америке американских поселенцев на восточном берегу называли республиканцами.

19

Замок был заложен 26 февраля 1797 года, строился по проекту зодчего В. И. Баженова. После смерти Баженова (1799) достраивался архитектором Бренна.

20

В начале XIX века военные корабли, как и гражданские, назывались с у д а м и.

21

Записки Саблукова о временах императора Павла I и кончине этого государя.

22

Записки Н. И. Греча. «Русский архив». 1873 год.

23

Грузовые суда.

24

Игрушки, или игрища, — увеселительные или обрядовые празднества.

25

В 1799 году здесь умерло больше сотни кадьякцев, отравившихся черными ракушками.

26

Вернее, метис. На Аляске русские звали крестами и детей от русского отца и туземной женщины.

27

Одежда, сшитая из кишок морского зверя. Обычно надевалась в дождливую погоду поверх меховой.

28

В Петербурге на содержание гвардейского солдата в день отпускалось казной пять копеек.

29

«...Его И. В. дозволил двум судам американской компании с действительным камергером Резановым, отправляющимся кругом света, употреблять по надобности военные флаги...»
Материалы для истории русского флота, часть XVII. Спб., 1904.

30

Описание событий на Нукигаве приведено в первоначальном тексте «Первого путешествия россиян вокруг света» Федора Шемелина, хранящемся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде.

31

Самый большой остров у группы Маркизских островов.

32

Из инструкции И. П. Резанову, утвержденной императором Александром 10 июля 1803 года. «Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел». Серия первая, 1801 — 1815, том I. Москва, Госполитиздат, 1960.

33

П. А. Т и х м е н е в. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Письма Н. П. Резанова. Спб., 1863.

34

Индейцы х а й д а обитали на островах Королевы Шарлотты и южной оконечности островов Принца Уэльского.

35

Д о л г о р у к о в — один из приближенных императора Александра, противник Адама Чарторыйского.

36

Описание самоубийства лейтенанта Головачева приведено в сочинении Федора Шемелина «Первое путешествие россиян вокруг земного шара». Спб., 1816.